

**ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ**

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

НЕМЕЦКАЯ,
ИСПАНСКАЯ,
ИТАЛЬЯНСКАЯ,
АНГЛИЙСКАЯ,
ЧЕШСКАЯ,
ПОЛЬСКАЯ,
СЕРБСКАЯ,
БОЛГАРСКАЯ
ЛИТЕРАТУРЫ

Составитель Б. И. ПУРИШЕВ

Москва «Просвещение» 1975

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

*Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия для студентов
филологических специальностей
педагогических институтов*

**ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ**

Москва «Просвещение» 1975

Пуришев Б. И.

- П 88 Зарубежная литература средних веков. Нем., исп., итал., англ., чеш., польск., серб., болг. литературы. Учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Сост. Б. И. Пуришев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1975. 399 с.

Каждый раздел книги снабжен краткой пояснительной статьей. Тексты пространно комментированы. В зависимости от объема и историко-литературной ценности произведения приводятся в хрестоматии полностью или в отрывках.

О Т СОСТАВИТЕЛЯ.

Подобно предшествующему выпуску «Хрестоматии по зарубежной литературе средних веков» (М., 1974), настоящий в основном повторяет издание 1953 г. В то же время он пополнен рядом новых текстов.

Так, тяжеловесный перевод «Песни о Нибелунгах» М. Кудряшова заменен более совершенным переводом Ю. Корнеева, перевод «Бедного Генриха» Гартмана фон Ауэ, выполненный в свое время Д. Минаевым, — переводом Л. Гинзбурга, а перевод «Песни о моем Сиде» Б. Ярхо дан в редакции Ю. Корнеева и А. Смирнова.

В новой поэтической редакции даны также песни трубадуров, переведенные Валентиной Дынкин. Появились впервые в томе и тексты, не входившие в предыдущие издания хрестоматии.

Например, пополнен раздел немецкой литературы «Поэзия раннего средневековья». Наряду с «Песней о Хильдебранте», заново переведенной Т. Сулиной, читатель найдет здесь в переводе того же автора «Песнь о Людвиге» и «Вессобрунскую молитву», ранее не переводившихся на русский язык.

Включены в книгу и отрывки из антифеодальной поэмы Вернера Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» в переводе Р. Френкель, которые дают представление о немецкой поэзии XIII века.

Заметно пополнен раздел, посвященный Данте Алигьери. Так, появившееся в 1968 г. в связи с трехсотлетием со дня рождения Данте Алигьери первое на русском языке Полное собрание сочинений великого итальянского поэта позволило заметно расширить раздел, посвященный его творчеству. Ряд стихотворений, написанных во Флоренции и в годы изгнания, дают представление об эволюции дантовской лирики. Отрывки из философского трактата «Пир» знакомят со взглядами Данте на итальянский язык, с его философско-эстетическими и социально-этическими представлениями.

В переводе И. Голенищева-Кутузова читатель прочтет отрывки из «Новой жизни» Данте.

В разделе, посвященном английской литературе, новыми являются отрывки из романа Т. Мэлори «Смерть Артура» в переводе И. Бернштейн, воспроизводящие трагические обстоятельства гибели легендарного короля.

В предшествующих изданиях хрестоматии не было также образцов шотландской поэзии XIV и XV вв., отрывков из патриотической поэмы Барбора «Брюс» и басни Генрисона о городской и полевой мышах (пер. Б. Колесникова).

К хрестоматии приложен список лучших русских переводов важнейших памятников зарубежной литературы средних веков.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем товарищам, предоставившим в мое распоряжение свои переводы.

Б. Пуришев.

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАКЛИНАНИЯ.

Приводимые ниже два заклинания записаны в X в. в одной рукописи богословских сочинений, принадлежавшей капитулу Мерзебургского собора. Сложены эти заклинания древним аллитерирующим ударным стихом: первое является заговором на удачное освобождение из плена, второе — на излечение от вывиха.

В одной трирской рукописи примерно в это же время записан христианизированный вариант второго заклинания, где Водан^а и Бальдер^б заменены Иисусом Христом и св. Стефаном. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, в основе заговора лежит латинское заклинание, возникшее в христианской среде и видоизмененное лишь при переходе к германцам.

ПЕРВОЕ МЕРЗЕБУРГСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ.

Древле сели девы^в семо и овамо^г.
Эти путы путали, те полки пятали,
Третьи перетерли твердые оковы.
Верви низвергни, вражых пут избегни.

ВТОРОЕ МЕРЗЕБУРГСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ.

Пфол^д и Водан выехали в роцу.
Тут Бальдеров жеребчик вывихнул бабку.

^а *Водан* (Вотан) — старший среди богов, бог бури и битвы, соответствует скандинавскому Одину.

^б *Бальдер* — бог весны, соответствует скандинавскому Бальдру.

^в *Девы*, по мнению некоторых исследователей, — валькирии, так как «пятали полки» (передвигать войска) свойственно именно этим женским божествам германского пантеона.

^г Здесь и там.

^д *Пфол* — одно из имен Бальдера.

Заклинала Синтгунт с Сунною-сестрицей^а;
 Заклинала Фрия^б с Фоллою-сестрицей^в;
 Заклинал и Водан; заговор он ведал
 От полома кости, от потока крови, от вывиха членов.
 Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью,
 К суставу сустав, как слепленный, пристань.

ПЕСНЬ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ.

«Песнь о Хильдебранде» — древнейшее произведение германской героической поэзии, единственный памятник немецкого эпоса в песенной форме. Героическое содержание древнегерманской поэзии, порожденной эпохой язычества, послужило причиной преследования ее со стороны католической церкви. В результате от богатого песенного творчества южных германских племен, образовавших позже немецкую нацию, сохранился лишь фрагмент «Песни о Хильдебранде», случайно уцелевший на страницах обложки трактата богословского содержания. Рукопись найдена в Фульде, она относится к началу IX в. и представляет собой копию более древнего оригинала, выполненную двумя не весьма искусными переписчиками. События «Песни о Хильдебранде», как и всего немецкого эпоса, относятся к бурной эпохе «великого переселения народов», когда германские племена вторглись в Италию и основали на обломках рухнувшей Римской империи свои первые варварские королевства. Историческая основа «Песни о Хильдебранде» — борьба основателя остготского государства в Италии Теодориха Великого (ок. 452—526 гг.), которого немецкий эпос воспекает под именем Дитриха Бернского, с Одоакром, низложившим в 476 г. последнего западноримского императора. Упомянутый в песне властитель гуннов — Аттила, их знаменитый предводитель (с 433 по 453 г.). В «Песни о Хильдебранде» искажены отношения между историческими персонажами и нарушена хронология, но произведение хранит дух той грозной эпохи. По «Песни о Хильдебранде» Отакр (Одоакр) изгоняет Дитриха. Вместе с Дитрихом уходит в изгнание предводитель его дружины Хильдебранд, покидая на родине жену и маленького сына. Они отправляются на восток и попадают к гуннам, поступая на службу к Аттиле. Такова предыстория событий, изображаемых в «Песни о Хильдебранде». Через 30 лет, проведенных на чужбине, Хильдебранд, богато награжденный властителем гуннов, появляется вновь у границ отечества, чтобы с помощью войска гуннов прогнать Одоакра и вернуть Дитриху его владения. По обычаю, сражению между войсками предшествует единоборство их лучших воинов. Так встречаются на поединке Хильдебранд и Хадубранд, бойцы враждебных ратей. Задав по старшин-

^а Синтгунт — богиня, сестра Сунны, богини солнца.

^б Фрия — богиня домашнего очага, соответствует скандинавской Фригг.

^в Фолла — в скандинавских источниках служанка Фригг.

ству первым вопрос о роде-племени, Хильдебранд узнает из ответа противника, что перед ним собственный сын. Тема битвы отца с сыном — широко распространенный у различных народов эпический сюжет. Своеобразие его разработки в «Песни о Хильдебранде» состоит в обострении драматизма ситуации. Трагична судьба Хадубранда, не узнавшего отца и не поверившего ему. Еще трагичнее фигура старого Хильдебранда, вынужденного сражаться с людьми своего народа. Решаясь на смертельный поединок с сыном, Хильдебранд должен порвать узы кровного родства. Он остается верен Дитриху, с которым его связывают обязанности приближенного.

Упражнения в бросании камня и метании дрота. Из мюнхенской рукописи «Романа о Тристане».

Таким образом, в «Песни о Хильдебранде» первый закон зарождающихся феодальных отношений — закон верности князю — вступает в резкий конфликт с моральными нормами общества, основанного на кровнородственных связях. Утверждая победу новой морали и показывая в то же время, в каком глубоком противоречии с человеческими чувствами находятся ее требования, «Песнь о Хильдебранде» отражает перспективу общественного развития в восприятии народных масс.

Эпический сюжет «Песни о Хильдебранде», образы героев, фаталистическая концепция судьбы, эпические мотивы и вся система художественных средств (традиционный зачин, богатство синонимии, умеренное применение вариаций, лаконизм языка, стремительное развитие сюжетного действия, движимого речами героев, преобладание диалогической формы над повествовательной, аллитерационный стих) делают «Песнь о Хильдебранде» образцом древнегерманской героической песни.

ПЕСНЬ О ХИЛЬДЕБРАНДЕ.

Я вести внимал, что поведала,
как витязи кликали клич:
на бой, в поединке сразиться,
вызывали друг друга они —
то Хильдебранд с Хадубрандом
меж войск повстречались своих.
Сын и отец осмотрели

доспехи свои, на чреслах
по кольцам кольчуги крепили
на поясе крепком мечи.
Снаряжались к сраженью герои,
пред полки поскакали они.
Хильдебранд речь повел первым,
старше годами и опытом мудр,
юношу он вопрошал:
«Какого ты племени роду,
кличешь отцом ты кого?»
Среди соплеменников славны
родичи, чаю, твои.
Имя одно назови мне,
скажу остальные я сам:
мне ведом народ сей, дитя».
Хадубранд речь повел, сын Хильдебранда:
«Мне мудрые старцы поведали,
что давние помнят дела:
Хильдебранд звался отец мой,
Хадубранд я зовусь.
Отправился он на Восток,
гнева Отахра бежал,
с Дитрихом и с дружиной.
В отечестве он покинул
жену и младенца-сына,
наследья лишенных^а, и прочь
к восточной земле устремился.
Нуждался в нем Дитрих древле,
бедный друзьями изгнанник,
к Отарху он гневом пылал.
Дитриха воин любимый
в битву водил дружину,
в сече всегда был первым,
славен меж храбрых мужей».
Хильдебранд молвил тут, сын Херибранда:
«Бог в небе свидетель, доселе
тебя не сводила судьба
с родичем, юноша, кровным,
более близким тебе».
Тут Хильдебранд снял с руки
ковки отменной запястье,
дар золотой, что пожаловал
гуннов властитель ему:
«Прими в знак приязни его».

^а По германским обычаям того времени, у беглеца отнимались его владения и все его достояние.

Хадубранд молвил тут, сын Хильдебранда:
«Копьем, острием к острию,
воин приемлет награду^а.
Старый гунн, твои речи лукавы,
копье твое смертью грозит.
Оттого до седин ты дожил,
что к обману и лести привык^б.
Люди бывалые вестъ
мне привезли из-за моря:
Хильдебранд в битве пал,
мертв Херибранда сын!
По кольчуге сверкающей вижу:
одеянье богато твое,
знать, хорошего князя ты воин
и изгнанником вряд ли слывешь».
Хильдебранд молвил тут, сын Херибранда:
«Боже всеильный, поистине злая
ныне вершится судьба:
тридцать лет я в земле
чужедальней скитался,
бился в первых рядах
и метал я копье
с той поры, как дружинником стал,
но у стен крепостных не единожды
не был в битве кровавой сражен.
Ну, а ныне родимое чадо
пронзит мне кольчугу железом,
изрубит меня секирой,
или сам его стану убийцей.
Ты же сможешь, однако,
коль силы достало,
старца доспехи добыть,
павшего панцирь получить,
коли право свое утвердишь»^в.
.
.
.
«Тот презреннейший трус
из восточных земель,
кто от битвы теперь уклонится»^г.

^а Такой воинский обычай действительно существовал: традиционный дар — золотое кольцо — подносился и принимался на острие копья.

^б Хадубранд опасается коварной уловки: когда он спешится и протянет руку за подарком, старик пронзит его своим копьем.

^в Оружие, доспехи, конь и драгоценности побежденного были законной добычей победителя.

^г По свидетельствам хронистов, подобное оскорбление неминуемо влекло за собой поединок или выплату денежной компенсации. Это правило внесено в свод законов короля лангобардов Ротара (эдикт 643).

«Не избегнуть сраженья,
 что любо тебе.
 Испытаем, который из нас
 похвалиться добычею сможет,
 снимет латы и поле покинет,
 оружием двоих нагружен».
 Прежде дротики с силой метнули,
 те вонзились, застряли в щитах.
 Тут сошлись, зазвенело железо.
 Вот щиты их изрублены светлые
 и сломлено древко копья...

ПЕСНЬ О ЛЮДВИГЕ.

«Песнь о Людвиге» (рукопись IX в.) написана рифмованным стихом (причем рифмуется конец первого и второго полустишия длинной строки) на рейнско-франкском диалекте по случаю победы Людовика III над норманнами 3 августа 881 г. Она представляет собой сплав духовного стиха и эпической песни, будучи создана в стиле фольклорной традиции, по образцу не сохранившихся хвалебных песен, о которых до нас дошли лишь исторические и литературные свидетельства.

«Песнь о Людвиге» написана по горячим следам исторического события: воздавая хвалу Людвигу, автор желает ему многие лета, в то время как уже через год после битвы при Сокуре молодой король умер, по всей вероятности, от ран, полученных в сражении. Нашествие норманнов, о котором идет речь в «Песни», было обычным набегом викингов, а сражение — основная ее тема — небольшим столкновением, победа в котором не положила конца пиратским походам скандинавов в прибрежные области Германии. Став темой «Песни», битва при Сокуре изображается гиперболизированно, средствами эпической стилизации. Это жаркая схватка, в которой франки проявляют отменную храбрость, боевое воодушевление и другие воинские доблести. На их стороне бог, он помогает франкам одержать победу над язычниками. Художественная функция придания Людвигу черт христианина состоит в создании героической идеализации. Отсутствие трагической коллизии в песне приводит к исчезновению драматизма повествования, что отражается на композиции произведения: резко уменьшается доля диалога по сравнению с героической песнью. Трагический драматизм поэзии периода крушения родового строя («Песнь о Хильдебранде») сменялся историческим оптимизмом побеждавшей государственности в «Песни о Людвиге». Вместо концентрации драматической напряженности «Песни о Хильдебранде» всей системой композиционных и стилистических средств, структурой фразы «Песни о Людвиге» достигается настроение победной бодрости, впечатление ясной четкости, легкости. Немало способствует мажорному звучанию песни замещающая аллитерационного стиха конечной рифмой.

ПЕСНЬ О ЛЮДВИГЕ.

Короля довелось мне знать, которого Людвигом звать.	Вдали и король, и дружина, лишилась страна господина.
В служенье он богу усерден, за то к нему бог милосерден.	Прогневался бог, и тогда пришла к ним лихая беда.
Сиротой во младенчестве был, отца ему бог заменил.	Но бог их страданья узрел, и Людвигу он повелел
Господь за лишенья воздал и отрока сам воспитал.	В отчизну немедля скакать, от недруга землю спасать:
Дружину дал Людвигу он, у франков он дал ему трон.	«Король мой, послушай меня! Седлай сей же час ты коня!
Продлится пусть многие лета правление славное это!	Ты людям моим помоги: теснят их норманны-враги».
С Карлеманом тотчас поделил он все, чем господь одарил.	Ответствует Людвиг ему: «Так быть же, господь, посему!
Несть благам числа, что они с братом вкушали в те дни.	Исполню, что ты повелел, коль жив я останусь и цел».
Конец ему вскоре настал: господь испытать пожелал,	И Людвиг послушен был богу, к франкам избрал он дорогу.
Сможет ли бремя невзгоды снести он в столь юные годы.	Он знамя берет боевое, готовится с ворогом к бою.
Послал он язычников рать, чтоб франков народ покарать,	Хвалу они богу воздали, когда короля увидали.
Коль франки погрязли в грехах, забыли пред господом страх.	Вскричали тут все, как один: «Нужда нам в тебе, господин!»
Кто душу свою загубил, теперь о спасенье молил.	Тут добрый король им сказал: «Конец вашим бедам настал.
Кто в мире несправедно жил, тот кару теперь заслужил.	Утешьтесь, соратники, други! Минуют все ваши недуги.
Распутничал в жизни земной, был вор и насильник иной.	Все горести ведомы богу, меня он послал на подмогу,
Но ныне раскаялся тать, на всех спизовла благодать.	И если на то ваша воля, чтоб бился на бранном я поле,

Чтоб я живота не падал, от врага вас защитил,	И Kyrie eleison ^a едино запела с ним вместе дружина.
Последуйте все вы за мной, как богу угодно, на бой!	Лишь песня у них отзвучала, как битве тут было начало.
Срок жизни своей не продлить, но можно его сократить,	Щеки их кровью пылали — франки со смертью играли.
Наш жребий в земной нашей доле зависит от божеской воли.	Каждый геройски сражался, но Людвиг среди всех отличался.
Коль гибель в бою суждена, ниспослана богом она.	Бился он лихо и смело, ратным умением владел он.
И если кто храбро и смело исполнит здесь божие дело,	Иного разит он мечом, иного валит он копьем.
Воротится здоров, невредим с брани он к чадам своим	Норманну вино подносил, враг горькую чашу испил.
И будет еще награжден за подвиги ратные он».	Будь славна, господняя воля! Людвиг с победой на поле.
Тут меч свой подымлет и щит, вперед он отважно спешит.	Слава будь днесь всем святым! Победа осталась за ним.
Людвиг с врагом не боится за правое дело сразиться.	Хвалу тебе, Людвиг, пою! Удачлив король наш в бою.
И срок лишь недолгий прошел, как Людвиг норманнов нашел.	Коль франкам нужда в нем придет, готов защитить он народ.
Тут богу хвалу он воздал, что скоро врага повстречал.	Храни своей милостью, боже, за это
И скачет он смело вперед и песню святую поет,	Нам Людвига славного многие лета!

ВЕССОБРУНСКАЯ МОЛИТВА.

«Вессобрунская молитва» (рукопись последней трети VIII в. или начала IX в.) обращает на себя внимание сходством с эддической песней мифологического цикла «Прорицание вёльвы», рисующей космогоническую картину: изначальное состояние мира. Духовная литература раннего сред-

^a *Kyrie eleison* — Господи помилуй! (гrec.)

невековья приобрела своеобразные черты, отражая переосмысление христианства в духе мифологических представлений. Она представляет собой смесь христианской дидактики с элементами народной поэзии. В палитре безымянных мастеров слова есть краски, исчезнувшие в последующие столетия средневековья.

В первой части стихотворения, условно названного «Вессобрунской молитвой», перечисляются части окружающего мира, притом традиционные для языческого культа (земля и небо, солнце, луна и звезды), а также картины родной природы: лес, горы и прекрасное море. Здесь царит настроение радости познания и восприятия зримого мира. Вводная формула представляет собой традиционный эпический зачин. Не из церковных книг узнал безымянный автор «Вессобрунской молитвы» древнюю историю земли, ему поведали это мудрые люди.

Всей своей гармонией и поэтичностью стихотворение обязано традиционным художественным приемам народной поэзии.

ВЕССОБРУНСКАЯ МОЛИТВА.

Весть мне поведали люди,
дивную мудрость великую:
что не было древле земли,
ни выси небесной, ни древа,
ни гор, ни звезды,
велелепного моря,
и солнце еще не сияло,
луна не светила допреж...

Когда было ничто
без конца и без краю,
был лишь только
господь всемогущий.
И с господом вкупе
ангелы славные
встарь пребывали.
И бог наш святой...

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС.

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ.

«Песнь о Нибелунгах» (около 1200 г.) — крупнейший памятник немецкого народного героического эпоса. Сохранившиеся 33 рукописи представляют текст в трех редакциях: «А» — самой сжатой, «В» и «С» — самой распространенной. Это расхождение редакций вызвало в свое время спор между исследователями о наиболее древней редакции. Известный немецкий филолог К. Лахман (1793—1851) отстаивал наибольшую достоверность «А». Новейшие исследователи высказались за наибольшую близость «В» к прототипу. С редакции «В» сделан и русский перевод.

В основе «Песни о Нибелунгах» лежат древние германские сказания, восходящие к событиям периода варварских нашествий (см. «Сагу о Волсунгах». — В кн.: Зарубежная литература средних веков. Сост. Б. И. Пури-

шев. М., 1974). Исторической основой поэмы является гибель Бургундского царства, разрушенного в 437 г. гуннами. В поэме, сложившейся около 1200 г., эти события получают новое осмысление, да и весь бытовой колорит «Песни» в гораздо большей мере связан с феодально-рыцарской Германией XII в., чем с жизнью варварских племен V в. Рыцарские обычаи, как это изображается в поэме, царят при дворе бургундских королей. В облике юного рыцаря выступает храбрый и великодушный Зигфрид, полюбивший прекрасную Кримхильду по слухам о ее красоте. Поэт не упускает случая сообщить о пышных рыцарских празднествах и забавах, о рыцарском придворном вежестве, о роскошных нарядах дам и т. п.

При всем том блестящие картины рыцарского быта — это только внешняя сторона «Песни». Под этой блестящей оболочкой таятся события, исполненные глубокого трагизма. Трагична судьба «молодого героя» Зигфрида, который становится жертвой «подлого предательства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 65). Трагична судьба Кримхильды, счастье которой грубо разрушают Гунтер, Брюнхильда и Хаген. Трагична судьба бургундских королей, погибающих на чужбине, а также ряда других персонажей поэмы. Цепь кровавых событий начинается с гибели Зигфрида, который падает жертвой феодального самоуправства, не брезгающего никакими средствами. Характерно, что подлое убийство совершает Хаген фон Тронье — преданный вассал бургундских королей, не преследующий в данном случае никаких личных целей. Он только выполняет долг вассала. В «Песни о Нибелунгах» мы находим правдивую картину злодеяний феодального мира, предстающего перед читателем как некое мрачное разрушительное начало, а также осуждение этих столь обычных для феодализма злодеяний. И в этом прежде всего проявляется народность немецкой поэмы, тесно связанной с традициями немецкого былевого эпоса. В поэме выступает ряд персонажей (Хаген, Дитрих Бернский, Хильдебранд, Этцель), известных нам по другим средневековым героическим поэмам.

С народным героическим эпосом связывают «Песнь о Нибелунгах» также и могучие монументальные образы, которыми так восхищался Г. Гейне. В то же время как в языке (наличие галлицизмов), так и в поэтической форме уже сказываются веяния куртуазно-рыцарского периода. Поэма сложена не древним аллитерирующим стихом, а строфами из четырех стихов, рифмующихся попарно; каждый стих распадается на два полустишия, первое из которых всегда четырехударно со спондеическим (двухударным) исходом, второе же имеет три ударения в трех первых стихах и четыре — в четвертом. Подобная строфа встречается у ранних миннезингеров (см. ниже, лирику Кюренбергера).

А в е н т ю р а I.

- ¹ Полны чудес сказанья давно минувших дней
 Про громкие деянья былых богатырей.
 Про их пиры, забавы, несчастья и горе
 И распри их кровавые услышите вы вскоре.

- 2 Жила в земле бургундов девица юных лет.
Знатней ее и краше еще не видел свет.
Звалась она Кримхильдой и так была мила,
Что многих красота ее на гибель обрекла.
- 3 Любить ее всем сердцем охотно б каждый стал.
Кто раз ее увидел, тот лишь о ней мечтал.
Наделена высокой и чистою душой,
Примером быть она могла для женщины любой.
- 4 Возрастала под защитой трех королей она.
Бойцов смелей не знала бургундская страна.
То были Гунтер, Гернот, млад Гизельхер удалый.
Сестру от всех опасностей любовь их ограждала.
- 5 Всем взяли — и отвагой, и щедростью — они,
И род их достославный был знатен искони.
Владели эти братья Бургундией втроем,
И многих гуннов Этцеля сразил их меч потом.
- 6 На Рейне в Вормсе жили с дружиной короли,
И верность нерушимо вассалы их блюли:
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам.
- 7 Была в крещение Утой их мать наречена.
Отец их Данкрат умер, и перешла страна
По праву и закону под власть его сынов.
А смолоду он тоже был грозою для врагов.
.
- 13 И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,
Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,
Но был двумя орлами заклеван перед нею.
Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее.
- 14 Про сон свой вещий Уте поведала девица,
И мать ей объяснила, какой в нем смысл таится:
«Тот сокол — славный витязь. Пусть бог хранит его,
Чтоб у тебя не отняли супруга твоего».
- 15 «Нет, матушка, не надо о муже толковать.
Хочу, любви не зная, я век провековать.
Уж лучше одинокой до самой смерти жить,
Чем, потеряв любимого, потом о нем тужить».

- 16 «Не зарекайся, дочка, — так Ута ей в ответ. —
Без милого супруга на свете счастья нет.
Познать любовь, Кримхильда, придет и твой черед,
Коль витязя пригожего господь тебе пошлет».
- 17 Сказала королева: «Нет, госпожа моя,
Любви конец плачевный не раз видала я.
Коль платится страданьем за счастье человек,
Ни с кем себя венчанием я не свяжу вовек».
- 18 И вот, любви чуждаясь, прекрасна и юна,
Покоем наслаждаясь, жила она одна
И сердце не дарила ни одному бойцу,
Покуда витязь доблестный с ней не пошел к венцу.

То был тот самый сокол, что снился ей во сне.
И страшно отомстила она потом родне,
Кем у нее был отнят супруг и господин:
Погибли многие за то, что принял смерть один.

(О красоте Кримхильды прослышал молодой витязь — королевич нидерландский Зигфрид — и приехал ко двору Гунтера (авентюры II и III). Гунтер принимает радушно Зигфрида; прожив при дворе его год, последний принимает участие в походе против короля саксов, объявившего Гунтеру войну; IV авентюра повествует о том, «как он бился с саксами» и, одержав победу, вернулся в Вормс, где его удерживает любовь к еще не виданной им Кримхильде.)

А в е н т ю р а V.

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ КРИМХИЛЬДУ.

- 271 В день троицын, с зарею, сошлись со всех концов
На берег Рейна толпы приезжих удалцов.
Собралось их пять тысяч иль более того,
На шумное, нарядное, честное торжество.
- 272 Разумен был хозяин: давно заметил он,
Что нидерландский витязь в его сестру влюблен,
Хотя еще ни разу не видел Зигфрид той,
Что затмевала всех девиц своею красотой.
- 273 Неустршимый Ортвин дал королю совет:
«Чтоб удался ваш праздник и было все как след,
Велите, пусть немедля пожалуют сюда
Красавицы, чьей прелестью Бургундия горда.

- 274 Отрады нет мужчине и скукой он томим,
Когда прекрасных женщин не видно рядом с ним.
Дозвольте и сестрице с гостями сесть за стол.
В восторг немало витязей такой совет привел.
- 275 Ответил славный Гунтер: «Я так и поступлю».
Признательны все были за это королю.
Он приказал, чтоб Ута и с ней сестра его,
Равно как все их женщины, пришли на торжество.
- 276 Подоставали дамы из скрын и кладовых
Немало пышных платьев, уборов дорогих,
Запястья, серьги, кольца надевали все —
Пусть витязи приезжие дивятся их красе.
- 277 А юноши — те тоже мечтали, осмелев,
Привлечь к себе внимание бургундских знатных дев,
Которых не случалось им видеть до сих пор.
Трон отдал бы любой из них за нежный женский взор.
- 278 Сто родичей приставил король к сестре своей,
Чтоб стражею почетной они служили ей.
Вкруг юной королевны с мечами шли они,
Как у владык Бургундии ведется искони.
- 279 В то утро дочку Ута на пир сопровождала,
И следовало с нею придворных дам немало —
Сто или даже больше — в одежде дорогой.
Не меньше шло и девушек с Кримхильдой молодой.
- 280 Едва они успели с крыльца во двор сойти,
Как выстроились гости стеной вдоль их пути:
Любой воитель тешил себя надеждой сладкой,
Что сможет на красавицу взглянуть хотя б украдкой.
- 281 Как луч зари багряной из мрачных облаков,
Предстала королевна пред взором смельчаков,
И все свои печали забыл мгновенно тот,
Кто по прекрасной девушке томился целый год.
- 282 Камнем драгоценным наряд ее сверкал,
А лик, как роза утром, был нежен, свеж и ал.
Когда б ей повстречался хулитель самый злобный,
И тот изъяна б не пашел в красавице подобной.

- 283 Как меркнут звезды ночью в сиянии луны,
Когда она на землю взирает с вышины,
Так дева затмевала толпу своих подруг,
Не диво, что у всех мужчин забилося сердце вдруг.
- 284 Шла пред Кримхильдой стража, ей расчищая путь,
А витязи теснились, чтоб только как-нибудь
Увидеть ту, чья прелесть слепила все глаза.
Взор Зигфрида туманили то счастье, то слеза.
- 285 Он сокрушенно думал: «Напрасные мечты!
Меня своей любовью не осчастливишь ты,
А без тебя в могилу сведет меня тоска.
То в жар, то в дрожь от этих дум бросало смельчака.
- 286 У Зигмунда на диво пригожий сын возрос.
Казался он картиной, которую нанес
Художник на пергамент искусною рукой.
Мир не видал еще красы и статности такой.
- 287 Учтиво оттесняла толпу с дороги стража,
И гости расступались, не возмущаясь даже:
Такой восторг и радость в сердца бойцов лихих
Вселяла поступь чинная красавиц молодых.
- 288 Возвысил голос Гернот: «Мой господин и брат,
Здесь тот, кто всей душою вам услужить был рад,
И вы при всех за это должны воздать ему.
Вот мой совет, и слов своих назад я не возьму.
- 289 Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится.
Подобная учтивость сторицей возместится.
Такую честь впервые сестра бойцу окажет,
И нас со славным витязем навеки дружба свяжет».
- 290 За нидерландцем Гунтер послал своих людей,
И был отыскан ими герой в толпе гостей.
«Ступайте к государю — перед лицом двора
Сегодня вас приветствием почтит его сестра».
- 291 Возрадовался Зигфрид, услышав эту весть.
Теперь он был не скорбью, а счастьем полон весь
При мысли, что Кримхильда с ним говорить должна.
Приветствовала дружески воителя она.

- 292 Когда предстал пред нею прославленный смельчак,
Дочь Уты, вся зардевшись, ему сказала так:
«Неустрашимый Зигфрид, примите мой привет».
И духом богатырь воспрял, надеждою согрет.
- 293 Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу, и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.
- 294 Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой.
Но не могу поверить, что скрыть ей удалось .
Любовь, которую в нее вселил отважный гость.
- 295 Ни ярким летним утром, ни в светлый день весенний
Не испытал воитель столь сладостных волнений,
Как в миг, когда бок о бок шел с тою наконец,
Кого с такой охотою повел бы под венец.
- 296 И каждый витязь думал: «Я был бы счастлив тоже
Пройтись с Кримхильдой рядом иль разделить с ней ложе».
Но в жизни не сумел бы никто среди гостей
Служить учтивей Зигфрида владычице своей.
- 297 Дружинники простые и гордые князья,
Все на чету смотрели, дыханье затая.
Поцеловать героя велел сестре король^а,
И тут еще счастливее стал гость, чем был дотоль.
- 298 Увидев это, молвил в сердцах король датчан:
«Привет Кримхильды куплен ценою многих ран —
Нанес их Зигфрид в сече мне и бойцам моим.
Не приведи нас бог опять войну затеять с ним».
- 299 Вновь королевне стража очистила дорогу.
Направилась Кримхильда в собор молиться богу,
А с нею и вельможи, и много знатных дам,
Но разлучен был с девушкой герой при входе в храм.
- 300 Торжественно и чинно за нею свита шла,
И так была Кримхильда нарядна и мила,

^а Речь идет о «поцелуйном обряде» как выражении особого уважения: по указанию домовладыки дочери и жена его приветствовали поцелуем особо почетных гостей.

Что всех мужчин при виде подобной красоты
Тревожили напрасные, но сладкие мечты.

- 301 Всю службу нетерпенье терзало удальца,
Хоть и благословлял он свой жребий без конца
За то, что благосклонность и нежность прочитал
Во взоре и пожатье той, о ком весь год мечтал.
- 302 В конце обедни первым покинул церковь он
И был, дождавшись девы, к ней снова подведен.
Вот тут героя стала Кримхильда в первый раз
Благодарить за то, что он бургундов в битве спас^а.
- 303 Красавица сказала: «Пусть по заслугам вам
Воздаст господь за храбрость и преданность друзьям,
А мы вас будем, Зигфрид, всегда любить душевно».
И нидерландец с нежностью взглянул на королевну.
- 304 Он пламенно воскликнул: «Слугой везде и всюду
Я вплоть до самой смерти вам, госпожа, пребуду.
Что б вы ни приказали, свершить готов и рад
Я все для той, чьи милости мне слаще всех наград».
-

Авентюра VI.

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПОЕХАЛ В ИСЛАНДИЮ ЗА БРЮНХИЛЬДОЙ.

- 325 Молва распространяла в прирейнских странах весть,—
А в странах тех немало девиц пригожих есть,—
Что хочет славный Гунтер обзавестись женой.
Король и впрямь любовь питал к красавице одной.
- 326 Царила королева на острове морском,
Была она впрекрасна и телом, и лицом,
Но женщины сильнее не видел мир досель,
Она могла, метнув копьё, насквозь пробить им цель.
- 327 И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.
В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
Но, проиграв хотя б одно, он головы лишался.
- 328 Вот так она сгубила немало удалцов.
Узнали и на Рейне о ней в конце концов.

^а Т. е. в битве с саксами.

И славный вормский витязь о деде возмечтал.
Союз их брачный роковым потом для многих стал.

329 Сказал правитель рейнский: «Я отправляюсь в путь
И счастья попытаю, а там уж будь что будь:
Иль за морем Брюнхильду добуду в жены я,
Иль скатится до времени с плеч голова моя».

330 Возвысил голос Зигфрид: «Вам уезжать не след.
Все знают, сколь жестокий Брюнхильдой дан обет.
Нет, голову не стоит терять из-за нее,
Оставить вам разумнее намеренье свое».

331 «Коль ехать,— молвил Хаген,— и вправду вам охота,
Просите, чтобы с вами опасность и заботы
Неустрашимый Зигфрид по дружбе разделил.
Ведь он обычай и нрав Брюнхильды изучил»¹.

332 Король воскликнул: «Зигфрид, надеюсь, ты не прочь
Отправиться со мною и в сватовстве помочь?
Коль за морем Брюнхильду добыть удастся нам,
Я за тебя — лишь пожелаю — и жизнь, и честь отдам».

333 Сын Зигмунда ответил: «Тебе помочь я рад
И от тебя за службу не попрошу наград,
Коль ты готов мне в жены отдать сестру свою.
Уже давно я к ней любовь в душе своей таю».

334 «Готов,— уверил Гунтер,— и в том тебе клянусь.
Коль я, добыв Брюнхильду, в Бургундию вернусь,
С Кримхильдой в брак ты вступишь, разделишь с нею ложе
И будешь жить да поживать с супругою пригожей».

335 Герои дали клятву, что слово соблюдут.
Их ждал в стране заморской безмерно тяжкий труд.
Немало пережили они опасных дней,
Пока с Брюнхильдой сладили и в Вормс вернулись с ней.

(Окончив сборы, бойцы сели на корабль и поплыли вниз по Рейну; при этом Зигфрид уговорил всех выдавать его за вассала Гунтера. Скоро прибыли они в прекрасный замок Брюнхильды. Неприветливо, однако, встретила Брюнхильда гостей.)

Авентюра VII.

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ДОБЫЛ БРЮНХИЛЬДУ.

- 419 ...Теперь я, правды ради, поведаю сполна,
Что Зигфрида увидев, промолвила она:
«Приветствую вас, Зигфрид, в моем родном краю.
Зачем пожаловали вы в Исландию мою?»
- 420 «Передо мною первым такую речь держа,
Ко мне не по заслугам добры вы, госпожа,
Мой господин — пред вами, и вам при нем не след
К его вассалу скромному свой обращать привет.
- 421 Он уроженец Рейна, но бросил край родной,
Чтоб за морем Брюнхильду назвать своей женой.
В намерении этом он непоколебим.
Подумайте, разумно ли вам состязаться с ним.
- 422 Он Гунтером зовется, король могучий он.
Одной любовью только сюда он приведен.
Что мне еще добавить? Я здесь лишь потому,
Что в путь угодно было взять меня с собой ему».
- 423 Она в ответ: «Коль скоро ты лишь простой вассал
И господин твой вправду моей любви взалкал,
В трех состязаньях должен он победить меня,
А проиграет — вас казнят до истечения дня».
- 424 Владелец Тронье молвил: «Нам, госпожа, ответьте,
В чем будут заключаться три состязанья эти.
Ужель они и вправду столь трудны могут быть,
Что мой король откажется от мысли вас добыть?»
- 425 «Он бросить должен камень, догнать его прыжком,
Затмить меня в уменье цель поражать копьем.
С решеньем не спешите, — добавила она, —
Не то вас ждет бесчестие и смерть вам суждена».
- 426 Отвел отважный Зигфрид в сторонку короля,
Его не падать духом вполголоса моля:
«Спокойствие храните и будьте посмелей.
Ручаюсь вам, что хитростью возьму я верх над ней».
- 427 Сказал державный Гунтер: «На все пойти я рад.
Пусть будут состязанья труднее во сто крат,
Без колебаний жизнью я, госпожа, рискну,
Коль эту цену могу в вас обрести жену».

- 428 Увидев, что на гостя ей страху не нагнать,
Брюнхильда состязанья решила начинать
И свите приказала, пусть та ей поспешит
Дать панцирь раззолоченный и добрый звонкий щит.
- 429 Под панцирь королевой надет подлатник был.
Ничей клинок ни разу его не прорубил.
Пошли на тот подлатник ливийские шелка,
И золотом распила их искусная рука.
- 430 Смутила гордость девы гостей отважных дух.
Был Хаген нем и мрачен, взор Данкварта потух.
Что станет с государем? Как Гунтера спасти?
«Домой, — так оба думали, — нам нет уже пути».
- 431 Меж тем на берег Зигфрид отправился тайком.
Там их корабль качался, колеблем ветерком.
Плащ-невидимку витязь из тайника достал,
Надел его и в тот же миг незрим для глаза стал.
- 432 Вернувшись спешно в замок, увидел удалец,
Что все для состязанья готово наконец,
Через толпу прокрался и подошел к друзьям,
По-прежнему невидимый тем, кто собрался там.
- 433 Был круг для игр очерчен, а за его чертою
Семьсот исландцев встали железною стеною.
Звенели их доспехи, оружие блестело.
За состязаньем наблюдать им госпожа велела.
- 434 Вступила в круг Брюнхильда, но вооружена
Была скорей для боя, чем для игры она.
Сияло золотое, блестящее шитье
На пышном платье шелковом, надетом на нее.
.
- 440 Затем велела дева копьё себе подать.
Она его умела без промаха кидать.
Огромно было древко тяжелого копьё
И остры наконечника каленые края.
- 441 На то копьё железа истратили немало —
Четыре с половиной четверика металла.
Три воина Брюнхильды несли его с трудом,
И горько пожалел король о сватовстве своем.

- 442 Державный Гунтер думал: «Да что же здесь творится? ·
Сам черт живым не выйдет из рук такой девицы.
И окажись я чудом в Бургундии моей,
Поостерегся б докучать я вновь любовью ей».
· · · · ·
- 449 Безмерной силой дева была наделена.
Внести металлический камень велела в круг она,
А этот тяжкий камень размером был таков,
Что подняли его с трудом двенадцать смельчаков.
- 450 Вслед за копьём метала она его всегда.
Почуяли бургунды, что им грозит беда.
«Вот горе! — молвил Хаген. — Король влюбился зря!
В мужья ей нужно дьявола, а не богатыря».
- 451 Проворно засучила Брюнхильда рукава
И щит на левый локоть повесила сперва,
Затем рукою белой схватилась за копьё.
Испуг король почувствовал, увидев прыть ее.
- 452 Бой начался, и Гунтер простился б с головою,
Когда бы друга Зигфрид не подменил собою.
Он за плечо бургунда украдкой тронул вдруг
И этим пуще прежнего привел его в испуг.
- 453 «Да кто ж это коснулся оплечья моего?» —
Подумал муж отважный, не видя никого.
И тут услышал шепот: «Мой друг, воспрянь душой!
Я — Зигфрид, и с Брюнхильдой мы выиграем бой».
- 454 На локоть незаметно повесь мне щит свой прочный
И повторяй за мною мои движенья точно.
Ты только притворяйся — все сделаю я сам».
Король, душою вновь воспряв, внимал его словам.
- 455 «Коль никому не скажешь ты о моем обмане,
Ты избежишь бесчестья, которому заране
Обречь тебя сегодня воительница мнит.
Смотри, какой уверенный у королевы вид!»
- 456 Тут дева-богатырша копьё метнула в цель.
Столь страшного удара в сражениях досель
Могучий сын Зиглинды не отбивал щитом.
Из стали искры брызнули и вверх взвились столбом.

- 457 Конец копья каленый сквозь щит прошел, звеня,
И грянул в прочный панцирь, исторгнув сноп огня.
Толчок поверг бы наземь воителей лихих,
Но спас от верной гибели плащ-невидимка их.
- 458 Кровь хлынула струею из Зигфридова рта.
Отпрыгнул нидерландец и вырвал из щита
Застрявшее в навершье Брюнхильдино копьё,
Чтоб отплатить противнице оружием ее.
- 459 Но жалость к королеве вдруг овладела им,
И он копьё направил вперед концом тупым,
С такою силой древко в исландку он метнул,
Что издала ее броня протяжный звонкий гул.
- 460 Столбом взметнулись искры, сверкнула сталь, как жар,
И ощутила дева чудовищный удар.
На землю им Брюнхильду сын Зигмунда свадил:
У Гунтера для этого недоставало сил.
- 461 Вскричала королева, вскочив с земли сырой:
«Спасибо, Гунтер знатный, вам за удар лихой!»
Она ведь полагала, что с нею бьется он.
Нет, ей другим, кто посильней, удар был нанесен.
- 462 Затем огромный камень, лежавший рядом с ней,
Взметнула богатырша над головой своей
И вдаль его швырнула, придя в великий гнев,
И прыгнула вослед ему, кольчугой зазвенев.
- 463 В двенадцати саженьях упал он на песок,
Но королеву дальше уже унес прыжок.
Тогда за камень Гунтер схватился для того,
Чтоб все подумали, что сам он и метнул его.
- 464 Был витязь нидерландский высок, силен и смел.
Он бросить камень дальше, чем девушка, сумел
И обогнал в полете его одним прыжком,
Хотя и прыгал не один, а вместе с королем.
- 465 Когда же пал на землю тот камень необхватный,
То близ него, как прежде, стоял лишь Гунтер знатный.
Отважный нидерландец его вторично спас.
От гнева лик красавицы зардел в последний раз.

- 466 Решив, что перепрыгнул король почти весь круг,
Брюнхильда объявила толпе вельмож и слуг:
«Ко мне, мои вассалы, ко мне, моя родня!
Вы — подданные Гунтера с сегодняшнего дня».
-
- 470 Меж тем отважный Зигфрид опять сумел схитрить,
Успев в надежном месте плащ-невидимку скрыть,
Затем вернулся в замок, вошел в приемный зал
И там, при дамах, Гунтеру такую речь сказал:
- 471 «Король, что ж! не спешите вы игры начинать?
Мне, вашему вассалу, не терпится узнать,
Что ждет — венец иль плаха владыку моего?»
И все подумали, что он не видел ничего.
- 472 Спросила королева: «А по какой причине
Вы, Зигфрид, пропустили те игры, в коих ныне
Ваш господин победу стяжал своей рукой?»
И Хаген из Бургундии ей дал ответ такой:
- 473 «Нас так смутил сначала суровый ваш прием,
Что в час, когда тягались вы с рейнским королем,
Ушел на берег Зигфрид и наш корабль стерег.
Вот почему он, госпожа, на играх быть не мог».
- 474 Отважный Зигфрид молвил: «Признаюсь откровенно,
Я рад, что смелый витязь сломил ваш нрав надменный,
Что и на вас управа нашлась среди мужчин
И увезет вас, госпожа, на Рейн мой властелин».

(Опасаясь предательского нападения со стороны родичей Брюнхильды, бургунды посылают Зигфрида за подкреплением: он приводит тысячу бойцов из подвластного ему края Нибелунгов, после чего спешит впереди свадебного поезда гонцом в Вормс (VIII и IX авантюры). пышная встреча ожидала Брюнхильду в Вормсе; Зигфрид же получил от Гунтера обещанную награду, и обе молодые пары сели за пиршественный стол.)

Авантюра X.

О ТОМ, КАК БРЮНХИЛЬДУ ПРИНЯЛИ В ВОРМСЕ.

-
- 618 Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит,
Надменная Брюнхильда почувствовала стыд,
И горестные слезы, одна другой крупней,
На щеки побледневшие закапали у ней.

- 619 Спросил король бургундский: «Что огорчает вас?
Чем омрачен нежданно блеск ваших ясных глаз?
Вам радоваться б надо, что вы приобрели
Так много новых подданных, и замков, и земли».
- 620 Ответила Брюнхильда: «Могу ль не лить я слез,
Коль тяжкую обиду мой муж сестре нанес,
За своего вассала ее решив отдать?
Как, видя рядом с ней его, от горя не рыдать?»
- 621 Сказал державный Гунтер: «Я объясню позднее,
Зачем мне было нужно, чтоб в брак вступил он с нею.
Покамест же об этом и думать не должны вы,
Тем более что проживут они свой век счастливо».
- 622 Она ему: «И все же Кримхильду жалко мне.
Не будь я в вашей власти — ведь я в чужой стране,
Не подпустила вас бы я к ложу ни на шаг,
Пока б вы не ответили, зачем вам этот брак».
- 623 Державный Гунтер молвил: «Тогда вы знать должны,
Что благородный Зигфрид — король большой страны.
Богат он и землею, и замками, как я.
Вот почему он избран мной моей сестре в мужья».

(Однако объяснение Гунтера не смогло унять слез Брюнхильды. После свадебного торжества ей чуть было не открылся обман: в первую брачную ночь Гунтер не смог совладать с неприступной богатыршей, и лишь с помощью Зигфрида в плаще-невидимке одолел он ее во вторую ночь. Зигфрид же незаметно снял с Брюнхильды пояс и перстень и скрыл их у себя (X авантюра). Девять лет счастливо прожили Гунтер и Зигфрид со своими женами; на десятый год Зигфрид, по приглашению Гунтера, приехал с Кримхильдой погостить в Вормс (XI, XII, XIII авантюры).)

Авантюра XIV.

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВЫ ПОССОРИЛИСЬ.

- 814 В тот день, перед вечерней, потехой ратной вновь
Погорачить решили себе герои кровь.
От топота и кликов гудел дворцовый двор,
А из дворца на витязей бросали дамы взор.
- 815 Сидели королевы бок о бок у окна,
И вдруг о двух героях пришла им мысль одна.
Промолвила Кримхильда: «Супруг мой так силен,
Что мог бы подчинить себе и вашу землю он».

- 816 Брюнхильда возразила: «Напрасные мечты!
Вот если б пережили всех нас твой муж да ты,
Наш край и прямь достался б супругу твоему,
Но раз мой Гунтер здравствует, вовек не быть тому».
- 817 Ответила Кримхильда: «Ты лучше посмотри,
Насколько Зигфрид краше, чем все богатыри.
Меж ними он — как месяц меж звезд порой ночной.
Горжусь я тем, что он меня назвал своей женой».
- 818 Брюнхильда не смолчала: «Как Зигфрид ни хорош,
Ни храбр, ни прям душою, признать должна ты все ж,
Что Гунтер, брат твой смелый, — знатней и удалей.
С ним не идет в сравнение никто из королей».
- 819 Воскликнула Кримхильда: «Поверь, сестра моя,
Превозношу супруга не без причины я:
Себя он так прославил в дни мира и войны,
Что Зигфрид с Гунтером твоим величием равны».
- 820 «Тебя я не хотела, Кримхильда, оскорбить,
Но с Гунтером не может супруг твой равней быть.
Об этом я узнала от них самих в те дни,
Когда искать моей руки приехали они.
- 821 Тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал,
И Зигфрид мне признался, что он — простой вассал.
А коли так, вассалом он должен и считаться».
Красавица Кримхильда ей: «Как это может статься?
- 822 Не верю я, чтоб братья и вся моя родня
За подданного выдать осмелились меня,
А потому покорно прошу тебя, подруга,
Не говорить подобных слов про моего супруга».
- 823 «Я говорить их буду, — Брюнхильда ей в ответ. —
Мне с мужем отрекаться от подданных не след:
Пускай и впредь нам служат, как долг и честь велят».
Тут на невестку кинула Кримхильда гневный взгляд:
- 824 «Придется все ж отречься тебе от одного:
Мой муж слугою не был вовек ни у кого.
Знатнее, чем твой Гунтер, его отважный зять,
И ты должна свои слова назад немедля взять».

- 825 Вот что еще мне странно: коль впрямь он ленник твой
И ты повелеваешь по праву им и мной,
Как он посмел так долго вам дани не платить?
Тебе надменный свой язык пора б укоротить».
- 826 Воскликнула Брюнхильда: «Свой чванный нрав уйми!
Ведь мы еще посмотрим, кто больше чтим людьми —
Ты или я, чьей воле покорен каждый здесь».
И тут уж вовсе королев объяли злость и спесь.
- 827 «Пусть будет так, Брюнхильда, как ты сейчас сказала.
Ты моего супруга считаешь за вассала,
А я при всех, кто службой обязан вам и нам,
Перед тобою, первая, войду сегодня в храм.
- 828 Сегодня ж ты увидишь, что выше родом я
И что славней, чем Гунтер, тот, кто мне дан в мужья.
Отучишься ты думать, что я — твоя раба.
А коль воображаешь ты, что это похвальба,
- 829 Я повторяю снова, что первой в храм войду
У всех твоих вассалов и женщин на виду,
Чтоб моему величью дивился вормский двор».
Вот так меж королевами и начался раздор.
- 830 Брюнхильда заключила: «Коль ты убеждена,
Что верностью вассальной пренебрегать вольна,
Ты от меня отдельно со свитой в храм пойдешь».
И ей вдогонку бросила Кримхильда: «Ну, так что ж?»
- 831 Затем велела дамам: «Оденьтесь сей же час.
Пускай в восторг бургунды придут, увидев вас,
И знают, что не в меру их госпожа горда,
И я от чванства отучу Брюнхильду навсегда».
- 832 Принарядились дамы, и, свиту оглядев,
Из всех на праздник в Вормсе прибывших с нею дев
В собор взяла с собою Кримхильда сорок три.
Шли с ними люди Зигфрида, бойцы-богатыри.
- 833 Шелк яркий аравийский на женщинах сверкал,
Но даже он, казалось, бледнел и померкал,
Как только на Кримхильду бросали вормсы взгляд —
Так царственно роскошен был в тот день ее наряд.

- 834 Народ давался диву: знать, что-нибудь стряслось,
Коль обе королевы идут к вечерне врозь —
Ведь раньше их, бывало, не разольешь водой.
Увы, кто знал, что их раздор для всех чреват бедой!
- 835 Тем временем Брюнхильда со свитою своей
Направилась к собору и встала у дверей.
Беседа завязалась у витязей и дам,
А тут и гостья подошла ко входу в божий храм.
- 836 Наряд ее прислужниц был сказочно хорош —
Таков вовек не снился и дочерям вельмож.
За Зигфридом не бедно жила его жена:
Богатством тридцать королев могла затмить она.
- 837 Вам подтвердил бы каждый, кто был в тот миг у храма,
Что в жизни он не видел пышней одетой дамы,
Чем спутницы Кримхильды, пришедшие в собор.
Она принарядила их невестке вперекор.
- 838 Итак, столкнулись свиты обеих королев,
И тут хозяйка госте, от злобы побелев,
Надменно приказала не преграждать пути:
«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти».
- 839 Разгневанно Кримхильда воскликнула в ответ:
«Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред.
Как саном королевским кичиться может та,
Кто подданным своим была в наложницы взята?»
- 840 «Кого же ты, Кримхильда, наложницей зовешь?» —
«Тебя, и ты не смеешь сказать, что это ложь.
Впервые наслаждался твоею красотой
Не Гунтер, твой законный муж, а милый Зигфрид мой.
- 841 Ужель тебе рассудок в ту ночь не подсказал,
Что, к хитрости прибегнув, возлег с тобой вассал?
Уймись и грех свой тайный не ставь себе в заслугу».
Брюнхильда ей: «Твои слова я передам супругу». —
- 842 «Изволь! Ты не уронишь меня во мнение брата.
Сама ты возгордилась, сама и виновата.
Коль подданной своею ты смела счесть меня,
Меж нами больше дружбы нет с сегодняшнего дня».

- 843 Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней,
Вошла в собор Кримхильда со свитою своей.
Вот так вражда меж ними и началась с тех пор,
И помутнел от горьких слез у многих ясный взор.
- 844 Какою благолепной вечерня ни была,
Брюнхильда с нетерпением конца ее ждала.
В надменной королеве кипели желчь и злость,
Из-за которых многим смерть потом принять пришлось.
- 845 Из церкви божьей выйдя, подумала она:
«Бранчливая гордячка мне объяснить должна,
За что меня дерзнула наложницей назвать.
Коль Зигфрид впрямь расхвастался, ему не сдобровать!»
- 846 Тут вышла и Кримхильда с толпою удалцов.
Брюнхильда ей: «Постойте! Из ваших бранных слов
Мне видно, что назвали наложницей меня вы.
Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?»
- 847 Кримхильда ей: «Дорогу! Ответ на ваш вопрос
Дает вот этот перстень^а, что Зигфрид мне принес
В ту ночь, когда на ложе вы с ним взошли вдвоем». —
Да, для Брюнхильды этот день стал самым черным днем.
- 848 Она в ответ сказала: «Не спору, перстень — мой,
Но у меня украден он чьей-то злой рукой,
И кем он был похищен, теперь я вижу ясно.
Тут обуял обеих гнев, безмерный и ужасный.
- 849 Воскликнула Кримхильда: «Нет, не воровка я.
Умолкни, иль навеки погибла честь твоя.
Да, ты принадлежала супругу моему,
И пояс, что на мне надет, — порукою тому».
- 850 Из шелка Ниневии был этот пояс свит,
Каменьями унизан и жемчугом расшит.
Заплакала Брюнхильда при взгляде на него
И так сказала подданным супруга своего:
- 851 «Пусть властитель рейнский сюда придет сейчас
И от меня услышит, как я вот здесь, при вас,
Его родной сестрою была оскорблена.
Наложницею Зигфрида я ею названа».

^а Речь идет о поясе и перстне, которые Зигфрид в плаще-невидимке снял у Брюнхильды в брачную ночь, когда помогал Гунтеру совладать с нею.

Кнехты, вооруженные луком и копьем. Рисунок пером из французской рукописи.

852 Пришел державный
Гунтер и с ним весь
цвет страны.
Король спросил с
участием у плачущей
жены:
«Кто вам посмел обиду,
любовь моя, нанести?»
В ответ Брюнхильда:
«У меня для слез
причины есть.

853 Твоей сестрой бесчестью
я предана при всех.
Она твердит, что тайно
я совершила грех
И что не ты, а Зигфрид
со мною первый лег».
Король вспыхнул:
«Несправедлив и лжив
ее упрек». —

854 «Она бесстыдно носит мой перстень золотой
И драгоценный пояс, что был потерян мной.
От горя и обиды мне белый свет не мил,
И я молю, чтоб ты с меня пятно позора смыл».

855 Сказал ей муж: «Мы зятя к ответу призовем.
Коль он в бахвальстве грешен, пусть повинится в том;
А нет, пусть опровергнет слова жены своей».
И повелел он Зигфрида позвать к нему скорей.

856 Явился нидерландец, в слезах увидел дам
И молвил удивленно собравшимся мужам:
«Что заставляет женщин так горько слезы лить
И для чего меня король просил к нему прибыть?»

857 В ответ державный Гунтер: «Скрывать не стану, зять.
Осмелилась невестке сестра моя сказать,
Что ты Брюнхильду первым познал в обиду мне
И этим не побрезговал похвастаться жене».

- 858 Вскричал могучий Зигфрид: «Коль ты, мой шурин, прав,
Поплатится Кримхильда за свой сварливый нрав,
А я великой клятвой при всем дворе готов
Поклясться, что не говорил супруге этих слов».
- 859 Сказал властитель рейнский: «С тобою мы согласны.
Не будет эта клятва ни лишней, ни напрасной.
Она тебя очистит от подозрений в лжи».
Тут окружили Зигфрида бургундские мужи,
- 860 А Зигфрид поднял руку и смело клятву дал.
Тогда воскликнул Гунтер: «Теперь я увидал,
Что мне не причинили вы никакого зла
И что моя сестра на вас напраслину взвела».
- 861 Отважный Зигфрид молвил: «Весьма жалею я
О том, что оскорбила в сердцах жена моя
Пригожую Брюнхильду, чей муж — мой верный друг».
Переглянулись витязи, стоявшие вокруг.
- 862 Он продолжал: «Мой шурин, обязанность мужчины —
Укоротить супруге язык не в меру длинный.
Ты дай урок Брюнхильде, а я Кримхильде дам.
Из-за ее бесчинств меня постигли стыд и срам».
- 863 Но гордых женщин было уже не укоротить.
Брюнхильда продолжала по целым дням грустить,
И жалость все вассалы почувствовали к ней,
И Хаген доблестный пошел к владычице своей.
- 864 Он расспросил, в чем дело, о чем скорбит она,
И ей поклялся смело, что Зигфриду сполна
Воздаст за поношение, бесчестье и позор,
Иль в жизни радости ему не видеть с этих пор.
- 865 Он с Гернотом могучим и Ортвином втроем
Лишить героя жизни задумали тайком.
Но Гизельхер услышал, о чем ведется речь,
И молвил заговорщикам, чтоб друга оберечь:
- 866 «Вам, витязи, об этом невместно рассуждать.
За что хотите смерти вы Зигфрида предать?
Ужель заплатит жизнью прославленный герой
За то, что вздорят женщины по пустякам порой?»

867 Ответил Хаген: «В поле траве не место сорной.
Держать чужих ублюдков в своем доме зазорно.
Погибнет тот, кто клеплет на нашу госпожу,
И пусть не жить мне самому, коль слова не сдержу».

868 Тогда вмешался Гунтер: «От зятя никогда
Я с братьями не видел бесчестья и вреда.
За что же ненавидеть и убивать того,
Кто, кроме блага, мне и вам не сделал ничего?»

869 На это Ортвин Мецский дал королю ответ:
«Хоть он силен безмерно, ему спасенья нет,
И лишь мигнуть вам стоит, чтоб я его убил».
Так ими обречен на смерть безвинно Зигфрид был.

870 От слова к делу, правда, не перешел никто.
Лишь Хаген государю напентывал про то,
Как много стран захватит по смерти зятя он.
Молчал король, но явно был расстроен и смущен.

(Порешив убить Зигфрида, Хаген хитростью выманил у Кримхильды признание об уязвимом месте на теле Зигфрида.)

Авентюра XV.

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ПРЕДАН.

.

899 «Мой муж,— она сказала,— и храбр, и полон сил.
Однажды под горою дракона он сразил,
В его крови омылся и стал неуязвим.
Не взять супруга моего оружием никаким.

900 И все ж, когда я знаю, что Зигфрид бой ведет,
Что каждый миг в героя летит копьё иль дрот,
Безумный страх за мужа испытываю я
И от предчувствий тягостных болит душа моя.

901 Лишь ты один узнаешь, как родственник и друг,
Куда быть может ранен мой дорогой супруг,
Но за доверье, Хаген, мне верностью воздай
И неотступно Зигфрида в бою сопровождай.

902 Когда в крови дракона он омываться стал,
Листок с соседней липы на витязя упал
И спину меж лопаток на пядь прикрыл собой.
Вот там, увы, и уязвим супруг могучий мой».

903 Владетель Тронье молвил: «Нашейте, коли так,
На пышную одежду ему условный знак,
Чтоб видел я, где мною прикрыт быть должен он».
Вот тут и был герой на смерть женою обречен.

904 Ответила Кримхильда: «Я твой совет приму
И шелковою нитью супругу своему
Едва заметный крестик на месте вышью том,
А ты в сраженье прикрывай его стальным щитом».

905 Сказал на это Хаген: «Прикрою, госпожа»,—
И распростился с нею, от радости дрожа.
Вот так, спасти желая супруга своего,
Кримхильда помогла сама врагам сгубить его².
• • • • •

Авентюра XVI. О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ УБИТ.

916 С веселым видом Гунтер и Хаген удалой
Заутра отправлялись из Вормса в лес густой
Лосей, медведей, зубров и кабанов травить.
Что может истым витязям милей охоты быть?

917 С собой везли бургунды съестных припасов много.
Без опасений Зигфрид собрался в путь-дорогу,
Но у ручья лесного лишился жизни он:
На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречен.

918 Навьючили поклажу бойцы на лошадей.
За Рейном очутиться хотелось им скорей.
Пошел к супруге Зигфрид и с ней прощаться стал,
Но сердце королевы страх томил и угнетал.

919 Кримхильду витязь обнял и начал утешать:
«Даст бог, с тобою скоро мы свидимся опять.
Я должен отлучиться на три-четыре дня,
А ты покуда здесь побудь с роднею без меня».

920 Тут страшная догадка ей разум озарила.
Припомнила Кримхильда, что Хагену открыла,
И, Зигфриду признаться в своей вине боясь,
Слезамися покаянными бессильно залилась.

- 921 «Не ездí на охоту,— промолвила она.—
Мне сон дурной приснился: гнались два кабана
По лугу за тобою, и все цветы вокруг
Внезапно стали красными. Не ездí, мой супруг!
- 922 Рыдаю я от страха — мне кажется, что здесь
Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.
Он нам из мести может наделать много бед.
Останься и не уезжай — вот мой тебе совет».
- 923 Он молвил: «Дорогая, назад вернусь я скоро.
Здесь у меня к тому же ни с кем не вышло ссоры
И все без исключения благоволят ко мне —
Ведь я, Кримхильда, лишь добра желал твоей родне».—
- 924 «Поверь, не зря слезами мой отуманен взор.
Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор,
И вдруг они упали, и ты раздавлен был.
Останься, чтобы твой отъезд мне сердце не разбил».
- 925 Супругу витязь обнял, прижал к груди своей,
Лобзаниями утешил, потом простился с ней
И поспешил вдогонку за шурином своим,
И больше мужа увидеть ей не пришлось живым.
- 926 Героев в лес дремучий помчали скакуны.
Взял Гунтер на охоту с собой весь цвет страны.
Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там —
Не шло веселие на ум двум младшим королям.
.
- 942 Зверей понастреляли богатыри немало —
Ведь каждому хотелось во что бы то ни стало
Охотничьей удачей пред всеми отличиться,
Но с Зигфридом не удалось ни одному сравниться.
- 943 Однако постепенно сморил героев зной,
И потянулись к стану они тропой лесной.
Обильную добычу вез каждый зверолов,
И повара без отдыха трудились у костров.
- 944 Распорядился Гунтер гостей поторопить —
Пора уж им вернуться и силы подкрепить,
И громко рог призывный разнес повсюду весть
О том, что хочет государь за стол с друзьями сесть³.
.

- 963 Тут пригласил хозяин охотников за стол,
И на лугу зеленом они уселись в круг,
И потянулась с яствами к ним вереница слуг.
- 964 Любое угощение в достатке было там,
И если б не забыли вина подать гостям,
Чему виной не скупость, а умысел дурной,
Гордиться бы хозяин мог, что задал пир такой.
- 965 «Дивлюсь я,— молвил Зигфрид.— Еды довольно тут,
А вот вина упорно к столу не подают.
Коль этак принимают охотников у вас,
Не буду вам товарищем я в следующий раз.
- 966 Такого обхожденья никак я ждать не мог». —
С прискорбием лицемерным король в ответ изрек:
«Придется, видно, чем-то нам заменить вино.
По небреженью Хагена отсутствует оно».
- 967 Сказал владетель Тронье: «Да, я виной всему.
Мне, государь мой, мнилось, не знаю почему,
Что в Шпессарт на охоту мы повезем гостей.
Туда я и послал вино, но буду впредь умней».
- 968 Сердито молвил Зигфрид: «Вы удружили всем.
Сюда б доставить надо вам было выюков семь
С кларетом^а и медами, а если уж их нет,
Вдали от Рейна разбивать нам было стан не след».
- 969 Ответил хитрый Хаген: «Не гневайтесь, друзья.
К ручью с водой студеной дорогу знаю я
И, если вам угодно, туда вас отведу».
Сколь многим витязям принес его совет беду!
- 970 Измучен смелый Зигфрид был жаждою вконец.
Поэтому поспешно поднялся удалец,
Чтоб за водой студеной отправиться к ручью.
Ах, внял совету Хагена он на беду свою!
- 971 Зверей, которых Зигфрид успел понастрелять,
Велели на телегах в столицу отослать.
Всяк, кто добычу видел, охотника хвалил.
Лишь Хаген изменил ему и кровь его пролил.

^а *Кларет* — красное вино, процеженное с разными пряностями и травами.

- 972 Пошли герои к липе, стоявшей над ручьем,
И тут промолвил Хаген: «Наслышен я о том,
Что в беге верх над всеми берет наш знатный гость.
Пусть скажет, правду или ложь мне слышать довелось».
- 973 Ответил смелый Зигфрид: «Равумней в этом вам
Воочью убедиться, чем доверять словам:
Бежим наперегонки, коли желание есть.
Кто первый будет у ручья, тому хвала и честь».
- 974 «Согласен,— молвил Хаген.— Размяться мне в охоту».
«Тогда,— воскликнул Зигфрид,— получите вы льготу:
Я дам, улегшись назем, вам убежать вперед».
Был Гунтер, слыша это, рад, что все на лад идет.
- 975 Добавил нидерландец: «За вами гнаться сзади
Я собираюсь в полном охотничьем наряде,
На руку щит повесив, с колчаном за спиной».
С собою взял он также лук, копье и меч стальной.
- 976 С себя одежду Гунтер вплоть до сорочки снял.
Примеру государя последовал вассал.
К ручью, как две пантеры, бургунды понеслись
И все же позже Зигфрида до цели добрались.
- 977 Что бы ни делал витязь, был первым он везде.
Отставших поджидая, спустился он к воде,
Приставил к ближней липе тяжелое копье
И меч с колчаном положил на землю близ нее.
- 978 Свой щит отбросил Зигфрид, от жажды еле жив,
Но даже здесь остался любезен и учтив:
Дал королю бургундов сперва напиться он.
Ах, плохо был за вежливость храбрец вознагражден!
- 979 Звенел ручей студеной, вода была чиста,
И Гунтер с наслаждением в ней омочил уста.
Напившись, он поднялся и отошел опять,
И наклонился к роднику его отважный зять.
- 980 Вот тут-то за сердечность ему и воздал друг.
Отнес подальше Хаген меч Зигфрида и лук,
Схватил копье героя и, напрягая взгляд,
Всмотрелся в крестик, что нашит был на его наряд.

- 981 Как только Зигфрид воду рукою зачерпнул,
Бургунд, нацелясь в крестик, копьё в него метнул.
Кровь брызнула из раны на Хагена струей.
Никто досель не совершал такой измены злой.
- 982 До сердца через ребра прошло копьё его.
Не бегал в жизни Хаген ещё ни от кого
Быстрее, чем в этот полдень по зарослям лесным.
Едва лишь Зигфрид раненый сообразил, что с ним,
- 983 Вскочил он и, неистов, метнулся вдоль ручья
С засевшим меж лопаток в спине концом копья:
Сыскать пытался витязь свой лук иль добрый меч,
Чтоб смерти, как и надлежит, предателя обречь.
- 984 Но из-за тяжкой раны он не нашел меча.
Лишь щит лежал, как прежде, у звонкого ключа.
Помчался с ним вдогонку за Хагеном смельчак,
И приближенный Гунтера уйти не смог никак.
- 985 Был Зигфрид ранен насмерть, но жаждал отомстить.
Он так сумел в убийцу своим щитом пустить,
Что лопнул щит и наземь посыпались дождем
Камень драгоценные, сверкавшие на нем.
- 986 От мощного удара свалился с ног злодей
И разом загудела земля в округе всей.
Будь меч у нидерландца, изменнику б конец —
Так, даже в миг предсмертных мук, был страшен удалец.
- 987 Но вот он пошатнулся, внезапно ослабел,
Глаза его померкли, стал лик прекрасный бел,
И смерть на нем незримо поставила печать.
Ах, скольким женщинам пришлось о Зигфриде рыдать!
- 988 Всем богатырским телом пал на цветы герой.
На мураву из раны струилась кровь рекой.
Но от тоски и боли уже лишаясь сил,
Он все-таки успел проклясть тех, кто его сгубил.
- 989 Сказал боец сраженный: «Вы низки и трусливы,
Коль за мои услуги мне так воздать могли вы.
Я был всегда вам верен и вами же убит.
Но ждут за это весь ваш род позор и вечный стыд.

- 990 Предательски и подло заколот вами я.
На вас и ваших детях пребудет кровь моя.
Что из того, что ею вы утолили месть,
Коль все, кто честен, вправе вас изменниками счесть?»
- 991 Охотники сбежались туда, где он лежал.
Днем гнева и печали тот день для многих стал.
Всяк, кто не чужд был чести, рыдал над храбрецом.
Грех было бы не горевать о витязе таком!
- 992 Стал и король бургундский оплакивать его,
Но раненый промолвил: «Что пользы от того,
Что слезы о злодействе льет сам виновник зла?
Не скроет скорбь притворная постыдные дела».
- 993 Сказал жестокий Хаген: «Скорбеть и впрямь не след —
Ведь мы теперь свободны от всех забот и бед.
Отныне не опасен нам ни один боец.
Я рад, что вас от гордеца избавил наконец».
- 994 «Легко теперь хвалиться! — чуть слышно Зигфрид рек. —
Когда б друзей в измене я заподозрить мог,
С лица земли давно бы вы были сметены.
Но полно! Думать должен я лишь о судьбе жены.
- 995 И участь сына также в меня вселяет страх.
Господь да не попустит, чтоб он в людских глазах
Безвинно опорочен был с детства до могилы
За то, что низость некогда его родня свершила».
- 996 Возвысил голос слабый смельчак в последний раз:
«Коль честности хоть капля, король, осталась в вас
И вы еще способны кого-нибудь любить,
Я вас молю моей жене во всем опорой быть.
- 997 При вас, по-королевски, Кримхильда жить должна.
Защитником ей будьте — ведь вам сестра она,
А я уж не увижусь ни с батюшкой, ни с ней.
Всем милых нелегко терять, а ей всего трудней».
- 998 Цветы вокруг покрылись багряною росой.
Со смертью неминучей вступил в борьбу герой,
Но бой педолго длился — утратил речь храбрец,
И дням его земным пришел безвременный конец.

- 999 Когда все убедились, что вечным сном он спит,
Был труп его положен на золоченый щит,
И стали вормсцы думать, как им ловчей схитрить,
Чтоб преступленье Хагена от посторонних скрыть.
- 1000 «Повинны мы в злодействе, — промолвили вельможи. —
Поэтому нам надо твердить одно и то же —
Что Зигфрид в одиночку охотиться любил
И, заблудясь в лесу, убит разбойниками был».
- 1001 Сказал владетель Тронье: «Труп отвезу я сам.
Пусть все Кримхильда знает — не страшно это нам.
Гордячка честь Брюнхильды осмелилась задеть.
С какой же стати мне ее жалеть теперь и впредь?»

Авентюра XVII.

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ОПЛАКАН И ПОГРЕБЕН.

- 1002 Назад за Рейн вернулся лишь с сумерками двор.
Едва ль охота хуже бывала до сих пор:
Пролились из-за зверя, убитого на ней,
И слезы женщин горькие, и кровь богатырей.
- 1003 Теперь мы вам расскажем, как мститель вероломный,
Высокомерный Хаген, под кровом ночи темной
Владыку нибелунгов, заколотого им,
К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.
- 1004 Положен у порога был труп богатыря.
Знал Хаген, что Кримхильда, едва сверкнет заря,
Наткнется непременно на тело мужа там:
К заутрени она всегда ходила в божий храм.
- 1005 Как только в церкви стали звонить в колокола,
Своих девиц придворных Кримхильда подняла.
Ей подали одежду и принесли ночник,
И труп один из спальников заметил в этот миг.
- 1006 Забрызган кровью Зигфрид был с головы до ног,
И своего владыку слуга узнать не смог,
Хотя зажженный факел в руках его дымил.
Кримхильду о несчастье он и уведомил.
- 1007 Готовы были дамы в собор идти уже,
Когда явился спальник и молвил госпоже:
«Лежит убитый витязь у вашего порога».
Кримхильда плакать начала — проснулась в ней тревога.

- 1008 Она еще не знала, что это муж ее,
 Но чуяла, что счастье утратила свое.
 Нет, не случайно Хаген склонял ее к тому,
 Чтоб тайну Зигфрида она доверила ему!
- 1009 Была догадкой этой Кримхильда сражена.
 Не вымолвив ни слова, лишилась чувств она,
 Но тут же с громким воплем пришла в себя опять,
 И стали приближенные бедняжку утешать:
- 1010 «Быть может, к вашей двери чужой подброшен труп».
 Кровь брызнула от горя у королевы с губ.
 «Нет, нет, — она вскричала, — там Зигфрид мой лежит.
 Брюнхильде в угождение он Хагеном убит».
- 1011 За дверь Кримхильда вышла на мертвеца взглянуть,
 И голову гёрою приподняла чуть-чуть,
 И мужа опознала, хоть мукой искажен
 И весь в крови был лик того, кто Зигмундом рожден.
- 1012 Кримхильда застонала, кляня судьбу свою:
 «О, горе мне, злосчастной! Сражен ты не в бою,
 А пал от рук убийцы — ведь добрый щит твой цел.
 Ах, если б только знала я, кто сделать это смел!»
-

(Схоронив Зигфрида, овдовевшая Кримхильда осталась жить у братьев, внешне примирясь с ними, но затаив в душе ненависть против убийц мужа. Из земли Нибелунгов привезли несметный клад, который Зигфрид подарил ей как брачный дар. Но воспользовавшись отъездом Гунтера в поход, Хаген погрузил в воды Рейна сокровище Нибелунгов, обездолив вдову. Так прожила она у братьев тринадцать лет, непрестанно горюя об убитом муже (авентюры XVIII, XIX). Тогда к Кримхильде посватался овдовевший языческий король Этцель (Аттила); не хотелось Кримхильде идти за него, но братья уговорили ее, и пышно была сыграна свадьба (авентюры XX, XXI, XXII). На тринадцатый год своего брака уговорила Кримхильда Этцеля пригласить к себе ее родичей; гонцам же она наказала обязательно пригласить и Хагена (XXIII авентюра). Доверчиво последовали братья зову сестры, как ни отговаривал их от поездки Хаген (XXIV авентюра). Не удержал их и зловеющий сон матери Уты.)

Авентюра XXV.

О том, как нибелунги ехали к гуннам¹.

.

- 1522 Заколыхались стяги, ряды пришли в движенье.
 Следили за бойцами в тревоге и волненье

- Их земляки-бургунды с обоих склонов гор,
А витязи ликующе неслись во весь опор.
- 1523 Так вместе с королями отправились в поход
Вассалы-нибелунги — их было десять сот,
И всех, вдали от ближних, у гуннов смерть ждала:
Кровь Зигфрида по-прежнему Кримхильде сердце жгла.
- 1524 Взял Данкварт, смелый воин, дружину под начал,
А Хаген, муж бывалый, пред строем первый мчал
И выбирал дорогу для спутников своих.
В восточную Франконию вдоль Майна вел он их.
- 1525 Оттуда к Швальбенфельду герои поскакали.
Был вид их так отважен, доспехи так сверкали,
Что всюду им немало дивился люд честной.
К Дунаю подошел отряд с двенадцатой зарей.
- 1526 Владелец Тронье первым спустился вниз к воде —
Бессменно нибелунгов он охранял везде.
На землю прыгнул Хаген с поводьями в руке
И привязал коня к ветле, от волн недалеке.
- 1527 Была пора разлива, на всей реке — ни судна,
Смекнули нибелунги, что им придется трудно:
Не переплыть Дуная — он чересчур широк,
Попрыгали они с коней в тревоге на песок.
- 1528 «Король, — воскликнул Хаген, — опасность перед нами,
Седой Дунай разлился, он весь покрыт волнами,
И если вы решите переправляться тут,
Боюсь, что многие на дно сегодня же пойдут».
- 1529 В сердцах ответил Гунтер: «Я это вижу сам,
И вы нас не страшайте, а помогите нам.
Ступайте, поищите — авось, найдется брод,
Где люди переправятся, да и обоз пройдет».
- 1530 «Ну, нет, — промолвил Хаген, — тонуть не склонен я.
На кое-что получше сгодится жизнь моя.
Сведут меня в могилу лишь дорогой ценой —
Сначала гунны силою померятся со мной,
- 1531 На поиски пойду я, а вы побудьте здесь.
Наверно, перевозчик тут где-нибудь да есть.

- В край Гельфрата доставит он всех нас, короли».
И поднял Хаген удалой свой добрый щит с земли.
- 1532 Герой на левый локоть надел его затем,
До глаз на лоб надвинул стальной блестящий шлем
И меч поверх кольчуги на пояс привязал.
Тот обоюдоострый меч любой доспех пронзал.
- 1533 По зарослям прибрежным бродя туда-сюда,
Воитель вдруг услышал, как плещется вода,
И вскоре ключ прохладный предстал его глазам.
Купались сестры вещице со звонким смехом там.
- 1534 Подкрадываться Хаген к ним стал, держась в тени,
Однако различили его шаги они
И вовремя отплыли, и он их не настиг,
Хоть их одеждой^а завладел за этот краткий миг.
- 1535 Сказала Хадебурга, одна из вещей жен:
«Коль вами будет, Хаген, наряд наш возвращен,
Мы вам, достойный витязь, откроем сей же час,
Чем празднество у Этцеля закончится для вас».
- 1536 Носясь, как птицы, сестры едва касались волн,
И, видя это, Хаген был нетерпенья полн:
Коль скоро им проникнуть в грядущее дано,
У них обязан вызнать он, что статься с ним должно.
- 1537 Промолвила вещунья: «Ручательство даю,
Что с вами не случится беды в чужом краю.
Без страха отправляйтесь и знайте наперед —
Окажут вам у Этцеля неслыханный почет».
- 1538 Словам ее был Хаген так неподдельно рад,
Что сразу отдал сестрам волшебный их наряд.
Когда ж его надели провидицы опять,
Они решились витязю всю правду рассказать.
- 1539 Воскликнула Зиглинда, вторая из сестер:
«Сын Альдриана Хаген, мы лгали до сих пор,
Боясь, что, рассердившись, уйдешь ты с нашим платьем.
Знай, угрожает смерть тебе и всем твоим собратьям.

^а Северные и германские сказанья изображают оборотничество как надевание особой (вороньей, лебяжьей) одежды. Такими надо представлять себе одежды, похищенные Хагеном; судя по названию местности (Сванфельд), это были «лебяжьи одежды».

- 1540 Вернись, пока не поздно, иль ждет тебя конец.
Не с доброй целью к гуннам ты зазван, удалец.
Вы едете на гибель, а не на торжество.
Убьют вассалы Этцеля вас всех до одного».
- 1541 «Не лгите,— молвил Хаген,— вам это ни к чему.
Не может быть, чтоб пали мы все лишь потому,
Что нам одна особа мечтает навредить».
Тут попытались сестры вновь прашельца убедить.
- 1542 Одна из них сказала: «Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою.
Нам ведомо, что только дворцовый капеллан
Вернется в землю Гунтера из чужедальних стран».
- 1543 Отважный Хаген вспыхнул: «Довольно слов, всезнайки!
Того сочту я смелым, кто скажет без утайки
Трем нашим государям, что перебьют всех нас.
Ответьте лучше, как попасть нам за Дунай сейчас».
- 1544 Она ему: «Коль скоро стоишь ты на своем,
То знай: вверх по теченью есть за рекою дом.
Живет в нем перевозчик, и тут другого нет».
Заторопился Хаген прочь, чуть выслушал ответ.
- 1545 «Постойте! — закричала из вещей дев одна. —
Вам, Хаген, на прощанье совет я дать должна,
Чтоб ваш отряд в дороге не потерпел урон,
Страной владеет здесь маркграф, зовется Эльзе он.
- 1546 Брат Эльзе Гельфрат правит баварскою землей.
По ней вам ехать надо с опаскою большой.
Всего же пуще бойтесь рассориться в пути
С тем, без кого вам ни за что Дунай не перейти.
- 1547 Так вспылчив перевозчик, что худо вам придется,
Коль с ним у вас размолвка иль ссора заведется.
Пускай ему заплатит за труд владыка ваш.
Слуга он верный Гельфрату и переправы страж.
- 1548 Коль ждать он вас заставит, кричите что есть сил:
«Я — Амелърих злосчастный» — такой боец тут жил,
Но родину покинул, спасаясь от врагов.
К вам перевозчик приплывет, услышав этот зов».

- 1549 Признательность воитель ей выразил кивком
И, с сестрами расставшись, в кустах исчез молчком.
Он берегом песчаным пошел вверх по реке
И вскорости увидел дом за нею вдалеке.
- 1550 Он крикнул так, что голос донесся за Дунай:
«Живее, перевозчик, мне лодку подавай.
Коль на баварский берег меня перевезешь,
Получишь золотой браслет — взгляни, как он хорош».
- 1551 Богат был перевозчик, ни в чем не знал нужды.
Не очень-то прельщался он платой за труды
И слуг держал надменных, хозяину под стать.
Долгонышко Хагену пришлось на берегу стоять.
- 1552 Тогда, перекрывая шум волн и ветра вой,
Герой возвысил снова могучий голос свой:
«Я — Амелърих, служивший у Эльзе вплоть до дня,
Когда изгнали с родины мои враги меня».
- 1553 Браслет он в воздух поднял на острие клинка,
Чтоб золото увидел гордец издалика
И низменную алчность оно в нем разожгло.
Тут перевозчик наконец схватился за весло.
- 1554 Для молодой супруги решил он взять браслет.
Кто обуян корыстью, тому спасенья нет.
На золото польстился по жадности глупец
И в стычке с грозным Хагеном нашел себе конец.
- 1555 Проворно перевозчик Дунай преодолел,
Но за рекой не встретил того, кого хотел,
Чем был в такую ярость и злобу приведен,
Что Хагену отважному свирепо бросил он:
- 1556 «Хоть Амелърихом тоже, быть может, вас зовут,
Другого человека я мнил увидеть тут.
Мы с ним родные братья, а вы солгали мне.
Сидите в наказание на этой стороне».
- 1557 «Свой гнев,— ответил Хаген,— уймите, бога ради,
И знайте: не придется вам нынче быть в накладе,
Коль вы перевезете товарищей моих,
С которыми приехал я сюда из стран чужих».

- 1558 Воскликнул перевозчик: «Не трать напрасно слов.
У тех, кому служу я, немало есть врагов.
И к ним я не намерен возить бог весть кого,
Коль жизнь твоя тебе мила, прочь с судна моего!»
- 1559 «И все ж браслет возьмите, — сказал герой ему. —
Придете вы на помощь отряду моему.
Коней в нем десять сотен да столько ж человек». —
Но перевозчик закричал: «Не быть тому вовек!»
- 1560 Веслом своим тяжелым спесивец что есть сил
С размаху чужестранца по голове хватил,
И Хаген на колени упал, ошеломлен.
Гневливей перевозчика еще не видел он.
- 1561 Затем, чтоб не поднялся пришедший в ярость гость
И взяться за оружие ему не удалось,
Силач врага ударил по темени багром,
Но это для него, увы, не кончилось добром.
- 1562 Багор о шлем разбился, а Хаген вынул меч,
И голова скатилась у грубияна с плеч,
И витязь, вслед за телом, швырнул ее на дно,
О чем бургундам было им потом сообщено.
- 1563 Едва вассала Эльзе бургунд успел сразить,
Как лодку тут же стало течением сносить.
Встал на корме воитель и на весло налег,
И все же повернуть назад отнюдь не сразу смог.
- 1564 Вверх по Дунаю судно в конце концов пошло,
Но тут переломилось широкое весло.
Хоть не нашлось другого, не оробел смельчак.
Ремнем подшитным он связал обломки кое-как.
- 1565 И к берегу причалить с большим трудом сумел.
Над самою водою так лес густой шумел,
И ждал вассала Гунтер с дружиною своей.
Сбежалась Хагена встречать толпа богатырей.
- 1566 Бургунды были рады, что витязь с ними вновь.
Когда же увидали они на судне кровь
Спесивого невежи, чью голову он снес,
Друзьями задан Хагену был не один вопрос,

- 1567 Шел пар от свежей крови, и Гунтер угадал,
Как завладел ладьею его крутой вассал.
Спросил он: «Где же судно вы, Хаген, раздобыли
И где же перевозчик сам? Знать, вы его убили?»
- 1568 Отперся хитрый Хаген: «Нашел я этот челн.
Он кем-то был привязан к ветле у самых волн,
А перевозчик даже не встретился со мною,
И если вправду он убит, не я тому виною».
- 1569 Король бургундский Гернот прервал беседу их:
«Я сильно опасаюсь за жизнь друзей своих —
Вдруг опрокинет лодку волною невзначай.
Как мы без перевозчиков переплывем Дунай?»
- 1570 Воскликнул Хаген: «Слуги, поклажу снять с коней!
Служил на перевозе я в юности своей
И равного мне было на Рейне не найти.
Даст бог, сумею к Гельфрату я вас перевезти».
- 1571 Коней загнали в воду ударами кнутов,
Чтоб вплавь они пустились одни, без седоков,
И реку переплыли лихие скакуны,
Хоть многие и были вниз теченьем снесены.
- 1572 На судно погрузили затем казну и кладь,
И стал владетель Тронье друзей переправлять.
Когда б он не работал весь этот день веслом,
Не быть бы многим витязям на берегу другом.
- 1573 Он десять сотен вормсцев сперва отвез туда,
Потом своих вассалов — красавцев хоть куда,
А после девять тысяч простых бойцов и слуг.
Трудился Хаген допоздна, не покладая рук⁵.
.
- 1581 Едва была поклажа на сушу снесена,
Владетель Тронье в щепы разнес борты челна
И отогнал подальше от берега его,
К большому изумленью отряда своего.
- 1582 Спросил в смятенье Данкварт: «Что ты наделал, брат?
На чем же мы поедem, когда на Рейн назад
Из королевства гуннов нас Гунтер поведет?»
Но Хаген не сказал ему, что за удел их ждет.

- 1583 Он только молвил: «Судно я изломал сейчас,
 Чтоб ни один предатель, коль есть такой меж нас,
 Покинуть не решился товарищей в беде.
 Пусть знает: трусу всюду смерть — и в сече, и в воде».
-

(После нескольких приключений (авентюры XXVI—XXVII) бургундские витязи, не послушавшись предостережений Дитриха Бернского, явились ко дворцу Этцеля. Однако они держались настороже: не сдали оружия, в отведенной им для ночлега палате поставили часовых у дверей (авентюры XXVIII—XXX), а на следующий день в церковь пошли в полном вооружении. Предосторожность оказалась не лишней: во время пира действовавшие по наущению Кримхильды гунны напали на палату, где пировали бургундские кнехты, и перебили их; тогда уцелевший от побоища маршал Данкварт пробился в залу, где пировали князья, и объявил им об измене. Началась в чертоге страшная резня; первым ударом Хаген убил младенца Ортлиба, сына Этцеля. Лишь благодаря Дитриху Бернскому удалось спастись из залы Этцелю и Кримхильде (авентюры XXXI—XXXIII). Отдельные переписчики боя рисуют авентюры XXXIV—XXXV.)

Авентюра XXXVI.

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВА ПРИКАЗАЛА ПОДЖЕЧЬ ЗАЛ.

-
- 2085 Покуда ночь над миром не распростерла тень,—
 А летом отступает пред ней не скоро день,—
 Вели сражение вормсы, как витязям к лицу.
 Пришел от их мечей копец не одному бойцу.
-
- 2087 Встревожились бургунды, когда спустился мрак.
 Им думалось: не лучше ль, чем маяться вот так,
 Самим напасть на гуннов и доблестно почить
 Иль все же попытаться мир с врагами заключить.
- 2088 И Этцеля решились три короля позвать.
 Кто им в стране враждебной вонмет скорей, чем зять?
 От свежей крови красны, от панцирей черны,
 Спустились братья вниз во двор и стали у стены.
- 2089 На зов явился Этцель, Кримхильда с ним пришла.
 Весь край им был подвластен, и рать их все росла.
 Король бургундам бросил: «Зачем я зван сюда?
 На мировую не пойду я с вами никогда.
- 2090 Вы нанесли мне нынче такой большой урон,
 Что он лишь ~~вашей~~ кровью быть может искуплен.
 Мой сын сражен был вами, истреблена родня.
 Ни мира, ни прощенья не ждите от меня».

Знатная дама и рыцарь за игрой в шахматы.
Из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

- 2091 «Ты нас, — промолвил Гунтер, — напрасно не кори.
Убили нашу челядь твои богатыри.
Скажи, в чем пред тобою мы провинились вдруг.
Ведь я тебе доверился и мнил, что ты мне друг».
- 2092 Млад Гизельхер Бургундский спросил врагов своих:
«Пусть Этцелевы люди, те, что еще в живых,
Поведают открыто, чем я их оскорбил.
К ним едуци, руководим я добрым чувством был».
- 2093 Ответствовали гунны: «От доброты твоей
Немолчный стон сегодня стоит в округе всей.
К нам занесло из Вормса тебя не в добрый час.
Ты со своими братьями осиротил всех нас».
- 2094 Державный Гунтер снова воскликнул с раздраженьем:
«Куда разумней дело закончить примиреньем».

- Полезно это будет обоим сторонам.
Несправедлив ваш государь, вреда желая нам».
- 2095 Гостям хозяин молвил: «И сравнивать смешно
Обиды ваши с горем, что мне причинено.
Я из-за вас лишился достоинства и чести
И ни за что не допущу, чтоб вы избегли мести».
- 2096 Сказал могучий Гернот на это королю:
«Тогда я вас и бога лишь об одном молю —
Чтоб, вам же к чести, дали вы нам во двор сойти:
На воле легче погибать, чем сидя взаперти.
- 2097 Коль нам конец назначен, пускай скорей придет.
Дружины ваши свежи, число их все растет,
А мы жестоким боем утомлены смертельно.
К чему свои страдания затягивать бесцельно?»
- 2098 Заколебались гунны, и Этцель был готов
Согласием ответить на просьбу приплецов,
Но примириться с этим Кримхильда не могла
И так вассалам молвила, желая братьям зла.
- 2099 «Не отвергайте, гунны, мой дружеский совет.
Вам хитрости бургундов потворствовать не след.
Коль вырвутся из зала у вас во двор они,
Опять не досчитаетесь вы многих из родни.
- 2100 Ведь если даже смерти вы предадите их,
Но дети Уты чудом останутся в живых,
Да на ветру остынут и дух переведут,
Такие витязи урок вам и втроем дадут».
- 2101 Млад Гизельхер ответил: «Пригожая сестра,
Я вижу, ты желала мне зла, а не добра,
Когда меня просила прибыть на торжество.
За что грозит мне смертью рать супруга твоего?
- 2102 Тебе хранил я верность, и не чинил вреда,
И лишь по той причине отправился сюда,
Что твердо был уверен в любви сестры ко мне.
Умерь свой гнев, иль смертный час пришел твоей родне».
- 2103 «Пощады вам не будет,— ответила она.—
Я Хагеном из Тронье была оскорблена,
Да так, что до могилы обиды не прощу
И все, что он мне задолжал, с вас, родичи, взыщу.

- 2104 Однако не останусь я к просьбам безучастна,
Коль вы его назначить заложником согласны.
Тогда я буду с вами о мире толковать
И вспомню, что дала нам жизнь одна и та же мать».
- 2105 Сказал могучий Гернот: «Да не попустит бог,
Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.
Мы тысячею братьев пожертвуем скорей,
Чем предадим хоть одного из верных нам людей».
- 2106 Млад Гизельхер воскликнул: «Друзья, мы все падем,
Но с недругами счёты по-рыцарски сведём.
Пусть трус ценой измены спасает жизнь свою,
А я уж лучше с гуннами померяюсь в бою».
- 2107 Как подобало, Данкварт прибавить не преминул:
«Вовек того не будет, чтоб брата я покинул.
Любую участь, Хаген, разделим мы с тобой,
А те, кому не нужен мир, пусть получают бой».
- 2108 Воззвала королева: «Богатыри, вперед!
Кто за меня отплатит и Хагена убьёт,
Того вознагражу я, как долг и честь велят.
Штурмуйте лестницу, чтоб в зал врагов загнать назад.
- 2109 Во двор не выпускайте проклятых пришлецов.
Велю поджечь строенье я с четырех концов
И вормсам по заслугам воздам на этот раз».
Охотно люди Этцеля исполнили приказ.
- 2110 Они мечи и копыя пустили в ход опять
И со двора бургундов сумели в зал прогнать,
Как ни сопротивлялись три брата-короля,
С дружинниками верными опасности деля.
- 2111 Чтоб побыстрее на гибель сородичей обречь,
Жена владыки гуннов велела дом поджечь,
А тут пахнуло ветром, и зданье занялось.
Кому изведать больше мук, чем рейнцам, довелось?
- 2112 «Увы! — они кричали. — Наш смертный час настал.
Уж лучше б полегли мы, рубясь у входа в зал.
Да сжалится над нами всевидящий творец!
Готовит королева нам мучительный конец».
- 2113 Один из них промолвил: «Мы все умрем, друзья.
Нас Этцель нам на горе зазвал в свой край.

Такая жажда сушит и жжет нутро мое,
Что, кажется, сойду с ума я скоро от нее».

2114 Ответил Хаген: «Витязь, коль жажда вас томит, —
Не погнушайтесь кровью тех, кто в бою убит, —
Она в подобном пекле полезней, чем вино.
К тому ж, других напитков тут не сыщешь все равно».

2115 С одним бургундом рядом валялся мертвый враг.
Склонил колени воин, снял с головы шишак
И к свежей ране трупа припал иссохшим ртом.
Впервые кровь он пил и все ж доволен был питьем.

2116 Он Хагену промолвил: «Да наградит вас бои!
Совет ваш мудрый жажду мне утолить помог.
Вам за него я буду признателен по гроб.
Быть даже лучшее вино вкуснее не могло б».

2117 Поняв, что был их другу совет разумный дан,
Пить кровь бургунды стали у мертвецов из ран,
И это столько силы прибавило бойцам,
Что отняли они потом друзей у многих дам.

2118 Вокруг героев пламя ревело все сильней.
Спасались под щитами они от головней,
Но их невыносимо терзали зной и дым.
Нет, не бывало никому трудней, чем было им.

2119 Воскликнул Хаген: «К стенам! Прикроют нас они,
И нам на шлемы падать не будут головни,
А упадут — втопчите их сразу в кровь ногой.
Эх, знатный же нам задан пир хозяйкой дорогой!»

(Убедясь в невозможности одолеть бургундов мечом и огнем, гунны и их союзники стали посылать против них лучших из бойцов: благородного графа Рюдигера, павшего в том бою (авентюра XXXVII), старого Хильдебранда (авентюра XXXVIII) и, наконец, Дитриха Бернского, который не может не отомстить за гибель всей своей дружины.)

Авентюра XXXIX.

О ТОМ, КАК ДИТРИХ БИЛСЯ С ГУНТЕРОМ И ХАГЕНОМ.

2324 Поднялся Дитрих с места, доспехи сам достал⁶,
И в них ему облечься помог старик вассал.
Так сокрушался бернец и в горе был таком,
Что от стенаний витязя дрожмя дрожал весь дом.

- 2325 Но, с силами собравшись, он овладел собой,
Надел на левый локоть свой добрый щит стальной
И вместе с Хильдебрандом отправился туда,
Где с бернскою дружиною произошла беда.
- 2326 «Спешит,— промолвил Хаген,— к нам Дитрих через двор,
И у него от гнева огнем пылает взор.
Он был обижен нами и мщенья вожделеет.
Вот мы сейчас и поглядим, кто в схватке одолеет.
- 2327 Хотя правитель Берна на вид несокрушим,
Известен повсеместно бесстрашием своим
И нам за смерть вассалов мечтает отомстить,
Я все ж отважусь с ним в бою оружие скрестить».
- 2328 Той речи бернцы вняли еще издалека —
Во двор из зала вышли два рейнца-смельчака
И там, к стене прижавшись, стояли у дверей.
Поставил Дитрих наземь щит и глянул на гостей.
- 2329 Затем возвысил голос: «Я знать хочу, король,
За что же причинили вы мне такую боль.
Изгнанник я бездомный, живу в краях чужих,
А вы меня лишаете всех радостей моих.
- 2330 С вас, вормспев, было мало, что Рюдегер, наш друг,
Наш давний благодетель, погиб от ваших рук.
Вы всех моих вассалов убили сверх того,
Хотя не сделал вам, король, я ровно ничего.
- 2331 А вы ведь испытали и сами на себе,
Как тяжело и горько друзей терять в борьбе.
Как после их утраты душа у нас болит.
Ах, до чего же грустно мне, что Рюдегер убит!
- 2332 Людей, меня несчастней, еще не видел свет,
Но до чужой печали вам, рейнцы, дела нет.
Моих бойцов отборных вы в сече истребили,
И перестану слезы лить о них я лишь в могиле».
- 2333 «Не так уж мы виновны,— вскричал владетель Тронье.—
Нас вынудили бернцы сегодня к обороне —
Они вломились сами с оружием в этот зал.
Вам кто-то о случившемся неправду рассказал».

- 2334 «Но Хильдебранд клянется, что амелунги^а вас
Труп Рюдегера выдать просили много раз,
А вы лишь насмехались над слезной их мольбой.
Могу ль я допустить, что лжет мне мой вассал седой?»
- 2335 «Нет, с вами он был честен, — признался Гунтер смело, —
Но верьте, что не выдал я вашим людям тело, —
Чтоб Этцеля — не бернцев задеть и оскорбить.
Все б обошлось, когда б не стал ваш Вольфхарт нам гру-
бить».
- 2336 «Пусть так, — ответил Дитрих, — но долг и честь велят,
Чтоб за беду платился тот, кто в ней виноват,
И если ты со мною желаешь примиренья,
Изволь сейчас же, Гунтер, дать мне удовлетворенье.
- 2337 Коль ты с вассалом вместе согласен сдатьсь мне,
За вашу безопасность ручаюсь я вполне.
Не подпущу я гуннов к заложникам моим,
Надежнейшим защитником и другом буду им».
- 2338 Воскликнул Хаген: «Боже, спаси нас и помилуй!
Пока мы невредимы, не оскудели силой
И дать отпор достойный способны всем врагам,
Два столь могучих воина в плен не сдадутся вам».
- 2339 На это Дитрих молвил: «Не говорите так.
Ведь по вине бургундов, хотя им был не враг,
Всего лишился в жизни я с нынешнего дня,
И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.
- 2340 Ручаюсь головою и честью вам клянусь,
Что лично вас доставить на Рейн не поленюсь,
Что раньше сам погибну, чем вред вам дам нанести,
И не взыщу с вас за ущерб, мне причиненный днесь».
- 2341 Владелец Тронье бросил: «Не тратьте время даром.
Здесь не возьмете пленных вы с Хильдебрандом старым.
Постигнет нас бесчестье, коль разнесется слух,
Что убоялись мы врагов, притом всего лишь двух».
- 2342 Тут Хильдебранд вмешался: «Клянусь творцом небесным,
Мой государь явился к вам с предложеньем лестным.
Пойти на мир почетный должны вы, Хаген грозный,
Пока уладить все добром еще отнюдь не поздно».

^а Амелунги — вассалы и сородичи Дитриха Бериского.

- 2343 «Да, — усмехнулся Хаген, — куда почетней сдаться,
Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться,
Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор,
Хоть смельчаком вас, Хильдебранд, считал я до сих пор».
- 2344 «Вот вы, — старик ответил, — смеетесь надо мной,
А кто под Васкенштайном, забыв свой долг прямой,
В бой с Вальтером Испанским вступить не захотел,
На щит уселся и с него на смерть друзей глядел?»⁷
- 2345 «Молчите! — крикнул Дитрих седому удалцу. —
Браниться, как старухам, мужчинам не к лицу.
Вы, Хильдебранд, отныне не раскрывайте рот —
С меня довольно и без вас печали и забот».
- 2346 А Хагену он молвил: «О чем, у зала стоя,
Вы с королем беседу вели между собою,
И правильно ль расслышал я, подходя к дверям,
Что силами померяться со мной угодно вам?»
- 2347 «Я впрямь, — признался Хаген, — так говорил недавно.
Пока мне верно служит меч нибелунгов славный,
Я с вами потягаться согласен хоть сейчас.
Гневлюсь я, что в заложники вы взять хотели нас».
- 2348 Увидев по ответу, что схватка предстоит,
Проворно бернец поднял с земли свой добрый щит,
И Хаген тут же прыгнул на недруга с крыльца.
Меч нибелунгов засверкал в руках у храбреца.
- 2349 Смекнул могучий Дитрих, что сильно Хаген зол,
И с превеликим тцаньем опасный бой повел,
Стараясь понадежней стальным щитом прикрыться.
Он знал, как страшен враг его, коль скоро разъярится.
- 2350 Сообразив, сколь Бальмунг^a широк, тяжел, остер,
Он избегал сходиться с противником в упор,
И лишь когда почуял, что тот не сладит с ним,
Бургунду рану тяжкую нанес мечом своим.
- 2351 «Тебя, — подумал бернец, — усталость доконала.
С тобой покончить просто, да чести в этом мало.
Хочу я, чтоб достался ты, Хаген, мне живой,
И ради этого рискну, пожалуй, головой».

^a Бальмунг — меч Зигфрида, которым завладел его убийца Хаген.

- 2352 Отбросив щит, он вормса руками обхватил;
Тот стал сопротивляться, собрав остатки сил,
Но скоро рухнул наземь под натиском его,
К безмерному отчаянью владыки своего.
- 2353 Был Хаген бернцем связан и отведен потом
Туда, где находились Кримхильда с королем.
Она повеселела, увидев, что в плену
Храбрец, который столько зла ей сделал в старину.
- 2354 В поклоне королева склонилась до земли.
«От смерти и позора вы, Дитрих, нас спасли.
Пусть счастье вам за это сопутствует вовек,
А я по гроб у вас в долгу, бесстрашный человек».
- 2355 В ответ герой промолвил владычице надменной:
«Прошу вас, королева, чтоб жив остался пленный.
Теперь его бояться причины больше нет.
Пускай живет и возместит вам причиненный вред».
- 2356 Она врага велела в темницу отвести,
Чтоб там, от всех сокрытый, сидел он взаперти.
Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал:
«Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»
- 2357 К нему вернулся Дитрих, услышав этот зов,
Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов.
Отважно устремился навстречу бернцу он,
И тотчас огласил весь двор клинков булатных звон.
- 2358 Как ни был бернский витязь могуч, проворен, смел,
Он лишь каким-то чудом остался жив и цел —
Так беззаветно Гунтер рубился в том бою, —
Так вымещал на недруге тоску и боль свою.
- 2359 Мир не знал доселе подобных силачей.
Гудел дворец огромный от стука их мечей.
Старались друг на друге бойцы рассечь пишак,
И Гунтер доказал, что он доподлинный смельчак.
- 2360 Но был король измучен, а бернец бодр и свеж.
Он Гунтера осилил, как Хагена допрежь.
Пробил кольчугу вормса клинок его меча,
И хлынула из раны кровь, красна и горяча.

- 2361 Связал бургунду руки победоносный враг,
Хоть с государем пленным не поступают так.
Но Дитрих знал: коль рейнцев освободить от пут,
Всех, кто к ним ни приблизится, они вдвоем убьют.
- 2362 Потом правитель бернский, прославленный храбрец,
Отвел свою добычу к Кримхильде во дворец.
При виде скорби брата, забыв печаль и боль,
Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!»
- 2363 Он молвил: «Поклонился б я вам, моя сестра,
Когда бы вы хотели сородичам добра.
Но приуготовляли вы нам не встречу — месть.
Недаром плохо приняты и я, и Хаген здесь».
- 2364 Возвысил голос Дитрих: «Вам, госпожа моя,
Заложников презнатных привел сегодня я.
Доныне в спорах ратных никто не брал таких.
Прошу в награду за труды — оставьте их в живых».
- 2365 Взяв с королевы слово, что пленных пощадят,
В слезах пошел воитель куда глаза глядят.
Но клятве оказалась Кримхильда неверна —
У двух бургундских витязей жизнь отняла она.
- 2366 Велела их Кримхильда держать в темнице врозь,
И больше им друг друга узреть не довелось,
Покуда брата смерти сестра не предала
И с головою короля к вассалу не пришла.
- 2367 Когда владетель Тронье был отведен в тюрьму,
Явилась королева и молвила ему:
«Верните то, что взяли вы у меня когда-то,
А не вернете — я велю казнить и вас, и брата».
- 2368 Лишь усмехнулся Хаген: «Не след меня страшать.
Поклялся вашим братьям о кладе я молчать,
Покамест не узнаю, что умерли все трое,
И где он — этого я вам до гроба не открою».
- 2369 Она в ответ: «От клятвы освобожу я вас».
И обезглавить брата велела сей же час,
И к Хагену обратно вернулась поскорей,
Отрубленную голову влача за шелк кудрей.

- 2370 На государя глянул в последний раз вассал,
К Кримхильде повернулся и с вызовом сказал:
«Напрасно ты ликуешь, что верх взяла в борьбе.
Знай: я поставил на своем благодаря тебе.
- 2371 Погиб державный Гунтер, король моей страны.
Млад Гизельхер и Гернот врагами сражены.
Где клад — про это знаем лишь я да царь небес.
Его ты, ведьма, не найдешь — он навсегда исчез».
- 2372 Она в ответ: Остались в долгу вы предо мной.
Так пусть ко мне вернется хоть этот меч стальной,
Которым препоясан был Зигфрид, мой супруг,
В тот страшный день, когда в лесу он пал от ваших рук».
- 2373 Из ножен королевой был извлечен клинок,
И пленник беззащитный ей помешать не смог.
С плеч голову Кримхильда мечом снесла ему.
Узнал об этом муж ее, к прискорбью своему.
- 2374 «Увы! — воскликнул Этцель с горячими слезами —
Убит рукою женской храбрейший меж мужчинами,
Превосходил отвагой он всех, кто носит щит,
И смерть его, хоть он мой враг, мне совесть тяготит».
- 2375 А Хильдебранд промолвил: «Себе я не прощу,
Коль за бойца из Тронье сполна не отомщу.
Пусть даже я за это погибну в свой черед,
Та, кем был обезглавлен он, от кары не уйдет».
- 2376 Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.
Мечом своим тяжелым взмахнул он что есть сил.
Она затрепетала, издав короткий крик,
Но это ей не помогло — удар ее настиг.
- 2377 Жену владыки гуннов он надвое рассек.
Кто обречен был смерти, тот смерти не избег.
Стенал в унынье Этцель и Дитрих вместе с ним,
Скорбя по славным ленникам и родичам своим.
- 2378 Бесстрашнейшим и лучшим досталась смерть в удел.
Печаль царила в сердце у тех, кто уцелел.
Стал поминальной тризной веселый, пышный пир.
За радость испокон веков страданьем платит мир.

2379 Сказать, что было дальше, я не сумею вам.
Известно лишь, что долго и дамам, и бойцам
Пришлось по ближним плакать, не осушая глаз,
Про гибель нибелунгов мы окончили рассказ.

КУРТУАЗНЫЙ ЭПОС.

Гартман фон дер Ауэ.

Гартман фон дер Ауэ (около 1170—1210 гг.) — швабский рыцарь, вассал владельца замка Ауэ, участник крестовых походов, один из наиболее видных куртуазных эпиков и лириков средневековой Германии. Стремясь воспитать немецкое рыцарство в духе новой куртуазной морали, покоящейся на принципе «меры», Гартман переводит на немецкий язык романы Кретьена де Труа («Эрек», около 1190 г., и «Ивейн», около 1200 г.) При этом он требует, чтобы в основе рыцарского подвига лежали не эгоистические, но гуманные побуждения, вступая, таким образом, в противоречие с реальной действительностью, основанной на частном феодальном интересе и жестоком кулачном праве. Стремясь преодолеть это противоречие, Гартман переносит вопрос о рыцарском долге в сферу религиозных представлений, видя в благочестии и христианском смирении путь к преодолению феодального эгоизма. Но, конечно, путь, избранный Гартманом, был чисто иллюзорным, поскольку христианство никогда не препятствовало утверждению феодального своекорыстия чувств.

Под пером Гартмана куртуазный роман приближается к религиозной житийной литературе, а житийная литература облекается в куртуазные формы. Об этом свидетельствуют духовная поэма «Григорий Столпник», а также наиболее самобытное создание Гартмана — стихотворная повесть «Бедный Генрих» (90-е годы XII в.). В этой повести рассказывается о знатном рыцаре Генрихе, которому при всех его куртуазных добродетелях недоставало благочестия. Он был счастлив, однако счастье свое он приписывал не богу, но только своим личным достоинствам. За это «высокомерие» бог поразил Генриха проказой. Вынужденный покинуть дом и близких, Генрих находит приют в хижине своего арендатора-крестьянина, юная дочь которого самоотверженно ухаживает за больным. Она даже решает отдать жизнь за Генриха, когда узнает, что врачи обещают прокаженному выздоровление, если его тело будет омыто кровью невинной девушки. Генрих уже готов принять эту жертву. Но в самый последний момент его охватывает глубокое раскаяние. Он познает греховность своего поведения, отказывается от жертвы и решает терпеливо сносить уготованные ему страдания. За это бог прощает его прегрешения, Генрих чудесным образом исцеляется и женится на самоотверженной девушке. Как видим, повесть Гартмана очень близка к религиозной легенде. Вместе с тем в основе «Бедного Генриха» лежит вполне мирская мысль о безобразии себялюбия и

красоте альтруизма. Простая крестьянская девушка, способная на великую жертву, является подлинной героиней произведения. Вопреки всем сословным традициям Гартман ставит эту простолюдинку выше представителей феодального мира, что придает повести необычный для куртуазного эпоса демократический оттенок.

Другая особенность повести заключается в том, что в ней почти полностью отсутствует фантастический элемент, столь излюбленный в куртуазном эпосе. Повесть носит в значительной мере «бытовой» характер. По ясности изложения, легкости ритма и богатству рифмы Гартмана фон дер Ауэ из немецких куртуазных поэтов превосходит только Готфрид Страсбургский.

БЕДНЫЙ ГЕНРИХ.

...«Отчаиваться рано,—
сказала девушка в ответ.—
На то причин особых нет.
Спасение возможно,—
я говорю не ложно,—
коль все зависит от меня!..
Я не хочу терять и дня
и, к вашему же благу,
под нож в Салерно лягу!
И к вам вернется жизнь тогда.
Все остальное — не беда.
Ведь вы, избавясь от болезней,
намного лучше и полезней
способны жизнь прожить, чем я...»
Граф, восхищенный не тая,
с глазами, влажными от слез,
благоговейно произнес:
«Моя возлюбленная жена!
Жизнь нам обоим равно нужна,
а смерть — не такая уж сладкая штука,
но еще ужасней предсмертная мука.
Все не так просто, как ты полагаешь,
когда мне помощь свою предлагаешь.
Я твой порыв оценил вполне...
Немалое счастье выпало мне
с подобной встретиться чистотой,
с безгрешным сердцем, с верой святою
в великую силу любви и добра...
О, я бы со смертного встал одра,
когда бы это приказала
ты, кто святость свою доказала.

Чудо господь сотворил:
сердце твое отворил
чужому страданию, чужой печали...
Но кем бы люди меня считали,
если б я принял жертву твою?
Пред страшным выбором я стою!..»

.
Граф и девушка скачут в Салерно.
Оба счастливы неизменно,
хоть ее огорчает немного,
что так далека дорога.
Графа нужно быстрее спасти,
но мешает дальность пути.

В Салерно они прискакали,
врача того отыскали:
«Вот она, кем я буду спасен!..»
Врач узнал его. Врач потрясен.
А затем, состраданьем влекомый,
к бедной девушке незнакомой
он подходит и молвит: «О дочь моя,
расскажи, ничего не тая,
что здесь: чистой любви побуждение?
Иль угроза? Приказ? Понуждение?
Хочешь верность ему доказать,
иль не можешь ему отказать,
повинуясь мольбам господина?..
Мне должна быть известна причина
решенья страшного сего». —
«Веленье сердца моего», —
не замедлила дева с ответом.
От нее не скрылось при этом,
как врач на нее дивился.
Он в сторону с ней удалился
и свой вопрос повторил:
«Не твой ли граф подговорил
в преступном бессердечье
тебя на эти речи?!
Достаточно тебе чуть-чуть
себя, меня ли обмануть,
хотя бы и под страхом, —
как все пошло бы прахом:
мое искусство, подвиг твой;
ты не останешься живой,
и сердце изничтожишь,
и графу не поможешь!

Как говорят: сто раз отмерь!
Все взвесь, себя спроси, проверь,
нет ли в душе сомненья
и не нашло ль затменья!..
И слушай, что произойдет,
как в силу договор войдет.
Воображаешь сцену?
Вот я тебя раздену,
и ты, раздевшись догола,
уже не встанешь со стола,
но, стыд превозмогая,
несчастливая, нагая,
начнешь кричать беззвучным ртом...
Сказать, что ждет тебя потом?
По правилам науки
тебе свяжу я руки,
и ноги я тебе свяжу,
и прямо в сердце нож всажу,
и, грудь пронзив и спину,
живое сердце выну!
Еще одно узнать изволь:
страшна не смерть. Ужасна боль!..
Что! Ты в ответ ни слова?!
Ты лечь на стол готова?!
А дух тебя не подведет,
когда дыхание сведет?
А при упадке духа —
полнейшая проруха!
О, эта боль! О, этот ад!
При этом нет пути назад.
О, сколь я сам несчастен,
Что к этому причастен!
Нет, в жизни мне не повезло:
Избрал я злое ремесло...
Ах, погоди хоть малость!..
Но дева рассмеялась:
«Спасибо вам, великий врач!..
Мне тоже не везет, хоть плачь.
Сомнение тревожит,
и опасенье гложет.
Поди, и вправду откажусь,
не от того, что не гожусь:
не я оказалась слабой,
вы оказались бабой!
Да ведь у вас паверняка

от страха задрожит рука.
Вы — первый врач Салерно
и трусите безмерно!
Вы зайцу серому родня!
Но только жаль вам не меня,
не смерти моей ранней,
своих вам жаль терзаний!
А может быть, давно мертво
былое ваше мастерство
и силы в вас иссякли?
Ну! Я права! Не так ли?!
Я женщина — и я сильна,
и в действиях своих вольна,
и я на стол ваш лягу,
но вы — назад ни шагу!
А что наслушалась от вас
я всяких ужасов сейчас,
то это все не ново:
я к ним давно готова.
Поймите же, что никогда
я б не приехала сюда,
коль с самого начала
я главного не знала:
не струшу и не отступлю,
а господину жизнь куплю,
себе же — доступ в царство божье!
Так не тряситесь мелкой дрожью!
Час избавленья чую,
сейчас плясать хочу я!
Граф исцелится наконец,
меня к себе призовет творец,
и не во сне, а наяву
я в царстве божьем заживу,
увенчана короной,
господом даренной...»
И понял мудрый врач тогда,
что она в решение своем тверда,
что не может она поступить по-иному,
и ее повел он к графу больному.
«Счастливейший из людей земли,
о чем и мечтать нельзя, вы нашли!
Все сомненья отпали. И вскорости
от своей вы избавитесь хворости!..»
Он повел ее в комнатку тайную,
где все мраком покрыто и тайною,
а графу за дверью велел остаться,

в тайную комнату не врываться,
сколько б это ни длилось часов,
и запер дверь на тяжелый засов.
Там, где стояли различные склянки,
он велел раздеться юной крестьянке,
и она, повинувшись приказу,
охотно и сразу
платье сняла, обнаженной осталась,
но не стеснялась...
И врач увидал: на диво
это юное тело красиво.
И так жаль врачу ее стало,—
прямо сердце стучать перестало
и рассудок чуть не отказал...
И он сам ей об этом сказал.
Но она его умоляла,
вновь и вновь повторяла,
чтоб он продолжал свое дело
и скорее разрезал ей тело.
Вот и стол она видит высокий,
где обряд свершится жестокий.
Лекарь девушку за руку взял,
взобраться на стол приказал.
Она легла без тени тревоги.
Он связал ей руки и ноги,
а потом стал подыскивать нож:
который из них хорош?
(Их здесь много, широких и длинных,
для дел отнюдь не невинных.)
Пусть внявшая голосу долга
хотя бы страдает недолго
и легко и быстро умрет...
Лекарь камень точильный берет,
и точит свой нож, и точит,
к делу все приступить не хочет!
А Бедный Генрих, за дверью стоя,
чувство испытывает не простое.
Он удручен, озадачен,
великим смятением охвачен.
Ах, ужель не увидит он снова
черты лица дорогого?
А если он их увидит,
то здоровым отсюда не выйдет.
Но ему исцеление обещано?..
Вдруг в стене замечает он трещину
и, прильнувши к ней, видит сквозь щель

этот стол, что похож на постель,
а вернее, на смертное ложе,
на котором,— господи боже,—
связанная, нагая,
лежит его дорогая.
«О, как же ты глуп! — сказал он себе.—
Ты ждешь перемен в своей скорбной судьбе
и требуешь избавленья
без божьего соизволенья!
Ты небом страдать осужден навек,
а хочешь, чтоб спас тебя человек?
Глумясь над господним словом,
надеешься быть здоровым?!
На что ты девушку подговорил?
Да сам ли ведал ты, что творил?
Смерть ее будет лишней,
ибо все решает всевышний!
Исцелит — ликуй, не простит — страдай.
Только девушке умереть не дай,
кровью чистой своей твой позор оплатить!..»
И, не выдержав, начал он в дверь колотить.
«Отворите скорее, я вам говорю!» —
«Господин, как закончу, так и отворю:
ни мгновенья нельзя в этом деле терять!» —
«Отворите же! Сколько вам раз повторять!
Надо кое-что нам обсудить непременно!» —
«Говорите... Мне слышно вас и сквозь стену». —
«Нет! Сквозь стену я не хочу говорить!»
Что поделать? Пришлось ему отворить.
И Генрих в комнату вошел,
увидел тот высокий стол,
где связанная дева,
нагая, словно Ева,
исхода сладкого ждала...
Тут он, схватясь за край стола,
вскричал: «Дитя невинное!
Не буду я причиною
ужасной гибели твоей!
Врач, развязать ее! Скорей!
Да будет освобождена
та, что для жизни рождена
и столь собой прекрасна.
За что ей гибнуть понапрасну!
Спасибо за твое добро.
А золото и серебро,
согласно уговору,

ты, врач, получишь скоро!»
(И мы заметим мимоходом:
врач счастлив был таким исходом.)
Но когда спасенная поняла,
что судьба ее жертву не приняла,
то, свой стыд позабыв девичий,
против всяких правил приличий
принялась она истошно рыдать,
на себе в иступлении волосы рвать,
так что все, что это видали,
сами также рыдали.
И металась она, и кричала она:
«Боже мой! Я отныне всего лишена!
Развевлся сон мой чудесный!
Не владеть мне короной небесной!
Если бы мне удалось пострадать,
то и впрямь корону небесную дать
должны были б мне за страданья.
Ах, напрасны, напрасны старанья!
О ты, кто благ на небеси,
меня, несчастную, спаси
и господина со мною вместе.
Какой великой лишились мы чести:
он — плоть спасти, я — дух спасти
и, не ропща, свой крест нести!..»
Так она голосила,
о смерти просила,
охвачена безграничной тоской,
к доброте взывая людской.
Но в столь необычном и страшном деле
ей люди, конечно, помочь не хотели.
Нет, никто ей, никто не помог.
И молчали и люди и бог...
И тогда господину пенять она стала:
«Сколько я всего из-за вас испытала!
Как глумились вы надо мной!
А всему ваша слабость виной.
Это вы меня к жизни вернули!
Да и люди меня обманули:
«Рыцарь! Мужествен! Неустрашим!..»
Ах, зачем я поверила им
и разгневала господа бога?
Мне совсем оставалось немного
до конца, но в решающий миг
вы отчаянный подняли крик.
Вы за горе мое в ответе.

Вы трусливее всех на свете.
Я ведь на смерть пошла. А вы?
Потерпеть не решились, увы!
Что ж вас так напугало, узнать нельзя ли?
Может, то, что меня связали?
Но ведь, стоя за толстой стеной,
как вы видеть могли, что со мной?
Может, вы бесстрашнейший витязь,
просто смерти чужой боитесь,
потому и вбежали к врачу?
Ну, так я вас заверить хочу,
что, если меня не будет,
вас никто не осудит,
не обвинит в преступленье.
А, напротив, вас ждет исцеленье».
Все тѣтно — деве быть живой!..
А Генрих тяжкий жребий свой
как рыцарь набожный принял,
он твердости не потерял
и чистоты душевной,
назло судьбе плачевной...
Не выполнив обета,
вновь девушка одета
и снова жить обречена.
Врачу заплачено сполна.
И Генрих с грустью необъятной
тотчас пустился в путь обратный,
при этом был вполне готов
услышать гогот наглых ртов,
и вопль, и рев толпы презренной
на родине благословенной.
Что ж! Пусть толпа гогочет!
Все — как господь захочет!..

А дева так измождена была,
так много слез горючих пролила,
что силы ей внезапно изменили:
и впрямь она близка к могиле.
И тогда помог ей в беде
тот, кто с нами всегда и везде,
кто людские сердца отворяет,
радостью их одаряет,
кто диво дивное свершил
и этих двоих испытать решил,
как Иова когда-то:
тверда ли их вера иль слабовата?..

И то был Иисус Христос,
кто избавление им принес
за то, что душа в них жила человечья,
за милосердье и добросердечье...
Чем ближе к отческому дому,
тем легче делалось больному.
Проказа с Генриха сползла —
господня милость его спасла.
Господь своей любовью
вернул ему здоровье.
И Генрих снова жизни рад,
как двадцать лет тому назад.
Слух о чудесном исцеленье
шел из селения в селенье,
народ о чуде узнавал
и непритворно ликовал:
ведь милосердье и пощада
и есть небесная улада...

Меж тем высокородные князья —
всё Генриха ближайшие друзья
(которые в беде с ним не встречались) —
ему навстречу мчались.
Не веря слухам и словам,
любой хотел увидеть сам,
что исцеляет наш господь
не только дух, но также плоть
от хвори беспощадной.
И вот — пример наглядный!
А хуторянину с женой
казалось: сгинул сон дурной,
свершилось чудо божье!
(Скажу: была бы ложью
попытка разуверить вас,
что оба не пустились в пляс
при первом извещенье
о дивном возвращенье
их дочери родимой,
живой и невредимой,
и графа дорогого,
здорового, живого.)
Нет, не могли отец и мать
ни слез, ни смеха удержать,
в них все перемешалось,
что в сердце умещалось.
Как будто сняли их с креста!..

И хоть смеялись их уста,
из глаз текли на щеки
горячих слез потоки.
Вновь слезы хлынули из глаз,
когда не три, а тридцать раз
они поцеловали
ту, что уже не ждали
(и в этом я поверю
старинному поверью).
Явился в каждый швабский дом
желанный праздник. Все кругом
шумело, веселилось,
веселие вселилось
в сердца воспрянувших людей.
Свидетели тех давних дней
в преданьях рассказали,
что в Швабии едва ли
встречали так кого-нибудь,
цветами устилая путь...
Но вы узнать хотите
дальнейший ход событий?
Что Генрих? Как его дела?
Недурно, господу хвала!
Он вновь здоров, и вновь силен,
и вновь почетом окружен,
он стал еще богаче...
Но жить он стал иначе:
достойней, чище, строже,
в согласье с волей божьей.
А хуторянину тому,
который дал приют ему,
он отписал именье
в вечное владенье.
Не позабыл он и о ней,
кто всех была ему верней...

.
Но вот мудрейшие страны
сказали графу: «Вы должны
в конце концов решиться
на ком-нибудь жениться.
Быть холостым вам не к лицу.
Так поведите же к венцу
достойную подругу,
грядущую супругу!..»
Созвав друзей в огромный зал,
граф Генрих попросту сказал:

.
«Друзья мои, в сей светлый час,
должно быть, многие из вас
еще хранят воспоминанье
о том, как я страдал в изгнанье.
Болезнью тяжелой удручен,
я был от мира отлучен,
люди меня избегали,
детей своих мною пугали.
Так чем же мне ответить той,
чьей ангельскою добротой
и бескорыстнейшей любовью
мне вновь возвращено здоровье?»
На сей раз общим было мнение:
«С ней, кто принес тебе спасенье,
жизнь и богатство раздели —
и свадьбу праздновать вели!
Но кто счастливейшая эта?..»
И вот перед лицом совета,
свою красавицу обняв,
ответствовал спасенный граф
весьма прекрасными словами:
«Смотрите, вот она — пред вами,
кто от погибели и зла
меня, несчастного, спасла.
И я вам повторяю:
ее я выбираю!
Но, впрочем, ей решать самой:
быть ей со мной иль не со мной?
Но в случае отказа
клянусь: умру я сразу!..»
И богат, и беден, и стар, и мал
воскричали: «Истинно он сказал!..»
Священники их обвенчали.
И до старости, без печали,
в согласье свои они прожили дни,
и в небесное царство вступили они...
Пусть и нам дарует господь эту участь:
мирно жить, умирать не мучась.
О господь, пощади нас и не покнянь,
ниспошли нам свое милосердьё. Аминь!..

Вольфрам фон Эшенбах.

Для уроженца Баварии, рыцаря Вольфрама фон Эшенбаха (около 1170—1220 гг.), так же как для Гартмана фон дер Ауэ, светский рыцарский идеал неотделим от идеала религиозного. Об этом свидетельствует крупнейшее произведение Вольфрама — роман «Парцифаль» (*Parzival*), около 1200—1210 гг.), примыкающий к эпическому циклу св. Грааля. Роман повествует о судьбе простодушного рыцаря Парцифалья, воспитанного матерью в лесу. Пройдя целый ряд испытаний, он становится хранителем таинственного Грааля и главой рыцарского братства тамплиеров (храмовников).

Мотив Грааля, видимо, почерпнут Вольфрамом у Кретьена де Труа («Персеваль»). У последнего Грааль — это священный сосуд, у Вольфрама же — это драгоценный камень, который, как скатерть-самобранка в народной сказке, насыщает каждого по его желанию, дает людям силы и блаженство. Используя народные сказочные мотивы, Вольфрам вместе с тем заметно усиливает мистическое звучание легенды о Граале. Однако главное внимание поэта сосредоточено на истории простака Парцифалья, которая раскрывается как история духовного роста героя романа, поставленного между условностями феодально-рыцарского этикета и требованиями естественной человечности. Парцифаль проходит извилистый жизненный путь, пока не достигает высшей ступени духовного совершенства. Источником этого совершенства является человеколюбие. В апофеозе осознанной естественной человечности и заключается главная мысль романа Вольфрама. Еще будучи ребенком, живя вместе с матерью в лесу, Парцифаль обнаруживал добрые чувства (см. приводимый отрывок). Но это был только голос сердца, не подкрепленный доводами разума. Лишь соприкоснувшись с миром людей, созрел он как человек. Увидев людское страдание, он уразумел, что есть в мире нечто более высокое, чем заветы рыцарской куртуазии.

Значительную роль в духовной истории Парцифалья отводит Вольфрам религиозному элементу. Однако религиозные взгляды Вольфрама вовсе не совпадают с официальной церковной идеологией. Он не стоит на почве аскетического мировоззрения, подчас его религиозные взгляды окрашиваются в пантеистические тона, ему присуща также широкая веротерпимость, не знающая расовых предрассудков средних веков. В 1882 г. Р. Вагнер по мотивам романа написал свою оперу «Парцифаль».

О лирических песнях Вольфрама весьма положительно отзывался Ф. Энгельс (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 73). Н. Г. Чернышевский, говоря о выдающихся поэтах далекого прошлого, устарелый язык которых не позволяет нам «наслаждаться» их творениями, «так свободно, как наслаждались их современники», называет Вольфрама наряду с Данте и Шекспиром («Эстетические отношения искусства к действительности». Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 50).

Приводимый ниже отрывок из третьей книги романа рисует детство Парцифалья и его первую встречу с рыцарями. Парцифаль — сын короля Гахмурета, погибшего в рыцарском бою. Желая уберечь сына от подобной участи, мать воспитывает Парцифалья в лесу, вдалеке от рыцарских замков.

ПАРЦИФАЛЬ.

Скорблю душою я о том,
 Что стольким имя жен даем.
 Их голоса равно звучны,
 Но многие ко лжи склонны,
 Немногие от лжи свободны:
 Порядок так велит природный.
 Что всем дают им имя жен,
 Я этим тяжко устыжен.
 О женственность, обычай твой —
 Быть в дружбе с правдою
 святой!

От бедности, — так
 мыслит свет, —
 Нам никакого прока нет.
 Кто ради правды бедным стал,
 Тот пламя ада избежал.
 Так сделала одна жена,
 И ныне в небесах она
 Богатство вечное стяжала.
 Я думаю, на свете мало
 Таких, кто ради горних благ
 Быть предпочел и нищ, и наг.
 Равно и жены, и мужи
 Живут обычно в тине лжи, —
 Других не видел я, по чести.

Стать гостьей всех своих
 поместий
 Решила Херцелойд^а и время
 Уныния нести все время.
 Ты б не открыл ни капли лжи
 В душе сей знатной госпожи.
 Ей солнце было — что туман,
 Мирские радости — обман.
 Равняла с ночью день она
 И скорбью лишь была полна.
 И вот она, скорбя душой,
 В лес удалилась вековой
 И стала жить в глуши
 Солтаны.
 Не разноцветные поляны

Ее пленяли; их узор
 Не радовал печальный взор
 Жены, отрешившись от света.
 С собою сына Гахмурета
 Она в пустыню привела.
 Дворня тем занята была,
 Что корчевала и пахала,
 Она же с самого начала
 Дитя воспитывать взялась
 И сразу же дала приказ,
 Чтоб не довел до слуха сына
 Никто — ни дева, ни

мужчина, —
 Что рыцари на свете есть.
 «Коль мальчик мой услышит
 весть
 О жизни рыцарской, — покой,
 Увы, нарушен будет мой.
 Прошу о рыцарях молчать,
 Их никогда не помянуть».

Был этот соблюден запрет,
 И мальчик с самых юных лет
 В Солтане рос, дубравой скрыт,
 И рыцарский не ведал быт.
 Но научиться он сумел
 Лук мастерить и тучу стрел;
 И часто он, бродя в лесах,
 Подстреливал веселых птах.
 Но если певчей пташки стон,
 Сменявший песню, слышал он,
 То удержать не мог он слез,
 Рвал нежный шелк своих волос.

Он телом светел был, как снег:
 На берегу журчащих рек
 Он, просыпаясь, умывался
 И тотчас же в дубравы мчался,
 Чтоб слушать пташек над
 собою.
 Их щебет сладостью такой

^а Вдова Гахмурета и мать Парцифалья.

Его всего переполнял,
Что он в слезах домой бежал.
«Да что ты? — спрашивала

мать. —

Ведь ты ходил на луг играть».
Но, по обычаю детей,
Стоял он молча перед ней.

Ее заботил сына нрав.
Как часто, голову подняв,
Он под деревьями стоял
И с птиц поющих не спускал
Горящего восторгом взора.
Постигла королева скоро,
Как птицы дороги ему,
И вот, не знаю почему,
Она пернатых невзлюбила.
Приказано крестьянам было
Всех птиц кругом переловить
И сладкозвучных удавить.
Но в руки многие не шли
И гибель избежать смогли.
В живых оставшаяся часть
Опять защебетала влать.

И мальчик молвил королеве:
«За что ты на пернатых в гневе?
Просил он их не убивать.
Его поцеловавши, мать
Сказала: «Божие веленье
Что нарушаю? Птиц мученья
Не буду больше множить я».
А мальчик: «Матушка моя,
А что такое — бог, скажи!»
«Сынок, — ответ был

госпожи, —

Он дня прекрасного светлей;
Когда-то пред лицом людей
Он лик святой являл не раз.
Запомни, что скажу сейчас:
Молись ему в нужде, сынок,
Он многим в горести помог.
Другой же, знай, — владыка

ада:

Он черен и отец разлада.

К нему ты в мыслях не влесь
И от сомнений берегись».

Так поучала сына мать
Меж тьмой и светом различать.
А он бежал в поля потом,
Яتب упражняться там с копьем,
Которым он, не зная лени,
В дубравах убивал оленей.
Под снегом был ли лес, или

нет,

Равно он мчался им вослед;
В день столько успевал настичь,
Что им заколотая дичь
Быть унесенной не могла;
Ее грузили на мула.

Он раз на просеку попал
И ветвь себе там оборвал,
Чтоб пожевать ее листочки.
Тропа вилась на бугорочке.
Вдруг слышно цоканье копыт.
Он сжал копы и говорит:
«Что слышу? Верно с Сатаной
Сегодня путь скрестился мой.
Но одолею я, наверно,
Владыку тьмы и всякой

скверны.

Не так уж страшен он, хоть мать
Меня старалась напугать».

И он стоял, готовый к бою.
Вдруг видит: подскакало трое
Нарядных рыцарей в броне,
И каждый на лихом коне.
Он не на шутку был готов
Тотчас признать их за богов.
Недолго так он простоял,
Потом пред первым ниц упал
И крикнул: «Помоги мне, боже!
Ты в силах сделать все, похоже».

Но мальчик, заградивший
путь,

Тому наполнил гневом грудь.
«Валлийский увалень вперед

Тут мальчик так еще спросил
И всех вопросом рассмешил:
«Узнать я был бы очень рад,
Зачем колечек целый ряд

Ты нацепил и там и здесь?
 Покрыт колечками ты весь».
 И до кольчуги раз-другой
 Слегка коснулся он рукой.
 С нее не мог отвести он глаз.
 «Колечки нижут и у нас
 Девуцы часто, но таких
 Рядов не видел я густых».
 Не унимаясь, он опять
 Спросил: «Я не могу понять,
 Зачем они тебе нужны,
 Зачем так крепко сцеплены?»

Граф показал ему свой меч:
 «Те, кто со мною ищут встреч,
 Всегда вот с ним имеют дело,
 Но и от их ударов тело

Я должен защищать, и вот
 Щит и кольчуга — мой оплот».
 А мальчик, выслушав ответ:
 «Когда бы в шкуру был одет
 Олень в такую вот густую,
 То я б охотился впустую».

Но графа стали торопить
 Беседу с дурнем прекратить,
 И он сказал: «Тебя все дни
 Господь преблагостный храни!
 Когда б имел от бога ты
 Ума не меньше красоты,
 Ты был бы чудом из чудес».
 И рыцари свернули в лес...

(Книга III, стихи 1—258)

Готфрид Страсбургский.

Горожанин Готфрид Страсбургский (умер около 1220 г.) в отличие от Вольфрама является представителем чисто светского течения немецкой куртуазной поэзии. Он решительно выступает против «темного», насыщенного мистическими образами и мотивами стиля Вольфрама, называя автора «Парцифалья» «слагателем диких сказаний». Он не ищет путей к богу, его не привлекают «таинственные» легенды о Граале. В своем единственном романе «Тристан и Изольда» он обращается к истории двух молодых людей, отстаивающих свое право на земное счастье.

Под пером Готфрида старинное народное сказание превращается в волнующую повесть о пылкой любви, на пути которой стоят обычаи и представления феодального общества. В его истолковании любовь Тристана и Изольды не адское наваждение (как у более раннего поэта Эйльхарта), но великое чувство, естественно овладевающее всем существом человека. И трагическая вина молодых любовников коренится не в греховной природе человека, которую издавна третировала церковь, но в бесчеловечности феодального общества, в котором взаимная любовь возможна только в форме незаконной связи. Предвосхищая выступления гуманистов против феодально-церковной морали средних веков, Готфрид ратует за право человека на земное счастье, за право естественной любви, не скованной феодальными нормами. В этом уже ясно сказываются веяния новых воззрений на жизнь, зарождавшихся в городах. Привлекает Готфрида также чувственное великолепие земного мира. Он любит женскую красоту, нарядные одежды, цветущую, радостную природу. Ясность и изящество составляют характерную особенность его куртуазного стиля.

Роман Готфрида высоко ценил Ф. Энгельс. «Я люблю великолепную переработку Готфрида Страсбургского», — писал он в статье «Немецкие народные книги». Впрочем, Готфриду не удалось закончить роман. Недостающие главы были написаны последователями Готфрида — поэтами Ульрихом фон Тюргеймом и Генрихом фон Фрейбергом. Опираясь на роман Готфрида, Р. Вагнер написал свою оперу «Тристан и Изольда».

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА.

И струги двинулись в поход.
 Попутный ветер их гнал вперед,
 И тихо рокотали воды.
 Однако плаванья невзгоды
 Изольде непривычны были
 И скоро утомили
 Ее и женщин остальных.
 Невыносимым стал для них
 Шум ветра и вспененный вал.
 Тристан матросам приказал
 К земле пристать скорей,
 Чтоб отдохнуть на ней.
 Они причалили, и вот
 Спустился на берег народ,
 Чтоб побродить часок-другой.
 Тристан же к женщинам в покой
 Вошел с приветным взглядом
 И, сев с Изольдой рядом,
 Повел с ней речь о том, о сем
 И скоро попросил потом
 Ему чего-нибудь
 От жажды дать глотнуть.
 Служанки, молодые девы,
 Вкруг ложа королевы
 Гурьбой стояли, и одна
 Воскликнула: «Бокал вина
 Стоит вот в этой скрыне».
 То не было, — мы знаем

ныне, —

Вино, хоть было схоже с ним.
 То был огонь, что несравним
 Ни с чем по страшной силе:
 Он их привел к могиле.
 Ей это было невдомек,

И тотчас ядовитый сок,
 Налитый до краев бокала,
 Она ему достала.
 Тристан, приняв из рук бокал,
 Отпить Изольде дал.
 Глотнула нехотя она,
 Тристан же выпил все до дна.
 Вино напиток был в их мненье.
 Вошла Брангэна в то мгновенье
 И, увидав сосуд,
 В миг поняла, в чем дело тут.
 Она всем телом задрожала,
 И кровь от сердца отбежала.
 Бледна, как труп, она прошла
 И, взявши кубок со стола,
 Что ими выпит был на горе,
 Его метнула в волны моря.
 «Отныне мне спасенья нет!
 Зачем я родилась на свет? —
 Она в отчаянье вскричала. —
 Навек я потеряла
 Честь и доверье госпожи.
 Зачем — о господи, скажи! —
 Я в путь пустилась роковой?
 Зачем жестокий жребий мой
 Меня с Изольдой в даль пустил?
 Ах, лучше б он меня убил!
 Увы, Изольда и Тристан,
 Вам смертный яд был в кубке
 дан».

И вот, когда и муж и дева,
 Тристан и королева,
 Напиток выпили, пришла
 И та, кто муки без числа

Тристан играет на арфе. Из мюнхенской рукописи «Романа о Тристане».

Вселяет в мир, — пришла
Любовь,

Воспламеняющая кровь.
Им был ее не слышен шаг,
Но миг — и свой победный стяг
Она в сердцах их водрузила.
То, что двойным и разным

было,

Единым сделалось тотчас,
И долгий их раздор погас,
Его как не бывало.
У девы ненависть пропала.
Любовь, крепительница уз,
Сняла с их душ тяжелый груз,
Который накопила злоба,
И вот почувствовали оба,
Что каждый для другого стал
Прозрачней, чище, чем
кристалл.

У них одно лишь сердце
билось,

Обоих боль соединилась,
Страдал он тем, что и она.
У них душа была одна.
Но, мучимы одним недугом,
Они таились друг пред другом.
Тому причиной был стыд
И недоверье, что велит
Скрывать желаний выражение.
Хоть страстной воли

напряженье

К единой цели их влекло,
Обоим было тяжело
Признаться в чувствах, и

вначале

Таились оба и молчали.

Когда почувствовал Тристан,
Что он любовью обуян,
Решил он не сдаваться,
Чтоб с честью не расстаться.
«Нет, — думал он в душе

своей, —

Тристан, опомнись же скорей,
Дай искушению отпор!»
И с сердцем вел он долгий спор,
Упорно с волей воевал
И нежеланного желал.
Стремясь Любовь преодолеть,
Накинутую ею сеть
Он разорвать пытался
И долго не сдавался.
Двойную муку он терпел:
Когда в глаза он ей глядел,
И сладкая любовь
Ему мучила ум и кровь
Пленительным Изольды взором,
Тогда, терзаемый укором,
Он Верность призывал и Честь,
И от него удар отвести
Им удавалось на мгновенье.
Но вновь свершала нападение
Его владычица Любовь,
И он ей покорялся вновь.

Хоть Честь и Верность
 причиняли
 Немало боли и печали,
 Но от Любви в стократ сильней
 Терзался он в любви своей:
 Он мук таких не видел вместе
 От Верности и Чести.
 Взор сердца он в нее вперял,
 Очей же взоры отвращал,
 Но, отвращая взор очей,
 Он мучился всего сильней.
 Подобно узнику в тюрьме,
 Имел он часто на уме
 Бежать, ища спасенья,
 И предавался размышленью:
 «Любви перемены пути,
 Свои желанья обрати
 Еще к чему-нибудь на свете!»
 Но нет, порвать не мог он сети.
 В свой ум и сердце он вникал,
 В них перемен искал,
 Но находил там вновь и вновь
 Изольду только и Любовь.

Таков же был Изольдин рок,
 С такой же силою увлек
 Ее Любви водоворот.
 Увидев, что ее несет
 Он в омут, чар опасных

полный,
 Что уж захлестывают волны,
 Что вся она погружена,
 На берег выбраться она
 Пытаться стала из стремнины.
 Но липкие объятья тины
 Изольду обхватили так,
 Что не пускали ни на шаг.
 Отбиться от нее руками
 Она старалась и ногами,
 Но тщетно: все сильней,
 сильнее
 Запутывалась в ней,
 Вот-вот готовая упасть
 В чарующую сласть
 Мужской любви и обаянья.

Ее плененное сознание,
 Из липких вырываясь пут,
 Напрасный полагало труд.
 Чуть ступит шаг иль полупаг,
 Любовь за ней следит, как враг.
 Все, что на ум ей приходило,
 И все, что в смутных чувствах
 жило,
 К Тристану и Любви несло, —
 Тоской пронизано насквозь.
 Но был немой ее язык,
 И неожиданно возник
 Меж сердцем и глазами спор.
 Стыд отвращал Изольды взор,
 А сердце от любви пылало.
 Друг с другом ссорились

немало
 Муж, девушка, Любовь и Стыд,
 На мужа дева не глядит,
 Хотя, не ведая покоя,
 К нему стремится всей душою,
 А Стыд лишь о Любви мечтает
 И ото всех мечту скрывает.
 Однако девушка и Стыд —
 Так молвь людская говорит —
 Недолговечны, к сожаленью:
 Слабеет их сопротивление
 День ото дня, от часа час.
 Изольда бедная сдалась
 И покорила грозной силе.

Направлены отныне были
 Все помыслы и жар в крови
 К Тристану и Любви.
 Она украдкой то и дело
 Ему в лицо глядела,
 Раздора сердца и очей
 Не возникало в ней.
 И сердце и глаза согласно
 Глядели с лаской страстной
 В лицо Тристану, и в ответ
 Его глаза лучистый свет
 Изольде посылали.
 Стал понимать он, что едва ли
 Удастся превозмочь Любовь.

В глаза друг другу вновь
и вновь
Они глядели с восхищеньем,
Удобным пользуясь
мгновеньем,
Когда их не видал народ.
Все больше неземных красот
Они друг в друге находили.
Таков закон, что в силе
Был испокон веков;
Он и теперь таков:
Для душ, влюбленностью
томимых,
Все краше взор очей любимых,
День ото дня Любовь растет,
И цвет ее приносит плод,
Исполненный сладчайших
чар,—
Любви созревший дар.
Плодоносящая Любовь
Все молодеет вновь и вновь;
Она любимой красит лик,
И ей неведом смерти миг.

И струги вновь по глади вод
Поплыли весело вперед.
Лишь двум сердцам на них
сойти

С привычного пути
Пришлось, Любви свершая
волю.

Свою блаженную недолю
Они несли, полны забот,
Терпели муку, что дает
Переживать нам чудеса,
Но чья сжигает нас роса,
Чей горше желчи мед,
Чья сласть отраву льет,
Чья ласка сердце ранит,
И что вовек не перестанет
Безумием терзать людей.
Теперь Любовь велела ей
Терзать Изольду и Тристана.
У них одна горела рана,
И странный мучил их недуг.

Им беспокойно стало вдруг
Друг с другом быть не рядом!
Однако наполнял разладом
И взор взаимный душу им;
Был каждый мукою томим,
Что он не в состоянье
Унять огонь желанья,
Который в сердце скрыт.
Их счастьем был помехой стыд.
Когда друг друга ненароком
Они встречали нежным оком,
Их лица покрывал баgreц —
Цвет их пылающих сердец.
Красильщица-Любовь
Гнала им по ланитам кровь.
Ей мало было, что она
От глаз людских ограждена,
В душе хранится благородной.
Нет, было ей угодно,
Чтоб власть ее была видна,
И заставляла их она
В лице меняться каждый миг,
Был каждый миг другим их
лик;

Вдруг побледнеют, а потом
Лицо зальет огнем,
И побледнеют оба вновь,
Меняла краску им Любовь.

И вот обоим стало ясно,
(Скрывать такое — труд
напрасный!),

Что им обоим в кровь
Какой-то яд влила Любовь,
И, жертвы общего недуга,
Они теперь всегда друг друга
Искали, чтобы что-нибудь
Наедине шепнуть.
Охотники Любви, они
Друг другу западни
Охотно ставили и сети.
Порой в вопросе или в ответе
Был скрыт коварнейший силоч.
Старались оба, кто как мог,
Друг друга изловить на слове.

Промолвил: «Сердца королева,
 Поверь мне: и меня, увы,
 Терзают лишь l'ame и вы.
 Любовь и вы моя беда;
 Пленен я вами навсегда,
 Навек я потерял покой
 И сделался как сам не свой.
 Я не могу ни на мгновенье
 Преодолеть свои мученья,
 Все, что вокруг себя я вижу,
 Мне тягостно; я ненавижу
 Все то, что прочим тешит глаз.
 Люблю, Изольда, только вас!
 Без вас мне мрачен белый свет».
 «А мне без вас», — она в ответ.

Связав сердца им навсегда,
 Тогда их тяжкая беда,
 Хотя унялась, но осмелела.
 Они в глаза друг другу смело
 Теперь глядели, не стыдясь.
 Их души роковая связь
 На горе им спаяла.
 Любви блаженное начало,
 Их поцелуй запечатлел
 Навек союз и душ, и тел.
 Напиток страсти оба пили,
 Неслыханный по сладкой силе,
 Чей в сердце утаен родник,
 И в каждый подходящий миг
 Друг другу предлагали вновь
 Напиток дивный твой, Любовь.

Когда обоим ясно стало,
 Что их Любовь околдовала,

(Стихи 11649—12050)

МИННЕЗАНГ.

Миннезанг (Minnesang) — термин, введенный немецкими учеными в XVIII в. для обозначения немецкой средневековой рыцарской лирики. По своему характеру миннезанг близок к поэзии трубадуров и труверов, хотя и обладает рядом своеобразных черт. Так, в немецкой куртуазной поэзии чувственный элемент играет значительно меньшую роль, чем в поэзии романской. Немецкие поэты более склонны к рефлексии, морализации, к перенесению житейских проблем в сферу умозрительных спекуляций. Их гедонизм обычно носит более сдержанный характер. Многие произведения их окрашиваются в религиозные тона. Однако, несмотря на свою абстрактность, миннезанг, подобно поэзии романской, сыграл все же известную роль в деле секуляризации средневековой культуры. Нередко в произведениях миннезингеров слышалось живое биение простого человеческого сердца, нередко звучали в нем звонкие голоса природы.

Основной формой куртуазной лирики, культивировавшейся миннезингерами XII—XIII вв., является строфическая песня (Lied). Песня может состоять из одной или из ряда одинаковых строф. По тематическим признакам среди песен выделяются:

1. Плясовые песни (Reigen, Winterlied, Tanzlied), по своим сюжетным компонентам во многом соприкасающиеся с пасторелой (см. раздел «Провансальская литература») и рисующие веселье, споры крестьянских девушек и парней и столкновение с ними рыцаря-поэта;

2. Утренняя песня (Tagelied), совпадающая с провансальской альбой;

3. Крестовая песня (Kreuzlied), призывающая к участию в крестовых походах и изображающая переживания крестоносца.

Наличие диалогической формы изложения выделяет так называемый Wechsel, представляющий обычно обмен строфами рыцаря и его дамы.

Другим особенно культивировавшимся миннезингерами жанром является нестрофический шпрукх (Spruch — изречение), усвоенный ими от шпильманов и становящийся излюбленной формой политической и поучительно-сатирической поэзии.

Меньшее значение имеет так называемый лейх (Leich), представляющий сложное объединение различных по строению строф и связанный по происхождению с латинским гимном.

Большая часть лирических произведений, дошедших до нас, приписывается определенным миннезингерам — как знатым рыцарям, так и незнатым министералам и шпильманам.

KUME, KUM, GESELLE MIN...

Одна из анонимных песен, записанная среди латинских стихотворений знаменитого собрания вагантской поэзии — рукописи, известной под названием «Garmina burana» (начало XIII в.), воспроизводящей тексты более ранней поры.

Приходи, мой друг, ко мне—	Словно роза — алый рот,
Так тоскую по тебе.	Дай забвенье от забот,
Так тоскую по тебе,	Дай забвенье от забот,
Приходи, мой друг, ко мне!	Словно роза — алый рот!

DU BIST MIN, ICH BIN DIN...

Стихи, приведенные в конце латинского любовного письма, написанного неизвестной монахиней монаху Верингеру из Тегернзе (XII в.). Два первых стиха представляют собой форму обручения.

Я с тобой,	Замкнулась дверца
Ты со мной,	Моего сердца,
Этому	Потерян ключик — не найти:
Верь, друг мой!	Век ты будешь взаперти.

Кюренбергер.

Образцы миннезанга начинаются песнями, дошедшими под именем Кюренбергера (вторая половина XII в.). Засвидетельствовано несколько лиц с этим именем среди служилых дворян в Австрии и Баварии, но ни с одним из них не удастся бесспорно отождествить поэта. Однако и тематика (использование фольклорных мотивов — I, ироническое отношение к служению даме — II), и форма (эпическая строфа, неточная рифма) свидетельствуют о далеко не достаточном знакомстве поэта с требованиями куртуазной поэзии.

I.

Я сокола кормила год и много дней.
 Когда его взрастила я по прихоти моей
 И перья чистым золотом ему увила я,
 Он взмыл высоко в небо, умчался в дальние края.
 Затем я увидала: летел он снова;
 Висел, к ноге привязан, шнурок шелковый;
 И перья красным золотом горели ярко вновь.
 Соедини, о господи, тех, кто в душе хранит любовь!

II.

«Стояла поздно ночью я у бойницы
 И слышала, как дивно пел песню рыцарь
 Размером Кюренберга пред сборищем большим.
 Иль он страну покинет, иль вдоволь я натешусь с ним». —
 «Подай, подай скорее коня и панцирь мой:
 Теперь по воле дамы я расстаюсь с страной:
 Меня заставить хочет, чтоб ласков был я с ней.
 Но ей вздыхать придется до скончания дней...»

Дитмар фон Айст.

Самая ранняя из дошедших до нас утренних песен (Tagelied), разрабатывающая тему еще не по канонам куртуазной альбы (влюбленных будит не друг или страж своей песней, а птичка), приписывается Дитмару фон Айсту (имя Дитмара фон Айста встречается в документах середины XII в.).

I.

«Спишь ли, мой друг ясноокий?
 Ах, будит нас жестоко
 Птичка-певунья злая,
 Среди веток липы порхая».

— Был сладок сон мой прекрасный.
Не горюй, дитя, понапрасну!
Нет любви без терзанья.
Лишь скажи — я исполню желанье.

Безутешно дама рыдает:
«Милый мой меня покидает.
Друга увижу ли вновь я?
Он уводит всю радость с моею любовью».

Как и утренняя песня Дитмара, его женская песня тесно соприкасается с фольклором.

II.

Бедняжка среди луга,
Все поджидая друга,
Стояла одиноко...
Вдруг видит: вьется сокол.

«О сокол, хорошо тебе!
Летать запрета нет нигде,
Избравши дерево в дубраве,
Полет к нему свободно править.

Я так же сделала как раз:
Тому всем сердцем отдалась,
Кого мои избрали очи.
Но зависть женам душу точит.

Ах, пусть мне милого вернут!
Мне ни один чужой дружок не люб!»

Генрих фон Фельдеке.

Сатирическая песенка о женском легкомыслии принадлежит основоположнику куртуазного стиля в немецкой и нидерландской литературе фламандскому рыцарю Генриху фон Фельдеке (вторая половина XII в.), автору эпоса «Энеида», разрабатывающего тему, заимствованную из античного эпоса.

I.

Уже не первый год
Молва идет:
«Пропал у старости почет».

Меня гнетет,
Что даме седина
Не по сердцу: к юнцу она,

К глупцу нежна.	Коль тускнет злата цвет...
Не в том моя беда,	«Старца любить, — она
Что голова седа.	в ответ, —
Мне в даме суетность горька:	Терпенья нет!»
На медь она падка,	.

В отличие от более ранних миннезингеров, охотно заимствующих свои сравнения из фольклора, Фельдеке обращается к образам куртуазного эпоса.

II.

Королеве верен был
 Потому Тристан, что к страсти
 Роковой его склонил
 Кубок ядовитой сласти.
 Я такого не испил,
 Но Тристана я затмил
 В подчиненье сладкой власти.
 Лишь тоской любви гоним,
 Друг желанный, необманно
 Быть хочу твоим;
 Светом будь моим!

Все тускнеет солнца свет,
 Холода наступят скоро,
 Малых птах простыл и след,
 Не слышать их разговора.
 Ах, поры грустнее нет!
 Луг почти совсем раздет,
 Омрачают наши взоры
 Бедные цветы в саду,
 Побледнели, дышат еле.
 За бедой беду
 От зимы я жду.

Фридрих фон Хаузен.

Куртуазная обработка мотивов крестовой песни (Kreuzlied) представляет собой подражание песне французского трувера Конона де Бетюна (см. раздел «Французская литература») и принадлежит рыцарю Фридриху фон Хаузену, занимавшему видные должности при дворе императоров Генриха VI и Фридриха I. Он принял участие в крестовом походе и погиб в сражении с турками в мае 1190 г., по свидетельству хроники.

Ах, плоть и сердце спорят меж собою,
Что так согласно жили много дней.
И жаждет плоть с язычниками боя,
А сердце льнет к избраннице своей,
Что краше всех... Скорблю я всех сильнее:
Никак я распри их не успокою.
Меня глаза измучили тоскою!
Пусть судит бог, кто из двоих правей.

Не чуялось мне быть в такой кручине,
Как в честь Христа взялся я крест нести.
Теперь я рад бы биться в Палестине;
Но верность даме встала на пути.
Как должно, душу мог бы я спасти,
Когда б желанье сердца смолкло ныне.
Но все равно ему в его гордыне,
В рай или в ад придется мне идти.

Но раз ты, сердце, глухо к уговору
И даже скорбь моя тебе чужда,
Молю, чтоб бог тебя отправил скоро
В места, где злая ждет тебя беда.
Как ты одна дерзнешь идти туда,
Бедняжка, в дом печали и укора?
И в ком найдешь ты верную опору,
Какою я служил тебе всегда?

Генрих фон Морунген.

Обработка мотивов утренней песни (Tagelied) в форме так называемого Wechsel — «обмена» строф, произносимых по очереди рыцарем и дамой, — принадлежит рыцарю Генриху из рода Морунген в Верхней Саксонии, имя которого засвидетельствовано в документах начала XII в.

«Увы, еще когда-нибудь
Узрю ль во тьме ночей
Белее снега грудь
Возлюбленной моей?
Ночь пронизав до дна,
Сверкала так она,
Что думал я: луна!
Уже светало.

— Увы, когда-нибудь опять
Мне б до рассвета с милым

Лежать и не вздыхать
С предчувствием унылым:
«Увы, уж день настал»,
Как он в ту ночь вздыхал,
Когда со мной лежал:
Уже светало».

«Увы, лобзанья без конца
Я чувствовал во сне;
Текли с ее лица
Потоки слез по мне.

Но я их смог унять,
 Прося меня обнять,
 К себе тесней прижать.
 Уже светало».

— Увы, хотел желанный мой
 С зари до поздних пор

Моей простой красой
 Свой жадный тешить взор.
 Готов был каждый раз,
 Не отрывая глаз,
 Глядеть хоть целый час.
 Уже светало.

Рейнмар Старый.

Типичный образец тематики «высокой любви» (*höhe minne*, провансальской *fin amor*), эта песня принадлежит Рейнмару, австрийскому рыцарю из рода Хагенау, участнику третьего крестового похода (жил во второй половине XII — начале XIII в.).

Когда ее узрел впервые я,
 Любовью так наполнился мой взор,
 Что сделалась блаженной жизнь моя.
 Свершилось чудо дивное с тех пор:
 Себя не рая в глаз моих теснине,
 Она тихонько в сердце мне вошла
 И бедное навеки заняла;
 Черты ее храню я там поныне.
 О госпожа моя! Постой, постой!
 Как вторгнуться сумела ты туда,
 Куда доселе женщине другой
 Войти не удавалось никогда?
 Пощаду окажи мне бога ради.
 Над сердцем собственным не властен я;
 Там власть мою сменила власть твоя,
 Взывать могу я только о пощаде.

Гартман фон дер Ауэ.

Песня Гартмана (см. выше, с 64 и сл.) интересна своим осуждением «высокой любви» — куртуазного служения даме. Восхваляя любовь к простой, но преданной девушке, поэт выступает, таким образом, от своего лица с теми же мыслями, которые он вложил в уста «Бедного Генриха».

Друзья мне часто говорят
 (Я слушать их не очень рад):
 «Пойдем-ка, Гартман, с нами

Под окна к знатной даме!»
 Раз навсегда ответ им дан:
 «Друзья, не по дороге нам».

Соколиная охота.
Миниатюра из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

Что видел я от знатных дам?
Служил им лишь себе на срам.
Для дам я грубый нелюдим;
Не лучше отношусь я к ним.

Нет, женщин, мне приятных,
Ищу я средь незнатных.
Везде, куда ни прихожу,
Прелестных женщин нахожу;
Там избираю госпожу,

А к звездам путь свой не
держу.

Однажды, искренний простак,
Я к даме обратился так:
«И мыслью и мечтами

Всегда, везде я с вами!»
Она взглянула вдруг в упор
И оборвала разговор.
Ищу я женщину с тех пор.
Чей ласков неизменно взор.

Вальтер фон дер Фогельвейде.

Приводимые далее семь произведений принадлежат крупнейшему из миннезингеров — Вальтеру фон дер Фогельвейде (около 1160—1230 гг.), профессиональному поэту, переходившему от одного княжеского двора к другому и деятельно участвовавшему в основных политических расприх того времени — в споре претендовавших на самостоятельность германских епископов с папой и в борьбе вельфов и гогенштауфенов.

Начав как ученик миннезингера Рейнмара фон Хагенау с воспевания «высокой» рыцарской любви, Вальтер впоследствии сблизился с народной песенной лирикой, а также с жизнерадостной поэзией вагантов (см. раз-

Вальтер фон дер Фогельвейде. Миниатюра из большой гейдельбергской рукописи XIV в.

дел «Латинская литература». В кн.: Зарубежная литература. Сост. Б. И. Пурешева. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974). Вальтер стремится спустить любовь с облачных высот на землю. Для него любовь — это «блаженство двух сердец», одно сердце не может ее вместить. При этом простое слово «женщина» (wîp) он предпочитает слову «госпожа» (frouwe). И героиней его песен подчас выступает не знатная, надменная дама, заставляющая страдать влюбленного, но простая девушка, сердечно отвечающая на чувства поэта. Лучшие лирические стихотворения Вальтера отличаются ясностью и простотой выражения, безыскусным изяществом, музыкальностью стиха, непосредственностью и теплотой чувства.

Но Вальтер проявил себя не только в области любовной лирики. Он был также выдающимся политическим поэтом, откли-

кавшимися на различные злободневные события того времени. Он резко нападал на папский Рим, обличая его необузданное корыстолюбие, его стремление обратить немцев и подчинить их своему господству. Он восставал также против феодальных междоусобий, разгоревшихся в Германии после смерти единственного сына Фридриха Барбароссы Генриха VI. Он горячо любил свою отчизну и с горькой иронией описывал, как коварный папа Иннокентий III втихомолку смеется над немцами, наполняющими свою страну раздорами, а папскую казну деньгами (см. стих V). Инвективы Вальтера отражали рост антипапских настроений в широких общественных кругах Германии, которая со временем пришла к Реформации.

Стихотворение I — образец тематики чувственной любви (провансальской *fol amog*), обработанный в форме монолога героини (так называемая женская песня — *Frauenlied*).

II—III — образцы тематики «высокой любви».

Следует отметить, что любовные песни относятся в большинстве к раннему периоду творчества Вальтера, связанному с его пребыванием при венском дворе герцога Фридриха Католического.

IV—VII — образцы политического шпруха.

Шпрухи IV и V связаны с борьбой гогенштауфена Филиппа Швабского и вельфа Оттона IV. В этой борьбе Вальтер поддерживал гогенштауфенов, и шпрух IV имеет своей целью доказать законность претензий Филиппа. Дело в том, что Оттон короновался на три месяца раньше, чем Филипп (в июле 1198 г.), но в Аахене, где не было подлинных имперских клейнодов; Филипп же короновался в Майнце в сентябре 1198 г. подлинной короной. Таким образом, восхваляя венец Филиппа, Вальтер подчеркивает законность его коронования. В шпрухах V—VI ответственность за междоусобную войну в Германии поэт, не без основания, возлагает на папу.

Шпрух VII направлен против сбора пожертвований на крестовые походы, организованного папой Иннокентием III в 1213 г. Пожертвования должны были собираться в особые ящики, ключи от которых находились на хранении у двух представителей духовенства — белого и черного — и у одного мирянина. Разоблачительная речь поэта и адресована такому ящику (в подлиннике — *Stock*).

I.

Под липой свежей,
У дубравы,
Где мы лежали с ним вдвоем,
Найдете вы те же
Цветы и травы:
Лежат, прямые, ничком.
Подле опушки соловей —
Тантарадей! —
Заливался все нежней.

Когда пришла я
На лужочек,
Уж и прием устроил мне —
Мать пресвятая! —
Мой дружок:
Я и доселе как во сне.
Поцеловал? Да раз пятьсот —
Тантарадей!
Ведь крисен до сих пор мой рот.

Убрал он ложе	Мне б стыдно было,
Необычайно:	Когда б молвою
Сложил цветы и там и тут...	Любовь ославилась моя.
Досель прохожий	Нет! То, как милый
С улыбкой тайной	Играл со мною,
Глядит на тихий наш приют;	Никто не знает, лишь он и я.
Поймет: где розы без числа —	Да пташке видеть довелось —
Тантарадей!	Тантарадей!
Там голова моя была.	Она не выдаст нас, авось.

II.

Благословляю день знакомства с тою,
 Что душу мне покорила и тело;
 Она мое сердце своей добротою
 Приворожить к себе сумела.
 Меня навек отныне полонил
 Образ ее, благой и прекрасный,
 И алый рот с улыбкой ясной.

Я мысли и чувства направил к ней —
 К милой, чистой и доброй безмерно;
 Нас много ждет счастливых дней,
 Если будет она милосердна.
 Жизнь полюбить меня научил
 Образ ее, благой и прекрасный,
 И алый рот с улыбкой ясной.

III.

Я думал, сидя на лугу,
 Терзаем пыткой сомненья:
 «Служить ей больше не могу!»
 Но вдруг обрел я утешенье.
 Не утешеньем это было, впрочем, — нет!
 А только утешеньцем, не боле.

Вам рассказать, — вы посмеетесь поневоле,
 Но беспричинной радости не знает свет.
 Я весел от былинки стал,
 Она мне счастье предсказала;
 По ней, как дети, я гадал:
 Всю смерив, начинал сначала.
 Теперь посмотрим, улыбнется ль мне она?
 «О да, о нет, о да, о нет, о да!»
 Конец благоприятным был всегда, всегда.
 Утешен я... Нет слов, и вера тут нужна!

IV.

Корона старше, чем король Филипп годами,
Но посмотрите все, не чудо ль перед нами?
Кузнец сковал ее как будто для него!
Она приплася так к его главе державной,
Что мысль их разлучить считаю я бесправной.
Никто из них величья своего
Не потерял. Ее камней сиянье
Сливается с его чудесной красотой.
Любуются князья картиной дивной той,
Что представляет нам его коронованье!

V.

Как набожно, небось, смеется папа в Риме,
Своим монахам говоря: «Я все устроил с ними».
Что так он вправе утверждать, позор для нас!
«Двух алеманнов, — говорит он, — я венчал зараз
С тем, чтоб помочь немецким землям разоряться,
Казне же нашей быстро наполняться.
К церковным ящикам своим я их согнал, как скот;
Их серебро в сундук мой скоро перейдет.
Вино и кур, попы, гоните в рот!
А немцы пусть... постятся».

VI.

Дал римскому престолу встарь
Царь Константин^а — прецедный царь! —
Копье и крест и к ним венец в придачу^б.
Восплакал ангел в оный час:
«Увы, увы и в третий раз
Увы!»^в О мире христианском плачу.
Яд на него дождем излился,
В желчь мед его преобразился,
Повис над ним тяжелый рок». —
У всех князей в избытке слава,
А величайший — в умаленье, —
То рук поповских преступленье^г,

^а Как все люди средневековья, поэт верит в подлинность Константинова дара.

^б *Копье и крест* — орудия казни Христа — символизируют духовную власть, венец же — власть светскую, якобы завещанную римскими императорами папам.

^в Образ, взятый из «Апокалипсиса», VIII, 13, XI, 12.

^г Папа Иннокентий III отлучил Филиппа и его приверженцев от церкви в 1201 г.; к этому времени и относится, вероятно, шпрук Вальтера.

Благой господь, им дай урок!
Они мирское извращают право.
Да, ангел правду нам предрек!

VII.

К нам, сударь Ящик, вы от папы не затем ли,
Чтоб разорять, с поживой для него, немецкие земли?
Как и всегда, замыслил он коварный план
Еще по-новому обогатить свой Латеран^а,
Кричит: «Дела имперские невыносимы!»
И вот в приходах — сборы в пользу Рима.
Но до Святой Земли дойдет немного серебра:
Рука поповская не очень-то щедра.
От вас нам, сударь Ящик, нет добра.
Но знайте, что в Германии не все ведь дураки мы!

Вольфрам фон Эшенбах.

Ф. Энгельс писал о лирике Вольфрама: «Цвет провансальской поэзии любви составляли «альбы» (albas), по-немецки песни рассвета (Tagelieder)... Французы севера, а равным образом и brave немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, и наш старый Вольфрам фон Эшенбах составил на ту же щекотливую тему три чудесные песни, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 73).

Утренняя песня Вольфрама фон Эшенбаха (см. выше, стр. 76 и сл.) развертывает типичную ситуацию альбы в форме Wechsel — спора стража (ст. 1, 3) и дамы (ст. 2, 4), за которым следует короткий рассказ поэта (ст. 5). Глубоко своеобразным, характерным для Вольфрама является образ рассвета в виде страшного чудовища, рассекающего своими когтями-лучами тучи, которым начинается утренняя песня.

¹ «Прорвав когтями
Густое покрывало тучи,
Взбирается на небосвод
Там за холмами
Своею поступью могучей
Рассвет, который не дает
Длится радости любви тому,
Кого я сам сюда впустил.

Я должен весть подать ему!
Он преданность и дружбу
заслужил».

² «То, что поешь ты,
О страж, приносит муку мне.
Мне ненавистна песня эта!
Весть подаешь ты

^а Латеран — папский дворец в Риме.

- О приближающемся дне
Всегда задолго до рассвета.
Будь другом, страж,
И нам не пой,
Что все светлеет неба круг,
Чтоб мог еще побыть со мной
В моих объятиях мой друг.
- 3 «Пускай спешит он!
Пора расстаться вам, поверь;
Не лгу я, подавая весть.
Пусть затаит он
Свою любовь к тебе теперь,
Чтоб сохранить и жизнь,
и честь.
Мой долг сказать ему о том,
Что час разлуки наступил.
Уж день, а ночь была кругом,
Когда вас поцелуй соединил.
- 4 «Пой, что угодно,
О страж, но друга
не тревожь,
Его отсюда не зови!
- Твой клич бесплодный
Нас может только бросить
в дрожь,
Но не прервать часов любви.
Еще не вижу я денницы,
Еще не блещет солнца свет,
А ты велишь нам
разлучиться
Сердца не разлучатся наши,
нет!»
- 5 Но дрожь испуга
В ней все же вызвала заря,
Пришедшая в окно
взглянуть,
И к груди друга,
Волненьем за него горя,
Она нежней прижала грудь.
А рыцарь, услышав призыв,
Что к расставанью торопил,
Ей нежности своей прилив
В прощальных ласках
выразить спешил.

Нейдгарт фон Рейенталь.

Образец плясовой песни — «хоровода» (Reigen) — принадлежит баварскому рыцарю Нейдарту фон Рейенталю (около 1180—1250 гг.), крупнейшему представителю так называемого сельского миннезанга (höfische Dorfpoesie).

Это направление миннезанга, возникшее в период начинающегося упадка немецкого рыцарства и его культуры, порывает с традициями «высокой» куртуазной любви. Оно вводит в миннезанг грубоватые картины повседневной крестьянской жизни, а также использует народную плясовую песню, однако жизнь народа представителями сельского миннезанга изображается обычно с антидемократических феодальных позиций, народная же плясовая песня охотно пародируется ими.

Диалогическая форма изложения — спор матери с дочерью, старухи с молодой или двух подруг — типична для этого жанра лирики. Выпады против крестьян, довольно частые в «Зимних песнях» («Winterlieder») Нейдгарта, послужили основой для создания в XIV в. авантюрно-сатирической стихотворной повести «Нейдгарт с мужиками» («Neidhart mit den Bauern»).

Май, окруженный славой,
Привел с собой дубравы,
И в них листвою новой
Покрыты все деревья вновь.
Конец зиме суровой!

«Как я лужайкам рада!..
Весенняя отрада
Томит меня все боле! —
Сказала девушка-краса. —
Скорей, скорей в поле!

Мать, отпусти меня ты,
Уж пляшут там ребята;
Что может быть чудесней?
Я не слыхала так давно
веселых новых песней».

«Тебя, о дочь родная,
Одну ведь родила я,
Подумай о позоре,
Не бегай за парнями ты,
не причиняй мне горя!»

«Но он ведь тоже с ними.
Назвать мне стоит имя,
Его ты вспомнишь, верно:
Зовут его фон Рейенталь,
и он мне мил безмерно.

Он все по мне вздыхает
И, знаешь, уверяет,
Что нет в баварском крае
Такой красавицы, как я.
Пусти меня, родная!»

Готфрид фон Нейфен.

Поэт середины XIII в. Готфрид фон Нейфен выступает как представитель так называемого сельского миннезанга, продолжая манеру Нейдгарта. В своих песнях он еще шире, чем Нейдгарт, привлекает бытовые мотивы из крестьянской жизни, как показывает здесь песенка.

Все-то лето напролет
Быть мне при ребенке, —
Няня, это ль не беда?
Там под липой хоровод,
А меня пеленки
Не пускают никуда.
До рассвета я пою:
Баюшки-баю,
Спи, любовь, не плачь! Тоску
укачаю я твою.

Няня, ты помочь должна.
Дитятко баюкай,
Как боюкала меня.
Можешь только ты одна
Разделить доuku,
Дать мне свет увидеть дня.
До рассвета я пою:
Баюшки-баю,
Спи, любовь, не плачь! Тоску
укачаю я твою.

ЛИТЕРАТУРА ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ.

Штрикер.

Штрикер (XIII в.) — странствующий поэт, проявил себя в различных литературных жанрах. Его самым значительным созданием, оставившим глубокий след в истории немецкой литературы, является сборник веселых, насмешливых швангов «Поп Амиш» («Pfaife Amis»), в центре которого

стоит фигура ловкого смышленного попа, одного из предшественников неугомонного Тилья Эйленшпигеля. Повествуя о похождениях Амиса, Штрикер изображает различные стороны европейской жизни XIII в.

Подчас книга приобретает сатирический оттенок. Поэт осмеивает алчность высшего католического клира, кичливость феодальных кругов, средневековые суеверья, схоластические мудрствования и т. п. При этом из всего умеет извлечь для себя пользу смышленный Амис. Книга Штрикера представляет собой апофеоз смекалки, находчивости и лукавства, этих новых бюргерских добродетелей, ведущих человека по пути материального успеха. В мире плутовства Амис чувствует себя столь же легко и уверенно, как герои куртуазных романов чувствовали себя в мире рыцарских авантюр.

В известной мере книга Штрикера является и своего рода вызовом, брошенным бюргерским поэтом куртуазному рыцарскому роману. Рыцарской романтике, куртуазной героике и культу изящного противопоставлена здесь реальная жизнь в ее повседневном облики, шутовской юмор, трезвый, практический взгляд на мир. Многие проделки попа Амиса были впоследствии приурочены к другим литературным героям (например, к Тилью Эйленшпигелю).

ПОП АМИС.

(НЕВИДИМАЯ КАРТИНА.)

Как только поп разбогател,
В своих мечтах безмерно смел,
Он возымел стремленье
Без усталы, без лени
Богатства большего добиться.
И к Каролингам быстро мчится
На скакуне наш поп Амис.
Огни Парижа вдруг зажглись
Пред ним. Вошел он в тронный

зал

И прямо королю сказал:
«Коль помощь вам нужна моя,
Помочь вам буду счастлив я».
Король изрек: «Мы знать

должны,

В каком искусстве вы сильны».
«Я так рисую, — поп в ответ, —
Что труд мой хвалит целый

свет.

Я изобрел, признаюсь вам,

Искусство рисованья сам.
Лишь я один владею им —
Оно неведомо другим.
Отлично я б нарисовал
И ваш дворец, и этот зал,
Нарисовал бы ряд картин,
Каких не видел ни один
Из смертных. Только

прикажете, —

Я покажу их вам и свите,
Чтоб каждый рыцарь

благородный

И дама, если им угодно,
Могли их видеть. Пусть на миг
К ним подойдет дитя, старик,
Пусть будет честен и умен,
И добр, и простодушен он, —
Удастся увидеть картину
Такой лишь дочери иль сыну,
Что в честном браке рождены

От мужа и его жены.
Кого ж бесчестит их рождение,
Те ничего в моем творенье,
Клянусь, вовек не разберут.
И, коль угоден вам мой труд,
Я буду счастлив мастерство
Открыть искусства моего».

«Охотно», — властелин сказал.
Потом в великолепный зал,
Где был высокий белый свод,
Правитель мастера ведет,
Велит все осмотреть, измерить,
Чтоб мог король расчет

проверить:

Во сколько обойдется дело,
Коль зал распишет он умело.
И поп Амис сказал тотчас:
«Король мой, так возносят вас,
Так хвалят жизненный ваш
путь,

Что выдать мне каких-нибудь
Три тысячи решитесь вы.
К тому ж, поверьте мне: увы,
Они покроют лишь расход —
И грош в карман мой не
пойдет».

Король сказал: «Клянусь —
я вам,
Коль захотите, больше дам,
Лишь только б стоил труд
награды.

Но буду строг — немедленно надо
Работу вам начать свою:
Я даром денег не даю!»
И весело ответил поп:
«Согласен я, но только чтоб,
Пока я все не распишу,
Никто — я вас о том прошу —
Не заглянул ни разу в зал.
Коль будет все, как я сказал,
Так в шесть недель или
быстреей

Заказ исполню. У дверей
Велите вывесить приказ, —
За роспись я возьмусь тотчас».

«Все будет так, — король
в ответ, —
Как вы сказали, спору нет.
Заприте двери на замок,
Двум часовым — нести дозор,
Чтоб до меня моих картин
Вассал не видел ни один.
На шесть недель я удалюсь
И вновь с придворными
вернусь.

Когда приеду я домой,
То обещаю, мастер мой,
Что каждый рыцарь, как я сам,
Вручит свою награду вам,
Едва приблизится к картине.
Коль буду я здоров, как ныне,
Все те, над кем я властелин,
Прибудут на осмотр картин,
Чтоб каждый был осведомлен,
В законе ль он святом рожден.
И отберу я лен у тех, —
Бог видит! — чье зачатие —
грех».

Король дворец оставил,
Со свитой путь направил
Далеко, в глубь страны спеша.
А поп, с собою взяв пажу,
Чтоб был помощник под рукой,
Попшел расписывать покой.
Я вам скажу, как начал он:
Велел ряды больших окон
Закреть, позволив одному
Пажу остаться своему.
Всем прочим запрещен был
вход.

Вино и рыбу, мясо, мед
И все, в чем поп нуждаться
мог,
В покой внесли на долгий срок.
А что ж он делал целый день?
Сидел, лежал, бродил, как тень,
Но двери в зал не открывал,
Хотя совсем не рисовал.
Так срок прошел, и наконец
Король вернулся во дворец.
По королевскому велению,

Хотя не без сопротивления,
С ним рыцари вошли толпою —
Все те, кого он взял с собою,
С кем говорил, в пути

Ну, словом, свита пребольшая.
Тут мастер наш покинул зал
И, встретив короля, сказал
Любезно: «Вам открыт мой труд,

Но рыцари пусть подождут,
Пока все покажу я вам —
Согласно вашим же словам».
Король был рад, и дверь

Закрыв он собственной рукой.
Потом, весельем окрылен,
Взор устремил на стены он:
Там нет рисунков никаких,
И оттого король на них
Не видит ровно н и ч е г о .
Так это потрясло его,
Что он упал на светлый пол
И взором весь покой обвел.
Тут в большую тоску он впал...
В том, что расписан был весь зал.

Король поклясться бы решился.
«Да, чести я вдвойне лишился
(Так он подумал про себя), —
Честь матери своей сгубя:
Сказав, что нет здесь ничего,
Я тем, кто больше моего
Увидит, буду обвинен,
Что вне закона я рожден.
Я слеп, не вижу ни штриха, —
Ужель я впирам дитя греха?
Нет, лучше, правду утая,
Скажу, что роспись вижу я,
И это честь мою спасет.
Но сердце давит тяжкий гнет:
Ведь рыцари, пажы и дамы
Увидят живопись и рамы, —
Не вижу ничего лишь я...
О жалкая судьба моя!»
Король спросил: «Скажите мне,

Мой славный мастер, — на стене
Изображен какой сюжет?»
«То царь Давид, — гласил
ответ, —

И Соломон, Давидов сын.
Авессолом, с кем властелин
Затеял встарь великий спор,
Вот здесь бежит во весь опор.
Длинноволос, он на скаку
Повис кудрями на суку.
Окиньте эти стены взглядом.
Здесь Александр Великий
рядом: —

Как Дария он победил,
Как Пора в Индии разбил,
И все, что он свершил, тут есть.
А дальше видно, ваша честь,
Как управлялся Рим великий,
Какие были там владыки.
Изобразил я на плафоне,
Как жили в древнем Вавилоне,
Покамест господом великим
Не сделан он многоязыким.
Здесь, чтоб исполнить уговор,
Я вас нарисовал и двор.
А смысл сей росписи такой:
Вот ваши рыцари толпой
Сюда за вами вслед спешат,
И всяк на свой вздыхает лад:
Ведь ясно рыцарям теперь,
Что каждому не счесть потерь,
Коль сих картин не видит он,
Но что стократ вознагражден
Тот будет, кто их похвалил».
«Я жажду видеть утолил, —
Лгать начинает властелин, —
Кто ж не увидит сих картин,
Сам пусть печалится о том:
Прекрасно мой расписан дом».
И поп сказал: «Продолжим
суд:

Пусть ваши рыцари войдут.
Откройте им наедине,
Что вы пообещали мне».
Покинув свой прекрасный зал,

Всем рыцарям король сказал:
 «Кто хочет видеть зал сейчас,
 Пока луч солнца не погас,
 Пусть мастера вознаградит
 Иль на картины не глядит, —
 Так вам король ваш приказал». —
 И все хотят увидеть зал.
 Одни дают попу наряд,
 Другие золото дарят
 Иль острый меч, иль

скакуна, —

В чести он, и мошна полна.
 И рыцари вошли толпой
 В открытый мастером покой.
 Безумцев не было среди них:
 Картин не видя никаких,
 Они твердят, спасая честь
 И скрыв испуг, что в зале есть
 Картины мастерской руки,
 Но, преисполнившись тоски,
 Лишаясь счастья своего,
 Боялся каждый одного:
 Узнав, что он картин не видит,
 Король его тотчас обидит
 И лен отнимет у вассала.
 Так в лихорадку их бросало,
 Когда предстал им голый зал.
 Меж тем король их слово взял:
 Здесь — тот сюжет, а там —

другой, —

Так мастер расписал покой.
 Все подтверждали: «Это так».
 Но каждый, умный и простак,
 Свой в этом усмотрел позор
 И, разуму наперекор,
 Считал, что видит все сосед.
 И вот, во избежанье бед,
 Заверил каждый, что видны
 Ему картины. Но полны
 Все гнева на родную мать,
 Что честь свою могла погрязнуть.

Все в зале осмотрев пустом,
 Двор королю сказал о том,
 Что поп искусство проявил.
 А поп немедля объявил,
 Что опустить его он просит

И королю мольбу приносит
 О награжденье. В ту же ночь,
 Все получив, он скачет прочь.
 Поп щедро счастьем взыскан
 был:

Две тысячи себе добыл
 Он марок при дворе чужом
 И отослал в родной свой дом:
 Он наказал — до возвращенья
 Истратить все на угощенье.
 А рыцари весь день с тоской
 Осматривали тот покой,
 И поутру, с постели прямо,
 Явились с королевой дамы.
 Не меньший, даже больший

страх,

Затрепетал у них в сердцах,
 Когда увидели они
 Лишь стены голые одни.
 Но, как мужи, и дамы все
 Дивилися картин красе.
 За ними в зал вошли пажы.
 Стыдясь бесчестья, но не лжи,
 Все расхвалили, как один, —
 Сюжет и мастерство картин.
 Никто не рисовал-де так.

Но тут заговорил дурак:
 «Глаза мои не из стекла,
 Клянусь, их не застлала мгла:
 Коль видишь ты, так вижу я».
 Тут все, что лгали, стыд тая,
 Сказали: «Бойся слепоты, —
 Увы, рожден в бесчестье ты».
 Однако был настойчив он:
 «Я знаю, как я был рожден.
 Про честь мою чтоб ни сказали,
 Картин не вижу в этом зале,
 И вам не видно ни одной.
 Коль не согласны вы со мной,
 Так доказательств я прошу:
 Ведь никуда я не спешу».

И вспыхнул меж пажами

спор,

И он тянулся до тех пор,
 Покамест все, друг другу вслед,

Не крикнули: «Картин здесь
нет!»

А если кто твердил упорно,
Что роспись видит он
бесспорно,

Другие поднимали шум.
Тут умники взялись за ум
И заявили, кончив с ложью,
Что ничего не видят тоже...

Так правду в полной силе
Пажи восстановили.
Тут и вассалы друг за другом
Явились также к юным слугам.
И снова загорелся спор,
В котором гнусный ложный

вздор

Был славной правдой побежден.

Теперь был каждый убежден,
Что роспись — выдумка и ложь.
Один король молчал, но все ж
И он признался наконец,
Что лжец проник в его дворец:
Раз, бедный и богач равно,
Твердили все вокруг одно —
Что нет на стенах ни штриха, —
Он также не свершит греха
И скажет: ничего там нет!
Тут во дворце ему в ответ
Послышался веселый смех.
Единым было мнение всех:
«Пройдоха-поп хитер и смел,
Коль так добро стяжать сумел».

(Стихи 491—804)

[АМИС-ЧУДОТВОРЕЦ.]

О городке он слышал много
И за добычей в путь-дорогу
Пуститься через сорок дней
Решил. Сначала двух пажей
Послал он в город — побираться
И меж людьми прослыть стараться
Слепыми и хромыми там.

Когда ж он в город прибыл сам,
То о святынях в тот же миг
Великий поднял шум и крик:
Мол, чудеса творить он может,
И, если боль кого тревожит,
Пусть лишь попросит: «Исцели».
Вот два пажа к нему пришли,
Чтоб выполнить его наказ.
И что же — каждый был тотчас
Реликвиями исцелен.
Тут в городке пошел трезвон:
До всякого, кто не был глух,
Дошел о чуде громкий слух,
Болтали и жужжали,
Чтоб все к попу бежали.
Итак, пошел с дарами всяк,
Будь он богач или бедняк.

И горожан надуть толпу
Не стоило труда попу.
Дарами щедро награжден,
Покинул быстро город он.

(Стихи 1289—1316)

Фрейданк.

Фрейданк (XIII в.) — странствующий поэт, наиболее значительный представитель немецкой бюргерской дидактической поэзии XIII в. Между 1225 и 1240 гг. он составил сборник рифмованных изречений «Разумение» («Bescheidenheit»). Черпая из различных источников, Фрейданк с особой охотой обращался к мудрости народа, облекая свои мысли в форму метких пословиц и поговорок, из которых многие стали достоянием последующих поколений. Свою задачу Фрейданк видел в том, чтобы бичевать пороки современного ему общества, исправлять нравы и откликаться на злобу дня. Высоко ставя бескорыстную дружбу, прямодушие, верность, филантропию и искреннюю любовь, он в то же время решительно выступал против брака по расчету, против своекорыстия чувств, лжи, алчности, лицемерия, зависти и других людских пороков.

. Нередко Фрейданк затрагивал вопросы, имевшие большое общественное значение. Так, он обрушивался на князей, которые свои личные интересы ставят выше интересов государства, наполняют страну смутами, грабежом и насилием. Не ограничиваясь критикой князей, Фрейданк обращал свои удары против всех сильных мира сего; он был твердо убежден, что если бы высокое общественное положение основывалось на личных достоинствах человека, то «многие господа стали бы холопами, а многие холопы превратились бы в господ». Ведь истинное благородство заключено не в знатности рода, но в добродетели. Фрейданк сетует на то, что феодалы сооружают замки, чтобы «душить бедных людей», что под блестящими одеждами нередко таятся пороки и преступления. Он ясно видит также, что дурные нравы свили себе гнездо в монастырях, что папская курия превратилась в рассадник всевозможных пороков. В период, когда папство вело борьбу с империей, Фрейданк страстно обрушивается на папский Рим, интригующий против светской власти, выкачивающий из Германии огромные богатства.

ИЗ КНИГИ «РАЗУМЕНИЕ».

О РИМЕ.

Ручьи сокровищ в Рим бегут,
Здесь вечный находя приют.
Но, на дыру без дна похож,

Безбожный Рим неполон все ж.
Ручьи грехов сюда стекают,
И здесь их людям отпускают,
Где ж прячут зол так много,—
Известно только богу.

Кто нравы Рима узнает,
Охладевает к вере тот.

А римский суд, его закон —
Невежд, попов издёвка он...
Здесь отлучение за мзду
Снимают вопреки стыду:
Прости нас, божий суд,
Но все продажно тут!
Коль клятва ложная нужна,
Ей пфенниг^а — красная цена.

Где населявший Рим народ?
В его дворцах трава растет.
Вот вашей славы образец,
Князья,— такой вас ждет конец!
Владык великих древний Рим
Поработил мечом своим,
Но за неправду осужден
Принять поверженных закон.

Апостол Петр туда пришел,
Где жил хромой, и бос, и гол.
К нему, простертому в пыли,
Слова апостола дошли:
«Я с золотом не дружен, брат,
Но дам тебе все, чем богат».
Благословив калеку, он
Сказал: «Восстань — ты исцелен».
Будь папа свят на этот лад,
Мир христианский был бы рад.

Слыхал я, в книгах есть другое:
В них папа — существо святое.
Чтоб ни творил он, умирая,
Святым он входит в двери рая.
Избавленный от преисподней,
Как хочет, он живет сегодня.

Но что вопросом задаваться,
Способны ль папы заблуждаться?
Раз папа человек, ему
Уловки, хитрость ни к чему:
Как человек, всем людям равный,

^а Пфенниг — мелкая монета.

Являть пример он может славный
Иль худшей жизни образец.
Подвигни пап к добру, творец!
Кто скажет: грех им незнаком,
Того я назову лжецом.
Коль хочет папа, может всласть
Жить во грехе, имея власть.

Приходит нынче в Рим и тот,
Кто сам награбленным живет,
Твердя, что папа дал прощенье
Ему за эти прегрешенья:
Хоть злой поступок не исправлен,
Но грешник от греха избавлен.
Кто скажет так, тот судит ложно
И папу оболгал безбожно^а.

Раскаянье в грехах приняв,
Как папе надлежит, он прав:
Ведь этим папы облегчали
Раскаившимся их печали.
Но бесполезно отпущенье,
Коль не исправить прегрешенье.
Дари любовь и милость,
Чтоб все тебе простилось!

К тому, кто мне простил бы зло,
Что вред другому принесло,
Я б безоружный прискакал,
Его бы за морем сыскал!
Но грех лишь господом простится,—
К нему и должен ты стремиться.
А милости к лицу ослу:
Пусть он прощает грех — волю.
Лишь дураки в том смысл найдут,
Что плуту грех отпустит плут.

Дай крупную монету
Иль мелочь — ты за это
Свободен будешь от грехов:
Вот милостей размах каков!..

...Всесильный папа в состоянье
Грех отпустить без покаянья,
И камень бросим мы в него,
Коль он хотя бы одного
Христианина среди нас
От мук чистилища не спас.
Но в этом правды нет ни слова:

^а Фрейданк пронизывает.

Ведь в Риме оболгут любого!

Пусть бы кто рукой своей
Жег и земли, и людей,—
Все ж папа властью облечен
За зло, что совершает он,
Ему грехов дать отпущенье
И за раскаянье — прощенье.
Кто по закону пап живет,
Безгрешен перед богом тот.

Ведь папа — бог земной, хоть Рим
И насмехается над ним.
Хромает в Риме папы честь,—
Чужим он грозен лишь. Бог весть,
Как пустовал бы папский кров,
Не будь чужих в нем дураков.

Кривое стало бы прямым,
Так стал бы справедливым Рим.
Ведет нас неустанно
Рим путем обмана.
Ты в нем найдешь святых отцов,—
Добра не сыщешь образцов.

Вдоль дорог и улиц гулких,
На тропинках, в переулках
Жадный Рим поймать готов
Нас на тысячу крючков.

Стань, папа, правым без изъятья
В благословенье и в проклятье
И помни: будет папский меч
Во имя правды лучше сечь!

Два меча^а в ножнах единых
Ржаветь будут, быстро сгинут!
Лишь папы к власти устремятся,
Мечи их сразу притупятся.

Так Рим той сети изменил,
Которой рыбу Петр ловил:
Та сеть давно пропала,
А в римскую попало
Земель немало, серебра,
Столь чуждых святости Петра.
С т е р е ч ь овец поставлен богом,
Петр правды рыцарем был строгим.
С т р и ч ь бог не позволял овечек,
А нынче не хотят беречь их.

^а Два меча — власть папы и власть императора.

Рим неправдой лишь силен,
Правый суд в нем упразднен.
Но к чести папы утверждаю:
Не смеет клика пресвятая
При нем творить неправый суд,
И много есть гнилого тут,
В чем папа сам не виноват:
Рим — подкупов кромешний ад,
Рим, — хоть создатель права он, —
Давно в бесправье погружен.

Хотел бы очень папский клир,
Чтоб кувырком пошел весь мир:
Стригушим это все равно,
Лишь только б получить руно.

Где шерсть хорошая пужна,
Овца без шерсти негодна.
Власть пап простерлась далеко,
Но Риму было б нелегко
Насильем править в дальнем крае,
Бесправий худших не свершая.
Был бы Рим в земле германской, —
Конец всей вере христианской!
Кто стонет там от горьких бед,
До нитки был бы здесь раздет.

Коль в Риме что купить пойдешь,
Везде найдешь подвох и ложь.

Трудней у Рима взять кусок,
Чем у ростовщика залог.

Жизнь в Риме — женам да попам:
Ни в чем не упрекнешь их там.

Подобной чистоты и чести

Я в ином не видел месте^а.

В одной Мессине женский пол
Столь скромным, чистым я нашел.

Что в Риме надобно хулить,
Я не желаю зря хвалить,
Но то добро, что в нем знавал,
Достойно всяческих похвал.
К тому ж неправда в Риме есть,
Что не пятнает папы честь:
Здесь тьма людей живет сейчас, —
Всех не усмотрит папы глаз.
Они в соблазнах тонут вечно

^а Фрейданк снова пронизывает.

И, душу проиграв беспечно,
Теряют свой достаток весь,—
Власть римских пап бессильна здесь!
Ведь папе запретить невмочь
И красть, и грабить день и ночь:
Хоть много стригли дураков,
Попастся в сеть любой готов.

Вернер Садовник.

Об авторе первой немецкой крестьянской повести Вернере Садовнике ничего неизвестно. Вероятно, он был баварцем или австрийцем. Вряд ли он принадлежал к рыцарскому сословию. Во всяком случае в своей стихотворной повести, написанной во второй половине XIII в., он резко осуждает моральную деградацию современного рыцарства и высоко поднимает крестьянский труд. В историко-литературном плане «Крестьянин Гельмбрехт» является своего рода вызовом, брошенным куртуазному роману с его далеко идущей идеализацией рыцарства, сказочной фантастикой и изысканностью поэтической формы. В повести Вернера Садовника жизнь изображена без прикрас. Симпатии автора всецело на стороне честного и трудолюбивого крестьянина Гельмбрехта, отца молодого Гельмбрехта, который презирает все крестьянское и хочет во всем походить на рыцарей. С этой целью он покидает отчий дом и, примкнув к свите рыцаря-разбойника, сам занимается разбоем. Сестру свою Готлиндю, прельстившуюся «роскошной» жизнью, он уговаривает выйти замуж за разбойника Лемберслинда, по прозвищу Глотай Ягненка. Однако похождения молодого Гельмбрехта вскоре заканчиваются весьма бесславно. Палач лишает его зрения, а крестьяне, которым он причинил много зла, вешают его на дереве.

КРЕСТЬЯНИН ГЕЛЬМБРЕХТ.

Один рассказывает нам,
Что пережил и видел сам,
Другой твердит о счастье,
Богатстве, пылкой страсти,
Тот славит доблесть, этот — долг,
И дорог всякому свой толк,
А я хочу вам рассказать,
Что мне случилось повидать,
Сказать про это дальше,
Без выдумки и фальши.
Крестьянский сын в деревне жил,
Он чудо-кудри отрастил,
Они вились до самых плеч,

Чтобы волной на плечи лечь.
Как шелк, был каждый локон,
Под шапкой их берег он.
А шапка дивной красоты,
На ней и птицы, и цветы.
К лицу та шапка молодцу,
Он Гельмбрехт звался по отцу,
Ведь старый майер^а, как и он,
Был тем же именем крещен.
О том крестьянском сыне
Я начал повесть ныне...

(Стихи 1—24)

.
«Отец, скажу тебе одно:
Ты воду пей, а я — вино.
Питайся кашей, словно нищий,
Я буду сыт иною пищей,
Что птицей жареной зовут.
Меня учить — напрасный труд.
Мякину есть считай за честь,
А я калач отважусь есть.
Вот так и доживем до гроба, —
Возьмем, что заслужили оба.
Доказано то римским правом,
Что дети доблестью и нравом,
Подобьем духа, не лица
Выходят в крестного отца.
Мой крестный рыцарь был, и с детства
Я благородство взял в наследство,
Благослови его Христос
За то, что я таким возрос».
«А мне, — сказал отец, — ей-ей,
Кто справедливей, тот милей,
Достойней сын простого рода,
Чем трутень рыцарской породы,
Пусть род его не знаменит,
Народ им больше дорожит,
Чем тем наследником поместья,
Кто выбрал леность и бесчестье.
Приди в чужую землю оба,
Бедняк и знатная особа,
Там, где не знают их родни,
За добродетели одни

^а Майер — крестьянин-арендатор.

Простого в образец поставят,
Другого только лишь ославят.
Ты быть стремишься благородным,
Сумей же оказаться годным
На благородные дела,
Они для замка и села
Единый истинный венец.
Так говорит тебе отец».

(Стихи 471—508)

.
И с тем уехал налегке
Он от отца во весь опор,
Перемахнув через забор.
О том, что встретил он в пути,
Мне слов и в три дня не найти,
Сказать о всем, что было,
Недели б не хватило.
Но в некий замок прибыл он,
Там чтит хозяин не закон,
А грабежи и драки
И жил, как на биваке.
Ну, а себя он окружил
Лишь теми, кто ему служил, —
Толпой головорезов,
Никто там не был трезов.
Попав в дружину, наконец,
Стал лихо грабить наш юнец,
В мешок, не брезгуя, совал
Все, чем другой пренебрегал.
Он и пустяк считал добычей,
Таков уж был его обычай.
Все без разбора брал он в дань:
И новый скарб, и хлам, и дрянь
Хватал направо и налево.
Он угонял коров из хлева,
Он брал козу, он брал козла
И в том, что крал, не видел зла,
Он в доме не оставил ложки,
Он брал горшки, пустые плошки,
Он брал кафтан, и плащ, и меч,
Снимал рубаху прямо с плеч,
Он женщин не щадил и даже
Не оставлял на них корсажа.
За все он после заплатил!
Он бы с охотой возвратил,

Все, что нагребил и украл,
Когда палач его пытал.
Святая правда, в первый год
Счастливым был его поход,
Он к цели плыл, и ветры сами
Несли корабль под парусами.
И стал таким он дерзким скоро,
Что у разбойников без спора
Он долей львиною уже
Завладевал при дележе.

(Стихи 646—689)

.
(Отец вспоминает о благородных рыцарских обычаях
недавнего прошлого.)

.
«Вот это было мне по праву!
Все умножало честь и славу.
Как подменили всех людей!
Когда-то лжец или злодей,
Желавший кривдой жить на свете
И на закон накинуть сети,
Друзей всесильных не имел
И при дворе не пил, не ел.
Теперь же тот богатство множит,
Кто льстить и лгать бесстыдно может,
И при дворе ему почет,
И больше он успел, чем тот,
Кто честно выбрал путь-дорогу
И угодить старался богу.
Так жили встарь. А как на свете
Живут сегодня наши дети,
Какой обычай ныне чтут?
Скажи, не посчитай за труд». —
«Отец, я вам ответить рад.
У нас в чести один обряд:
«Пей, сударь, пей! Лакай до дна:
Ты выпьешь, — я налью вина».
Нет ничего приятней в мире
Веселья бражников в трактире.
Когда-то знатым господам
Случалось быть в гостях у дам,
Мы не воспитаны так тонко,

Найдешь нас около бочонка.
Нас опечалит лишь одно,
Что в бочке высохло вино.
Тут будешь думать день и ночь,
Как горю этому помочь,
Для нас похуже всякой пытки
Нужда в живительном напитке.
Ведь от него мужает дух!
Один девиз любовный вслух
Твердим: «трактирщицу-сударку
Налить полнее просим чарку,
Осел и дурень, кто бочонку
Шальную предпочел девчонку!»
Кто лгать умеет, — молодец!
Зерцало вежливости — лжец,
Обидают словом — сам не мешкай,
Другому рот заткни насмешкой,
Ведь богохульник и ругатель —
Пиров достойный председатель.
Кто рассуждает по старинке,
Глупей выносливей скотинки,
Нам этот ветхий бородач
Еще несносней, чем палач.
Пусть нас объявят вне закона,
Нас все равно не скинешь с кона,
В ответ на папские проклятья
Смеется только наша братья». —
«Помилуй бог, — сказал старик,
Насилу повернув язык, —
Здесь плакать надо! И не снилось,
Что кривда так распространилась». —
А сын смеется: «В самом деле,
Турниры дедов устарели.
Тогда кричали: «Хейя, хей!
Вперед за славой, веселей!»
А нынче: «Рыцарь, не робей,
Гони, коли, руби, добей!»
Глаз вон тому, кто зазевался,
Чтоб он без рук, без ног остался.
Беднягу вздернуть прикажи,
Ну, а богатого — вяжи:
Он даст сто фунтов отступного,
Вот правов нынешних основа...»

(Стихи 967—1036)

.

(Ватага головорезов справляет свадьбу Готлинды и Лемберслинда.)

И вот должны Готлинду
Дать в жены Лемберслинду.
Чтобы взяла Готлинда
В супруги Лемберслинда.
Пусть оба станут рядом.
Соединить обрядом
Намерен их седой старик.
Он знал слова священнных книг
И молвил Лемберслинду:
«Хотите вы Готлинду
Себе взять в жены навсегда?»
И Лемберслинд ответил: «Да!»
Еще раз задал он вопрос,
«Охотно!» — рыцарь произнес.
«Так вы согласны?» — в третий раз
Спросил старик, возвыся глас,
И тот откликнулся: «Клянусь,
На ней охотно я женюсь».
Спросил старик: «Готлинда,
Хотите Лемберслинда
Себе взять мужем навсегда?» —
«Когда господь позволит — да!» —
«Согласны?» — снова он спросил.
«От всей души», — ответ гласил.
Спросил еще раз громогласно,
И третий был ответ: «Согласна».
И вот он дал Готлинду
В супруги Лемберслинду,
Дал — и взяла Готлинда
В супруги Лемберслинда.
Тут все запели славу
По старому уставу.
Готлинде муж не уступил,
На башмачок ей наступил.
У новобрачных для услуг
Почетных было девять слуг:
Конюший — братец Живоглот, —
Коням он корму задает,
Быть кравчим вышло Быкоеду,
Гостей рассаживал к обеду
Дворецкий, Дьявольский Мешок,
Он от усердья сбился с ног.
Трясикошель, завятый вор,

Стал казначеем с этих пор,
А на поварне Овцеглоту
Большую задали работу,
Ему как повару пришлось
Следить за всем, что там пеклось.
Там должность исполняли твердо
И Волчья Пасть, и Волчья Морда,
Взяв в помощь Волчью Утробу,
С жарких и вин снимали пробу.
А Острый Клюв, хоть был свиреп,
На этой свадьбе резал хлеб.
За трапезой трудился каждый,
Воюя с голодом и жаждой,
Не отказался ни один
От пирогов и сладких вин.
Они очистили посуду,
Как будто ветром сдуло блюда,
И дичь, и мясо съели гости,
Так чисто обглодали кости,
Что нечем поживиться псам.
Но истинно, — я слышал сам, —
Как говорил старик почтенный:
«Есть распорядок неизменный,
Которым ведает господь.
Пока живущий тешит плоть,
Без меры ест, спешит напиться,
Глядишь, — и смерть за ним тащится».
Так было с ними в этот час.
Не знали, что в последний раз
Они на пиршестве сидели,
И пили весело, и ели...

(Стихи 1503—1576)

.
Дары раздали скрипачам.
Но что явилось их очам?
Кого послал злодеям бог?
Судья явился к ним врасплох
И, сапогами грохоча,
Вошли четыре палача.
Тотчас разбойную десятку
Они связали по порядку.

Кто не успел забраться в печь,
Под лавку ухитрился лечь,
Тесня товарищей безбожно,
Но скрыться было невозможно.
Их брал, за космы волоча,
Один подручный палача,
А раньше каждый из десятки
Мог четырех осилить в схватке.
Скажу вам истину без спора,
Что у отъявленного вора
Есть дерзость, чтоб убить троих,
Но с палачом грабитель тих,
Он беззащитен и покоен,
Как дуб, подрубленный под корень...

(Стихи 1607—1628)

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС.

ПЕСНЬ О МОЕМ СИДЕ.

На протяжении веков (VIII—XV вв.) испанский народ вел упорную борьбу против арабских завоевателей, утвердившихся на Пиренейском полуострове. Особенно интенсивный характер эта национально-освободительная война (так называемая реконкиста) приобрела в XI—XIII вв., когда испанцам удалось овладеть почти всем полуостровом (под властью арабов осталось лишь Гранадское королевство, просуществовавшее до 1492 г.). Патриотическим порывом были охвачены широкие общественные круги Испании. По словам К. Маркса, «в ходе этой борьбы возникли народные законы и обычаи» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, с. 429). Успехи реконкисты вдохновляли народных поэтов. Герои реконкисты заняли прочное место в народном испанском эпосе.

В атмосфере большого патриотического подъема сложился и величайший памятник испанского героического эпоса «Песнь о моем Сиде» (середина XII в.), дошедшая до нас в единственной рукописи начала XIV в., значительно попорченной. В «Песни» изображены подвиги знаменитого испанского воителя (el Campeador) XI в. Руя (Родриго) Диаса де Бивар, прозванного Сидом (арабское sidi — господин). Исторический Сид (около 1043—1099 гг.) оставил по себе память как один из наиболее выдающихся деятелей реконкисты. Он отнял у мавров область Валенсии, но главная его заслуга заключалась в том, что ему удалось наголову разбить грозные полчища альморавидов, которые из Африки явились на помощь мавританским царькам Испании и уже нанесли ряд поражений войскам Альфонса VI.

В «Песни» Сид Кампеадор становится воплощением народного нравственно-героического идеала. В связи с этим автор «Песни» кое в чем отходит от исторических фактов. Так, герой поэмы рисуется пламенным патриотом, все свои силы отдающим на борьбу с маврами (в то время как Руй Диас не пренебрегал службой у мавров). В отличие от исторического Сиды, который, будучи типичным феодалом, стремился стать вполне самостоятельным властителем, герой поэмы ставит интересы Испании выше своих частных интересов. Именно на этом основана его вассальная преданность королю, который для него является символом на-

ционального могущества и единства. В условиях реконкисты проповедь политической централизации имела, разумеется, глубоко прогрессивное значение. Следует также указать на известную демократизацию образа Сиды. В отличие от Руя Диаса, который, как мы знаем, принадлежал к высшей кастильской знати, герой поэмы рисуется инфансоном, т. е. рыцарем, не принадлежащим к феодальной аристократии. Он всем обязан только своей личной доблести и храбрости. Зато представители родовой феодальной знати в лице нифантов Каррионских изображены в поэме в резко отрицательных тонах. Они высокомерны, коварны, трусливы и жестоки. В поэме их постигает заслуженная кара.

Начало «Песни» утеряно. Оно должно было излагать причины изгнания Сиды королем. По указаниям хроник, причины эти заключались в следующем: по поручению Альфонса VI Сид отправился собирать ежегодную дань в Севилью; он не только собрал ее, но и захватил в плен графа Гарсиа Ордоньеса, сражавшегося в союзе с маврами; однако, когда Сид вернулся ко дворцу Альфонса, враги оклеветали его перед королем в присвоении части добычи. Альфонс, уже таивший злобу на Сиду (Сид осмелился требовать от короля присяги в том, что он непричастен к убийству брата своего Санчо), приговорил его к изгнанию (1087 г.). С удаления Сиды в изгнание и начинается сохранившаяся часть «Песни».

«Песнь» написана четырехударным дольник, разделенным цезурой; стихи объединяются ассонансами в тирады равной величины. Первые несколько строк представляют прозаическое переложение тирады. Буквами (14а, 14б и т. д.) отмечены стихи, восстанавливаемые из других памятников.

Послал он за своими родичами и вассалами¹ и объявил им, что король повелел ему выйти из своей земли, что дал он ему срок не более девяти дней и что теперь хочет он узнать, кто из них пойдет с ним, а кто останется.

- 1а «И тем, что со мной отправятся, дай, господи, награду,
И от тех, что останутся, ухажу я без досады».
Тут молвил Альвар Аньес, родич его ближайший:
5а «С вами пойдем мы, Сид, степью и городами.
Никогда вас не оставим, пока живы и здоровы.
И лошадей и мулов с вами загоним насмерть,
С вами мы разделим одежду и достаток.
Служить вам будем вечно, как друзья и вассалы».
Тут все подтвердили, что молвил дон Альвар.
10а Благодарил их мой Сид за привет и за ласку.
Выехал мой Сид на Бургос из Бивара^а.
Безлюдно, сиротливо стоит его замок.

^а Бивар — в настоящее время маленькая деревушка километрах в 10 к северу от Бургоса — города в старой Кастилии.

Мавры в походе. Из испанской рукописи XIII в.

1

Жгучими слезами так горестно плача,
 Назад он обернулся, взглянул на палаты.
 Видит двери без запоров, и ворота все настежь,
 И пустые нашесты^а без шуб и без платья,
 И без соколов и ястребов слинявших.
 Вдохнул мой Сид от великой печали,
 Молвил мой Сид разумными словами:
 «Господи-отче, в небесах тебе слава!
 Вот что учинили лихие супостаты».

^а Нашесты употреблялись не только для охотничьих птиц, но и для развешивания платья.

2

- 10 Вот опустили поводья, вот пришпорили смело,
Под Биваром ворона направо летела;
Как под Бургос пришли, полетела налево^а.
Пожал мой Сид плечами, голову поднял дерзко.
«Поздравляю, Альвар Аньес! Изгнанник теперь я.
14^а Но вернемся мы в Кастилью, говорю я вам верно,
14 б С почетом и поживой, с божья соизволения».

3

- 15 Мой Сид Руй Диас под Бургос приходит.
А с ним шесть десятков всадников отборных.
Вышли взглянуть и мужчины и жены,
Горожане, горожанки облепили окна;
Плачут неутешно от великого горя,
20 И на устах повсюду такое у них слово:
«Вот добрый был бы вассал, будь сеньор его добрым».

4

- Приют они б ему дали, да от страха не смеют:
Король дон Альфонс — в превеликом гнев.
Пред вечером грамота в Бургос доспела,
25 За крепкую печатью и со строгим запретом:
Руй Диасу Сиду не давать ночлега;
А если кто даст, пусть знает он верно,
Что лишится имения и зениц своих обеих
И еще напридачу и духа и тела^б.
30 Все люди-христиане — в печали непомерной.
Попрытались от Сиды, отвечать ему не смеют.
Выбрал мой Сид подворье для ночлега.
Поровнялся с дверями, видит: заперты крепко,
Короля убоявшись, сговорились соседи:
35 Не откроют ему, пусть хоть выбьет двери.
Те, что с Сидом пришли, снаружи зашумели.
А те, что внутри, не молвят ни словечка.
Дал шпоры мой Сид, к воротам он подъехал,
Выпростал ногу, ударил по двери.
Не открылась она: заложена крепко.

^а Полет птицы толкуется как доброе или злое предзнаменование.

^б Суровое наказание, полагавшееся лишь за самые тяжелые преступления; даже при изгнании имущество преступника не всегда конфисковывалось.

- 40 Показалась тут девочка, годочков ей девять:
«О Кампеадор, в добрый час вы меч надели!
Запретил нам король, вот грамота доспела,
За крепкой печатью и со строгим запретом,
Чтоб впускать вас не смели ни за что на свете,
45 А не то мы лишимся домов и именья
И еще напридачу зениц своих обеих.
Вам, о Сид, не прибудет добра от нашей смерти.
Да хранит вас творец со всем воинством небесным». —
Так девочка сказала и в доме исчезла.
50 Видит Сид: от короля пощады ему нету.
Повернул от ворот, по Бургосу поехал.
У церкви святой Марии сошел он на землю,
Колени склонил, помолился от сердца.
Молитву окончив, поскакал он, не медля,
55 Вышел из ворот, Арлансон пересек он,
Против самого города стал станом на щепне.
Поставил шатер и сошел он на землю.
Мой Сид Руй Диас, — в добрый час он меч привесил, —
На щепне стоит — раз закрыты все двери;
60 Вокруг себя видит дружинников верных.
Лагерь он раскинул, как в пустынном ущелье.
Закрыт ему рынок в Бургосе-местечке;
Не может он купить ни вот столько из снеди;
65 Продать ему не смеют ни на денежку хлеба.

5

- Тут бургосец отменный, Мартин Антолинес ^а,
Прислал хлеба и вина и Сиду и дружине.
Все дает он свое, ничего не купил он,
Всяческой снедью их вдоволь снабдил он.
Рад был мой Сид, отменный воитель,
70 И прочие все, что ему служили.
Рек Мартин Антолинес, — услышьте, что говорил он:
«О Кампеадор, в добрый день вы родились!
Проспим эту ночь и двинемся с денницей.
Опорочен я буду за то, что вам служил я.
75 У короля дона Альфонса впаду я в немилость.
Но если мы с вами будем здоровы и живы,
Рано или поздно он вновь меня примет;
А нет, — так все именье мне не дороже фиги».

^а Мартин Антолинес — верный друг Сиды; историческая его личность не установлена.

6

- 80 Промолвил мой Сид (в добрый час надел он шпагу):
«Мартин Антолинес, копейщик удалый!
Если буду я жив, удвою вам плату.
Я роздал серебро и все свое золото;
Видите вы сами, что нет у нас клади²:
Пищи на всю дружину нужно достать нам.
85 Не хочется мне, но, видно, так надо.
С вашего согласия два сундука мы сладим.
Наполним их песком и весу им прибавим,
Обошьем тисненой кожей и запрем их на славу».

7

- 90 «Пунцовая кожа, золоченные запоры.
К Рахилью и Иуде^a — скажите вы скоро:
В опале-де я, нет мне в Бургосе торга,
А ларей не свезти; больно весу в них много.
Под сходную ссуду пусть возьмут их для залога,
95 Чтоб не знали христиане, нынче ночью, втихомолку.
Знает сам господь и святые у бога,
Что плутую по нужде, не своею охотой».

8

- Ни мало не мешкал Мартин Антолинес,
Проехал сквозь Бургос, и в замок вступил он.
100 Рахилья и Иуду громко он кличет.

9

- Рахиль и Иуда вдвоем сидели в лавке,
Считали барыши, нажитые достатки.
Вошел Мартин Антолинес, окликнул с опаской:
«Где вы, Рахиль и Иуда, друзья мои давние?
105 Говорить я с вами хочу с глазу на глаз». —
Заперлись втроем, не мешкая ни мало.
«Рахиль и Иуда, оба в том руку мне дайте,
Что не скажете об этом ни христианам, ни маврам.
Навек вас обеспечу, будете вы богаты.
110 Мой Сид Кампеадор поехал за данью,
Взял большое добро, великое богатство;
Все, что получил он, у Сиды осталось.
За это он был очернен врагами.

^a Рахиль и Иуда — еврей-ростовщики в замке Бургос.

- Захватил он два ларца, полных чистого злата;
115 Но у дона Альфонса впал он в опалу.
Покидает он вотчину, и дома, и палаты,
Но ларцов не может взять, чтоб не вышло огласки.
Хочет он теперь в ваши руки отдать их
Под пристойную ссуду под видом заклада.
120 Возьмите вы ларцы под свою охрану,
С великою клятвой на веру и на правду,
Что в них не заглянете за год ни разу».
Рахиль и Иуда советоваться стали:
«Как-нибудь наживать все равно нам надо.
125 Хорошо нам известно, что и Сид тут нажил:
В землю мавров он вторгся, большое взял богатство.
Не спит беззаботно, кто спит над деньгами.
Эти два ларца возьмем мы в охрану,
Припрячем подальше, чтоб не вышло огласки.
130 Но скажите нам о Сиде: сколько дать ему надо
И какой барыш нам сулит он за год?»
Мартин Антолинес разумно отвечал им:
«Мой Сид не запросит больше, чем надо.
Мало он возьмет, лишь бы было сохранно.
135 Захудалый народ к нам валит громадой:
Требуются Сиду шесть сотен марок»^а.
Молвят Рахиль и Иуда: «Ссудить мы их рады». —
«Но торопится мой Сид: вот уж ночь наступает.
Нужно, чтоб марки сейчас вы отсчитали».
140 Молвят Рахиль и Иуда: «Не ведется так продажа:
Сначала — товар, а потом уже плата».
Тут Мартин Антолинес: «Мне это по праву.
Так поедем же туда, где теперь Сид наш славный,
И мы вам поможем, как по совести надо,
145 Ларцы увезти и укрыть невозбранно,
Чтоб их не видали ни мавры, ни христиане».
Молвят Рахиль и Иуда: «Мы этому рады.
Привезете ларцы — получите марки».
Мартин Антолинес поскакал неустанно
150 С Рахилем и Иудой охотно и согласно.
Не по мосту едут, а в бород на переправу,
Чтоб их не увидели из Бургоса-града.
В шатре своем сидит Кампеадор преславный.
Вошли они в ставку, руку поцеловали.
155 Усмехнулся мой Сид, разговор с ними начал:
«Эх, дон Рахиль и Иуда, давненько мы не видались.

^а *Марка серебра* — полфунта серебра, *марка золота* — полфунта золота.

- Видно уж, на мне нажитья вам удастся:
 До самой своей смерти вы не будете нуждаться».
 Рахиль и Иуда руки ему поцеловали.
 160 Мартин Антолинес с ними запись составил,
 Что ларцы, залог за шесть сотен марок,
 Сохранят они год, замков не отпирая,
 Ибо так они клялись по вере и по правде;
 А коль раньше отопрут, так будут лжецами
 165 И не даст им мой Сид ни денежки ржавой.
 Рек Мартин Антолинес: «Грузите же заклады.
 Возьмите их, Рахиль и Иуда, держите сохранно.
 Поеду я с вами; отсчитайте мне марки,
 Чтоб мой Сид мог уйти до петелов ранних».
 170 Грузят они ларцы с радостью несказанной,
 Хоть оба купца едва их поднимают.
 Рады Рахиль и Иуда великому кладу:
 Теперь, мол, до смерти проживут они богато.

10

- Рахиль целует руку у Сиды.
 «О Кампеадор! В добрый час вам меч вручили.
 175 Из Кастильи вы идете сквозь народы чужие.
 Такова у вас удача, велика у вас пожизна.
 Алый кафтан сарацинский отличный,
 Сид (целую вам руку), мне в дар привезите».
 180 «Хорошо, — молвил Сид, — обещаю нерушимо,
 Иль цену его я к долгу прикину».
 182 ^a Увозят купцы лари в свое жилище.
 182 ^b Поскакал за деньгами Мартин Антолинес.

.

- Посреди палаты одеяло расстелили,
 А поверх простыню из белейшей холстины.
 185 Сперва серебром отсыпали триста;
 Сосчитал дон Мартино, без веса их принял.
 А прочие триста червонцами платили;
 Пять оруженосцев нагрузил дон Мартино.
 Все это сделав, снова заговорил он:
 190 «Эй, Рахиль и Иуда! Вы сундуки залучили.
 Вам сделку устроив, на чулки заслужил я»^a.

^a На чулки — равноценно русскому «на чай».

11

- Рахиль и Иуда в сторону отходят оба.
«Наградим его на славу, ибо он нам их добыл.
195 Мартин Антолинес, почтенный бургосец,
Вы от нас заслужили, мы дар вам подносим
На чулки, и на шубу, и на плащ добротный.
Даем мы вам в дар тридцать марок червонных.
Отслуживать не надо, ибо это законно,
Лишь будьте порукой в крепости уговора».
200 Взял их дон Марино с благодарственным словом,
С обоими простился и вышел из дома.
Из Бургоса он скачет через брод Арлансона
Прямо к ставке того, что родился в час добрый.
205 Принял его мой Сид, простер он руки обе:
«Вот вы, Марино, вассал мой предобрый!
Вам за все воздам я с помощью божьей». —
«Вот я, Кампеадор! Все слажено-готово:
Нажил я три десятка, а вы-то — шесть сотен.
Сверните шатры, поскачем, что есть мочи.
210 В Сан-Педро де Карденья³ с петухами нам отворят.
С женой вашей свидимся, разумной, высокородной,
Покинем королевство, пробыв с ней недолго;
Надобно спешить, ибо близко до срока».

12

- Едва сказал он это, как шатер они сложили.
215 Быстро скачет мой Сид со всею своей дружиной.
Обернулся к церкви святой Марии.
Поднял правую руку и лоб перекрестил он:
«Слава тебе, боже, земли и неба властитель!
Приснодева Мария, да поможет мне твоя сила!
220 Прогневил я короля, уйду из Кастильи.
Не знаю, вернусь ли во дни своей жизни,
О пресвятая! В изгнание да поможет мне твоя сила,
Будь мне ночью и днем спасеньем и защитой.
Ты мне счастье пошли, услышь мою молитву,
225 Я ж одарю твой алтарь богато, изобильно
И тысячу обеден отслужу до единой».

13

Поскакал безупречный, с охотой и отвагой.
Отпустили уздечки и шпорят без пощады.
Рек Мартин Антолинес, бургосец удалый:

- 230 «Погляжу на жену, в ком вся моя отрада,
Как жить без меня, семью я наставлю.
Пусть все король отнимет, я плакать не стану.
Солнце не взойдет, как вернусь я обратно».

14

- Мартин вернулся в Бургос, а Сид не жалеет шпор;
235 До Сан-Педро де Карденья скакал во весь опор;
Скачут, ему на радость, с Сидом люди его.
Громко пели петухи, забелелся восток,
Когда прибыл в Сан-Педро наш добрый Кампеадор.
Аббат дон Санчо, служитель господень,
240 К заутрени ударил рано до восхода.
Была там донья Химена^а, с ней пять дам благородных;
Молят Петра святого и создателя-бога:
«О ты, что правишь миром, помоги Кампеадору!»

15

- Ударили в ворота, окликнули монахов.
245 О боже, как рад был аббат дон Санчо!
Кинулись на двор с огнем и со свечами;
Рожденного в час добрый с весельем встречали.
«Слава богу, мой Сид, — сказал аббат дон Санчо, —
Раз вижу я вас здесь, у меня вы останьтесь». —
250 «Спасибо, дон аббат, от сердца вам благодарен,
Припасов я наберу для себя и для вассалов.
Ухожу я в изгнание; пятьдесят даю вам марок,
И если буду жив, удвою эту плату,
Монастырь убытку не потерпит нимало.
255 Вот за донью Химену я даю вам сто марок,
На год дайте ей кров, дочерям ее и дамам.
Двух дочек-малолеток даю вам под охрану;
Вам их препоручаю, вам, аббат дон Санчо.
О них и о супруге пекитесь, как надо.
260 Коль будет в деньгах или в чем недостача,
Ублажите их всем, а я вам обещаю:
За истраченную марку четыре дам я храму». —
Согласился аббат с охотой и отрадой.
Вот и донья Химена: с дочерьми она предстала;
265 Ведут их к нему и приводят их дамы.

^а *Химена* — жена Сиды, дочь графа астурийского Диего и внучка короля Леона Альфонса V.

Пред Сидом донья Химена на колени упала,
 Горестно плача, ему руки целовала.
 «Смилуйтесь, Кампеадор, в добрый час надевший шпагу!
 Из-за сплетников подлых из страны вас изгнали.

16

- 270 О Сид, бородою славный^а, нас троих пожалейте.
 Здесь я перед вами с дочками вместе, —
 Малолетки они, несмышленные дети;
 Со мной мои дамы, что служат мне верно.
 Вижу я сама: уходите за рубеж вы;
 275 Будем мы с вами в этой жизни раздельны.
 Наставьте же нас ради девы пресветлой».
 Сид бородою славный смягчился сердцем,
 В объятия взял дочерей-малолеток,
 К сердцу их прижал: любил он их крепко.
 Горестно плачет и вздыхает с сокрушеньем:
 280 «Любезная супруга, о донья Химена!
 Как душу свою, люблю я вас верно.
 Вы видите, мы будем в этой жизни раздельны,
 Я вдаль уйду, — вы останетесь при детях.
 285 Пошли нам господь и пресвятая дева,
 Чтоб своими руками обвенчал дочерей я.
 Коль будет мне удача и спасусь я от смерти,
 Вам, супруга честная, послужить я сумею».

(Сид проводит шесть дней в монастыре, собирая дружину; на седьмой, прослушав мессу и оставив в великой горести жену с детьми в монастыре, Сид направляется к границам Кастилии.)

- 404 Добрался до Альковехи, кастильского рубежа.
 405 Кинейскую дорогу^б пересек он с утра.
 Выше Навас-де-Палос Дуэро он миновал.
 У Фигеруэлы мой Сид заночевал.
 Отовсюду к нему стекалась толпа.

19

- Там прилег мой Сид, чуть надвинулась ночь,
 410 Так сладко заснул он, объял его сон.
 Архангел Гавриил в виденьи к нему сошел:
 «Скачите, мой Сид, о добрый Кампеадор!

^а Славной борода Сиды называется потому, что ее ни разу не касалась рука врага.

^б Кинейская дорога — старинная римская дорога, пересекающая Дуэро на несколько километров выше Сан-Эстебан.

- Никогда с такой удачей не выезжал еще никто:
Покуда вы живы, все пойдет хорошо». 415
Пробудился мой Сид, перекрестил он лицо.

20

- Осенил лицо крестом, поручил себя богу.
Тем сном, что приснился, он доволен премного.
Наутро чуть свет пустился он в дорогу.
Знайте, что лишь день остался им до срока.
403 В сьерре де-Мьедос^а остановился на отдых.
420 Слева — башни Атьенсы, мавританского оплота.

21

Еще день не промчался и солнце не зашло,
Как созвал свою дружину мой Сид Кампеадор.
Помимо пехоты и главных удалцов,
Триста пик насчитал он, и каждая — с флагом.

22

- 425 «С утра коней кормите, да спасут вас небеса!
Кто хочет, пусть поест; а кто нет, — на скакуна!
Перевалим через сьерру, что дика и велика.
Земли дон Альфонса покинем мы до утра.
А после кто нас поищет, найдет без труда».
430 За ночь прошли сьерру; вот и зорька вззошла.
Скачут без остановки, сбегают по холмам.
Среди горной громады, что грозна и велика,
Сид кормить приказал и устроить привал.
Всю ночь, говорил он, не сходить нам с седла.
435 Рад от сердца тому всякий добрый вассал:
Все должен он исполнить, что сеньор приказал.
Снова поскакали, чуть спустилася тьма:
Так сделал мой Сид, чтоб никто не видал.
Всю ночь они скачут без отдыха и сна.
440 Кастехоном зовется над Энаресом град.
Залегли там в засаду мой Сид и весь отряд.

23

Всю ночь пролежал мой Сид в своей засаде.
Тут подал им совет Альвар Аньес Минайя:
«О Сид, в добрый час прицепили вы шпагу!

^а *Сьерра де Мьедос* — горная цепь.

- 445 Возьмите поскорее вы сотню из наших.
Когда на Кастехон^а мы ударим из засады,
448 а Вы там останетесь для тыльной охраны.
448 б Со мной отрядите две сотни для удара.
448 в С богом и вашим счастьем наживем мы немало».
448 г Молвил Кампеадор: «Хорошо сказал Минайя.
Возьмите вы две сотни для этого удара.
С вами — Альвар Альварес, и Вальвадорес Альвар,
И Галинд Гарсиас, копейщик удалый;
450 Вот добрые рыцари, что будут у Минайя,
Чтоб смело налетать, поживу брать без страха.
Вниз дальше Иты и дальше Гвадалахары
До самой Алькалы грабьте их без пощады.
Всю свою поживу доvezите вы сохранно,
455 Ничего не бросайте из страха перед мавром.
А я с этой сотней в тылу вашем стану,
Удержу Кастехон, оплот наш и охрану.
Если станет дело трудным и опасным,
Весточку в тыл пошлите мне сейчас же.
460 Об этом налете заговорит вся Испания».
Поименно всех назвали, кто выйдет на мавров,
И тех, что с Сидом пойдут в тыловую охрану.
Пробивается зорька, и утро засверкало,
Солнце взошло, о боже, как прекрасно!
465 Все в Кастехоне поднимаются рано,
Отпирают ворота и выходят за ограду,
Чтоб взглянуть на работы, на сады и на пашни,
Все повыходили, и ворота — настезь.
Немного народу в Кастехоне осталось,
470 А те, что снаружи, разбрелись, как пошало.
Сид Кампеадор выходит из засады,
Вокруг Кастехона поживу собирает.
В добычу ему достались мавританки и мавры
И весь тот скот, что пасется вкруг града.
475 Мой Сид дон Родриго до ворот добрался.
Те, что их сторожат, как его увидали,
Оставили ворота, разбежались со страху.
Мой Сид Руй Диас в ворота въезжает,
Держит он в руках обнаженную шпагу.
480 Убил пятнадцать мавров из тех, что повстречал он.
Захватил Кастехон с серебром и со златом.
Рыцари его с поживой прискакали.
Все отдали Сиду, без утайки и досады.
Вот двести три всадника, что поехали на облаву.

^а Кастехон на реке Энарес, Толедская крепость.

- 485 Скачут без страха, всю округу грабят.
Пронес свое знамя до Алькалы Минайя,
Назад возвращается с поживой немалой.
Вверх по Энаресу и мимо Гвадалахары^а
Тащат они с собою поживы на славу —
490 Коров и баранов крупнейшее стадо
И всякое платье и прочее богатство.
Высоко развевается знамя Минайи;
Не смеет никто даже в тыл им ударить.
Со всем этим добром дружина пришла обратно.
495 Вот она в Кастехоне — и Сид там застала.
Замок он захватил, и к ним поскакал он,
Спешит им навстречу, и с ним его вассалы.
С распростертыми объятиями принимает он Минайю:
«Вот вы, Альвар Аньес, копейщик удалый!
500 Всюду добрая надежда, куда бы вас ни послал я.
Пусть сложат это с тем, что добыто нами.
Даю я вам пятину, коль хотите вы, Минайя».

24

- «Славный Кампеадор, большое вам спасибо!
Эту пятину, что вы мне присудили,
505 Пусть ее получит Альфонс Кастильский.
С вас ее не возьму я; считайте, что заплатили.
Обещаю я богу, тому, что правит миром:
Покуда я тешусь на коне своем ретивом,
С маврами сражаясь по полям и по нивам,
510 Пока держу копье, и меч мой не притупился,
И кровь у меня вниз по локтю струится,
При вас клянусь, Руй Диас, достоуважаемый воитель,
Денежки ржавой не возьму из пятинны.
Вы чем-нибудь путным для меня разживитесь,
515 А прочее все в свои руки возьмите».

(Опасаясь преследований Альфонса, Сид спешно продает пленных мавров жителям окрестных городов, очищает захваченный замок и уходит дальше, продолжая грабить и разорять страну. Взяв хитростью город Алькосер, разбив войска мавританских царей, вышедших на помощь алькосерцам, и собрав богатую добычу, Сид отправляет посольство к Альфонсу.)

40

...«Слушайте, Минайя, десница моя в сраженьях!
Из этих богатств, что послало нам небо,
Своею рукою берите без помехи.

^а Гвадалахара — город на реке Энарес.

- 825 Хочу я вас послать в Кастилью с вестью
 Об этой битве, где досталась нам победа.
 Королю Альфонсу, что так сильно разгневан,
 Тридцать коней посылаю отменных,
 Все — под седлом, со сбруей драгоценной,
 830 И немало мечей у арчаков^а седельных.
 Рек Минайя Альвар Аньес: «Исполню от сердца».

41

- «Вот вам серебра и золота много;
 Вот целый сапог, он доверху полон.
 Закажите тысячу месс святой Марии Бургосской,
 835 А остаток отдайте жене моей и дочкам,
 Чтоб за жизнь мою молились и днём и ночью.
 Коль смогу, они будут богатые доньи». ⁴
-

47

- Над Руй Диасом Сидом будь милость господня!
 Вот уж Альвар Аньес в Кастилье благородной,
 885 Тридцать коней к королю он приводит.
 Встретил его король с улыбкой довольной:
 «Чей дар у вас, Минайя? Пусть господь вам поможет!» —
 «Мой Сид Руй Диас (в добрый час он шпагу носит!),
 888 ^а С тех пор как впал в опалу, взял хитростью Алькосер,
 888 ^б В Валенсию к царю пошли о том доносы;
 888 ^в Осадить велел он Сида и отрезать ему воду.
 888 ^г Мой Сид из замка вышел, сразился с ними в поле,
 Двух царей мавританских победил он в этом споре.
 890 Хороша его пожива, сеньор, и огромна,
 Прислал он вам подарок, король высокородный.
 Ноги он вам целует и руки обе.
 Вашей милости он просит, пусть господь вам поможет».
 Молвил король: «Не слишком ли скоро?
 895 Человека в опале, неугодного сеньору,
 Можно ль через три недели принять благосклонно?
 Но подарок я возьму, раз у мавров он отобран.
 Даже нравится мне, что нажил он так много.
 Вас же, Минайя, прощаю я охотно,
 900 Возвращаю вам ныне и земли и феоды;
 Идти и возвращаться даю вам свободу,
 Но о Сиде Кампеадоре не скажу вам ни слова.

^а Арчак — передняя и задняя луки седла с соединяющими их поперечинами.

48

- А сверх всего того, сказать я вам желаю:
Коль в моем королевстве из смелых и удалых
1905 Придет кому охота, чтоб к Сиду податься,
Даю я им свободу, не трону их достатков».
Целует ему руки Минайя Альвар Аньес.
«Вам слава и спасибо, сеньор наш богоданный!
Раз милостивы сейчас вы, так лучше будет дале».

(Тем временем Сид продолжает свои походы, облагая данью и грабя города; против него выступает дон Ремонд, граф Барселоны, но терпит позорное поражение. Наконец, после ряда побед Сид осаждает Валенсию, овладевает ею и посылает новое посольство к Альфонсу с просьбой отпустить к нему жену и детей, укрывавшихся до того времени в монастыре Сан-Педро де Карденья. С согласия короля жена и дети уезжают к Сиду, который устраивает им пышную встречу. Тем временем мавританские войска осаждают Сиду в Валенсии.)

89

- 1650 Приходят под Валенсию, что Сидом взята.
Раскинули лагерь неверные племена.
Сразу новость эта до Сиды дошла.

90

- «Хвала тебе, создатель и отец наш небесный!
Все — здесь предо мной, все, что нажил я честно.
1655 С трудом я взял Валенсию и держу ее крепко.
Ее не отдам, разве только по смерти.
Спасибо творцу и святой приснодеве,
Что вовремя Минайя привез мое семейство:
Теперь сюда арабы из-за моря подоспели.
1660 Придется сражаться, раз битвы не избежать.
Пусть жена моя и дочки увидят нас в деле,
Пусть знают, как живут на чужих этих землях,
И увидят глазами, как трудятся для хлеба».
Повел он на вышку и дочек и Химену.
1665 Видят: ставят шатры этой рати несметной.
«О! Что это, мой Сид? Спаси вас царь небесный!» —
«О супруга милая, то радостные вести.
Идет к нам казна, великая и чудесная,
Готовится подарок к вашему приезду.
1670 Приданое везут дочерям вашим, невестам». —
«Спасибо вам, мой Сид, и силе небесной!» —

- «Здесь на вышке, супруга, стойте вы смело,
 Не бойтесь, что иду я на ратное дело:
 Со мной милость бога и святой приснодевы,
 1675 Оттого, что вы здесь, мое сердце окрепло,
 С божьей помощью в битве одержу я победу».

91

- Раскинули лагерь. Вот и солнце восходит.
 Гремят барабаны частою дробью.
 Веселится мой Сид: «Денек будет добрый!»
 1680 Сердце доньи Химены рвется от тревоги.
 Страшно ей, и служанкам, и двум ее дочкам.
 Подобного страха не знавали сроду.
 Бороду мой Сид погладил и молвил:
 «Не бойтесь ничего: это — ваши доходы;
 1685 Ровно чрез две недели, коль господу угодно,
 Эти барабаны^а пред вами мы положим,
 Чтоб вы посмотрели, из какой они кожи.
 А затем их получит епископ дон Жероме —
 Поставит их в соборе, у матери господней».
 1690 Таково обещанье Сиды Кампеадора.
 Развеселились женщины, не боятся нисколько.
 Скачут во весь опор те мавры из Марокко,
 Беззаботно въезжают в сады и огороды.
⁵

94

- Вот день угасает, на землю ночь сошла,
 Снаряжаются быстро христианские войска.
 Под утро, чуть раздалась петушьиные голоса,
 Епископ дон Жероме обедню прочитал.
 1725 Как закончил обедню, отпущенье всем дал:
 «Кто погибнет в сражение лицом к врагам, —
 Грехи с него снимаю, и к богу пойдет душа.
 А от вас, дон Родриго, рожденный в добрый час,
 За то, что нынче утром служил я для вас,
 1730 Прошу я подарка, чтоб был он мне дан, —
 Чтоб за мной в этой битве был первый удар».
 Промолвил мой Сид: «Отдаю его вам».

^а Речь идет о барабанах мавританских войск, своим грохотом наводивших ужас на христианских рыцарей.

95

- На кастильскую дорогу все вышли в латах.
 1735 Мой Сид своих вассалов выстроил на славу,
 У ворот оставляет надежнейшую стражу.
 На коне Бабьеке^а Сид едет из града.
 Блестит его оружие, крепок его панцирь.
 Вот вышли из Валенсии и вынесли знамя
 Без тридцати четыре тысячи храбрых,
 1740 Спешат ударить на пятьдесят тысяч мавров.
 А с другой стороны — Альвар Альварес с Минайей.
 Господь им помог, и врагов они погнались.
 Колет Сид копьём, орудует шпагой.
 Столько мавров убил, что нельзя сосчитать их.
 1745 Кровь их по локтю на землю стекает.
 Юсуфу-царю^б он нанес три удара,
 Но спас добрый конь от Сида араба.
 Убежал царь в Гухеру, в замок богатый.
 Гнался за ним до замка мой Сид из Бивара,
 1750 А следом за ним его добрые вассалы.
 Рожденный в добрый час вернулся обратно,
 Удачным уловом доволен он немало.
 Хвалит он Бабьеку за повадку и стати.
 Несметная пожива Кампеадору досталась.
 1755 Пятьдесят тысяч мавров на поле осталось,
 Всего сто четыре спаслось и убежало.
 Дружина Кампеадора разграбила их лагерь:
 Взяла серебром и золотом три тысячи марок.
 А прочей поживы — не окинуть глазами.
 1760 Был весел мой Сид и все его вассалы,
 Что по милости божьей победа им досталась.

(Снова посылает Сид посольство с дарами Альфонсу.)

99

- ...Чело перекрестил король дон Альфонсо.
 Бермудес и Минайя подскакали проворно,
 1865 На землю поспешно соскочили с седел,
 Колени преклонили пред Альфонсом-сеньором,

^а Бабьека (букв.: «дурачок») — имя коня Сида.

^б Царь Юсуф (эмир Юсуф) — ибн Тешуфин, основавший свою столицу в Марокко. Он действительно четыре раза переплывал Гибралтар, чтобы помочь мавританским царям Испании в их борьбе с Альфонсом VI, сам он не сражался с Сидом, но войска его были два раза разбиты последним.

- Землю целуют и ноги его обе:
 «Смилуйтесь, Альфонсо, король высокородный!
 Ноги ваши мы целуем за Сида Кампеадора.
 1870 Вассал он ваш верный и чтит вас как сеньора,
 За честь оказанную благодарит глубоко.
 Недавно, о король, поражение нанес он
 Нечестивому Юсуфу, царю над Марокко.
 1875 Пятьдесят тысяч мавров осталось на поле.
 Добыча, что взял он, хороша и огромна;
 Стали богачами вассалы Кампеадора.
 Вам он руки целует и коней шлет две сотни».
 Молвил король: «Принимаю их охотно.
 За эти дары благодарен я премного.
 1880 Уже близится час примиренья с Кампеадором».

(Видя милость короля к Сиду и слыша о его несметных богатствах, наследники графа Каррионского — инфанты^а из Карриона — решают посвататься к дочерям Сиды. За посредничеством они обращаются к королю.)

102

- 1920 ...«Минайя и Бермудес, слушайте, что я молвлю.
 Доволен я службою Сиды Кампеадора,
 За заслуги его я помилую скоро.
 Предо мной пусть предстанет, коль так ему угодно.
 Но здесь при дворе другая есть новость:
 1925 Дизго и Феррандо, инфанты из Карриона,
 Хотят нынче взять дочерей его в жены.
 Будьте добрыми гонцами, и прошу вас обоих,
 Чтоб сказали вы об этом доброму Кампеадору:
 Возрастет его слава и честь его рода,
 1930 Коль он породнится с инфантами Карриона»^б.
 Минайя в согласье с Бермудесом молвил:
 «О том, что вы сказали, у Сиды мы спросим,
 И пусть он решает, как душа его хочет». —
 «Передайте Руй Диасу, рожденному в час добрый,
 1935 Что навстречу ему приду по уговору,
 Назначим мы место, где Сиду угодно,
 Явить ему желаю я свою благосклонность».
 Простились посланцы с королем Альфонсом,
 В Валенсию едут знакомой дорогой.
 1940 Чуть вести об этом дошли до Кампеадора,
 Он выехал навстречу к вассалам своим добрым.
 Улыбнулся мой Сид и крепко их обнял:

^а *Инфанты* — наследники; ограничительное применение названия «инфант» к наследнику испанского короля относится к более позднему времени.

- «Вы ли, Минайя и Бермудес, предо мною?
 Не всюду найдешь двух таких баронов!
 1945 Как здоровье Альфонса, моего сеньора?
 Принял ли дары и остался ли доволен?»
 Ответил Минайя: «И сердцем и душою
 Доволен он остался и вернул вам благосклонность».
 Промолвил мой Сид: «Благодарение богу!»

 «А сверх всего того говорит вам Альфонсо,
 Что встретится он с вами, где будет вам угодно:
 Видеть вас он хочет и взыскать своей любовью.
 1970 Как лучше поступить, сговоритесь вы оба».
 Тут промолвил мой Сид: «Сердечно я доволен.
 Это свиданье где назначить нам должно?»
 Тут молвил Минайя: «Где будет вам удобно». —
 «Не худо бы знать решение короля Альфонса:
 1975 Туда, где он будет, и мы придем охотно,
 Чтob честь ему воздать, как королю и сеньору.
 Но раз он так хочет, то мы ему покорны:
 У берега Тахо, той реки полноводной,
 Встретить готов я моего сеньора».
 1980 Написали письмо, запечатали плотно,
 Отправили с ним двух рыцарей конных:
 Исполнит Кампеадор желанье донa Альфонса.

103

- Принял ту грамоту король достопочтенный.
 Как только прочел, возрадовался сердечно:
 1985 «Кланяйтесь Сиду (в добрый час свой меч надел он).
 Назначаем мы встречу отсель чрез три недели.
 Если буду я жив, так приду непременно».
 Гонцы вернулись к Сиду, ни мало не помедлив.
 С обеих сторон снаряжаются к отъезду.
 1990 Кто видел в Кастилье столько мулов бесценных,
 Столько коней для хорошего бега,
 Холеных лошадей, скакунов безупречных,
 Столько пестрых флажков, на копыа надетых,
 Щитов с золотой и с серебряной отделкой,
 1995 Шелков александрийских и мантий и меха!
 Велит король отправить много всяческой снеди
 На побережье Тахо, где условлена встреча.
 Скачет Альфонс с дружиной отменной,
 Инфанты из Карриона едут за нею.
 2000 Кой-что взяли в долг, а иное за деньги.
 Думают, ждет их пожива без сметы,

- И злато, и серебро, и всякое именье.
 Король дон Альфонс скачет поспешно.
 А графы и вельможи со свитою — следом.
 2005 Инфанты из Карриона с большим конвоем едут.
 С королем галисийцы, и леонцы в доспехах,
 И кастильцы, которым и счета там нету,
 Отпустив поводья, спешат к месту встречи.

104

- В городе Валенсии — мой Сид Кампеадор;
 2010 Он не мешкает нимало, готовится в поход.
 Сколько мулов холеных и коней на подбор,
 Сколько доброго оружия и добрых скакунов,
 Сколько добрых плащей, епанчей и мехов!
 Большие и малые — все в платье цветном.
 2015 Минайя Альвар Аньес и Пер Бермудес лихой,
 И Мартин Муньос, что держит Монте-Майор,
 И Мартин Антолинес, бургосец удалой,
 И отважный дон Жероме, епископ святой,
 И Альвар Сальвадорес, и Альвар другой,
 2020 И Муньо Густиос, этот рыцарь удалой,
 И Галинд Гарсиас, что покинул Арагон, —
 Все они снарядились с Руй Диасом в поход,
 И все вассалы, сколько было их у него.
 Но Альвару Сальвадоресу велит Кампеадор
 2025 И Галиндо-арагонцу приказывает он,
 Чтоб Валенсию хранили и сердцем и душой.
 Под начало их он отдал весь прочий народ.
 Ворота алькасара^а (так повелел сеньор)
 Должны быть на запоре весь день и всю ночь:
 2030 Там его супруга и две дочери его
 (За них душу и сердце отдать он готов)
 И прочие женщины, что служат им давно.
 Следить приказал он, как добрый барон,
 Чтоб не вышла ни одна из дворцовых ворот,
 2035 Пока тот не вернется, что в час добрый рожден.
 Вот ушли из Валенсии и скачут во весь опор.
 Сколько ратных коней, холеных скакунов!
 Мой Сид взял их с бою: не дарил ему никто.
 Так он едет на место, где ждет его король.
 Как завидел его тот, что в час добрый рожден,
 Позади оставляет он весь свой конвой,

^а *Алькасар* — самая высокая башня в крепости или в укрепленном замке.

- 2045 Едут с ним лишь пятнадцать вернейших бойцов,
Вместе с ними с коня сошел Кампеадор.
Вот как сделал рожденный под счастливой звездой:
Ладони и колени прижал к земле сырой,
Зубами грызет он ковыль полевой,
- 2050 Горячо он плачет от радости большой.
Так умел поклониться сеньору герой.
Распростерся мой Сид у королевских ног,
И сильно опечалился король дон Альфонс.
«Встаньте немедленно, о Сид Кампеадор!
- 2055 Целуйте мне руки, но ноги — не за что.
Коль сейчас же не встанете, опалы ждите вновь».
Но все на коленях стоит Кампеадор:
«Милости прошу я, природный мой сеньор!
Вот так пред вами стоя, пусть буду я прощен,
- 2060 Чтob слышали все, что стоят здесь кругом».
Молвил король Альфонс: «Всей душой я готов.
При всех я вас прощаю, возвращаю вам любовь.
В пределы своей державы принимаю вас вновь».
Ответил мой Сид, так вымолвил он:
- 2065 «Прощенье принимаю, о Альфонс, мой сеньор!
Спасибо богу в небе, а вам после него,
И всем этим дружинам, что стоят здесь кругом».
Руку Альфонсу целуя, Сид с земли не встает.
Наконец, поднявшись, в уста лобзает его.
- 2070 Всем это было любо и по сердцу пришлось,
Лишь Альвар Диас и Гарсия Ордоньес⁸ в душе затаили зло.
Тут вымолвил слово мой Сид Кампеадор:
«Благодарю тебя, боже, отче всеблагой!
Коль милость вернул мне Альфонс, мой король,
- 2075 Значит, денно и ночью поможет нам бог.
Так будьте же сегодня моим гостем, сеньор».
Король отвечает: «Обычай не таков.
Вы только что явились, мы прибыли в ночь.
На нынешний день вы мой гость, Кампеадор,
- 2080 А завтра по-вашему сделать я готов».
Сид руку целует, согласен он на то.
В ту пору инфанты отвесили поклон:
«Кланяемся Сиду, что в час добрый рожден.
Все готовы мы сделать, что будет вам впрок».
- 2085 Отвечал им мой Сид: «Да поможет вам бог».
Мой Сид Руй Диас в час добрый рожден!
Весь этот день угощал его король,
Полюбил его сердечно, наглядеться не мог,
Изумляясь, как быстро бородой Сид зарос.
- 2090 Дивится Кампеадору собравшийся народ.

(Примирившись с королем, Сид выдает своих дочерей за предложенных ему тем женихов. Но браки эти оказываются несчастными. Знатные зятья Сиды обнаруживают всю свою подлость и трусость и в стычках с маврами, и при встрече с ручным львом, убежавшим из клетки. Наконец, они просят Сиды отпустить их с женами в наследственные поместья.)

- 2599 ...От зла не уберегся мой Сид Кампеадор:
2600 «Отдаю вам наших дочек и прибавлю кой-что.
2601 Вы отводите поместья, как дар для ваших жен.
А я даю вам в помощь три тысячи серебром.
Дам коней подседельных и рослых лошаков,
И крепких быстроногих боевых скакунов,
2605 И множество платья, и шелк, и сукно,
Коладу и Тисону^а забирайте с собой.
Эти шпаги взял я с бою, как истинный барон.
Раз я отдал вам дочек, вы мне — вместо сынов;
Но с собой мое сердце вы увозите прочь.
2610 Пусть знают Галисия, и Кастилия, и Леон,
Что богатыми едут зятья мои в свой дом.
Наших дочек берегите, законных ваших жен,
Коль их убережете, не раскаетесь в том».
Обещали ему это инфанты де Каррион.
2615 Тут дочек вручил им мой Сид Кампеадор.
Принимать они стали дареное добро.
Когда же они вдосталь набрали всего,
Грузить стали мулов инфанты де Каррион.
В Валенсии великой взволновался народ,
2620 Все надели доспехи, поскакали верхом
Провожать дочек Сиды, что едут в Каррион.
Вот в путь снарядились, прощаются с отцом.
Тут обе сестры, донья Эльвира и донья Соль⁹,
Сиду Кампеадору ударили челом:
2625 «Помилуйте, отец наш, да поможет вам бог!
Наша мать нас породила, и мы — ваша кровь.
Вот мы перед вами, сеньора и сеньор.
Вы нас отсылаете далеко в Каррион;
Мы ваше повеленье исполним как закон.
2630 Но, как милости только, вас просим об одном:
Посылайте нам вести в ту землю, в Каррион».
Сид в уста целовал их, и обнял их он.

Обнимал их отец, а мать их миловала:
«Идите вы, дочки, господь вам охрана,

^а В героическом эпосе мечи, как и кони, носят особые имена.

- 2635 А моя и отцовская милость — над вами.
 Поезжайте в Каррион, в ваши земли и замки.
 В добрый час, мне сдается, я вас выдала замуж».
 У отца и у матери руку лобызали,
 А те их благословили с любовью и лаской.
- 2640 Мой Сид и другие тут стали собираться.
 Роскошна их сбруя, и лошади, и латы.
 Из Валенсии светлой уходят инфанты,
 Обняли дочки Сида своих служанок.
 Быстрой рысью миновали валенсийские ограды,
- 2645 Бодро едет мой Сид, и вассалы все рады.
 Хоть видел по птицам в добрый час надевший шпагу,
 Что не будет добра им от этого брака, —
 Но раз выданы замуж, не возьмешь их обратно.

(Отделавшись от охраны, посланной Сидом их провожать, и услав вперед свою челядь, инфанты из Карриона жестоко расправились с нелюбимыми женами.)

128

- ...Вот они — вчетвером, а другие — далече.
 Замыслили инфанты недоброе дело.
- 2745 «Донья Эльвира и донья Соль, да будет вам известно:
 Среди гор этих диких вы вкусите бесчестье;
 Мы бросим вас здесь, а сами уедем;
 На земле Каррионской не видать вам наследья.
 До Сида Кампеадора дойдут эти вести;
- 2750 За шутку со львом дождались мы мести».
 Не оставили ни плаща, ни шубейки на теле,
 До исподнего платья и рубах их раздели.
 Носят острые шпоры изменники-злодеи,
 В руках у них крепкие и прочные плети.
- 2755 Видит это донья Соль и говорит смиренно:
 «Дон Диэго и Феррандо! Ради бога на небе!
 Вот два меча у вас, что и остры и крепки.
 Коладой и Тисоной зовет их отец наш.
 Нам головы отрежьте, венец мы примем в смерти.
- 2760 И мавры и христиане осудят вас, поверьте:
 Не за наше прегрешенье эту муку мы терпим.
 Не явите на нас столь дурного примера,
 Если нас избыете, унизитель навек.
 Вас же будут корить на сходках за это».
- 2765 Сколько ни просили, не вяли им злодеи.
 Каррионские инфанты их бьют, не жалеют,
 Бьют ременною плетью, жестоко их хлещут,
 Изодрали рубахи и мясо на теле,

- 2770 На платье исподнем кровь светлая рдеет,
А обида проникла до самого сердца.
Вот было бы счастье, кабы дал царь небесный,
Чтоб Сид Кампеадор объявился в том месте.
Так тяжко их избили, едва не до смерти.
2775 Окровавлены рубашки и нижние одежды.
Примахались у братьев и руки и плечи:
Ведь они состязались, кто ударит крепче.
Донья Эльвира и донья Соль от боли онемели.
Замертво их бросили в лесу меж деревьев.

129

- 2780 Горностаевые шубки забрали у избитых,
Оставили без плащей, в рубахах, полунагими.
Среди птиц этих горных, среди зверей этих диких
Полумертвы лежат, поймите, полуживы.
Вот было бы счастье, если б прибыл Руй Диас!

130

- 2785 Замертво их бросили каррионские инфанты;
Не помогут друг дружке, лежат бездыханны.
А мужья по горам, похваляясь, скачут:
«Мы за нашу женитьбу отдачили им подарок.
Никогда и в наложницы не взяли б мы их сами,
2790 Не принудь нас король к неравному браку.
За шутку со львом мы сполна расквитались».

(Несчастных спасает племянник Сида Фелес Муньос. Оскорбленный отец требует от короля созыва кортесов^а для разбора дела. Альфонс исполняет его просьбу.)

137

- ...Король дон Альфонс встал на ноги в ту пору:
«Слушайте, вассалы, господь вам опора!
3160 Дважды кортесы созывались мною:
Первые в Бургосе, вторые в Каррионе,
На третьи в Толедо я прибыл сегодня
Из почтения к Сиду, рожденному в час добрый,
Чтоб призвал он к ответу инфантов Карриона.
3165 Он ими обижен, как знаем мы бесспорно.
Судьями я ставлю дона Энрике и дона Рамона¹⁰

^а Кортесы — сословно-представительные собрания в средневековой Испании.

- И прочих всех графов, не родных каррионцам.
Все вникните в дело, — вам известны законы;
По правде решайте — я кивды не дозволю.
- 3170 Стороны пусть держатся мирно и скромно,
Клянусь святым Исидором! Кто затеет здесь ссору,
Будет в изгнание и опале до гроба.
Я вступлюсь за того, чье дело законно.
- 3175 Пусть же Сид Кампеадор говорит свое слово.
Услышим, что ответят инфанты Карриона».
Руку ему Сид целует, на ноги встал он скоро:
«Большое вам спасибо, король и сеньор мой,
Что ради меня созвали вы баронов.
- 3180 Так вот вам мой иск к инфантам из Карриона:
С дочек моих покинутых смыть желаю позор я;
Вы их выдали, король; это — ваша забота.
Когда из Валенсии вышли каррионцы,
И душе моей и сердцу они были угодны;
3185 Коладу и Тисону, два меча я им отдал
(Оба с бою я взял, как следует барону),
Чтоб прославились зятья и служили сеньору.
Но дочек моих бросив в Корпесской дуброве,
Надругались они над моею любовью.
- 3190 Пусть мечи возвратят: не зятья они мне боле».
Судьи рассудили: «Так будет по закону».
Молвил граф дон Гарсия:^a «За нами будет слово».
Отошли тут в сторонку инфанты Карриона
Со всей своей свитой и со всем своим родом,
Быстро порешили, совещаись недолго:
- 3195 «Большая нам милость от Сида Кампеадора,
Что в вину он нам не ставит дочернего позора.
Легко поладим после с королем Альфонсом.
Вернем мы Сиду мечи и тяжбу закончим.
Когда он их получит, разойдутся бароны.
- 3200 Не сыскать на нас управы Сиду Кампеадору».
С этими словами вернулись они к сбору.
«Смилюйтесь, дон Альфонс, король и сеньор наш!
Отрицать мы не можем: мечи он нам отдал.
Если с нас он их ищет и так ему угодно,
- 3205 Возвратим их охотно перед вашею особой».
Коладу и Тисону тут вынули оба.
Вложили их в руки короля и сеньора.
Мечи обнаженные сверкают, как солнце:
Эфес до клинка весь из золота скован.

^a *Граф Гарсия Ордоньес* — заклятый враг Сида. Он выступает здесь как представитель феодальной знати.

- 3210 Дивится им немало весь люд этот добрый.
3210^a Подозвав Кампеадора, ему король их отдал.
Тот принял мечи и к руке подошел он.
На прежнюю скамейку возвратился он снова.
Держит он мечи, не спускает с них взора:
3215 Приосанился телом, улыбнулся широко,
Чтоб за бороду взяться, руку он поднял:
«Клянусь я бородой (никто ее не тронул):
За донью Эльвиру и донью Соль отомстите вы скоро».
Позвал он Бермудеса, племянника родного,
3220 Руку протянул и Тисону ему отдал:
«Вот, возьмите! Нашла она лучшего сеньора».
К Мартину Антолинесу, отменному бургосцу,
Руку протянул он и Коладу ему отдал:
«Мартин Антолинес, вассал вы мой добрый,
3225 Я добыл тот меч у хорошего сеньора,
У Раймунда Беренгера ¹¹ из высокой Барселоны.
Затем его даю, чтоб владели вы им мощно,
Чтоб принес он честь и славу вам в урочную пору».
Тот руку целует, меч принял без спора.
3230 Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Слава богу и вам, королю и сеньору!
Рад я мечам, Коладе и Тисоне.
Но не все еще взыскал я с инфантов Карриона.
Когда взяли они в Валенсии дочерей моих кровных,
3235 Дал им златом и серебром я три тысячи ровно,
И за эту мою ласку отплатили они злобой.
Пусть вернут мне добро: не зятя я им боле».
Видеть бы вам, как взвыли инфанты из Карриона.
Молвил граф дон Рамон: «Да иль нет? Ваше слово!»
3240 Отвечали в ту пору инфанты из Карриона:
«Для того вернули мечи мы Сиду Кампеадору,
Чтоб больше он не требовал и суд был закончен».
3242^a Тут граф дон Рамон на это промолвил:
«Коль дозволит король, таково наше слово:
Отвечайте немедля на иск Кампеадора».
3245 Молвил добрый король: «И мне так угодно».
Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Верните мне деньги, что тогда я вам отдал,
Иль себе в оправданье приведите вы довод».
Каррионские инфанты в сторонку отходят,
3250 Никак не сговорятся: ведь деньги огромны;
Порастратили их инфанты из Карриона.
Вернулись в кортесы, говорят в один голос:
«Покоритель Валенсии прижимает нас жестоко;
Коль до нашего добра охоч он настолько,

- 3255 Угодьями заплатим из земель каррионских». Так долг они признали, и судьи им молвят:
«Не препятствуем мы, если Сиду угодно;
Но так мы решаем и велим по закону,
Чтоб вы здесь на суде заплатили Кампеадору».
- 3260 Отвечал им на это король дон Альфонсо:
«Все это дело известно нам подробно,
Мой Сид Кампеадор с них ищет законно.
Из трех тысяч долга две сотни за мною:
Их дали мне оба инфанта из Карриона.
- 3265 Возвращаю им деньги, раз их дело так плохо.
Пусть расплатятся с Сидом, рожденным в час добрый.
Коль платить им придется, не нужны мне их червонцы».
Услышьте, что Феррандо^а в ответ ему молвил:
«Чеканною монетой платить мы не можем».
- 3270 Тут граф дон Рамон сказал такое слово:
«И злато и серебро растратили вы оба.
Но так мы решаем пред лицом дона Альфонса:
Вам натурой платить, а принять Кампеадору».
Тут видят инфанты, что платить придется.
- 3275 Видеть бы вам, как ведут скакунов быстроходных,
Сколько крепких коней, сколько мулов надежных,
Сколько несут мечей и доспехов отборных!
Принял их мой Сид по оценке законной.
Кроме двух сотен, что за доном Альфонсом,
- 3280 Все отдали инфанты рожденному в час добрый.
Своего не хватило, так признали чужого.
Эта тяжба, знайте, пошла им не на пользу.

138

- Все это добро Сид Руй Диас принял,
Отдал под охрану и присмотр дружине.
- 3285 Но покончив с одним, о другом говорит он:
«Смилуйтесь, король, сеньор благочестивый!
С ума мне нейдет эта худшая кривда.
Слушайте, кортесы, сострадайте моей обиде:
От инфантов каррионских в большой я обиде;
- 3290 Не могу без боя расстаться с ними.

139

Скажите, что я вам сделал, инфанты Карриона,
В шутку ль взаправду, иль поступком, иль словом?

^а Феррандо Гонсалес — инфант де Каррион.

- По решению кортесов все исправить готов я.
Но зачем меня в сердце вы ранили глубоко?
3295 Увезти из Валенсии я вам дочек позволил
С превеликою честью и именем огромным.
Если вы их не любили, собаки и воры,
Зачем вы их вывели из Валенсии высокой?
3300 За что вы их избили и плетью и шпорой,
Одних их оставили средь дремучего бора,
Средь диких зверей и коршунов горных?
Да покроет вас срам за дело такое.
Если мне не ответите, пусть решают бароны».

140

- Тут граф дон Гарсия на ноги поднялся:
3305 «Смилуйтесь, король, о лучший в Испании!
Вот он, мой Сид, на кортесы эти званный.
Отрастил себе бороду и ходит косматый.
Одни его боятся, другим нагнал он страха.
Но из знатного рода каррионские инфанты:
3310 Они бы этих дочек, рождением им неравных,
Не взяли и в наложницы, а в жены — и подавно.
Если бросили их, поступили по праву.
А все, что говорит он, не ценим мы ни мало».
В ту пору мой Сид начал бороду гладить:
3315 «Слава богу, что небом и землею правит!
Бороду себе я отрастил на радость.
Что же вам, граф, от нее теперь надо?
До сих пор за нее не краснел никогда я:
Никто из людей не дернул ее ни разу,
3320 Не рвал ее рожденный ни христианкой, ни арабкой,
Как я вам ее дергал в крепости Кабра.
Когда Кабру я брал с бородой вашей графской,
Драл ее по щепотке каждый мальчик плюгавый.
До сих пор в ней проплешины видит каждый.
3324 а А клочья ношу в кошельке я сохранны»¹².

141

- 3325 Феррандо Гонсалес тут на ноги встал,
Голосом громким, услыште, что он сказал:
«Эту тяжбу, мой Сид, пора вам кончать.
Все мы вам вернули из вашего добра.
Пусть не будет между нами ни разлада, ни свар.
3330 От графов Каррионских порода в нас пошла:
И король, и император нам бы дочь свою дал;

Но дочки идалъго никак нам не чета.
Оттого, что по праву мы бросили их там,
Мы собою гордимся еще больше, чем всегда».

142

- 3335 На Педро Бермудеса Сид глянул с усмешкой:
«Что ж, Педро Немой, ты муж, молчащий вечно?
Хоть мне они дочки, да ведь сестры тебе-то.
Меня бранят инфанты, но в тебя они метят.
Не будешь ты биться, если я им отвечу».

143

- 3340 Тут Педро Бермудес ответ ему держал
(Он туг на язык и на речи не тароват,
Но начнет; так за словом не полезет в карман):
«Скажѹ вам, Кампеадор, уже таков у вас нрав:
Немым вы на сходках меня дразните всегда.
3345 Хорошо вам известно: не моя в том вина;
Но дело за мною не станет никогда.—
Лжешь ты, Феррандо, вздор ты наболтал,
Из-за Сиды Кампеадора возросла вам цена.
Про все твои ухватки расскажу я сполна.
3350 Припомни, как битва под Валенсией была.
У честного Кампеадора просил ты первый удар.
Увидел ты мавра и к нему поскакал,
Но еще не подъехав, обратно удрал.
Кабы я не подвернулся, тебе бы пропадать.
3355 Я встал между вами и на мавра напал,
После первых ударов свалил его с седла.
Передал тебе лошадь, и никто не видал
До нынешнего часа я об этом молчал.
Ты ж пред Сидом и пред всеми похвалялся и врал.
3360 Будто мавра убил ты, как отважный вассал.
Каждый верил тебе, ибо правды не знал.
Пригож ты собою, но трус и нахал.
Ты речист, да безрук! Как ты смеешь болтать?

144

- Промолви, Феррандо, и признайся мне в том:
3365 Неужели ж позабыл ты все, что было со львом,
Как с цепи он сорвался, когда спал Кампеадор?
А ты, о Феррандо, что сделал притом?
Под скамью Кампеадора с перепугу заполз.
Заполз ты, Феррандо, и цена тебе грош!

- 3370 На защиту сеньора все мы стали кругом.
Тут проснулся мой Сид, что Валенсию поборол.
Со скамьи своей встал он, поровнялся со львом.
Тот голову потушил, ожидая его.
Взял Сид его за гриву, посадил под замок.
3375 Когда к нам воротился честной Кампеадор,
Всех своих вассалов увидал он кругом.
Стал искать своих зятьев, не нашел ни одного.
На бой тебя зову я, изменник ты и вор!
Пред королем дон Альфонсом здесь я биться готов.
3380 За дочерей Кампеадора, донью Эльвиру и донью Соль,
За то, что вы их бросили, цена вам будет грош.
Хоть женщины они, вы же — мужеский пол,
Больше вас они стоят везде и во всем.
На этом поединке, коль допустит господь,
3385 Все это ты признаешь, как изменник и вор.
Во всем, что я молвил, не солгал я ничего».
Между этими обоими окончен разговор.

145

- Диего Гонсалес^а ответил горделиво:
«Мы из графской породы, из самой родовойтой.
3390 О, если бы не было всей этой женитьбы!
С моим Сидом Руй Диасом невместно нам родниться...
Не каемся мы в том, что с женами разлучились,
Но они пусть вздыхают до самой могилы,
К стыду им послужит то, что сделали мы с ними.
3395 Смело и отважно я выйду на поединок.
Тем, что бросили их, мы прославили наше имя».

146

- Мартин Антолинес тут на ноги встал:
«Молчи ты, предатель, лживые уста.
Ты бы лучше вспомнил валенсийского льва.
3400 За дверь убежал ты, укрылся среди скота,
Под балкой в давяльне ты спрятался тогда.
Не надел ты со страху ни камзола, ни плаща.
С тобою мы сразимся, не уйдешь ты никуда.
Дочерей Кампеадора ты бросил без стыда.
3405 Больше вас они стоят, вы им не чета.
Под конец поединка признаешь ты сам,
Что вор ты и предатель и во всем ты солгал».

^а Диего Гонсалес — инфант каррионский.

Между этими обоими нет больше разговора.

(Король и кортесы назначают судебный поединок. Инфанты из Карриона и их боец терпят поражение от бойцов Сиды, который вновь выдает замуж своих дочерей за королей Арагона и Наварры. Переписчик заканчивает свою работу словами):

Аминь. Кто писал эту книгу, пусть от бога дождется рая,
Писал ее Петр Аббат среди месяца мая,
В год нашей эры тысяча триста сорок пятый^а.
Эта песня прочтена,
Дайте нам вина;
А коль денежки нету,
Снимайте, во что одеты,
И дадут вам под это^б.

РОДРИГО.

Поэма «Родриго», сложившаяся, видимо, в XIV в. (текст начала XV в.), повествует о юности Сиды (Родриго). В ней, между прочим, рассказывает о том, как юный Родриго на поединке убивает графа Гомеса де Гормаса, совершившего грабительский набег на владения его престарелого отца, а затем по настоянию короля женится на дочери убитого им графа донье Химене (см. приводимый отрывок). Действие поэмы происходит не при Альфонсе VI (как в «Песни о моем Сиде»), а при его отце Фернандо I. При этом эпический Сид выступает перед нами в новом свете. Родриго во многом отличен от героя «Песни». Если последний даже в изгнании не забывал того, что он вассал короля Альфонса, то юный Родриго относится к королю с недоверием и даже с неприязнью. Вопреки обычаю он отказывается отдать королю пятую долю добычи, захваченную им в боях с маврами. Он пылок и дерзок, свободолюбив и бесстрашен. Когда же могущественные враги (французский король, германский император, патриарх и папа) обрушиваются на Испанию, Родриго становится ее верным и несокрушимым оплотом.

Дух неукротимого свободолюбия, наполняющий поэму «Родриго», свидетельствует о возросшей оппозиции широких кругов Испании деспотизму феодальных владетелей и князей церкви (в поэме — папа, патриарх). Родриго — патриот, Родриго — непокорный свободолюбец воплощает в себе вековые мечты испанского народа о свободе и национальной независимости Испании. Характерно, что испанские народные романсы о Сиде, высоко оцененные Н. Г. Чернышевским, примыкают в основном к поэтиче-

^а 1345 г. — по староиспанскому летосчислению, т. е. 1307 г. н. э.

^б Приписка, сделанная в XIV же веке, но другой рукой.

ской версии «Родриго». Почти все темы названной поэмы мы находим в поздних романах. Поэма состоит из длинных строф, разделенных цезурой и ассонирующих по тирадам.

РОДРИГО И ГРАФ ГОМЕС ДЕ ГОРМАС.

Граф дон Гомес де Гормас Дьего Лаинеса ограбил^а:
Избил его пастухов и угнал его стадо.
В Бивар приехал Лаинес, велел скликать он вассалов,
Созвал он всех своих братьев, и вот они уже скачут.
Пошли набегом на Гормас, едва заря заблестала.
Начали бить и грабить, и все кругом поджигают,
И тащат его вассалов, сколько под руку попало,
И тащат его скотину, сколько паслось за оградой,
И тащат прачек от реки для бесчестья и срама.
Навстречу выехал граф с сотней рыцарей-идальго,
Громким голосом бесчестит он сына Лаина Кальво^б:
«Отпустите моих прачек, сын городского алькальда.
Вы не посмеете выйти с равною силой на равных».
Эти слова говорил он, распалясь великим жаром.
Отвечал Руй Лаинес, что был сеньором над Фаро:
«Сто на сто на вас мы выйдем в рукопашную без страха».
Тут назначили день, чтобы сойтись в поле ратном.
Вернули ему вассалов и прачек его обратно;
Но только не вернули захваченного стада:
Забрали его в отместку за уведенное графом.
Чуть девять дней миновало, вновь верхом они мчатся.
Там — Родриго, сын Дьего и внук Лаина Кальво.

.
Вот войска вооружились; готовы битву начать.
Убил Родриго графа, не мог ретивое сдержать.
Прискакала сотня Гомеса и битву начала.
На нее ударил Родриго, вздохнуть он не дал врагам,
Графских сынов полонил он на их досаду и срам,
Эрнана Гомеса и Альбонео Гомеса, и отвел их в Бивар.

ЖЕНИТЬБА РОДРИГО.

Три дочери были у графа, и все — невесты хоть куда.
Когда узнали, что братья взяты и что родитель их пал,
Оделись в черное платье, поверх глухая фата
(ее тогда носили в скорби, а теперь — для забав).

^а Дьего Лаинес — отец Родриго.

^б Лайн Кальво — дед Родриго, один из двух первых кастильских судей (алькальдов), освободивших Кастилию от подчинения Леону в судебных делах.

Из Гормаса вышли дамы и направились в Бивар.
Завидел их дон Дьего, у дверей он их встречал:
«Откуда эти монашки и о чем их мольба?»
«Все, сеньор, мы вам скажем, скрывать не станем от вас.
Мы — дочери графа де Гормас, что по воле вашей пал.
Вы наших братьев полонили и отвели их сюда,
А мы, женщины, остались, и нет защиты у нас».
В ту пору молвил дон Дьего: «Не моя в том вина.
Просите их у Родриго: захочет он, так отдаст.
А я о них не заплачу, клянусь во имя Христа».
Услышал это Родриго, сказал такие слова:
«Нехорошо, о сеньор, глаза на правду закрывать,
Ибо я — ваш сын, и норовом — в мать.
Подумайте об этом, сеньор, ради Христа:
Не отвечают дочери за прегрешенье отца.
Отдайте же им братьев: велика их нужда.
Соблюдать нужно меру и уважить этих дам».
Тут промолвил дон Дьего: «Сын, велите их отдать».
Освободили тех братьев и отдали в руки дам.
Придя в надежное место, они промолвили так:
«Щадить мы будем две недели Родриго и старика,
Затем сожжем мы их ночью в биварском замке дотла».
Молвит младшая, Химена Гомес: «Умерьтесь, братья,
ради Христа:

В Самору к дону Фернанду, к королю, я пойду сперва,
Вам будет здесь безопасно, охранит он ваши права».
Вот едет Химена Гомес, трех девиц с собой взяла,
И еще оруженосцев, чтоб ей защита была.
Вот стоит она в Саморе средь королевского двора:
Горькими плачет слезами, просит милости она:
«Король, я, скорбная дева, просить о милости пришла.
Осталась я сиротою: графиня-мать умерла.
Сын дона Дьего Лаинеса много сделал мне зла:
Полонил моих братьев, убил моего отца.
Я к вам, как к властелину, с челобитной пришла.
Сеньор, по милости вашей, у вас я прошу суда».
Огорчился король, сказал такие слова:
«В землях моих беспокойно; Кастилья смуты полна;
А коль восстанут кастильцы, учинят мне много зла».
Услыхала Химена Гомес, к его руке подошла:
«Смилуйтесь, — молвит, — сеньор! Не осердитесь со зла.
Знайте, смирить кастильцев вы можете без труда:
В мужа мне дайте Родриго, что убил моего отца».

Слышит ее граф Осорио, паставник дона Фернандо.
Отвел короля он за руку, тайный вопрос ему задал:

«Сеньор, что скажете вы о просьбе этой дамы?
Всемогущему богу должны вы быть благодарны.
Сеньор, пошлите за Сидом и за отцом его знатным».
Быстро грамоту скрепили, не стали мешкать нимало,
Вручили ее послу, и в дорогу поскакал он.
Прибыв в Бивар, дона Дьего за отдыхом застал он.
Сказал: «Поклон вам, сеньор, везу вам весть на отраду,
За вами и вашим сыном послал король дон Фернандо.
Вот я грамоту привез за крепкой его печатью.
С помощью господней ожидает Родриго слава».
Взглянул на грамоту дон Дьего, лицо его бледным стало.
Думал, что хочет король погубить его за графа.

Услышьте, — молвил он, — сын мой, и поглядите сюда.
Боюсь я грамоты этой, что вероломства полна.
В таких делах у властителей повадка больно плоха.
Если служишь государю, служи ему без греха,
А сам его опасайся, как смертельного врага.
Поезжайте, сын мой, в Фаро: Руй Лаинес, наш дядя, — там,
А я ко двору отправлюсь, раз добрый король меня звал.
И если бы так случилось, что меня ожидает казнь,
Месть за себя я вручаю своим братьям и вам».
Тут промолвил дон Родриго: «Вовек тому не бывать.
Куда б нам ни ехать, и я поеду при вас.
Хоть вы мне и родитель, совет хочу вам подать.
Триста рыцарей с собою, сеньор, возьмите туда.
А как подъедем к Саморе, их мне отдайте тогда».
В ту пору молвил дон Дьего: «Сбирайтесь в путь, господа».
Пустились они в дорогу и в Самору спешат.
Вот подъехали к Саморе; течет Дуэро-река;
Вооружиться всей свите Родриго дал приказ.
Увидав ее под оружием, такое слово сказал:
«Слушайте, мои родичи, друзья и вассалы отца!
Вы охраняйте сеньора без обмана и до конца.
Коль придут за ним альгвасилы^а, пощады им не давать.
Пусть черный день король узнает, как и все, что будут там:
Чтоб вам не слыть предателями, пусть будет убит он сам.
Ведь вы ему не вассалы, и не дай бог ими стать.
Худшим предателем он будет, коль убьет моего отца —
За то, что врага сразил я в честной битве, в поле ратном».
Всердцах он едет ко двору, где был добрый король Фернандо.
Все говорят: «Это он — убийца доброго графа».
Как поднял Родриго очи, придворные разбежались:
Вид его в трепет привел и перепугал их насмерть.

^а Альгвасил — полицейский.

К королю пошел дон Дьего, и руку поцеловал он.
 Но сыну его Родриго это пришлось не по нраву.
 Не преклонил он колени, руки не поцеловал он.
 Увидев меч его длинный, король весьма испугался.
 Громким голосом вскричал: «Уходи отселе, дьявол!»
 Тут говорит дон Родриго: «Мне дороже гвоздик ржавый
 Чести назвать вас сеньором и быть вам верным вассалом.
 Я считаю себе позором, что отец вам руку лобзает».
 В ту пору графу Осорио молвит король дон Фернандо:
 «Приведите-ка мне девицу: пора женить забияку».
 Еще не верит дон Дьего, что зря он набрался страху.
 Тут явилась девица, выходит об руку с графом.
 Приподняла она веки и Родриго увидала:
 «Сеньор, большое вам спасибо: вот это граф мой желанный».
 Тут венчали донью Химену Гомес с Родриго из Бивара.
 Сказал Родриго в сильном гневе на кастильского государя:
 «Сеньор, меня вы обвенчали, не в угоду мне, а назло.
 Но клянусь Христом, что вам целовать руки не стану
 И что с женой не увижусь ни в чистом поле, ни в замке,
 Пока врага не одолею я пять раз на поле бранном».
 Услышал это король, дивился он несказанно:
 «Ведь это — не человек, а суций дьявол по нраву!»
 Молвил граф дон Осорио: «Узнаем скоро мы правду.
 Пусть сам в одиночку воюет, коль придут в Кастилию

мавры.

Увидим, правду ль сказал он иль только хвастался даром».

Отец и сын распростились и поехали обратно

Через Бивар в Сан-Педро де Карденья, чтоб там на весну

остаться.

(Стихи 280—429)

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА XIV ВЕКА.

Хуан Руис.

Хуан Руис (? — 1351?) — протопресвитер из Иты, автор стихотворной «Книги о хорошей любви» («Libro de Buen Amor»). Сведения о его жизни весьма скудны. Он был клириком. За какую-то провинность был по повелению архиепископа Толедского заключен в темницу, в которой провел много лет. Как это явствует из его творений, Хуан Руис отнюдь не являлся примерным сыном католической церкви. В «Книге о хорошей любви» он весьма откровенно повествует о своих любовных похождениях, набрасывая попутно выразительные картины современной испанской жизни. Жизнерадостного клирика не привлекает суровый аскетизм. Его манит пестрая

череда земного бытия. Самый разнообразный и яркий материал наполняет книгу испанского поэта. История рассказчика обрамляет многочисленные рассуждения на различные темы, занимательные реалистические повестушки, аллегории, басни и апологи. Мы находим здесь и описание войны Масленицы с Постом, и пародии на церковные гимны, и пастушеские песенки, и сатирические выходки против монахов, и обличения папского двора или губительной власти денег, и беседу автора с доном Амуром и доньей Венерой, и цитаты из Катона и Аристотеля, и многое другое. Разнообразие содержания соответствует и разнообразие метрических форм, используемых автором. «Книга о хорошей любви», подобно «Графу Луканору» Хуана Мануэля, уже проторяла путь литературе эпохи Возрождения. Она свидетельствовала о том, что в Испании XIV в. в связи с развитием городов складывалась новая культура, тяготевавшая к реальной жизни и далекая от сумрачной, аскетической доктрины средних веков.

КНИГА О ХОРОШЕЙ ЛЮБВИ.

ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ.

Здесь повествуется о том, как протопресвитер просил бога, чтобы он даровал ему свою милость для сложения этой книги.

Обращение автора к читателю.

Господь мой бог, создатель всей вселенной!
Протопресвитер, раб твой неизменный,
К тебе с мольбою обращается смиренной:
Чтоб о Любви «хорошей», а не «тленной»
Рассказ сложить ему бы ты помог;
Чтоб из веселых и печальных строк
Читатель получил забаву и урок;
Чтоб к автору он не был слишком строг.

Коль лучшего, сеньоры, нету на примете,
Прочтите в добрый час страницы эти.
Во лжи не грешен я иль в злом навете:
Описано все так, как есть на свете.
Рассказ — чтоб лучше слушали кругом —
Веду рифмованным я языком,
Провинности большой не видя в том, —
А мне приятней говорить стихом.
Найдешь, что кое-что шероховато,
Так не спеши судить меня предвзято,
Читатель мой, и вспоминай всегда ты,
Что и в простом мешке хранится золото,
Под **мшистым камнем** — ясность родника,

И сладкий сахар — в коже тростника,
И в отрубях — чистейшая мука,
За терннем — нежный лепесток цвстка.
В жестянке — радость винной влаги,
И почерком, неровней, чем зигзаги,
Выводят часто мудрецы и маги
Слова, что полны мысли и отваги.
Итак, за совершенством не гонись,
С иной моей обмолвкой примиришь
И не смотри, читатель, сверху вниз
На книгу, что сложил Хуан Руис...

Здесь говорится о том, что каждый человек, если его угнетают печали, должен искать веселья, и повествуется о споре, происшедшем во время оно между греками и римлянами.

Сказал Катон уже давным давно:
Коль сердце злою скорбью стеснено,
Так вышей смеха звонкое вино, —
Печаль и скорбь тотчас зальет оно.
Катон и те, кто с ним, конечно, правы:
Веселый смех, и шутка, и забавы
Излечат вмиг от скорби — злой отравы.
Вот почему во многие я главы —
От шутинства дешевого далек —
Вложил и шутку, и смешной нарек.
Не ставь мне то, читатель мой, в упрек:
Не раз смешным я важное облек.
Вникай умом в оттенки слов и фраз,
Чтоб не было с тобой, как вышло раз
У Рима с Грецией; про то сейчас
Прослушай назидательный рассказ.

У римлян не было, во время оно,
Ни высшей мудрости, ни твердого закона.
Чтоб их народ не потерпел урона,
Хотелось им вступить в познания лоно.
Хоть римлян ум и был в ту пору зелен,
Но все ж известно было им, что мудр эллин;
Его познаний кладезь — беспределен;
Закон его страны — и тверд, и целен.
И плет посольство к мудрым грекам Рим:
Ключ мудрости Элладю храним;
Но с тем, кто жаждой знания томим,
Она поделится, быть может, им?
Смущенье вызвал римлян и досаду
Ответ, что им дала тогда Эллада:

Познанием с ними поделиться рада,
Но только раньше доказать им надо,
Что Рим созрел для этого умом.
Пусть лучший их мудрец уверит в том:
Пусть он с Эллады лучшим мудрецом
Спор проведет особым языком.
Условье ставит Греция сурово:
Будь знак немой для спора их основа,—
Коль сможет спорить Рим, не молвив слова,
В него поверить Греция готова.
Тоскою сжались римские сердца:
Ну где же взять им мудреца:
Чтоб спор немой доведши до конца,
Сподобился победного венца?
Тут предложил один из римлян так:
Из нас, увидев молчаливый знак,
И самый умный попадет впросак.
Не лучше ль здесь какой-нибудь дурак?
Быть может, боги сжалятся над нами?
Иной ведь раз они не брезгают глупцами:
Безумцев жалких говоря устами,
Вещают нам священными словами.
Решенье то одобрил весь народ.
Отыскан был веселый идиот
Из тех, кто открывает только рот,
Чтоб вздор молоть, какой на ум взбредет.
Ему условия спора объяснили,
Судьбу народа целого вручили,
А за исход счастливый всех усилий
Чего-чего ему ни насулили!
Спор римлян с греками решится просто.
И вот превыше человеческого роста
На площади воздвигли два помоста:
Один — для мудреца, другой же — для прохвоста.
Одетый в тогу, будто доктор прав,
И голову безмозглую задрал,
Пред страшным диспутом не задрожав,
Явился римский шут, спокоен и лукав.
И ко второй трибуне основанью
Подходит эллин в светлом одеянье.
Назначен Грецией на состязанье
Краса премудрости и светоч знанья.
Внизу народ толпится между тем:
Увидеть странный спор хотелось всем.
Каких же мудрецы коснутся тем,
Когда тот и другой, как рыба нем?

Вот мудрым греком диспут начат чинно:
Шуту он показал свой палец длинный,
Молчал, как гроб, и в позе ждал картинной.
Не понял ничего народ невинный.
Но на трибуне римский дуралей
Уразумел все сразу без речей.
Вмиг отогнул он — всяких слов ясней —
Три средних пальца на руке своей.
Трезубцем этим помахал немного
И сел, оправив горделиво тогу.
Тут эллин вновь, не проронивши слова, —
Уставы спора соблюдал он строго —
Ответил новою ему загадкой:
Он руку протянул ладонью гладкой.
Плуту все сразу ясно без остатка.
Поднялся вновь он на трибуне шаткой,
И вот готов его ответный знак:
Он крепко сжатый показал кулак.
В толпе дивиться мог иной простак,
Но мудрый эллин рассудил не так:
Умом соперника тогда плененный,
Сошел он вниз с улыбкой благосклонной.
Признал, что он был в споре побежденный,
А просьба римская — вполне законной.
Один такой мудрец — ценнее клада.
Гордиться им могла бы и Эллада.
Что просят римляне, исполнить надо,
И по заслугам будет им награда.
Эллады мудрецам в венце седин
Изрек ума и знания исполин:
«Я палец показал ему один,
Сказавши этим знаком: бог — един.
В его уме кто мог бы усомниться?
Загнув три пальца на своей деснице,
Блюдя устава нашего границы,
Ответил он, что бог — в трех лицах.
Я показал ему открытой дланью,
Что держит бог-творец все мирозданье.
И вот опять я восхищенья данью
Плачу его уму и пониманью:
Мудрец в ответ кулак немедля сжал,
И этим лишний раз мне доказал,
Что ум его острее всяких жал:
Бог всемогущ — тем знаком он сказал».
А римляне той самую порою
Вокруг шута стеснились толпою:

Хотелось им узнать, что он такое
Ответил греку, на трибуне стоя.
Сказал им шут: «Все объясню сейчас.
Едва немая речь зашла у нас,
Как пальцем с ногтем острым, как алмаз,
Он пригрозился ткнуть мне прямо в глаз.
Возможно ли понять тот жест иначе?
Ответил я, что он получит сдачи:
Проткнуть ему два глаза — не задача,
Приплюснув третьим пальцем нос в придачу.
Моей угрозой совсем не уstraшен,
Всей пятерней грозить принялся он.
Тогда рассвирепел я, как дракон,
И обещал ему со всех сторон
Так кулаком разбить его ланиты,
Что взвыл бы псом мудрец тот знаменитый.
Тут он бежал к своим просить защиты.
В молчанье кончен спор, и мы с ним — квиты».

Прослушав этой басни изложение,
Читатель, согласишься без сомненья,
Что умное лишь тот поймет реченье,
Кто сам имеет ум и разумеенье.
Не будь в суде поспешен и суров.
Услышишь много здесь шутивых слов,
Но не забудь: веселый их покров
Скрывал не раз реченья мудрецов.
Ищи в словах зерна, отбрось скорлупы.
Не виноват портной, коль иглы тупы,
И лучший врач не воскрешает трупы.
Причем поэт, когда читатель — глупый?
Хоть «Книга о любви» обращена
Ко всем, однако всякому ль дана
Способность исчерпать до дна
То, что таят иные письмена?
Вложить старался в «Книгу» смысл сокрытый
Хуан Руис, протопресвитер Иты.
Читатель милый, смысл тот разыщи ты
И не спеши захлопнуть том сердито,
И, автора смиренного браня,
Когда не сразу все яснее дня
Поймешь, что здесь услышишь от меня.
Не книгу эту, а себя виня,
Ты должен будешь с ней проститься,
Когда не сможет для тебя раскрыться
За шуткою иной иль небылицей

Серьезный смысл, что в них таится.
Будь книга — лютия, слов и мыслей орды —
То струны, мной натянутые твердо.
Так извлеки, уверенно и гордо,
Из этих струн согласные аккорды!..

—

О том, как Амур (Любовь) пришел к протопресвитеру, и о
ссоре, происшедшей между ними.

Однажды ночью — спало все вокруг —
В моих дверях раздался тихий стук
И гость вошел: «Как звать тебя, мой друг?» —
«Любовь. Пришла поговорить с соседом».
Ну кто же будет рад таким беседам?
В тот день вина не пил я за обедом,
И не был лихорадкою томим иль бредом,
И все ж не призрак этот гость, а явь!
— Тебя я знаю, как ты ни лукавь! —
Воскликнул я. — Уйди, меня оставь
И лук коварный свой в других направь!
Ведь ты стрелой из своего колчана
Неисцелимые наносишь раны.
Ты пеленой безумного тумана
Умы людей окутываешь рьяно.
И для того, кто был прельщен тобой,
Прощайте сон, и пища, и покой!
Кто только стал твоим, Любовь, слугой,
Погиб навек и телом, и душой.
Никто тебя не превзойдет в обмане.
Откуда ты придешь, не знать заранее:
То налетишь, как буря в океане,
То медлишь, долго не взимая дани
С того, кто власть твою признал.
Но ни один покорный твой вассал
Жестокой участи не избегал —
Испить до дна отравленный фиал:
Узнать, что все твои посулы ложны,
Что радость, данная тобой, ничтожна
И что дышать спокойно, бестревожно,
Пока тебе он верен, — невозможно,
Будь молод он иль очень стар.
Где ключ, Любовь, что твой зальет пожар?
Где щит, что сдержит мощный твой удар?
Где слово тайное от лживых чар?
На свете книг уж сложено немало
Про то, как ты, спустив свое забрало,

На брань с сердцами грозно выступала
И в битвах тех всегда ты побеждала...
Любовь, ты как коварный ростовщик,
Что мало даст, а долг меж тем велик...
Я не коснусь тебя, отравленный родник,
Чтоб страшный яд мне в сердце не проник!..

.

Протопресвитер приводит Любви пример о кроте и лягушке.

Подчас, Любовь, рабы твои и слуги
Страшнее терпят от тебя недуги,
Чем крот, лягушку выбравший в супруги.
Про этот брак послушай на досуге.

На самом берегу реки жил крот.
В земле сухой был тверд его оплот.
Но в час весеннего разлива вод —
Того гляди — его в норе зальет.
И вдруг пред ним из тины самой вязкой,
В наряде изумрудном, будто в сказке,
Лягушка прыгнула и, строя глазки,
Так говорит, вся исходя от ласки:
— Отшельник милый! Здесь спасенья нет:
Норы твоей исчезнет всякий след.
Но я спасу желанного от бед.
Люблю тебя, о мой анахорет!

Ты видишь сам: я плаваю отменно.
Любовь к тебе — крепка и неизменна.
Я не страшусь пучины этой пенной
И вмиг тебя, жених мой драгоценный,
Доставлю вплавь к высоким тем холмам:
Их не достать губительным волнам;
Связать лишь ножки вместе надо нам;
Я помогу, а плыть ты будешь сам.
Лягушка обольстила лживым ядом.
Пленился крот и речию, и взглядом,
И грацией прыжков, ее нарядом, —
Решил по жизни плыть с женою рядом.
И злополучный совершился брак.
Супруге приткой вверясь, крот-простак
Пытался с нею плыть и так и сяк,
Жена же тянет вниз, где ил и мрак.
Какой конец имел бы спор бесплодный,
Не знаю я, не будь судьбе угодно,
Чтоб в это время над равниной водной
Свирепый ястреб пролетал голодный.

Заметил зорким взглядом молодых,
И вот уже в когтях его стальных
И лживая невеста, и жених.
Голодный ястреб съел обоих их.
Тому мы видели не раз примеры:
Тобой, Любовь, клянутся лицемеры,
И будь то человек иль крот лишь серый,
Обману нежному он внемлет с верой.
Привел я басню эту неспроста:
И кто обманут был, и самого плута
Судьба подчас сжирает дочиста,
Как ястреб ту лягушку и крота.

Рассказов много знаю, посвященных
Судьбе сердец, тобой испепеленных.
Но я молчу, чтоб не сердить влюбленных,
Любовью — злой обманщицей — плененных.
Рассказом были бы уязвлены
Все, кто еще тобой ослеплены
И чьи сердца невинней целины,
Кому еще о счастье снятся сны.
Щадя тот рай, что жив у них в груди,
Молчу о том, что ждет их впереди.
Я пощадил, ты тоже пощади.
Молю, Любовь! Оставь меня, уйди!

.

Хуан Мануэль.

Инфант дон Хуан Мануэль (1282—1349) — наиболее видный испанский прозаик XIV в. Он был внуком Фернандо IV и племянником Альфонса X Мудрого. С ранних лет он воевал с маврами, был правителем Мурсии, деятельное участие принимал в междоусобицах, возникших после смерти короля Фернандо, восставал против Альфонса XI, с которым, однако, помирился в 1335 г. С этого времени он обращал свое оружие только против мавров. Он был участником ожесточенной битвы при Саладо (1340 г.), которая закончилась решительным поражением мавров, стремившихся использовать в своих интересах шаткое внутреннее положение Кастилии. Но столь кипучая деятельность дон Хуана Мануэля на военном и политическом поприще не помешала ему написать ряд литературных произведений преимущественно дидактического характера («Трактат об охоте», «Книга о рыцаре и оруженосце», «Советы сыну» и др.).

Наиболее значительным созданием Хуана Мануэля, занявшим прочное место в истории испанской литературы, является сборник назидательных рассказов и апологов, изречений и афоризмов «Граф Луканор, или Муд-

рость Патронио» («Conde Lucanor o el libro de Patronio», 1342). Все рассказы (примеры) этого сборника объединены следующей новеллистической рамкой: могущественный сеньор граф Луканор то и дело спрашивает совета у своего мудрого приближенного Патронио. Последний облачает свой ответ в форму назидательного рассказа или басни. Используя самые различные как устные, так и письменные источники, Хуан Мануэль создает произведение, которое заметно возвышается над всеми другими памятниками дидактической повествовательной литературы средневековой Испании. Живость рассказа, гибкость и точность языка, выразительные картины испанской или восточной жизни, вполне светский, далекий от церковного ханжества взгляд на мир — все это позволяет рассматривать «Графа Луканора» как произведение, непосредственно подготовлявшее развитие испанской реалистической новеллистики эпохи Возрождения.

ГРАФ ЛУКАНОР, ИЛИ МУДРОСТЬ ПАТРОНИО.

ПРИМЕР VI.

О том, что произошло между ласточкой и другими птицами, когда ласточка увидела, что люди сеют лен.

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим советником, и сказал ему:

— Патронио, мне передали, что некоторые из моих соседей, более могущественные, нежели я, объединились и замышляют против меня разные козни, чреватые для меня большим вредом. А я не верю этому, и мало меня это беспокоит. Но поскольку вы очень благоразумны, я хотел просить вас сказать мне, не считаете ли вы нужным, чтобы я предпринял какие-либо меры.

— Сеньор граф Луканор, — сказал Патронио, — чтобы вы поступили так, как, по моему мнению, вы должны поступить, мне хотелось бы поведать вам о том, что произошло между ласточкой и другими птицами.

И граф попросил его рассказать, что между ними произошло.

— Сеньор граф Луканор, — сказал Патронио, — однажды ласточка увидела, как человек сеял лен, и благодаря своему хорошему рассудку она поняла, что, если этот лен вырастет, люди смогут сделать из него сети и тенета и ловить ими птиц. И ласточка тотчас же полетела к другим птицам, собрала их и сказала им о том, что человек сеет лен и что, если этот лен вырастет, они могут быть уверены, что ждать им от этого большой для себя беды и что она им советует, еще до того, как лен вырос, полететь на поле и вырвать его, ибо легче предотвратить опасность в самом начале, а позже — очень трудно.

Но птицы не придали значения ее словам и не послушались ее совета. Ласточка долго уговаривала их, пока не убедилась, что

все бесполезно и птицы никак не хотят ее послушаться. А лен между тем вырос настолько, что птицы уже не смогли бы вырвать его ни коготками, ни клювами даже, если бы и захотели. И когда птицы увидели, как вырос лен и что им уже больше не под силу предотвратить угрожающую опасность, они горько раскаялись, что не послушались ласточки. Но раскаяние пришло, когда было уже слишком поздно.

Однако еще до этого ласточка, убедившись, что птицы не хотят обращать внимания на надвигающуюся опасность, полетела к человеку, отдала себя в его распоряжение и получила за это безопасность для себя и для своего рода. И с тех пор ласточки мирно живут около людей и не боятся их. А остальных птиц, не пожелавших принять мер предосторожности, люди каждый день ловят в сети и тенета.

И вы, сеньор граф Луканор, если хотите предохранить себя от опасности, которая, как вы говорите, может вам угрожать, примите меры против нее заранее, ибо не тот благоразумен, кто видит беду, когда она уже совершилась, но тот, кто по каким-нибудь признакам и намекам предвидит ее и принимает меры для ее предотвращения.

И графу очень понравился этот совет, и он поступил, как ему посоветовал Патронио, и все было хорошо.

И поскольку дон Хуан нашел, что это очень хороший пример, он поместил его в эту книгу и сложил к нему стихи, которые гласят:

Когда б тебе опасность угрожала,
Преодолей ее уже сначала.

ПРИМЕР XI.

*О том, что произошло между каноником из Сантъяго
и доном Ильяном, великим магистром из Толедо.*

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим советником, и так говорил ему:

— Патронио! Один человек просил моей помощи и обещал мне за это сделать все, что только мне будет нужно. И я помог ему, как только сумел. Но еще до того, как закончилось его дело, которое он уже считал завершенным, случилось так, что и мне понадобилась его помощь, но когда я за ней к нему обратился, он под разными предлогами отказался мне помочь. Скоро представился один случай, когда он мог бы быть мне полезен, и он опять уклонился, как и в первый раз. И так он поступал во всем, о чем бы я его ни попросил. Однако дело, в котором он просил меня ему помочь, еще не доведено до конца и не будет доведено, если я этого не захочу. Так вот, полагаясь на вас и на ваш здра-

вый смысл, я прошу теперь у вас совета, как мне поступить в этом затруднении.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — для того чтобы вы поступили, как вам надлежит поступить, мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали о том, что произошло между одним каноником из Сантьяго и доном Ильяном, великим магистром, жившим в Толедо.

И граф спросил, что между ними произошло.

— Сеньор граф, — сказал Патронио, — в Сантьяго жил один каноник, которому очень хотелось научиться искусству черной магии, и он прослышал, что дон Ильян, великий магистр из Толедо, понимал в ней больше, чем кто-либо другой из людей, существовавших в то время на свете. И он отправился в Толедо, чтобы научиться этой науке. И в тот же день, как он туда прибыл, он пошел к дону Ильяну и застал его в уединенной комнате его дома, погруженного в чтение. Дон Ильян принял его очень хорошо и сказал ему, что не хочет говорить с ним о деле, ради которого тот к нему явился, пока они не пообедают. И дон Ильян угостил его отличным обедом и велел отвести ему прекрасную комнату и все, что ему нужно, и дал ему понять, что очень рад его приезду.

И после обеда они заперлись в комнате, и каноник сообщил магистру цель своего посещения и очень настойчиво просил научить его черной магии, которую ему так хотелось познать, и обещал за это отблагодарить его, как он только пожелает.

И дон Ильян отвечал ему на это, что он, будучи каноником, сможет достичь высоких ступеней в церковной иерархии, но что люди, достигшие высокого положения, часто забывают хорошее, что сделали для них другие, и что касается его, магистра, то он очень опасается, чтобы каноник, выучившись у него, чему он хочет, не отблагодарил бы его, как эти люди, и не забыл бы своих теперешних обещаний. Тогда каноник принялся уверять его и пообещал, что какого бы блага он ни достиг, он не воспользуется им иначе, как согласно желанию дона Ильяна.

В этой беседе они провели все время от обеда до ужина. И когда они обо всем договорились, дон Ильян сказал канонику, что науке черной магии можно учиться лишь в очень уединенном месте и что он сегодня же вечером сведет его туда, где ему предстояло пробывать до тех пор, пока он не выучится тому, чему хочет выучиться. И, взяв каноника за руку, он уже собрался вести его в уединенную комнату, но, прежде чем туда удалиться, велел своей служанке достать к ужину двух куропаток, но не начинать их жарить, пока он ей этого не прикажет.

И распорядившись таким образом, он позвал каноника, и они ступили на каменную лестницу очень крепкой кладки и спускались по ней очень долго, так что можно было допустить, что воды реки Тахо текут над их головами. И спустившись до самого

низа лестницы, они очутились в очень хорошо обставленной комнате, где находились книги и приборы для изучения черной магии. Они сели и готовились приступить к занятиям. Но пока магистр решал вопрос, с какой книги начать, открылась дверь, вошли два человека и подали канонику письмо, которое оказалось от архиепископа, его дяди. В письме архиепископ извещал его, что он очень болен, и просил, если он хочет застать его еще в живых, приехать без промедления. Каноника сильно огорчило это известие: во-первых, болезнь дяди, а во-вторых, необходимость отказаться от только что начатого изучения черной магии. Но он решил не прерывать теперь занятий, написал ответное письмо и отправил его архиепископу, своему дяде. Прошло три или четыре дня, и явились два новых скорохода и принесли канонику новые письма. В этих письмах ему сообщали, что архиепископ скончался и что все церковные чины единодушно желают избрать его, каноника, архиепископом и рассчитывают с божьей помощью произвести это избрание, что избрание удобнее осуществить в отсутствие каноника, и поэтому он может не торопиться с возвращением.

Прошло еще семь или восемь дней, и явились два гонца, очень нарядно и пышно одетые; представ перед каноником, они поцеловали ему руку и подали письма, из которых он узнал о своем избрании архиепископом.

И когда дон Ильян это услышал, он подошел к новоизбранному архиепископу и сказал ему, что он благодарит бога за то, что эти счастливые вести застали избранника в его, дона Ильяна, доме, и раз бог оказал ему такую милость, то он просит его отдать его приход, остающийся теперь незанятым, его, дона Ильяна, сыну. Но избранник ответил, что он просит дона Ильяна позволить ему отдать этот приход своему родному брату, но что при первом же благоприятном случае он устроит и для его сына хорошее назначение в церковной иерархии, и просил его отправиться вместе с ним в Сантьяго и захватить с собой и сына.

И они отправились в Сантьяго и по прибытии туда были встречены с большими почестями. И после того как они прожили там некоторое время, к архиепископу явились посланцы от папы с грамотой, которой папа назначал его епископом Тулузским^а и оставлял за ним свободу самому назначить себе преемника по архиепископству Сантьяго.

И когда дон Ильян это услышал, он настойчиво напомнил епископу Тулузскому об их уговоре и просил отдать архиепископство его сыну. Но епископ просил его позволить отдать архиепископство своему дяде — родному брату его отца. Дон Ильян отве-

^а Епископат Тулузский имел большее значение, чем архиепископат Сантьяго.

тил, что это его очень огорчает, но что он готов согласиться, с тем, однако, что в дальнейшем он будет за это вознагражден каким-нибудь иным назначением его сына. И епископ обещал ему обязательно это сделать и просил его отправиться вместе с ним в Тулузу и захватить с собой и сына.

И прибыв в Тулузу, они очень хорошо были приняты тамошним графом и всей знатью. И после того как они прожили там два года, явились посланцы от папы с грамотой, которой папа назначал его кардиналом и предоставлял ему милость отдать епископство Тулузское, кому он пожелает.

И тогда явился к нему дон Ильян и сказал, что поелику он столько раз не выполнял своего обещания, то теперь не может быть места ни для каких отговорок и что он должен отдать епископство его сыну.

Но кардинал просил его позволить ему отдать епископство своему другому дяде — родному брату его матери, который был уже в очень преклонных летах. Но поскольку он теперь кардинал, то он просит дона Ильяна отправиться вместе с ним к папскому двору, где он найдет случай оказать ему милость. Дон Ильян был очень опечален и горько роптал, но все же согласился исполнить просьбу кардинала и отправился вместе с ним в Рим.

И по прибытии туда они были очень хорошо приняты кардиналами и всеми, кто состоял при папе, и прожили там очень долго. И изо дня в день дон Ильян просил кардинала оказать какую-либо милость его сыну, и изо дня в день кардинал просил его извинить.

И вот во время их пребывания у папского престола папа скончался, и все кардиналы избрали папой этого кардинала. И тогда пришел к нему дон Ильян и сказал, что больше не может быть отговорок и он должен исполнить обещание. Но папа ответил, что незачем спешить, так как всегда предоставится возможность оказать ему милость сообразно разумности.

Но тут дон Ильян начал очень горько роптать и напомнил папе о всех его обещаниях, из которых он ни одного не выполнил, и сказал, что он подозревал, что так оно и будет еще с первой же их беседы, и что если он на той ступени могущества, на которой он ныне находится, ничего не исполняет из обещанного, то, значит, не на что ему, дону Ильяну, больше надеяться. И эти слова очень разгневали папу, и он начал повосить дона Ильяна и пригрозил ему, что, если он не перестанет, он заключит его в тюрьму как еретика и чернокнижника и что ему хорошо известно, что у себя в Толедо он только и занимался черной магией.

И когда дон Ильян увидел, как плохо вознаградил его папа за все для него сделанное, он простился с ним, и папа даже не дал ему перед дорогой поесть. И тогда дон Ильян сказал папе, что раз ему даже отказано в пище, то он воспользуется куропатками,

заказанными им в вечер их первого знакомства, и он позвал служанку и велел ей зажарить куропаток.

И едва проговорил дон Ильян эти слова, как папа вновь очутился в Толедо и вновь оказался каноником из Сантьяго, каким он туда прибыл, и он почувствовал себя пастолько пристыженным, что даже не знал, что сказать дону Ильяну. Дон же Ильян сказал ему, что все вышло к лучшему, он хорошо его испытал и что он очень плохо распорядится своими куропатками, если поделится ими с каноником.

И вам, сеньор граф Луканор, если вы видите, что за все вами сделанное для человека, обратившегося к вам за помощью, он со своей стороны ничего для вас не хочет сделать, незачем, я думаю, особенно стараться, чтобы не поставить его в то положение, в котором он смог бы отблагодарить вас, как каноник отблагодарил дона Ильяна.

И граф почел это за хороший совет и поступил согласно ему, и все вышло хорошо.

И поскольку дон Хуан нашел, что это очень хороший пример, он поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Кто с первого откажет раза,
Всегда найдет причины для отказа.

ПРИМЕР XVII.

О том, что произошло с одним голодным человеком, которого другой очень неохотно пригласил обедать.

Однажды граф Луканор разговаривал с Патронио, своим советником, и так сказал ему:

— Патронио, ко мне пришел один человек и сказал мне, что сделает для меня одну вещь, которая для меня очень важна, но, хотя он и обещал ее для меня сделать, я по той неохоте, с какой он это говорил, хорошо понял, что он весьма был бы не прочь, чтобы я отказался от предлагаемой им помощи.

А я, с одной стороны, очень нуждаюсь в том, что он предлагает для меня сделать, но, с другой стороны, мне очень не хочется принимать его помощь, раз он предлагает ее так неохотно. И зная вашу разумность, я прошу вас сказать мне, как, вы считаете, я должен поступить в таких обстоятельствах.

— Сеньор граф,— сказал Патронио,— чтобы вы поступили здесь, как, я нахожу, вам нужно поступить, мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали о том, что произошло с одним человеком, которого другой пригласил обедать.

И граф попросил его рассказать, что с ним произошло.

— Сеньор граф Луканор,— сказал Патронио,— один честный человек, некогда бывший очень богатым, впал в большую бед-

ность, но ему было очень стыдно унижаться и просить себе на пропитание, и потому он часто претерпевал великие голод и нужду. И однажды, когда он шел очень печальный, потому что ничего не мог добыть себе поесть, ему пришлось проходить мимо дома одного своего знакомого, который в это время как раз обедал. И увидя его проходящим мимо, этот знакомый спросил его, но очень неохотно, не хочет ли он с ним пообедать. И бедный человек, которому ничего так не хотелось, как именно этого, тотчас же пошел, принялся мыть руки — в знак своего согласия — и сказал:

— Поистине, сеньор такой-то и такой-то, раз вы так просите и настаиваете, чтобы я с вами пообедал, с моей стороны было бы большой неучтивостью не принять вашего приглашения и не исполнить вашего желания. — И он сел обедать и утолил свой голод, а вместе с тем — и свою печаль.

А в дальнейшем бог помог ему, и он сумел найти выход и из своей нищеты.

И вы, сеньор граф Луканор, раз вы считаете, что предложение того человека вам очень на пользу, дайте ему понять, что вы принимаете его предложение, чтобы не обидеть его отказом, и не обращайтесь внимания на то, что он предлагает вам неохотно, и не дожидаетесь повторного предложения. Потому что может случиться, что он не станет повторять его еще раз, и вам будет гораздо неприятнее просить тогда у него о том, о чем теперь он просит вас сам.

И граф почел это за очень хороший совет и поступил согласно ему, и все получилось у него хорошо.

И дон Хуан, сочтя это за очень хороший пример, поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Хорошее прими ты предложенье,
Его не дожидаясь повторенья.

ПРИМЕР XXXVII.

*О том, что ответил граф Фернан Гонсалес своим вассалам
после победы в битве при Фасинас*

Однажды граф Луканор возвратился с одного дела очень усталый, печальный и измученный, и прежде чем он успел отдохнуть и набраться сил, пришло к нему известие, что готовится новая серьезная встреча. И большинство приближенных графа советовало ему сначала немного отдохнуть и потом только приступать к новому делу. И граф спросил у Патронио, как бы он поступил при таких обстоятельствах. И Патронио сказал ему:

— Сеньор, для того чтобы вы выбрали в этом случае наилучший выход, мне бы очень хотелось, чтобы вы узнали об ответе,

данном при похожих обстоятельствах графом Фернаном Гонсалесом его вассалам.

И граф попросил Патронио ему об этом рассказать.

— Сеньор граф,— сказал Патронио,— когда граф Фернан Гонсалес победил в битве при Фасинас мавританского короля Альмансора, полегло великое множество его людей в той битве, а он сам и все, кто остался в живых, вышли из нее, покрытые тяжелыми ранами. Но прежде чем они успели оправиться от этих ран, граф получил известие, что король Наваррский вторгся в его пределы, и он тотчас же приказал своим людям готовиться к бою с наварцами.

Но тут его рыцари стали говорить ему, что если он не хочет считаться с тем, что и люди его, и кони измучены, то пусть посчитается с тем, что многие из его людей ранены, и потому отложит новое бранное дело и даст им немного оправиться.

Но когда граф увидел, что таково единодушное мнение его рыцарей, он, пещась более о чести, нежели о теле, сказал им:

— Друзья мои! Давайте не допустим, чтобы раны, уже нами полученные, помешали нам в новой битве получить новые раны, которые заставят нас забыть о ранах, полученных в предыдущей битве.

И когда его люди увидели, что он ради отчизны и чести готов пренебречь телесными страданиями, они пошли за ним в бой. И граф одержал новую победу, и все у него было очень хорошо.

И вы, граф Луканор, если вы хотите поступить согласно тому, что требует от вас защита земель ваших и людей ваших, а также ваша честь, никогда не устрашайтесь ни усилий, ни опасностей и поступайте так, чтобы новые опасности заставили вас позабыть предыдущие.

И граф нашел, что это очень хороший совет, поступил согласно ему, и все у него вышло очень хорошо.

И считая, что это очень хороший пример, дон Хуан поместил его в эту книгу и сложил стихи, которые гласят:

Поверь, что малодушия и чести
Нигде и никогда не встретишь вместе.

а Фернан Гонсалес (932—970 гг.) — кастильский граф. Он вел борьбу за политическую эмансипацию Кастилии от власти леонского короля. Ему удалось подчинить своей власти других кастильских графов и расширить пределы Кастилии за счет мавританских владений. В средневековом испанском эпосе Фернан Гонсалес изображается неутомимым бойцом, ведущим войны с хаджибом (везиром) кордовского халифа Альмансором и другими.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗАИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА XIII ВЕКА.

НОВЕЛЛИНО, ИЛИ СТО ДРЕВНИХ ПОВЕСТЕЙ.

Составленный на рубеже XIII и XIV вв. сборник повестей самого разнообразного содержания, почерпнутых из самых разнообразных источников, начиная от библии и житий святых и кончая куртуазным эпосом и фавль, «IINovellino» является первым образцом итальянской повествовательной прозы.

Из приводимых ниже новелл первая взята из флорентийской рукописи, изданной Biaggi в 1880 г., обе остальные — из старопечатного издания Gualteruzzi, 1525 г.

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ¹.

У некоего царя родился сын. И предсказали мудрецы-астрологи, что ежели не пребудет он десять лет, не видя солнца, то потеряет зрение. Посему царь приказал его беречь, когда же истекли десять лет, приказал он показать ему свет и небо, море, золото и серебро, и животных, и людей; среди прочих вещей приказал показать ему прекрасных женщин. Отрок спросил, кто они, и царь приказал сказать ему, что это — демоны. Тогда отрок сказал: «Демоны полюбились мне больше всех прочих вещей». И царь сказал: «Из сего явствует, сколь дивная вещь — красота женщин».

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

повествует о том, как был обвинен попик Порчеллино².

Некий приходский поп, по прозванию поп Порчеллино^а, во времена некоего сластолюбивого епископа был обвинен пред епископом, что плохо управляет приходом из-за женщин. Епископ, расследовав дело о нем, признал его виновным. И когда он пребывал в епископском доме, ожидая на другой день отрешения,

^а Порчеллино — поросенок.

челядь епископская, желая ему добра, подучила его бежать. На ночь спрятали его под кроватью епископа. А в ту ночь епископ пригласил к себе одну свою подружку. И когда они были в постели и он хотел ее коснуться, подружка не позволила ему, говоря: «Много обещаний вы мне давали и ни разу не сдержали ни одного». Епископ отвечал: «Жизнь моя, обещаю тебе это и клянусь». «Нет,— говорит она,— я хочу денежки чистоганом». Поднялся епископ, чтоб пойти за деньгами и дать их подружке; тогда попик вылез из-под кровати и сказал: «Мессир, на том же они и меня ловили. Да и кто смог бы поступить иначе?» Епископ устыдился и простил его. Но перед прочими клириками всячески угрожал ему.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ³

*о том, как султан, нуждаясь в деньгах, хотел засудить
одного иудея.*

Султан, нуждаясь в деньгах, послушался совета затеять тяжбу с неким богатым иудеем, проживавшим в землях его, и затем отобрать у него все богатства его, коим счету не было. Султан позвал этого иудея и спросил его, какая вера лучше всех, помышляя: «Ежели он скажет иудейская, то я скажу ему, что он хулит мою веру, а ежели скажет — сарацинская, то я скажу: тогда зачем ты придержишься иудейской?» Иудей, услышав вопрос сеньора своего, отвечал так: «Мессир, был некогда отец, у которого было три сына, и был у него перстень с камнем драгоценным, лучшим в мире. Каждый из них просил отца, чтобы по кончине своей оставил ему тот перстень. Отец, видя, что каждый из них его хочет, позвал превосходного золотых дел мастера и сказал ему: «Маэстро, сделай мне два перстня точь-в-точь как этот и вставь в каждый из них камень, который был бы подобен этому». Мастер сделал перстни так точно, что никто не мог узнать подлинного, кроме отца. Призвал он сыновей порознь и каждому отдал перстень втайне, и каждый почитал свой подлинным, и никто не ведал настоящего, помимо отца их. И так же говорю тебе о верах, коих три. Отец всевышний ведает, какая лучшая; сыновья же, сиречь мы, полагаем каждый, что обладаем хорошей». Тогда султан, поняв увертку его, не знал, что сказать, чтобы затеять тяжбу с ним, и отпустил его с миром.

ЛИРИКА «НОВОГО СЛАДОСТНОГО СТИЛЯ».

«Новый сладостный стиль» (*Dolce stil nuovo*) — литературное направление, возникшее на грани средних веков и эпохи Возрождения в городах Тосканы и Романьи (Флоренция, Болонья и др.). Представленный лирическими произведениями многочисленных поэтов XIII—XIV вв. (Гвидо Гвиницелли, Онесто да Болонья, Гвидо Кавальканти, Лапо Джанни, Чекко Анджольери, Данте Алигieri, Чино да Пистойя и др.), «новый сладостный стиль» характеризуется своеобразным разрешением центральной проблемы средневековой лирики — взаимоотношения «земной» и «небесной» любви. В то время как религиозная поэзия прославляет в терминах земной страсти мадонну, призывая к отречению от плотского греха, в то время как куртуазная поэзия, восхваляя рыцарское служение даме, воспекает радость физического обладания, поэзия «нового сладостного стиля» находит разрешение конфликту обоих мировоззрений в сложной символике образов. Образ земной владычицы не устраняется, но превращается в символ — в доступное чувственному восприятию воплощение и откровение божества. Так освящается любовь к женщине — «земная» любовь сливается воедино с любовью «небесной».

Этой «философией любви» определяются все особенности содержания и формы «нового сладостного стиля». Для него характерен величавый образ возлюбленной, «благородной и пречестной», «одетой смирением» (Данте), «сияющей паче звезд» (Гвиницелли). Не менее типичен и образ возлюбленного — поэта и философа, проникшего во все тонкости хитросплетенной любовной схоластики, умеющего уловить и запечатлеть глубочайшие извивы тайной любви. При этом любовь, воплощаемая обычно в образе прекрасного юноши, мыслится поэтами как стихийная сила, «проникающая через взоры в сердце» и воспламеняющая его желанием той, «что с небес сошла на землю — явить чудо» (Данте). Но любовь эта в то же время проникнута чисто земным вежеством, она влечет за собой столь чуждые монашескому аскетизму и мистическим экстазам добродетели радости и веселья. Новые формы любовных отношений, чуждые реминисценций феодального строя, отсутствие в образе возлюбленной черт знатной дамы — супруги сеньора — и вознесение ее путем сложной символики, искренность лирической эмоции, обусловленная свободным выбором героини, углубление философского содержания лирики — все это являлось порождением новой итальянской городской культуры, стоявшей на пороге эпохи Возрождения.

Важнейшими формами, культивировавшимися поэтами «нового сладостного стиля» (XIII — начало XIV в.), являются:

канцона (*canzone*) — строфическое произведение с одинаковыми по своей структуре строфами;

сонет (*sonetto*) — твердая в своей структуре форма, объединяющая 14 стихов четырьмя рифмами по одному из типов: для первых двух чет-

веростиший — abba или abab, для последних двух трехстиший cdd dcd или (с допущением пятой рифмы) cde cde, или cse dde;

меее распространенная баллата (ballata) — произведение из не-одинаковых строф, более свободное по своему строению, чем старофранцузская баллада XIV—XV вв.

Приводимые ниже сонеты принадлежат Гвидо Кавальканти (Guido Cavalcanti, около 1259—1300 гг.), флорентийскому философу и поэту, сыну гвельфа Кавальканте Кавальканти и другу Данте. Сонеты эти типичны для тематики «нового сладостного стиля» с его превращением любви к земной возлюбленной в преклонение перед воплощением божественного начала. В первом сонете особенно характерно прославление изысканных переживаний радости (allegrezza) и благоговения, во втором — самый образ Апогея — образ, созвучный видению первого сонета из «Vita nova» Данте.

Гвидо Кавальканти.

СОНЕТ.

Красавиц обольстительные взоры,
Нарядных всадников блестящий строй,
Беседы о любви и птичьи хоры,
Корабль, бегущий по волне морской,

Прозрачность пред зарей, что вспыхнет скоро,
Снег, падающий тихо над землей,
Журчание ручья, лугов узоры,
Каменьев блеск в оправе золотой —

Что это все пред дивной красотой
И благородством госпожи моей?
Презренный тлен, не стоящий и взгляда!

Как перед небом меркнет все земное,
Так все, что видишь, меркнет перед ней.
Добру соединиться с ней — отрада.

СОНЕТ.

Ты не видала, госпожа моя,
Того, кто сердце мне сжимал рукою,
Когда, боясь, что мук своих не скрою,
Тебе отвечивал чуть слышно я.

То бог любви, далекие края
Покинувший, встал грозно предо мною
Сирийским лучником, готовым к бою,
В колчане стрелы острые тая.

Он из твоих очей извлек стенанья
И с яростью такой метнул в меня,
Что я бежал, утративши сознанье.

И я вступил в круг тех, чья злая доля —
В слезах тонуть, не видя света дня,
И умереть от несказанной боли.

ДАНТЕ АЛИГИЕРИ.

В предисловии к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Ф. Энгельс в 1893 г. писал: «Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382). Годом позже в предисловии к «Капиталу» К. Маркса Ф. Энгельс вновь упоминал величайшего итальянского поэта: «Италия — страна классического. С того великого времени, когда там возшла заря современного мира, эта страна взрастила величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 25).

Уроженец Флоренции, Данте Алигиери (1265—1321) жил в бурное время. Он был свидетелем быстрого роста итальянских городов и начавшегося крушения феодальных порядков. Он и сам принимал деятельное участие в политической борьбе. В 1285 г. он храбро сражался против аретинских гибеллинов^а. Когда же во Флоренции началась борьба между белыми и черными гвельфами^б, он решительно встал на сторону белых, отстаивая свободу своего родного города от притязаний властолюбивого папы Бонифация VIII. В 1301 г. он был избран членом правящей коллегии приоров^в. Но папская партия вскоре одержала верх, и Данте в начале 1302 г. был изгнан из Флоренции. До конца своих дней он вынужден был скитаться по

^а *Гибеллины* — политическая партия XII—XV вв., поддерживавшая в Италии императоров Священной римской (германской) империи. Ее политическими противниками были гвельфы. К партии гибеллинов тяготели преимущественно феодальные элементы.

^б *Гвельфы* — итальянская политическая партия XII—XV вв., боровшаяся против германских императоров и их ставленников в Италии. К ней тяготели преимущественно торгово-ремесленные круги.

^в *Приор* — магистрат во Флоренции.

Данте Алигьери. Портрет, приписываемый художнику XIV в. Джотто.

Италии. Появление в Италии Генриха VII оживило было надежды Данте на возвращение во Флоренцию. Он видел в императоре Генрихе умиротворителя Италии, раздираемой междоусобными войнами, однако в 1313 г. Генрих VII умер, и Данте закончил свои дни в Равенне (1318—1321).

Свой творческий путь Данте начал как сторонник поэтической школы «нового сладостного стиля». Однако уже в «Новой жизни» («Vita nova», 1290) — этой первой в европейской литературе лирической автобиографии — он начал преодолевать абстрактную схоластическую манеру своих предшественников. К 1303—1306 гг. относится философский трактат Данте «Пир» («Il convivio»), написанный, вопреки средневековой традиции,

не на ученом латинском, но на живом итальянском языке. Отстаивая права итальянского языка как языка общенародного, он пророчит ему великое будущее: «Это — ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи... Он будет новым светом, новым солнцем, которое взойдет там, где зайдет привычное» (т. е. латинский язык, «язык избранных»). Защита живого итальянского языка — одна из величайших заслуг Данте, стремившегося вывести итальянскую культуру на широкий демократический путь. О большом интересе Данте к вопросам языка свидетельствует также его неоконченный латинский трактат «О народном языке» («De vulgari eloquio»), представляющий собой первое в Европе исследование по языкознанию. В другом латинском трактате — «О монархии» («De monarchia», 1313) Данте отстаивал права империи против теократических притязаний папства. При этом вопрос об империи сливался для него с вопросом о государственной консолидации Италии, имевшим глубокий политический смысл. По словам Н. А. Добролюбова, «мысль о единстве Италии была благородною и отдаленною мечтою многих из лучших людей ее. Выраженная еще Дантом и Макиавеллем, мечта эта не затерялась в течение веков...» («Жизнь и смерть графа Камилла Бензо Кавура»).

Глубоко злободневным было величайшее творение Данте «Божественная комедия» («Divina commedia», между 1313 и 1321 гг.), которую В. Г. Белинский назвал «истинной илиадой средних веков»; по словам великого русского критика, поэма Данте выразила собой «всю глубину

духовной жизни своего времени, в свойственных этой жизни и этому времени формах») («Сочинения Александра Пушкина», ст. I). В «Божественной комедии», как и в других своих более ранних произведениях, Данте еще влачит тяжелый груз теологических схоластических образов и представлений, завещанных ему средними веками. Вместе с тем он уже обнаруживает замечательно острое чувство жизни и огромную силу критической мысли, которые делают его первым подлинно великим поэтом нового времени. С большим уважением относится он к античной культуре, вскоре ставшей знаменем гуманистов. Он ценит в человеке пылкий дух, на который в средние века взирали как на один из самых тяжких грехов. Его манит мир земных человеческих чувств и страстей. При этом, о чем бы он ни повествовал, Данте никогда не бывает безучастным наблюдателем совершающихся событий. Он страстно ненавидит пороки своего времени. Он всегда готов обрушиться на тех, из-за кого, по его мнению, страдает Италия, раздираемая вечными междоусобиями. У него на все свой определенный взгляд. Он беспощадный судья и пламенный трибун. Он презирает малодушие, обличает измену и своекорыстие чувств, он не останавливается перед самой беспощадной критикой пороков папской курии и даже самому Бонифацию VIII отводит место в аду. Ф. Энгельс имел все основания отнести Данте к числу «ярко выраженных тенденциозных поэтов» мировой литературы (Ф. Энгельс. Письмо к М. Каутской от 26 ноября 1885 г.).

Замечательно поэтическое мастерство Данте — его сжатый, чеканный стиль, его умение скудными средствами создавать очень рельефные, незабываемые образы. Особенно примечательны в этом отношении образы «Ада», «начертанные гением сурового Данте» (В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина, ст. II). А. С. Пушкин вдохновлялся примером Данте, когда создавал свои терцины «И дале мы пошли — и страх обнял меня», «Тогда я демонов увидел черный рой» (1832 г.). По свидетельству П. Лафарга, Данте наряду с Бернсом принадлежал к числу любимейших поэтов К. Маркса.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Написанная Данте на двадцать шестом году жизни, «Vita nova» представляет собой собрание его лирических стихотворений периода 1283—1290 гг., расположенное поэтом по определенному сюжетному заданию и снабженное им автобиографическим и философско-эстетическим комментарием. Прозаическая часть повествования отчасти соприкасается с вымышленными биографиями провансальских трубадуров, неизмеримо превосходя их, однако, мастерством изложения и глубиной психологического анализа; стихотворные же вставки, представляя в более ранних по времени написания своих частях лучшие образцы лирики *dolce stil nuovo*, в более поздних частях (произведения на смерть Беатриче) уже приближаются к стилю «Божественной комедии».

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

I. В этом разделе книги моей памяти¹, до которого лишь немногое заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: *incipit vita nova*². Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность.

II. Девятый раз³ после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении⁴, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие, — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче⁵. В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса⁶. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я же увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту. В это мгновение — говорю по истине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении. И дрожа, он произнес следующие слова: «*Ecce dens fortior me, qui veniens dominabitur mihi*»⁷. В это мгновение дух моей души⁸, обитающий в высокой горнице, куда все духи чувств несут свои впечатления, восхитился и, обратясь главным образом к духам зрения, промолвил следующие слова: «*Apparuit iam beatitudo vestra*»⁹. В это мгновение природный дух, живущий в той области, где совершается наше питание, зарыдал и, плача, вымолвил следующие слова: «*Neu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps*»¹⁰. Я говорю, что с этого времени Amor стал владычествовать над моею душой, которая вскоре вполне ему подчинилась. И тогда он осмелел и такую приобрел власть надо мною благодаря силе моего воображения, что я должен был исполнять все его пожелания. Часто он приказывал мне отправиться на поиски этого юного ангела; и в отроческие годы я уходил, чтобы лицезреть ее. И я видел ее, столь благородную и достойную хвалы во всех ее делах, что, конечно, о ней можно было бы сказать словами поэта Гомера: «Она казалась дочерью не смертного, но бога»¹¹. И хотя образ ее, пребывавший со мной неизменно, придавал смелости Амору, который господствовал надо мною, все же она отличалась такой благороднейшей добродетелью, что никогда не пожелала, чтобы Amor

¹ Начинается новая жизнь (лат.).

² Беатриче — букв. «дарующая блаженство».

³ Вот пришел бог сильнее меня, дабы повелевать мною (лат.).

⁴ Ныне явлено блаженство ваше (лат.).

⁵ О, я несчастный, ибо отныне часто буду встречать препятствия (лат.).

управлял мною без верного совета разума в тех случаях, когда совету этому было полезно внимать. И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращаюсь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами.

III. Когда миновало столько времени, что исполнилось ровно девять лет после упомянутого явления благороднейшей, в последний из этих двух дней случилось, что чудотворная госпожа предстала предо мной облаченная в одежды ослепительно белого цвета среди двух дам, старших ее годами. Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении, и по своей несказанной куртуазности, которая ныне награждена в великом веке^а, она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось — я вижу все грани блаженства. Час, когда я услышал ее сладостное приветствие, был точно девятым этого дня. И так как впервые слыша ее прозвучали, чтобы достигнуть моих ушей, я преисполнился такой радости, что, как опьяненный, удалился от людей; уединясь в одной из моих комнат, я предался мыслям о куртуазнейшей госпоже. Когда я думал о ней, меня объял сладостный сон, в котором мне явилось чудесное видение. Мне казалось, что в комнате моей я вижу облако цвета огня и в нем различаю обличье некоего повелителя, устрашающего взоры тех, кто на него смотрит^г. Но такой, каким он был, повелитель излучал великую радость, вызывающую восхищение. Он говорил о многом, но мне понятны были лишь некоторые слова: среди них я разобрал следующие: «*Esse dominus tuus*»^б. В его объятиях, казалось мне, я видел даму, которая спала нагая, лишь слегка повитая кроваво-красным покрывалом. Взглянув пристально, я в ней узнал госпожу спасительного приветствия, соизволившую приветствовать меня днем. И в одной из рук своих, казалось мне, Амор держал нечто, объятые пламенем, и мне казалось, что он произнес следующие слова: «*Vide cor tuum*»^в. Оставаясь недолго, он, казалось мне, разбудил спящую и прилагал все силы свои, дабы она ела то, что пылало в его руке; и она вкушала боязливо. После этого, пробыв недолго со мной, радость Амора претворилась в горькие рыдания; рыдая, он заключил в свои объятия госпожу и с нею — чудилось мне — стал возноситься на небо. Я почувствовал внезапно такую боль, что слабый мой сон прервался, и я проснулся. Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это виденье мне предстало, был четвертым часом ночи; отсюда ясно,

^а Т. е. в вечной жизни на небесах.

^б Я твой повелитель (лат.).

^в Взгляни на сердце твое (лат.).

что он был первым из последних девяти ночных часов. Я размышлял над тем, что мне явилось, и наконец решился поведать об этом многим из числа тех, кто были в это время известными слагателями стихов. И так как я сам испытал свои силы в искусстве складывать рифмованные строки, я решился сочинить сонет, в котором приветствовал бы всех верных Амору, прося их высказать то, что думают они о моем видении. И я написал им о сне. Тогда я приступил к сонету, начинающемуся: «Влюбленным душам».

Влюбленным душам посвящу сказанье,
 Дабы достойный получить ответ.
 В Аморе, господине их — привет!
 Всем благородным душам шлю посланье.
 На небе звезд не меркнуло сиянье,
 И не коснулась ночь предельных мет —
 Амор явился. Не забыть мне, нет,
 Тот страх и трепет, то очарованье!
 Мое, ликуя, сердце он держал.
 В его объятьях дама почивала,
 Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
 И, пробудив, Амор ее питал
 Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
 Но, уходя, мой господин рыдал.

Этот сонет делится на две части: в первой я шлю приветствие, испрашивая ответа, во второй указываю, на что я жду ответа. Вторая часть начинается: «На небе звезд не меркнуло сиянье».

Мне ответили многие, по-разному уразумевшие мой сонет. Мне ответил и тот, кого я назвал вскоре первым своим другом^а. Он написал сонет, начинающийся: «Вы видели пределы упования». Когда он узнал, что я тот, кто послал ему сонет, началась наша дружба. Подлинный смысл этого сна тогда никто не понял, ныне он ясен и самым простым людям.

IV. С тех пор как мне предстало это видение, мой природный дух стал стеснен в своих проявлениях, так как душа моя была погружена в мысли о благороднейшей. Таким образом по прошествии краткого времени я стал слабым и хилым, так что многим моим друзьям было тяжело смотреть на меня, а иные, полные зависти и любопытства, стремились узнать то, что я хотел скрыть от всех. Но я, заметив недоброжелательность их вопросов, по воле Амора, руководившего мною сообразно с советами разума, отвечал им, что тот, кем я столь измучен, — Амор. Я говорил об Аморе, так как на лице моем запечатлелось столько его примет, что скрывать мое состояние было невозможно. А когда меня спрашивали: Из-за ко-

^а Гвидо Кавальканти.

го тебя поражает этот Амор? — я смотрел на них, улыбался и ничего не говорил им⁸.

ХИХ. Через некоторое время, когда я проезжал по дороге, вдоль которой протекала быстрая и светлая река, меня охватило такое сильное желание слагать стихи, что я принялся думать, как мне следует поступать, и я решил, что говорить о совершенной даме надлежит, обращаясь к дамам во втором лице, и не ко всем дамам, а лишь к тем из них, которые наделены благородством. И тогда мой язык заговорил как бы сам собой и произнес: «Лишь с дамами, что разумом любви владеют». Эти слова я удержал в памяти с большой радостью, решив воспользоваться ими для начала. Возвратившись в упомянутый город, я размышлял несколько дней, а затем приступил к сочинению канцоны с этим началом, сложенной так, как будет ясно ниже, когда я приступлю к ее делению. Канцона начинается: «Лишь с дамами».

Лишь с дамами, что разумом любви
Владеют, ныне говорить желаю.
Я сердце этой песней облегчаю.
Как мне восславить имя госпожи?
Амор велит: «Хвалений не прерви!»
Увы! я смелостью не обладаю.
Людей влюблять я мог бы — не дерзаю,
Не одолев сомненья рубежи.
Я говорю канцоне: «Расскажи
Не столь возвышенно о несравненной,
Чтоб, утрашась, ты сделалась презренной,
Но стиль доступный с глубиной свяжи.
Лишь благородным женщинам и девам
Теперь внимать моей любви напевам!
Пред разумом божественным воззвал
Нежданно ангел: «О творец вселенной,
Вот чудо на земле явилось бренной;
Сиянием пронзает небосвод
Душа прекрасной. Чтоб не ощущал
Неполноты твой рай без совершенной,
Внемли святым — да узрят взор блаженной».
Лишь Милосердье защитит наш род.
Ее душа с землею разлучится;
Там некто утерять ее страшится
Среди несовершенства и невзгод.
В аду он скажет, в царстве злорожденных —
Я видел упование блаженных»⁹.
Ее узреть чертог небесный рад.
Ее хвалой хочу я насладиться.

И та, что благородной стать стремится,
Пусть по дорогам следует за ней.
Сердца презренные сжимает хлад.
Все низменное перед ней смутится.
И узревший ее преобразится
Или погибнет для грядущих дней.
Достойный видеть — видит все ясней,
В смирение он обиды забывает.
Ее привет все мысли очищает,
Животворит в сиянии огней.
Так милость бога праведно судила —
Спасется тот, с кем дама говорила.
«Как воссияла эта чистота
И воплотилась в смертное творенье!» —
Амор воскликнул в полном изумленье:
«Клянусь, господь в ней новое явил».
Сравнится с ней жемчужина лишь та,
Чей нежный цвет достоин восхищенья.
Она пример для всякого сравненья,
В ее красе — предел природных сил,
В ее очах — сияние светил,
Они незримых духов порождают,
Людские взоры духи поражают,
И все сердца их лиц воспламенил.
И на лице ее любовь алеет,
Но пристально смотреть никто не смеет.
Канцона, с дамами заговоришь
Прекрасными, как, верно, ты хотела.
Воспитанная мной, иди же смело
Амора дочь, пребудешь молодой.
И тем скажи, кого ты посетишь:
«Путь укажите мне, чтоб у предела
Стремления хвалить я даму смела».
Не замедляй полет свободный твой,
Где обитает подлый род и злой ¹⁰,
Откройся тем, кто чужд забаве праздной,
К ним поспеши дорогой куртуазной.
Тебя немедля приведут в покой,
Где госпожа твоя и твой вожатый,
Замолвить слово обо мне должна ты».

.

XXI. После того как в предыдущем стихотворении я говорил об Аморе, я решил восхвалить благороднейшую даму и в словах моих показать, как благодаря ее добродетели пробуждается Амор,

и не только там, где он дремлет. Даже там, где нет его в потенции, она, действуя чудесным образом, заставляет его прийти. И тогда я сложил этот сонет, начинающийся: «В ее очах».

В ее очах Амора откровенье.
Преображает всех ее привет.
Там, где проходит, каждый смотрит вслед;
Ее поклон — земным благословенье.
Рождает он в сердцах благоговенье.
Вздыхает грешник, шепчет он обет.
Гордыню, гнев ее изгонит свет;
О дамы, ей мы воздадим хваленье.
Смиренномудрие ее словам
Присуще, и сердца она врачует.
Блажен ее предвозвестивший путь.
Когда же улыбается чуть-чуть,
Не выразить душе. Душа ликует:
Вот чудо новое явилось вам!

. 11

XXIII. Случилось по истечении немногих дней, что тело мое было поражено недугом, так что в продолжение девяти дней я испытывал горчайшую муку. Недуг столь ослабил меня, что я должен был лежать, как те, кто не может двигаться. И когда на девятый день моей болезни я ощутил почти нестерпимую боль, во мне возникла мысль о моей даме. И так, думая о ней, я вернулся к мысли о моей немощной жизни, и видя, сколь она недолговечна даже у людей здоровых, я стал оплакивать в душе моей столь печальную участь. Затем умножая вздохи, я произнес про себя: «Неизбежно, что когда-нибудь умрет и благороднейшая Беатриче». И столь великое охватило меня смущение, что я закрыл глаза и начал бредить, как человек, охваченный умопомрачением, и предался всей фантазии. В начале этого заблуждения моей фантазии передо мной явились простоволосые женщины, мне говорящие: «Ты умер». Так начала блуждать фантазия моя, и я не знал, где я находился. И мне казалось, что я вижу женщин со спутанными волосами, рыдающих на многих путях, чудесно скорбных; и мне казалось, что я вижу, как померкло солнце, так что по цвету звезд я мог предположить, что они рыдают. И мне казалось, что летящие в воздухе птицы падают мертвыми и что началось великое землетрясение¹². Страшась и удивляясь, во власти этой фантазии, я вообразил некоего друга, который пришел ко мне и сказал: «Разве ты не знаешь, твоя достойная удивления дама покинула этот век». Тогда я начал плакать, исполненный величайшей горести, и не только в моем воображении, но истинные слезы омывали мои глаза. Затем я вообразил, что следует мне посмотреть на небо, и

мне показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались на небо, а перед ними плыло облачко необычайной белизны. Мне казалось, что эти ангелы пели величальную песнь и что я различаю слова их песни: «Osanna in excelsis»^a, и ничего другого я не слышал. Тогда мне показалось, что сердце, в котором заключалась столь великая любовь, сказало мне: «Поистине мертвой покоится наша дама». И после этого мне показалось, что я иду, чтобы увидеть тело, в котором обитала благороднейшая и блаженная душа. Столь сильна была обманчивая фантазия, что она показала мне мою даму мертвой. И мне казалось, что дамы покрывают ее голову белой вуалью; и мне казалось, что на лице ее отобразилось такое смирение, что слышалось — она говорила: «Я вижу начало умиротворения». И в этом мечтании, когда я увидел ее, меня охватило чувство такого смирения, что я призывал Смерть, говоря: «О пресладостная Смерть, приди ко мне, не поступай со мною недостойно, ты должна быть благородна, в таком месте была ты! Приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри — уже нощу твой цвет». Когда же я увидел завершение скорбных обрядов, которые надлежит совершать над телом умерших, мне почудилось, что я возвращаюсь в мою комнату. Там привиделось мне, будто я гляжу на небо. И столь сильно было мое воображение, что истинным своим голосом, плача, я произнес: «О прекраснейшая душа, блажен видевший тебя!» Произнося эти слова скорбным голосом, прерываемым приступами рыданий, я призывал Смерть. Молодая и благородная дама, бывшая у моего ложа, думая, что мои рыдания и мои слова были вызваны лишь моим недугом, также начала плакать. Другие дамы, бывшие в комнате, по ее слезам заметили, что и я плачу. Тогда они удалили молодую даму, связанную со мной ближайшим кровным родством, и подошли ко мне, чтобы меня разбудить, полагая, что я вижу сны. Они сказали мне: «Не спи» и «Не отчаивайся». От этих слов прервалось сильное мое мечтание как раз, когда я хотел воскликнуть: «О, Беатриче, будь благословенна!» И я уже сказал «О, Беатриче», когда, придя в себя, я открыл глаза и увидел, что заблуждался. И хотя я назвал это имя, мой голос был прерван приступом рыданий, так что эти дамы не смогли, как я полагаю, меня понять. Несмотря на мое великое смущение и стыд, по совету Амора, я повернулся к ним. Увидев мое лицо, они сказали сначала: «Он кажется мертвым»; затем, обращаясь друг к другу: «Постараемся утешить его», и произнесли много слов утешения, порою спрашивая меня, чем я был так испуган. Несмотря на успокоенный, я понял, что был охвачен ложным мечтанием, и ответил им: «Я вам поведаю, что со мной случилось». Тогда — от начала до конца — я рассказал им о том, что видел, скрыв имя благороднейшей. Излечившись от этой болезни, я решил

^a Слава в вышних (лат.).

сложить стихи о том, что случилось со мной, ибо я полагал, что тема эта достойна Амора и приятна для слуха; и об этом я сочинил следующую канцону, начинающуюся: «Благожелательная госпожа».

Благожелательная госпожа,
Младая и прекрасная собою,
Случилась там, где смерть я ожидал,
В моих глазах увидела, дрожа,
Отчаянье; от тщетных слов со мною
Заплакала — ей сердце ужас сжал.
И старших дам невольно я призвал.
Ушла, их увещаниям внимая,
Сеньора молодая.
Старались дамы мне вернуть сознание;
Одна — «Оставь мечтанье!»
Другая — «Отчего ты духом пал?»
Владычицы моей, еще рыдая,
Назвал я имя, бред мой покидая.
Столь скорбен и столь тих был голос мой,
Переходящий в шепот заглушенный,
Что в сердце это имя уловил
Лишь я один, измученный мечтой.
И к дамам повернуть мой лик смущенный
Тогда Amor печальный поспешил.
Их бледностью я, верно, поразил,
Казалось, смерти видели явление.
Вновь облачась в смирение,
Меня, склоняясь, дамы утешали
И часто повторяли:
«Что видел ты во сне, лишившись сил?»
Преодолев душевное волнение,
Сказал: «Исполню ваше повеление».
Когда о брэнной жизни думал я
И видел, как близка моя могила,
Сам бог любви омыл свой лик слезой.
Столь смущена была душа моя,
Что в мыслях так, вздыхая, говорила:
«Покинет дама грешный мир земной».
И мыслию терзаемой одной,
Сомкнул глаза. В неизъяснимой дали
В отчаянье блуждали
Сознания духи. И в воображенье,
Прервав уединенье,
Обличья скорбных жен передо мной
Вне истины, вне знания предстали.

«И ты, и ты умрешь!» — они зывали.
И страшное увидел я вдали,
Входя все глубже в ложное мечтанье,
Был в месте, чуждом памяти моей.
С распущенными волосами шли
Там дамы, слышалось их причитанье;
Они метали пламя злых скорбей.
Мерцало солнце, мнилось, все слабей,
И звезды плакали у небосклона,
Взойдя из ночи лона.
И птиц летящих поражала смерть,
И задрожала твердь.
Вот некий муж предстал среди теней,
И хриплый голос рек, как отзвук стога:
«Сей скорбный век покинула мадонна».
И очи, увлажненные слезой,
Возвел — казалось, ниспадает манна, —
То возвращались ангелы небес,
И облачко парило над землей;
К нам доносилось райское «Осанна!»
И звук иной в моей душе исчез.
Амор сказал мне: «Горестных чудес
Не скрою. Посмотри, лежит средь зала».
Мадонну показала
Фантазия мне мертвой, бездыханной.
Вот дамы лик желанный
Сокрыли мраком траурных завес.
Она, поправ смиреньем смерти жало,
Казалось, молвит: «Я покой познала».
Я скорбь мою смиреньем одолел,
Смиреномудрия познав начала,
И говорил: «Должно быть, ты нежна,
О смерть, и благороден твой удел;
Сойдя к мадонне, благородной стала,
Не гневаться, но сострадать должна.
Моя душа, желания полна
Твоею стать! Тебя напоминаю.
«Приди» — к тебе зываю!»
И я ушел, душа моя томилась.
В уединенье, мнилось,
Взглянул на небо и сказал средь сна:
«Кто зрит тебя, достоин тот спасенья».
Спасибо вам, прервавшим сновиденья.

• • • • •

XXVI. Благороднейшая дама, о которой говорилось в предыдущих стихотворениях, снискала такое благоволение у всех, что, когда она проходила по улицам, люди бежали отовсюду, чтобы увидеть ее; и тогда чудесная радость переполняла мою грудь. Когда же она была близ кого-либо, столь куртуазным становилось сердце его, что он не смел ни поднять глаз, ни ответить на ее приветствие; об этом многие, испытавшие это, могли бы свидетельствовать тем, кто не поверил бы моим словам. Увенчанная смирением, облаченная в ризы скромности, она проходила, не показывая ни малейших знаков гордыни. Многие говорили, когда она проходила мимо: «Она не женщина, но один из прекраснейших небесных ангелов». А другие говорили: «Это чудо; да будет благословлен господь, творящий необычайное». Я говорю, что столь благородной, столь исполненной всех милостей она была, что на видевших ее нисходили блаженство и радость; все же передать эти чувства они были не в силах. Никто не мог созерцать ее без воздыхания; и ее добродетель имела еще более чудесные воздействия на всех. Размышляя об этом и стремясь продолжить ее хваления, я решился сложить стихи, в которых помог бы понять ее превосходные и чудесные появления, чтобы не только те, которые могут ее видеть при помощи телесного зрения, но также другие узнали о ней все то, что в состоянии выразить слова. Тогда я написал следующий сонет, начинающийся:

Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет
Дрожа, и все покорно ей одной.
Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.
Узрев небесное, благоговеет.
Как перед чудом, этот мир земной.
Для всех взирающих — виденье рая
И сладости источник несравненный.
Тот не поймет, кто сам не испытал.
И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: «Живи, вздыхая!»

То, что рассказывается в этом сонете, столь понятно, что он не нуждается в разделении на части. Оставляя его, я скажу, что моя дама снискала такое благоволение людей, что они не только ее восхваляли и почитали, но благодаря ей были хвалимы и почитаемы всеми многие дамы. Видя это и стремясь сообщить об этом тем, кто не видел ее своими глазами, я начал складывать благовествующие слова и написал второй сонет, начинающийся: «По-

стигнет совершенное спасенье»; он повествует о ней и о том, как ее добродетель проявлялась в других, что и станет ясно из его разделений.

Постигнет совершенное спасенье
 Тот, кто ее в кругу увидит дам.
 Пусть воздадут Творцу благодаренье
 Все сопричастные ее путям.
 Ты видишь добродетели явленье
 В ее красе, и зависть по следам
 Мадонны не идет, но восхищенье
 Сопутствует ее святым вестям.
 Ее смирение мир преобразило.
 И похвалу все спутницы приемлют,
 Постигнув свет сердечной глубины,
 И вспомнив то, что смертных поразило
 В ее делах, высоким чувствам внемлют,—
 Вдыхать от сладости любви должны.

.

XXVIII. ...Я только начинал эту канцону и успел закончить лишь вышеприведенную станцу, когда Владыка справедливости призвал благороднейшую даму разделить славу его под знаменем благословенной королевы Девы Марии, чье имя столь превозносилось в словах блаженной Беатриче¹³

XXXI. Глаза мои изо дня в день проливали слезы и так утомились, что не могли более облегчить мое горе. Тогда я подумал о том, что следовало бы ослабить силу моих страданий и сложить слова, исполненные печали. И я решился написать канцону, в которой, жалуюсь, скажу о той, оплакивая которую я истерзал душу. И я начал канцону: «Сердечной скорби...». И чтобы канцона эта, когда она будет закончена, еще более уподобилась неутешной вдовице, я разделю ее прежде, чем запишу; так я буду поступать и впредь.

Я говорю, что несчастная эта канцона имеет три части: первая служит вступлением; во второй я повествую о моей даме; в третьей я говорю преисполненный сострадания, обращаясь к самой женщине. Вторая часть начинается так: «На небе Беатриче воссияла», третья: «Рыдая, скорбная, иди, канцона». Первая часть делится на три: в первом разделе я объясняю, что побудило меня высказаться; во втором я говорю, к кому я обращаюсь; в третьем открываю, о ком я хочу поведать. Второй начинается так: «Лишь дамам благородным до разлуки», третий же: «Той, чье сердце благородно». Затем, когда я произношу: «На небе Беатриче», — я говорю о ней в двух частях: сначала я показываю причину, по которой она была взята от нас; затем, как люди оплакивают ее уход; эта часть начинается так: «Покинула». Она делится

на три: в первой я говорю о тех, кто о ней не плачет; во второй о тех, кто плачет; в третьей открываю мое внутреннее состояние. Вторая начинается так: «Но тот изнемогает»; третья: «Рыдая, скорбная, иди, канцона», — я обращаюсь к самой канцоне, ука- зывая ей тех дам, к которым я хочу, чтобы она пошла, чтобы остаться вместе с ними.

Сердечной скорби тайные рыдания
Глаза омыли. Жизнь свою казня,
Я слышу только горестные звуки.
И чтоб освободиться от страдания,
Что к смерти медленно влечет меня,
Пусть прозвучит мой голос, полный муки.
Лишь дамам благородным до разлуки
Я рассказал, как даме я служил.
О дамы благородные, я с вами
Не говорил словами
Иными, чем я в честь нее сложил.
Еще промолвлю с влажными глазами:
Рассталась дама с участью земною,
И ныне бог любви скорбит со мною.
На небе слышны ликованья звуки,
Где ангелов невозмутим покой.
И позабыли мы об утешенье.
Не холод был причиною разлуки,
Не пламя — как случилось бы с другой —
Но таково ее благоволение.
Благовествуют кротость и смирение
Ее лучи, пронзив небес кристалл.
И, с удивленьем на нее взирая,
Ее в обитель рая
Владыка вечности к себе призвал,
Любовью совершенною пылая,
Затем, что жизнь так недостойна эта,
Докучная, ее святого света.
Покинуло прекрасное светило
Наш мир, исчезла радость первых дней,
В достойном месте пребывает ныне.
В том сердце каменеет, в том застыло
Все доброе, кто, говоря о ней,
Не плачет в одиночестве пустыни.
Не может сердце, чуждое святыне,
Хоть что-либо о ней вообразить,
Умильным даром слез не обладает.
Но тот изнемогает
В рыданиях, утончая жизни нить,

И утешенья в горести не знает,
 Кто видел, как земным она явилась
 И как на небесах пресуществилась.
 Я изнемог от тяжких вздыханий,
 И в отягченной памяти встает
 Та, что глубоко сердце поразила
 Мое. Я думаю о смерти ранней,
 Она одна надежду мне дает,
 Она мой бледный лик преобразила.
 Когда фантазии жестокой сила
 Меня охватывает, мук кольцо
 Сжимается, невольно я рыдаю,
 Мне близких покидаю,
 Стремясь сокрыть смущенное лицо.
 И к Беатриче, весь в слезах, зываю:
 «Ты умерла? Ты позабыла землю!»
 И благостному утешенью внемлю.
 И вновь один, оставив все земное,
 Источник жизни в сердце я пресек.
 Услышавший меня лишь муки множит.
 Забыл, мне кажется, я все иное
 С тех пор, как дама в обновленный век
 Вступила. И никто мне не поможет.
 Напрасно, дамы, голос ваш тревожит
 Меня. Как странный облик мой возник,
 Не ведаю. Живу наполовину
 И в лютой муке стыну.
 Увидя этот искаженный лик,
 Мне каждый скажет: «Я тебя покину!»
 И пусть отвержена моя унылость,
 Владычицы я ожидаю милость!
 Рыдая, скорбная, иди, канцона!
 Девиц и дам ты обретешь благих.
 Дари сестер твоих
 Гармонией, в них радость возбуждай.
 А ты, дите певучее печали,
 О неутешная, пребудь средь них ¹⁴.

КАНЦОНА.

Который раз — увы! — припоминаю,
 Что не смогу увидеть
 Прекрасную. В сердечной глубине
 Лишь злую скорбь и горечь ощущаю.

Твержу наедине:
«Ты эту жизнь должна возненавидеть,
Душа, могла бы ты предвидеть
Все треволнения и отсель уйти,
К печальным дням не простирай объятия». —
И смерть готов призвать я,
Обитель тихую и цель пути.
«Приди ко мне!» — душа моя взывает,
И тем завидую, кто умирает.
Незримо порождают воздыханья
Рыдающие звуки.
Я Смерти власть, печальный, возлюбил.
Лишь к ней одной летят мои желанья
С тех пор, как поразил
Мадонну гнев ее. Всю жизнь на муки
Я осужден. И в горести разлуки
Ее красу не видит смертный взор.
Духовною она красою стала
И в небе воссияла,
И ангелов ее восславил хор.
Там вышних духов разум утонченный
Дивится, совершенством восхищенный.

.

СОНЕТ.

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.
Не плачете, неведеньем хранимы,
Проходите, все чувства затая,
А всех людей пленила скорбь моя,
Печали их — увы! — неутолимы.
Но если б захотели вы внимать
Тем вздохам сердца, что всечасно внемлю,
Оставили б, рыдая, град скорбей,
Покинуло блаженство эту землю,
Но то, что можем мы о ней сказать,
Источник слез исторгнет из очей.

.

СОНЕТ.

За сферою предельного движенья
 Мой вздох летит в сияющий чертог.
 И в сердце скорбь любви лелеет бог
 Для нового вселенной разуменья.
 И, достигая область вожделенья,
 Дух пилигрим во славе видеть мог
 Покинувшую плен земных тревог,
 Достойную похвал и удивленья.
 Не понял я, что он тогда сказал,
 Столь утонченны, скрытны были речи
 В печальном сердце. Помыслы благие
 В моей душе скорбящей вызывал.
 Но Беатриче — в небесах далече —
 Я слышал имя, дамы дорожие.

XLII. После этого сонета явилось мне чудесное виденье, в котором я узрел то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит Тот, кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине¹⁵. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик Того, qui est per omnia saecula benedictus^a.

СТИХОТВОРЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА¹.

СОНЕТЫ.

ДАНТЕ — К ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ.

О если б, Гвидо^б, Лапо^в, ты и я,
 Подвластный скрытому очарованью,
 Уплыли в море так, чтоб по желанью
 Наперекор ветрам неслась ладья,

^a Кто благословен во веки веков (лат.).

^б Гвидо Кавальканти — друг Данте.

^в Лапо — Лапо Джанни, флорентийский нотариус и поэт, современник и друг Данте.

Чтобы Фортуна, ревность затая,
Не помешала светлому свиданью;
И легкому покорные дыханью
Любви, узнали б радость бытия.
И Монну Ладжу^а вместе с Монной Ванной^б
И той, чье тридцать тайное число^в,
Любезный маг, склоняясь над волной,
Заставил говорить лишь об одной
Любви; чтоб нас течение унесло
В сиянье дня к земле обетованной.

* * *

Я ухожу. Виновнику разлуки,
Друзья, извольте оказать почет, —
Ведь это тот, кто в плен людей берет
И осуждает ради дам на муки.
Таится смерть в его упругом луке, —
Взмолитесь, пусть ко мне он снизойдет,
Но знайте, убедит его лишь тот,
Кто, вздыхая, простирает руки.
Он овладел душой моей и там
Столь благородный образ воскрешает,
Что я не властен больше над собой
И слышу — голос тихий вопрошает:
«Ужель откажешь собственным глазам
Ты в созерцанье красоты такой?»

БАЛЛАТА.

«Красавица младая, появилась
Здесь для того я, чтобы мог любой
Нездешний насладиться красотой.
Я — дочь небес, и я оттуда вновь
Пролью на мир блаженное сиянье.
Кому при встрече не внушу любовь,
Тому не суждено любви познание.
На то Природы было пожеланье,
Чтобы меня Амор, вожатый мой,
Привел во всей красе в предел земной.

^а Монна Ладжа — возлюбленная Лапо Джанни.

^б Монна Ванна — сокращенно Джованна — избранница Гвидо, воспетая им под условным именем *Primavera* («Весна»).

^в Та, что значится тридцатой, — одна из шестидесяти прекраснейших флорентийских донн, из имен которых юный Данте сложил сирвену. Об этом он рассказывает в VI главе «Новой жизни». В этой сирвенте имя Бетриче стояло на девятом месте.

Играет звездный благодатный свет
 В моих очах; моя краса — чудесна,
 И чуда в этом никакого нет,
 Затем что красота моя небесна.
 И только тот найдет, что я прелестна,
 Чьей овладеет бог любви душой,
 Пленив ее красавицей другой».

Такие в ангельских чертах слова
 Начертаны решительно и ясно.
 Я любовался девой, жив едва,
 И убоялся смерти не напрасно,
 Владыкой ранен, что единовластно
 Царит в очах красавицы младой.
 С тех пор и плачу, потеряв покой.

СТАНЦА.

Амор замолвит слово
 Пусть за меня, кто верен вам давно,
 Кому не все равно,
 Напомнит ли вам что-то Состраданье.
 Надеюсь я, что снова
 Увидеться нам с вами суждено,
 И это лишь одно
 Мне помогло в минуту расставанья.
 Недолгим будет это испытанье, —
 Желаю верить я.
 И вас, любовь моя,
 Я вижу мысленно, и расстояние
 Не может любящему помешать
 К вам, дама благородная, взывать.

СТИХИ ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ.

СОНЕТЫ.

ДАНТЕ — К ЧИНО ДА ПИСТОЙЯ².

Затем, что здесь никто достойных слов
 О нашем не оценит господине,
 Увы, благие мысли на чужбине
 Кому поверю, кроме этих строф?

И я молчанье долгое готов
Единственно по той прервать причине,
Что в злой глуши, где пребываю ныне,
Добру никто не предоставит кров.
Ни дамы здесь, отмеченной Амором,
Ни мужа, что из-за него хоть раз
Вздыхал бы: здесь любовь считают вздором.
О Чино, посмотри, с каким укором
Взирает время новое на нас
И на добро глядит недобрым взором.

* * *

Недолго мне слезами разразиться
Теперь, когда на сердце — новый гнет,
Который мне покоя не дает,
Но ты, Господь, не дай слезам пролиться:
Пускай твоя суровая десница
Убийцу справедливости найдет,
Что яд великого тирана пьет,
Который, палача приграв, стремится
Залить смертельным зельем целый свет;
Молчит, объятый страхом, люд смиренный,
Но ты, любви огонь, небесный свет,
Вели восстать безвинно убиенной,
Подъеми Правду, без которой нет
И быть не может мира во вселенной!

СЕКСТИНА ⁴.

На склоне дня в великом круге тени
Я очутился; побелели холмы,
Поникли и поблекли всюду травы.
Мое желанье не вернуло зелень,
Застыло в Пьетре, холодной, словно камень,
Что говорит и чувствует, как дама.
Мне явленная леденеет дама,
Как снег, лежащий под покровом тени.
Весна не приведет в движенье камень,
И разве что согреет солнце холмы,
Чтоб белизна преобразилась в зелень
И снова ожили цветы и травы.
В ее венке блещут цветы и травы,
И ни одна с ней не сравнится дама.
Вот с золотом кудрей смешалась зелень.

Сам бог любви ее коснулся тени.
Меня пленили небольшие холмы,
Меж них я сжат, как известковый камень.
Пред нею меркнет драгоценный камень,
И если ранит, — не излечат травы.
Да, я бежал, минуя доли, холмы,
Чтоб мною не владела эта дама.
От света Пьетры не сокроют тени
Ни гор, ни стен и ни деревьев зелень.
Ее одежды — ярких листьев зелень.
И мог почувствовать бы даже камень
Любовь, что я к ее лелею тени.
О если б на лугу, где мягки травы,
Предстала мне влюбленной эта дама,
О если б нас, замкнув, сокрыли холмы!
Скорее реки потекут на холмы,
Чем загорится, вспыхнет свежесть, зелень
Ее древес; любви не знает дама,
Мне будет вечно ложе жесткий камень,
Ее одежд я не покину тени.
Когда сгущают холмы мрак и тени,
Одежды зелень простирая, дама
Сокроет их, — так камень скроют травы.

ИЗ ТРАКТАТА «ПИР» ¹.

(ДАНТЕ О СЕБЕ.)

...После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, где я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути и в котором я от всего сердца мечтаю, по-хорошему с ней примирившись, успокоить усталый дух и завершить дарованный мне срок — я как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь, показывая против воли рану, нанесенную мне судьбой и столь часто несправедливо вменяемую самому раненому. Поистине, я был ладьей без руля и без ветрил; сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил ее в разные гавани, устья и прибрежные края; и я предстал перед взорами многих людей, которые, прислушавшись, быть может, к той или иной обо мне молве, воображали меня в ином обличии. В глазах их не только унизилась моя личность, но и обесценивалось каждое мое творение, как уже созданное, так и будущее. Причины этого, поражающей не только меня, но и других, я и хочу здесь вкратце коснуться... (1, 3).

(ОБ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ.)

...Итак, возвращаясь к нашей главной задаче, я утверждаю, что ничего не стоит удостовериться в том, что латинский комментарий был бы благодеянием лишь для немногих, народный же окажет услугу поистине многим...

...Велико должно быть оправдание в том случае, когда на пир со столь изысканными угощениями и со столь почетными гостями подается хлеб из ячменя, а не из пшеницы; требуется также очевидное основание, которое заставило бы человека отказаться от того, что издавна соблюдалось другими, а именно от комментирования на латинском языке...

...Я утверждаю, что самый порядок всего моего оправдания требует, чтобы я показал, что меня на это толкала природная любовь к родной речи; а это и есть третье и последнее основание, которым я руководствовался. Я утверждаю, что природная любовь побуждает любящего: во-первых, возвеличивать любимое, во-вторых, его ревновать и, в-третьих, его защищать; и нет человека, который не видел бы, что постоянно так и случается. Все эти три побуждения и заставили меня выбрать наш народный язык, который я по причинам, свойственным мне от природы, а также приходящим, люблю и всегда любил...

...Любовь заставила меня также защищать его от многих обвинителей, которые его презирают и восхваляют другие народные языки, в особенности язык «ос»², говоря, что он красивее и лучше, и тем самым отклоняются от истины. Великие достоинства народного языка «си» обнаружатся благодаря настоящему комментарию, где выявится его способность раскрывать, почти как в латинском смысле, самых высоких и самых необычных понятий подобающим, достаточным и изящным образом; эта его способность не могла должным образом проявиться в произведениях рифмованных вследствие связанных с ними случайных украшений, как-то: рифма, ритм и упорядоченный размер, подобно тому как невозможно должным образом показать красоту женщины, когда красота убранства и нарядов вызывает большее восхищение, чем она сама. Всякий, кто хочет должным образом судить о женщине, пусть смотрит на нее тогда, когда она находится наедине со своей природной красотой, расставшись со всякими случайными украшениями: таков будет и настоящий комментарий, в котором обнаружится плавность слога, свойства построений и сладостные речи, из которых он складывается; и все это будет для внимательного наблюдателя исполнено сладчайшей и самой неотразимой красотой. И так как намерение показать недостатки и злокозненность обвинителя в высшей степени похвально, я, для посрамления тех, кто обвиняет итальянское наречие, скажу о том, что побуждает их поступать таким образом, дабы бесчестие их стало более явным... (I, 9, 10).

(О ЧЕТЫРЕХ СМЫСЛАХ.)

После вступительного рассуждения в предыдущем трактате, мною, распорядителем пира, хлеб мой уже подготовлен достаточно. Вот время зовет и требует, чтобы судно мое покинуло гавань; по-сему, направив парус разума по ветру моего желания, я выхожу в открытое море с надеждой на легкое плавание и на спасительную и заслуженную пристань в завершение моей трапезы. Однако, чтобы угощение мое принесло больше пользы, я, прежде чем появится первое блюдо, хочу показать, как должно его вкушать.

Я говорю, что, согласно сказанному в первой главе, это толкование должно быть и буквальным и аллегорическим. Для уразумения же этого надо знать, что писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах³. Первый называется буквальным (и это тот смысл, который не простирается дальше буквального значения вымышленных слов — таковы басни поэтов). Второй называется аллегорическим; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью; так, когда Овидий говорит, что Орфей своей кифарой укрощал зверей⁴ и заставлял деревья и камни к нему приближаться, это означает, что мудрый человек мог бы властью своего голоса укрощать и умирять жестокие сердца и мог бы подчинять своей воле тех, кто не участвует в жизни науки и искусства: а те, кто не обладает разумной жизнью, подобны камням. В предпоследнем трактате будет показано, почему мудрецы прибегали к этому сокровенному изложению мыслей. Правда, богословы понимают этот смысл иначе, чем поэты; но здесь я намерен следовать обычаю поэтов и понимаю аллегорический смысл согласно тому, как им пользуются поэты.

Третий смысл называется моральным, и это тот смысл, который читатели должны внимательно отыскивать в писаниях на пользу себе и своим ученикам. Такой смысл может быть открыт в Евангелии, например, когда рассказывается о том, как Христос вошел на гору, дабы преобразиться, взяв с собою только трех из двенадцати апостолов, что в моральном смысле может быть понято так: в самых сокровенных делах мы должны иметь лишь немногих свидетелей.

Четвертый смысл называется анагогическим, то есть сверх-смыслом или духовным объяснением писания; он остается (истинным) также и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе... (II, 1).

ТРЕТЬЯ КАНЦОНА.

(О БЛАГОРОДСТВЕ.)

Стихов любви во мне слабеет сила,
Их звуки забываю
Не потому, что вновь не уповаю
Найти певучий строй,
Но я затем в молчанье пребываю,
Что дама преградила
Мою стезю и строгостью смутила
Язык привычный мой⁵.
Настало время путь избрать иной.
Оставлю стиль и сладостный и новый,
Которым о любви я говорил.
Чтоб я не утаил,
В чем благородства вечные основы,
Пусть будут рифм оковы
Изысканны, отточены, суровы.
Богатство — благородства не причина,
А подлая личина.
Призвав Амора, песню я сложил.
В очах он дамы скрыт; лишь им полна,
В саму себя влюбляется она.
Того, кто правил царством, знаю мнение⁶:
Богатство порождает
Издревле знатность, их сопровождает
Изящных нравов цвет.
Иной же благородство утверждает
Не в добром поведении,
А только в прадедов приобретенье —
В нем благородства нет!
Кто злато мерит древностию лет,
Богатство благородством почитая,
Тот заблуждается еще сильней.
Но в памяти людей
Укоренилась эта мысль простая.
Так ложных мыслей стая
Летит. Себя отменнейшим считая,
Вот некто говорит: «Мой дед был славен,
Кто знатностью мне равен?»
А поглядишь — так нет его подлей,
Для истины давно он глух и слеп;
Как мертвеца, его поглотит склеп.

.

Ошибку императора не скрою:
 Неверно, что порода
 Важней всего, затем богатство рода
 (Так он сказать хотел).
 Богатство — благородства не предел,
 Не уменьшает и не умножает
 Его, затем, что низменно оно.
 То примет полотно,
 Во что себя художник превращает.
 И башню не сгибает
 Река, что издалека протекает.
 Богатства подлы низкие желанья,
 Но где предел стяжанья?
 Все золотое манит нас руно.
 Дух истиннолюбивый и прямой
 Все тот же и с мошною и с сумой.
 «Не стать мужлану мужем благородным —
 Его отец не знатен», —
 Твердят всечасно. Этот взгляд превратен.
 Вступают люди в спор
 Сами с собой, но смысл им не понятен.
 Им кажется природным,
 Что только время делает свободным
 И знатым. Этот вздор
 С упрямством защищают до сих пор...

Где добродетель, там и благородство.
 (Обратный ход неверен!)
 Так, — где звезда, там небо, но безмерен
 Без звезд простор небес.

И чтоб никто не смог
 Наследным благородством возгордиться
 (Как если б воплотиться
 Полубожественный в нем дух стремится!) —
 Скажу, что благородство нам дарует
 Лишь бог, и тот ликует,
 Дары приняв, кто низость превозмог,
 Но семена бросает божество
 Лишь в гармоническое существо...

(трактат IV)

ПИСЬМО ¹.

(ФЛОРЕНТИЙСКОМУ ДРУГУ.)

Внимательно изучив ваши письма, встреченные мною и с добавляющим почтением и с чувством признательности, я с благодарностью душевной понял, как заботитесь вы и печетесь о моем возвращении на родину. И я почувствовал себя обязанным вам настолько, насколько редко случается изгнанникам найти друзей. Однако, если ответ мой на ваши письма окажется не таким, каким его желало бы видеть малодушие некоторых людей, любезно прошу вас тщательно его обдумать и внимательно изучить прежде, чем составить о нем окончательное суждение.

Благодаря письмам вашего и моего племянника и многих друзей, вот что дошло до меня в связи с недавно вышедшим во Флоренции декретом о прощении изгнанников: я мог бы быть прощен и хоть сейчас вернуться на родину, если бы пожелал уплатить некоторую сумму денег и согласился подвергнуться позорной церемонии. По правде говоря, отче, и то и другое смехотворно и недостаточно продумано; я хочу сказать, недостаточно продумано теми, кто сообщил мне об этом, тогда как ваши письма, составленные более осторожно и осмотрительно, не содержали ничего подобного.

Таковы, выходит, милостивые условия, на которых Данте Алигieri приглашают вернуться на родину, после того как он почти добрых три пятилетия промаялся в изгнании? Выходит, этого заслужил тот, чья невинность очевидна всему миру? Это ли награда за усердие и непрерывные усилия, приложенные им к наукам? Да не испытывает сердце человека, породнившегося с философией, столь противного разуму унижения, чтобы, по примеру Чоло² и других гнусных злодеев, пойти на искупление позором, как будто он какой-нибудь преступник! Да не будет того, чтобы человек, ратующий за справедливость, испытав на себе зло, платил дань, как людям достойным, тем, кто свершил над ним беззаконие!

Нет, отче, это не путь к возвращению на родину. Но если сначала вы, а потом другие найдете иной путь, приемлемый для славы и чести Данте, я поспешу ступить на него. И если ни один из таких путей не ведет во Флоренцию, значит, во Флоренцию я не войду никогда! Что делать? Разве не смогу я в любом другом месте наслаждаться созерцанием солнца и звезд? Разве я не смогу под любым небом размышлять над сладчайшими истинами, если сначала не вернусь во Флоренцию, униженный, более того — обесчещенный в глазах моих сограждан? И, конечно, я не останусь без куска хлеба!

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.

Известно, как высоко Карл Маркс ценил автора «Божественной комедии». По свидетельству В. Либкнехта, Маркс в кругу друзей «декламировал длинные выдержки из «Божественной комедии», которую почти всю знал наизусть». «Колоссальной фигурой» назвал творца «Божественной комедии» Фридрих Энгельс. Зато реакционные круги, и прежде всего силы католической реакции, с давних пор обрушивались на Данте. Особенно ожесточенным было преследование поэта со стороны иезуитов, которые никогда не могли простить Данте его критического отношения к папской курии, его смелых, независимых взглядов на католическую церковь. По словам Стендаля, эта независимость взглядов Данте «всегда была пугалом для римского двора и иезуитов, самых искусных его защитников» («Письмо из Рима о современной итальянской литературе», 1825). Правда, в «Божественной комедии» еще весьма отчетливо проступают типично средневековые воззрения и поэтические мотивы. Из средневековой духовной литературы Данте, например, заимствовал жанр «видения» (ср. «Видение Тнугдала», раздел «Латинская литература») с его основными композиционными элементами: введением, характеризующим обстановку «видения», и последовательным прохождением через Ад, Чистилище и Рай. Однако под пером Данте традиционное «видение» приобрело совсем новый смысл, превратившись в мощное орудие политической и антипапской сатиры, в грандиозную эпическую поэму, которой уже ближайшее поколение дало наименование «Божественной».

АД.

Песнь первая.

- 1 Земную жизнь пройдя до половины¹,
Я очутился в сумрачном лесу²,
Утратив правый путь во тьме долины.
- 4 Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!
- 7 Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.
- 10 Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

«Ад», песнь I (поэт в темном лесу, явление трех зверей, приход Вергилия).
Рисунок итальянского художника XV в. Сандро Боттичелли.

- 13 Но, к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,
- 16 Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной³,
Уже на плечи горные сошел.
- 19 Тогда вздохнула более свободно
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.
- 22 И словно тот, кто, тяжело дыша,
Из моря спасся, и достигнув берега,
Глядит назад, где волны бьют, страша,
- 25 Так и мой дух, еще в смятенье бега,
Вспять обернулся, озирая путь,
Где, кроме смерти, смертным нет ночлега.
- 28 Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

- 31 И вот, внизу крутого косогора, —
Проворная и вьющаяся рысь⁴,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.
- 34 Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз от хищницы опасной
Возвратным следом помышлял спастись.
- 37 Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный
- 40 Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь
- 43 При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с поднятой гривой.
- 46 Он наступил как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепenea.
- 49 И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.
- 52 Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.
- 55 И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,
- 58 Так я скорбед и отступал назад,
За шагом шаг, волчицей неумной
Теснимый в глуби, где лучи молчат.
- 61 Пока к долине я свергался темной,
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный⁵.
- 64 Его узрев среди пустыни той,
«Спаси, — воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»

- 67 Он отвечал: «Не человек, я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.
- 70 Рожден sub Julio^a, хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтит народ.
- 73 Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза^b отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью.
- 76 Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»
- 79 «Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
Ответил я, склоняя лик смущенный. —
- 82 О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Которые к тебе меня влекли!
- 85 Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный стиль, везде перевозносимый.
- 88 Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»
- 91 «Ты должен выбрать новую дорогу, —
Он отвечал мне, увидав мой страх, —
И к дикому не возвращаться логу;
- 94 Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;
- 97 Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая.

^a Под властью Юлия Цезаря.

^b Анхизов сын — Эней.

- 100 Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пес^б, и кончится она.
- 103 Не персть вкусит он, не металл двусплавный^а
Но добродетель, мудрость и любовь,
Меж войлоком и войлоком державный^г.
- 106 Италию он возвеличит вновь,
Которой в жертву юная Камилла^б,
Нис, Эвриал и Турн^в излили кровь.
- 109 Свой бег волчица где бы ни стремилась,
Ее нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищную взманила.
- 112 И я тебе скажу в свою череду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу^б,
- 115 И ты услышишь вопли иступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;
- 118 Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.
- 121 Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет^г:
С ней ты пойдешь, а мы должны проститься;
- 124 Затем, что повелитель тех высот^б
Через меня, врага его устава,
Вступить другим в свой город не дает.
- 127 Он всюду царь, но там его держава;
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!

^а Метафора, означающая: «Не деньги и не поместья влекут Пса».

^б Камилла — дочь царя вольсков, дева-воительница. О гибели ее в битве с завоевателями Италии рассказывает «Энеида».

^в Турн — сын царя рутульского, павший при защите Италии от завоевателей-троянцев; Эвриал и Нис — троянцы, павшие при завоевании Италии. Все это — действующие лица «Энеиды».

^г Беатриче.

- 130 «О мой поэт,— ему я речь повел,—
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,
133 Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кого ты этой скорби предал».
- 136 Он двинулся, и я ему вослед ¹⁰.

Песнь третья.

- 1 «Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу туда, где вечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
- 4 Был правдою мой зодчий вдохновен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первую любовью сотворен.
- 7 Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья».
- 10 Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета ¹¹,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».
- 13 Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.
- 16 Я, как сказал, привел тебя туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда».
- 19 Взяв руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И обернув ко мне веселый лик,
Он ввел меня в таинственные сени.
- 22 Там вздохи, плач и исступленный крик
В беззвездной тьме звучали так ужасно,
Что поначалу я в слезах поник.
- 25 Смесь всех наречий, говор многогласный,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и вошь, и хрип неясный

- 28 Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.
- 31 И я, с главою, ужасом стесненной:
«Чей это крик? — едва спросить посмел, —
Какой толпы, страданьем побежденной?»
- 34 И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.
- 37 И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.
- 40 Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина» ¹².
- 43 И я: «Учитель, что их так терзает
И понуждает к жалобам таким?»
А он: «Ответ недолгий подobaет.
- 46 И смертный час для них недостижим,
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.
- 49 Их память на земле невоскресима,
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»
- 52 И я, взглянув, увидел стяг вдали^а,
Бежавший кругом, словно злая сила
Гнала его в крутящейся пыли;
- 55 А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих поглотила.
- 58 Признав иных ¹³, я, посмотрев кругом,
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем ¹⁴.

^а Речь идет о знаменах, брошенных трусами в битвах.

- 61 И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, которых не возьмут
Ни бог, ни супостаты божьей воли.
- 64 Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.
- 67 Кровь, между слез, с их лиц текла струями,
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.
- 70 Взглянув подальше, я толпу людей
Увидел у широкого потока.
«Учитель, — я сказал, — тебе ясней,
- 73 Кто эти там и власть какого рока
Их словно гонит и теснит к волнам,
Как может показаться издадека?»
- 76 И он ответил: «Ты увидишь сам,
Когда мы шаг приблизим к Ахерону
И подойдем к печальным берегам».
- 79 Смущенный взор склонив к земному лону,
Боясь докучным быть, я шел вперед,
Безмолвствуя, к береговому склону.
- 82 И вот в ладье навстречу нам плывет
Старик, поросший древней сединою,
Крича, «О, горе вам, проклятый род!
- 85 Забудьте небо, встретившись со мною!
В моей ладье готовьтесь переплыть
К извечной тьме, и холоду, и зною.
- 88 А ты уйди, тебе нельзя тут быть,
Живой душе, средь мертвых!» И добавил,
Чтобы меня от прочих отстранить:
- 91 «Ты не туда свои шаги направил:
Челнок полегче должен ты найти,
Чтобы тебя он к пристани доставил».
- 94 А вождь ему: «Харон, гнев укроти.
Так хочет некто, от тебя сокрытый,
Кто может все. И речи прекрати».

- 97 Тут замерли шерстистые ланиты
У кормщика, но были злы зрачки,
Пылающими кольцами обвиты.
- 100 Нагие души жались у реки,
Вняв приговор, не знающий изъятья;
Стуча зубами, бледны от тоски,
- 103 Они кричали господу проклятья,
Хулили род людской, и день, и час,
И край, и семя своего зачатья.
- 106 Потом, рыдая, двинулись зараз
К реке, чьи волны, в муках безутешных,
Увидят все, в ком божий страх угас.
- 109 И бес Харон сзывает стаю грешных,
Вращая взор, как уголья в золе,
И гонит их, и бьет веслом неспешных.
- 112 Как листья сыплются в осенней мгле,
За строем строй, и ясень оголенный
Свои одежды видит на земле, —
- 115 Так сев Адама, на беду рожденный,
Кидался вниз, один, за ним другой,
Подобно птице, в сети приманенной.
- 118 И вот плывут над темной глубиной;
Но не успели кончить переправы,
Как новый сонм собрался над рекой.
- 121 «Мой сын, — сказал учитель величавый, —
Все те, кто умер, бога прогневав,
Спешат сюда, все страны и державы;
- 124 И минуту реку всякий тороплив,
Так утесненный правосудьем бога,
Что самый страх преображен в призыв.
- 127 Для добрых душ другая есть дорога;
И ты поймешь, что разумел Харон,
Когда с тобою говорил так строго».
- 130 Чуть он умолк, простор со всех сторон
Сотрясся так, что, в страхе вспоминая,
Я и поныне потом орошен.

- 133 Дохнула ветром глубина земная,
Пустыня скорби вспыхнула кругом,
Багровым блеском чувства ослепляя;
- 136 И я упал, как тот, кто схвачен сном.

Песнь четвертая¹⁵.

-
- 67 И в области, невядале отстоящей
От места сна, предстал моим глазам
Огонь, под полушарьем тьмы горящий.
- 70 Хотя этот свет и не был близок к нам,
Я видеть мог, что некий многочестный
И выспий сонм уединился там.
- 73 «Искусств и знаний образец всеместный,
Скажи, кто эти, не в пример другим
Почтенные среди толпы окрестной?»
- 76 И он ответил: «Именем своим
Они гремят земле, и слава эта
Угодна небу, благостному к ним».
- 79 «Почтите высочайшего поэта! —
Раздался в это время чей-то зов, —
Вот тень его подходит к месту света».
- 82 И я увидел, после этих слов,
Что четверо к нам держат шаг державный;
Их облик был ни весел, ни суров.
- 85 И так мне начал мой учитель славный:
«Смотри: ты видишь? Сединой венчан,
С мечом в руке, и впереди, как главный,
- 88 Идет Гомер, глава певцов всех стран;
Второй — Гораций, бичевавший нравы;
Овидий — третий и за ним — Лука^а.
- 91 Нас связывает титул величавый,
Здесь прозвучавший, чуть я подошел;
Почтив его, они, конечно, правы».

^а Лукан — римский поэт I в. н. э.

- 94 Так я узрел славнейшую из школ,
Чьи песнопенья вознеслись над светом
И реют над другими, как орел.
- 97 Мой вождь их встретил, и ко мне с приветом
Семья певцов приблизилась сама;
Учитель улыбнулся мне при этом.
- 100 И эта честь умножилась весьма,
Когда я приобщен был к их собору
И стал шестым средь столького ума.
- 103 Мы шли к лучам, предавшись разговору,
Который лишний здесь и в этот миг,
Насколько там он к месту был и в пору.
- 106 Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Кругом бежал приветливый родник.
- 109 Мы, как земель, прошли его волнами:
Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
Зеленый луг открылся перед нами.
- 112 Там были люди с важностью чела,
С неторопливым и спокойным взглядом;
Их речь звучна и медленна была.
- 115 Мы поднялись на холм, который рядом,
В открытом месте, светел, величав,
Господствовал над этим свежим садом.
- 118 На зеленеющей финифти трав
Предстали взорам доблестные тени,
И я ликую сердцем, их видав.
- 121 Я зрел Электру^а в сонме поколений,
Меж коих были Гектор, и Эней,
И хищноокий Цезарь, друг сражений.

^а *Электра* — не дочь Агамемнона, а дочь Атланта, супруга Аталана, легендарного основателя Флоренции, и мать Дарлана, основателя Трои. Поэтому она и окружена троянцами и римлянами, т. е. предками итальянцев, по воззрениям современников Данте.

- 124 Пентесилея и Камилла^а с ней
Сидели возле, и с отцом — Лавина^б;
Брут, первый консул, был в кругу теней^в;
- 127 Дочь Цезаря, супруга Коллатина,
И Гракхов мать, и та, чей муж Катон^г;
Поодаль я заметил Саладина^д.
- 130 Потом, взглянув на невысокий склон,
Я увидал: учитель тех, кто знает^е,
Семьей мудролюбивой окружен.
- 133 К нему Сократ всех ближе восседает
И с ним Платон; весь сонм всеведца чтит;
Здесь тот, кто мир случайным полагает,
- 136 Философ знаменитый Демокрит^ж;
Здесь Диоген, Фалес с Анаксатором,
Зенон, и Эмпедокл, и Гераклит^з;

^а Пентесилея — царица амазонок, сражавшаяся и павшая за Трою. Камилла — см. примечания к стиху 107 песни 1.

^б Лавина (Лавиния) — дочь Латина, царя Лациума, жена Энея, героя «Энеиды».

^в Луций Юний Брут изгнал, согласно римским преданиям, последнего царя Рима — Секста Тарквиния.

^г Дочь Цезаря — Юлия, супруга Помпея, супруга Коллатина — Лукреция, обещанная Тарквинием и убившая себя; мать Гракхов — Корнелия; супруга Катона Утического — Марция. Этот перечень великих мужей и жен древности типичен для исторических представлений средневекового ученого: в нем фигурируют и исторические личности, и легендарные фигуры и образы, порожденные фантазией отдельных поэтов древности. Все они для Данте одинаково достоверны.

^д Саладин — султан египетский и сирийский, доблестный противник крестоносцев (1137—1193).

^е Аристотель, особо почитавшийся средневековьем.

^ж По учению греческого философа Демокрита Абдерского (V в. до н. э.), мир возник из случайного сцепления атомов.

^з Диоген — греческий философ (V в. до н. э.), основатель школы киников;

Фалес Милетский — один из семи мудрецов Греции, основатель натур-философии (VI в. до н. э.);

Анаксатор Афинский — друг Перикла (V в. до н. э.), представитель атомизма;

Зенон (V в. до н. э.) — важнейший из философов-элеатов;

Эмпедокл Агравантский — вождь восставшего против аристократической власти народа (V в. до н. э.), сторонник философии элеатов, установивший некоторые из основных положений диалектики;

Гераклит Эфесский — греческий философ (VI в. до н. э.), основоположник диалектики.

- 139 Диоскорид, прославленный разбором
Целебных качеств; Сенека, Орфей,
Лин, Туллий^a; дальше представляли взорам
- 142 Там — геометр Евклид, там — Птолемей,
Там — Гиппократ, Гален и Авиценна,
Аверроэс, толковник новых дней^b.
- 145 Я всех назвать не в силах поименно;
Мне нужно быстро молвить обо всем,
И часто речь моя несовершенна.
- 148 Синклит шести распался, мы вдвоем;
Из тихой сени в воздух потрясенный
Уже иным мы движемся путем,
- 151 И я — во тьме, ничем не озаренной.

Песнь пятая¹⁶.

- 25
И вот я слышу в воздухе разлитый
Далекий стон; вот я пришел туда,
Где от плачевных звуков нет защиты.
- 28 Я там, где свет немотствует всегда
И словно воет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.
- 31 То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.
- 34 Когда они стремятся вдоль скалы,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На господу ужасные хулы.
- 37 И понял я, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

^a Диоскорид — греческий врач, писавший о свойствах трав и камней, ядах и противоядиях.

Сенека — римский писатель (I в. н. э.), высоко ценившийся средневековьем; Орфей, Лин — легендарные поэты древней Греции; Туллий — Марк Туллий Цицерон, знаменитый римский оратор (I в. до н. э.).

^b Гиппократ и Гален — знаменитые греческие медики; Авиценна (XI в.) и Аверроэс (XII в.) — таджикский и арабский ученые.

- 40 И как скворцов уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла
- 43 Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Им нет надежды на смягчение мук
Или на миг, овеванный покоем.
- 46 Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, несяся круг
- 49 Теней, гонимых вьюгой необорной;
И я сказал: «Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный?»
- 52 Он отвечал: «Вот первая, взгляни:
Ее державе многие языки
В минувшие покорствовали дни¹.
- 55 Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.
- 58 То Нинова венчанная жена,
Семирамида^а, древняя царица;
Ее земля Султану отдана^б.
- 61 Вот нежной страсти горестная жрица^в,
Которой оскорблен Сихеев^г прах;
Вот Клеопатра^д, грешная блудница.
- 64 А там Елена^е, в тяжких временах
Повинная; Ахилл, гроза сражений,
Любовью ниспровергнутый в боях¹⁷;

^а *Семирамида* — легендарная царица Вавилона; она якобы разрешила кровосмесительные браки и сама вышла замуж за своего сына, которого впоследствии убила.

^б Странами Семирамиды во времена Данте правили турецкие султаны.

^в Речь идет о *Дидоне* — легендарной царице Карфагена, трагическая любовь которой к Энею воспета в «Энеиде».

^г *Сихей* — супруг Дидоны, убитый своим братом.

^д *Клеопатра* — царица Египта (I в. до н. э.), покончившая с собой после поражения при Акциуме своего возлюбленного Марка Антония, соперника Августа Октавиана в мировом владычестве.

^е *Елена* — дочь Леды, супруга Менелая, похищенная царевичем троянским Парисом и послужившая причиной войны ахейцев с троянцами.

- 67 Парис, Тристан», — бесчисленные тени
Мне указал перстом и назвал он,
Погубленные жаждой наслаждений.
- 70 И я, внимая перечень имен
Воителей и жен из уст поэта,
Едва не обмер, скорбью потрясен.
- 73 И начал так: «Я бы хотел ответа
От этих двух, которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта»¹⁸.
- 76 И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет
Поближе к нам; и пусть любовью молит
Их оклик твой; они прервут полет».
- 79 Увидев, что их ветер к нам неволит,
«О души скорби! — я воззвал. — Сюда!
И отзовитесь, если Тот позволит!»
- 82 Как голуби на сладкий зов гнезда,
Несомые одной лишь волей страстной,
Раскинув крылья, мчатся без труда,
- 85 Так и они, паря сквозь мрак ненастный,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливостью властный.
- 88 «О ласковый и благостный живой,
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обогривших кровью мир земной;
- 91 Когда бы нам был другом царь вселенной,
Мы бы молились, чтоб тебя он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.
- 94 И если к нам беседа есть у вас,
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен ветер, как сейчас.
- 97 Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками^а.

^а Франческа родилась в Равенне, которая во времена Данте лежала у самого впадения реки По в море.

- 100 Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца.
- 103 Любовь, любовь велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что он со мной пребыл неразлучным.
- 106 Любовь вдвоем на гибель нас вела;
В Каине^а будет наших дней гаситель.
Такая речь из уст у них текла.
- 109 Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» — спросил учитель.
- 112 Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
Какая нега и мечта какая
Их привела на этот горький путь!»
- 115 Потом, к умолкшим слово обращая,
Сказал: «Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая.
- 118 Но Расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»
- 121 И мне она: «Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи; твой вождь тому порукой.
- 124 Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.
- 127 В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте^б сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.
- 130 Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.

^а *Каина* (от имени библейского Каина-братоубийцы) — одно из отделений девятого круга, где караются братоубийцы.

^б *Ланчелот* (*Ланселот*) — герой романа цикла Круглого стола, самый доблестный из рыцарей короля Артура и возлюбленный королевы Гиневры, супруги своего сеньора.

- 133 Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
- 136 Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом^а!
Никто из нас не дочитал листа».
- 139 Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
- 142 И я упал, как падает мертвец.

Песнь десятая¹⁰.

- 22 «Тосканец, ты, что городом огня
Живым идешь и скромненько стоишь примерно,
Приди сюда и стань вблизи меня.
- 25 Ты, судя по наречию, наверно,
Сын благородной родины моей,
Быть может мной изученной чрезмерно».
- 28 Нежданно грянул звук таких речей
Из некоей могилы; оробело
Я к моему вождю прильнул тесней.
- 31 И он мне: «Что ты смотришь так несмело?
Вглянись, ты видишь: Фарината^б встал.
Вот: все от чресл и выше видно тело».
- 34 Уже я взгляд в лицо ему вперила;
А он, чело и грудь вздымая властно,
Казалось, Ад с презреньем озирает.

^а Галеот — один из героев романов цикла *Круглого стола*, старший друг Ланчелота, помогавший ему во встречах с Гиневрой. Отсюда Галеот (Галеотто) становится обозначением «сводника».

^б Фарината дельи Уберти — знаменитый полководец XIII в., один из вождей гибеллинов, был откровенным атеистом. «Придерживался он мнения Эпикурова, что душа умирает вместе с телом, — говорит о нем Боккаччо, — и посему полагал, что все блаженство человеческое — в радостях сего мира». Принимал участие в битве при Арбии 4 сентября 1260 г., во время которой сосредоточившие свои силы в Сиене гибеллины, поддержанные сицилийским королем Манфредом, разгромили войско гвельфов, с 1250 г. владевших Флоренцией, и овладели городом.

- 37 Меня мой вождь продвинул безопасно
Среди огней, лизавших нам пяты,
И так промолвил: «Говори с ним ясно».
- 40 Когда я стал у поднятой плиты,
В ногах могилы, мертвый, глянув строго,
Спросил надменно: «Чей потомок ты?»²⁰
- 48 Я, повинуюсь, не укрыл ни слога,
Но в точности поведал обо всем;
Тогда он брови изогнул немного,
- 46 Потом сказал: «То был враждебный дом
Мне, всем моим сокровным и клевретам;
Он от меня два раза нес разгром».
- 49 «Хоть изгнаны,— не медлил я ответом,—
Они вернулись вновь со всех сторон;
А вашим счастья нет в искусстве этом»²¹.
- 52 Тут новый призрак, в яме, где и он,
Приподнял подбородок выше края;
Казалось, он коленопреклонен^а.
- 55 Он посмотрел окрест, как бы желая
Увидеть, нет ли спутника со мной;
Но умерла надежда, и, рыдая,
- 58 Он молвил: «Если в этот склеп слепой
Тебя привел твой величавый гений,
Где сын мой? Почему он не с тобой^б?»
- 61 «Не сам собой сошел я в царство теней, —
Ответил я, — и здесь мой вождь стоит;
А Гвидо ваш не чтил его творений^в».
- 64 Его слова и казни самый вид
Мне явственно прочли, кого я встретил,
И отзыв мой был ясен и открыт.
- 67 Вдруг он вскочил, крича: «Как ты ответил?
Он их не чтил? Его уж нет средь нас?
Отрадный свет его очам не светел?»

^а Речь идет о Кавальканте Кавальканти — гвельфе, философе, отце поэта Гвидо Кавальканти.

^б Гвидо был другом Данте.

^в Употребленное Данте прошедшее время «не чтил» заставляет Кавальканте предположить, что сына его нет в живых.

«Ад», песнь X (в середине — Данте с Фаринатой и Кавальканте Кавалькан-
ты; слева — Данте удаляется в печали). Рисунок Сандро Боттичелли.

- 70 И так как мой ответ на этот раз
Недолгое молчанье предваряло,
Он рухнул навзничь и исчез из глаз.
- 73 А тот гордец, чья речь меня призвала
Стать около, недвижим был и тих
И облик свой не изменил нимало.
- 76 «То, — продолжал он снова, — что для них
Искусство это трудным остается²²,
Больнее мне, чем ложе мук моих.
- 79 Но раньше, чем в полсотый раз зажжется²³
Лик госпожи^a, чью волю здесь творят,
Ты сам поймешь, легко ль оно дается.
- 82 Но — в милый мир да обретешь возврат! —
Поведай мне: зачем без снисхожденья
Законы ваши всех моих клеймят?»

^a Лик госпожи — луна, изображаемая как лицо Прозерпины — богини Аида (ада).

- 85 И я на это: «В память истребления,
Окрасившего Арбию в багрец,
У нас во храме так творят моленья».
- 88 Вздохнув в сердцах, он молвил наконец:
«Там был не только я, и в бой едва ли
Шел беспричинно хоть один боец.
- 91 Зато я был один, когда решали
Флоренцию стереть с лица земли;
Я спас ее — при поднятом забрале»²⁴.
- 94 «О если б ваши внуки мир нашли! —
Ответил я. — Но разрешите путы,
Которые мой ум обволокли.
- 97 Как я сужу, пред вами разомкнуты
Скрытые в грядущем времена,
А в настоящем взор ваш полон смуты».
- 100 «Нам только даль отчетливо видна, —
Он отвечал, — как дальнозорким людям²⁵;
Лишь эта ясность нам Вождем дана.
- 103 Что близится, что есть, мы этим трудим
Наш ум напрасно; по чужим вестям
О вашем смертном бытии мы судим.
- 106 Поэтому, как ты поймешь и сам,
Едва замкнется дверь времен грядущих,
Умрет все знание, свойственное нам».
- 109 И я, в скорбях, меня укором жгущих:
«Поведайте упавшему тому,
Что сын его еще среди живущих;
- 112 Я лишь затем не отвечал ему,
Что размышлял, сомнением объятый,
Над тем, что ныне явственно уму».
- 115 Уже меня окликнул мой вожатый;
Я молвил духу, что я речь прерву,
Но знать хочу, кто с ним в земле проклятой.

- 118 И он: «Здесь больше тысячи во рву;
И Фредерик второй лег в яму эту^а,
И кардинал; лишь этих назову^б».
- 121 Тут он исчез; и к древнему поэту
Я двинул шаг, в тревоге от угров,
Ища разгадку темному ответу.
- 124 Мы вдаль пошли; учитель произнес:
«Чем ты смущен? Я это сердцем чую».
И я ему ответил на вопрос.
- 127 «Храни, как слышал, правду роковую
Твоей судьбы», — мне повелел поэт.
Потом он поднял перст: «Но знай другую:
- 130 Когда ты вступишь в благодатный свет
Прекрасных глаз, все видящих правдиво,
Постигнешь путь своих грядущих лет».
- 133 Затем левой он взял неторопливо,
И нас от стен повел пологий скат
К середине круга, в сторону обрыва,
- 136 Откуда тяжкий доносился смрад.

Песнь двенадцатая ²⁶.

- 1 Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое любого бы смутило.
.
- 100 Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повел без прекословий.
Был страшен крик варившихся живьем.

^а Император Фридрих II (1194—1250), внук Барбароссы; обвинялся современниками в эпикурействе; отлучивший Фридриха от церкви противник его папа Иннокентий IV называл императора «еретиком мусульманским, клятвопреступником, богохульником, расточителем времени, гонителем духовенства».

^б Кардинал Оттавиано дельи Убальдини, страстный приверженец гибеллинов, был известен как безбожник и эпикурец; ему приписывали изречение: «Если бы была у меня душа, я погубил бы ее ради гибеллинов».

- 103 Я видел погрузившихся по брови.
Кентавр сказал^а: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови:
- 106 Все, кто насильем осквернил свой сан,
Здесь Александр и Дионисий лютый^б,
Сицилии нанесший много ран;
- 109 Вот этот, с черной шерстью, — пресловутый
Граф Аццолино^г; светлый, рядом с ним, —
Обиццо^г д'Эсте, тот, что в мире смуты
- 112 Родимым сыном истреблен своим^г.
.
- 121 Потом я видел, ниже по теченью,
Других, являвших плечи, грудь, живот;
Иной из них мне был знакомой тенью.
- 124 За пядью пядь спадал волноворот,
И под конец он обжигал лишь ноги;
И здесь мы реку пересекли вброд.
- 127 «Как до сих пор, всю эту часть дорог, —
Сказал кентавр, — мелеет кипяток,
Так, дальше, снова под уклон отлогий
- 130 Уходит дно, и пучится поток,
И, полный круг смыкая там, где стонет
Толпа тиранов, он опять глубок.
- 133 Там под небесным гневом выю клонит
И Аттила, когда-то бич земли,
И Пирр, и Секст^а; там мука слезы гонит,

^а Кентавр Несс, убитый отравленной стрелой Геракла и погубивший его своей хитростью, служит проводником Данте и Вергилия в этом круге.

^б Данте имеет в виду либо Александра — царя Македонского, либо тирана Ферейского. Дионисий — тиран Сиракузский.

^в Аццолино (или Эццолино) ди-Романо — владетель Тревиджи, наместник императора Фридриха II над большей частью Верхней Италии. Был смертельно ранен в битве при Кассано с ломбардцами и умер в плену, сорвав повязки со своих ран (1259 г.).

^г Обиццо I — маркиз Эсте, владетель Феррары, ревностный гвельф и союзник Карла Анжуйского; умер в 1293 г., по слухам удушенный своим сыном и преемником Асто VIII.

^д Пирр — сын Ахилла, убийца Приама. Секст Помпей — сын Помпея, разбойничавший на море и боровшийся против триумвиров.

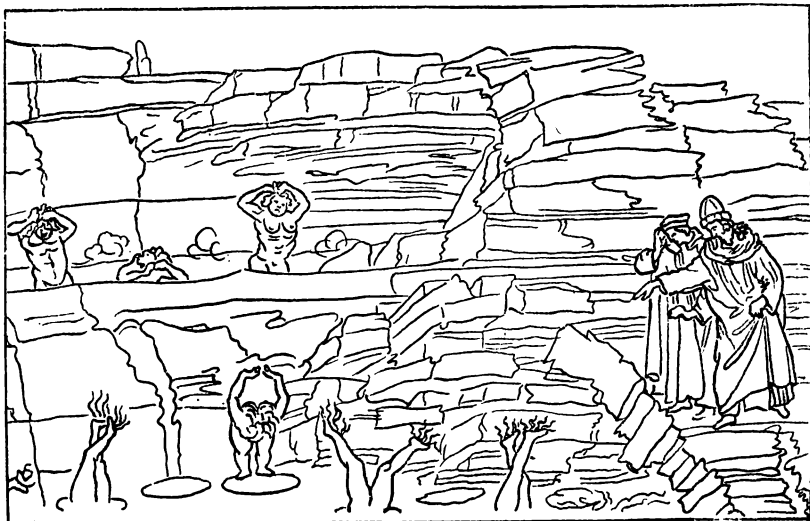
- 136 И вечным плачем лица обожгли
Риньер де'Пацци и Риньер Корнето^а,
Которые такой разбой вели».
- 139 Тут он помчался вспять и скрылся где-то.

Песнь девятнадцатая²⁷.

- 1 О Симон волхв, о присных сонм злосчастный,
Вы, что святыню божью, добра
Невесту чистую, в алчбе ужасной
- 4 Растлили ради злата и сребра,
Теперь о вас, казнимых в третьей щели,
Звенеть трубе назначена пора!
- 7 Уже над новым рвом мы одолели
Горбатый мост и прямо с высоты
На середину впадины смотрели.
- 10 О Высший Разум, как искусен ты
Горé, и долу, и в жерле проклятом
И сколько показуешь правоты!
- 13 Повсюду, и вдоль русла и по скатам,
Я увидел неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом.
- 16 Опи совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где клирики крестьящие стоят^б.
- 19 Я, отрока спасая от страданий,
В недавний год одну из них разбил²⁸:
И вот печать, в защиту от шептаний!
- 22 Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.

^а Риньер де'Пацци из Валь д'Арно — разбойник из знатной фамилии, за убийство епископа отлученный в 1269 г. от церкви папой Климентом IV. Риньер Корнето — разбойник из знатной фамилии, своими грабежами терроризировавший всю Папскую область.

^б Флорентийская крестильня (Battisterio San' Giovanni).

«Ад», песнь XIX. Рисунок Сандро Боттичелли (фрагмент).

- 25 У всех огонь змеился над ступнями;
Все так брыкались, что крепчайший жгут
Порвался бы, не совладав с толчками.
- 28 Как если нечто масляное жгут
И лишь поверхность пламенем задета,—
Так он от пят к ногам скользил и тут.
- 31 «Учитель,— молвил я,— скажи, кто это,
Что корчится всех больше и оброс
Огнем такого пурпурного цвета?»
- 34 И он мне: «Хочешь, чтоб тебя я снес
Вниз, той грядой, которая положе?
Он сам тебе ответит на вопрос».
- 37 И я: «Что хочешь ты, мне мило тоже;
Ты знаешь все, хотя бы я молчал;
Ты господин, чья власть мне всех дороже».
- 40 Тогда мы вышли на четвертый вал
И, влево взяв, спустились в крутоскатый
И дырами зияющий провал.

- 43 Меня не раньше отстранил вожатый
От ребр своих, чем подойдя к тому,
Кто так ногами плакал, в яме сжатый.
- 46 «Кто б ни был ты, поверженный во тьму
Вниз головой и вкопанный, как свая,
Ответь, коль можешь», — молвил я ему.
- 49 Так духовник стоит, исповедая
Казнимого, который вновь зовет
Из-под земли, кончину отдаляя ²⁹.
- 52 «Как, Бонифаций, — отозвался тот ³, —
Ты здесь уже, ты здесь уже так рано?
На много лет, однако, список врет.
- 55 Иль ты устал от роскоши и сана,
Из-за которых лучшую средь жен ⁶,
На муку ей, добыл стезей обмана?»
- 58 Я был как тот, кто словно пристыжен,
Когда ему невнятно возразили,
И, что сказать, не знает и смущен.
- 61 «Скажи ему, — промолвил мне Вергилий, —
Нет, я не тот, не тот, кого ты ждешь».
И я ответил так, как мне внушили.
- 64 Тут грешника заколотила дрожь,
И вздох его и скорбный стон раздался:
«Тогда зачем же ты меня зовешь?
- 67 Когда, чтобы услышать, как я звался,
Ты одолеть решился этот скат,
Знай: я великой ризой облакался,
- 70 Воистину медведицей зачат,
Радея медвежатам, я так жадно
Копил добро, что сам в кошель зажат.

²⁹ Это папа Николай III из знатного рода Орсини (на что намекают
игрой слов: «медведица» — итал. *orso*, стихи 70—72), бывший папой с
1276 по 1280 г. Ему на смену придет папа Бонифаций VIII (умер в 1303 г.).

⁶ Лучшая средь жен — имеется в виду христианская церковь.

- 73 Там, подо мной, набилось их изрядно,
Церковных торгашей, моих предтеч,
Расселинами стиснутых нещадно.
- 76 И мне придется в глубине залечь,
Сменившись тем, кого я по догадке
Сейчас назвал, ведя с тобою речь.
- 79 Но я здесь дольше обжигаю пятки,
И срок ему торчать вот так стремглав,
Сравнительно со мной, назначен краткий;
- 82 Затем что вслед, всех в скверне обогнав,
Придет с заката пастырь без закона^а,
И, нас покрыв, он будет только прав.
- 85 Как в Маккавейских книгах Иасона^б
Лелеял царь, так и к нему щедро
Французская окажется корона».
- 88 Хоть речь моя едва ль была мудра,
Но я слова привел к такому строю:
«Скажи: каких сокровищ от Петра
- 91 Ждал наш господь, прельщен ли был казною,
Когда ключи во власть ему вверял?
Он молвил лишь одно: «Иди за мною».
- 94 И от Матвея золота не ждал
Ни Петр, никто, когда осиротело
То место, что отпавший потерял^в.
- 97 Торчи же здесь; ты платишься за дело;
И крепче деньги грешные храни,
С которыми на Карла шел так смело.
- 100 И если бы я сердцем искони,
И даже здесь, не чтил ключей верховных,
Тебе врученных в радостные дни,

^а На смену Бонифацию VIII придет Климент V (умер в 1314 г.).

^б Иасон купил у царя Антиоха Епифана сан первосвященника, который должен был получить брат его Ония (книга II Маккавеев).

^в Матвей был избран вместо погибшего Иуды Искариота.

- 103 Я бы в речах излился громословных;
Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.
- 106 Вас, пастырей, провидел Иоанн
В той, что воссела на водах со славой
И деет блуд с царями многих стран^а;
- 109 В той, что на свет родилась семиглавой,
Десятирогой и хранила нас,
Пока ее супруг был жизни правой.
- 112 Сребро и золото — ныне бог для вас;
И даже те, кто молится кумиру,
Чтят одного, вы чтите сто зараз.
- 115 О Константин, каким злосчастьем миру
Не к истине приход твой был чреват,
А этот дар твой пастырю и клиру!»^б
- 118 Пока я пел ему на этот лад,
Он, совестью иль гневом уязвленный,
Не унимал лежающихся пят.
- 121 А вождь глядел с улыбкой благосклонной,
Как бы довольный тем, что так правдив
Звук этой речи, мной произнесенной.

Песнь двадцать шестая³⁰.

- 1 Гордись, Фьоренца^в, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!
- 4 Я пять таких в собрание воровском
Нашел сограждан, что могу стыдиться,
Да и тебе немного чести в том.

^а Образ из «Апокалипсиса», церковной традицией приписываемого евангелисту Иоанну.

^б Как все средневековые, Данте верил в подлинность Константинова дара, якобы препоручившего папе светскую власть.

^в Флоренция.

- 7 Но если нам под утро правда снится,
Ты ощутишь в один из близких дней,
К чему и Прато^а, как и все, стремиться;
- 10 Поэтому — тем лучше, чем скорей;
Раз быть должно, так пусть бы миновало!
Со временем мне было бы больней.
- 13 По выступаю, которые сначала
Вели нас вниз, поднялся спутник мой,
И я, влекомый им, взмошел устало;
- 16 И дальше, одинокою тропой
Меж трещин и камней хребта крутого,
Нога не шла, не подсобясь рукой.
- 19 Тогда страдал я и страдаю снова,
Когда припомню то, что я видал;
И взнуздываю ум сильнее былого,
- 22 Чтоб он без добрых правил не блуждал,
И то, что мне дала звезда благая
Иль кто-то лучший, сам я не поправ.

Песнь двадцать восьмая.

- 1
Кто мог бы, даже вольными словами,
Поведать, сколько б он ни повторял,
Всю кровь и раны, виденные нами?
- 4 Любой язык, наверно, бы сплошал:
Объем рассудка нашего и речи,
Чтобы вместить так много, слишком мал.
- 7 Когда бы вновь сошлись, в крови увечий,
Все те, кто в роком избранной стране
Пулийцев изнемог на поле сечи
- 10 От рук троян и в длительной войне,
Перстнями заплатившей дань гордыне,
Как пишет Ливий, истинный вполне;

^а *Прато* — соседний с Флоренцией город, уже подчиненный ей, но не переставший враждовать с ней и ждущий ее крушения.

- 13 И те, кто тщился дать отпор дружине,
Которую привел Робер Гискар,
И те, чьи кости отрывают ныне
- 16 Близ Чеперано, где их ждал удар
Предательства, и те, кого лукавый
У Тальякоццо одолел Алар³¹
- 19 И кто култыгу, кто разруб кровавый
Казать бы стал, — их превзойдет в стократ
Девятый ров чудовищной расправой.
.
- 103 И тут другой, увечный безобразно,
Подняв остатки рук в окрестной мгле,
Так что лицо от крови стало грязно,
- 106 Вскричал: «И Моску^а вспомни в том числе,
Сказавшего: «Кто кончил — дело справил»;
Он злой посев принес родной земле».
- 109 «И смерть твоим потомкам!» — я добавил;
Боль болью множа, он в тоске побрел,
Как если б здоровый ум его оставил.
- 112 А я смотрел на многолюдный дол
И видел столь немыслимое дело,
Что речь о нем я вряд ли бы повел,
- 115 Когда бы так не совесть мне велела,
Подруга, ободряющая нас
В кольчугу правды облекаться смело.
- 118 Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,
- 121 И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.
- 124 Он сам себе светил, и было два
В одном, единый в образе двойного,
Как — знает Тот, чья истина права.

^а Моска Ламберги — деятельный участник распрей между знатными родами Флоренции.

- 127 Остановясь у свода мостового,
Он кверху руку с головой простер,
Чтобы ко мне свое приблизить слово
- 130 Такое вот: «Склони к мученьям взор,
Ты, что меж мертвых дышишь невозбранно!
Тягчайших ты не видел до сих пор!
- 133 И, если весть и обо мне желанна,
Знай, я Бертран де Борн^а, тот, что в былом
Учил дурному короля Иоанна.
- 136 Я брань воздвиг меж сыном и отцом:
Не так Ахитофеловым советом
Давид был ранен и Авессалом^б.
- 139 Я связь родства расторг пред целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обручке этом:
- 142 И я, как все, возмездья не избеж».

Песнь тридцать вторая³².

- 1 Когда б мой стих был хриплый и скрипучий,
Как требует зловещее жерло,
Куда спадают все другие кручи,
- 4 Мне б это крепче выжать помогло
Сок замысла; но здесь мой слог некстати,
И речь вести мне будет тяжело;
.
- 22 Я увидел, взглянув по сторонам,
Что подо мною озеро, от стужи
Подобное стеклу, а не волнам,
- 25 В разгар зимы не облечен снаружи
Таким покровом в Австрии Дунай,
И дальний Танаис^в твердеет хуже;

^а *Бертран де Борн* — знаменитый провансальский трубадур.

^б *Авессалом* — сын библейского царя Давида, восстал против отца, подстрекаемый к тому советником Давида Ахитофелем.

^в *Танаис* — Дон.

- 28 Когда бы Тамбернику^а невзначай
Иль Пьетрапане^б дать сюда свалиться,
У озера не хрустнул бы и край.
- 31 И как лягушка выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда,
Когда жнее страда и ночью снится,
- 34 Так, вмерзши до таилища стыда
И щелкая, как аисты, зубами,
Синели души грешных изо льда.
- 37 Свое лицо они склоняли сами,
Свидетельствуя в облике таком
О стуже — ртом, о горести — глазами.
.
- 70 Потом я видел сотни лиц во льду,
Подобных песьим мордам; и доныне
Страх у меня к замерзшему пруду.
.
- 124 Мы отошли, и тут глазам моим
Предстали двое, в яме леденя;
Один, как шапкой, был накрыт другим.
- 127 Как хлеб грызет голодный, стервенея,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея.
- 130 И сам Тидей не яростней глодал
Лоб Меналиппа, в час перед кончиной,
Чем этот призрак череп пожирал³³.
- 133 «Ты, одержимый злобою звериной
К тому, кого ты истерзал, жуя,
Скажи, — промолвил я, — что ей причиной.
- 136 И если праведна вражда твоя,
Узнав, кто вы и чем ты так обижен,
Тебе на свете послужу и я,
- 139 Пока не станет мой язык недвижим».

^а Тамберник — гора в Славонии, в области Тамбернико;

^б Пьетрапане — гора около города Лукка.

Песнь тридцать третья.

- 1 Подняв уста от мерзостного брашна^а,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно,
- 4 И начал так: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь бремя;
Не только речь, и мысль о них гнетет.
- 7 Но если слово прорастет, как семя,
Хулой врагу, которого гложу,
Я рад вещать и плакать в то же время.
- 10 Не знаю, кто ты, как прошел между
Печальных стран, откуда нет возврата,
Но ты тосканец, как на слух сужу.
- 13 Я графом Уголино был когда-то³⁴,
Архиепископом Руджери — он;
Недаром здесь мы ближе, чем два брата.
- 16 Что я злодейски был им обойден,
Ему доверясь, заточен как пленник,
Потом убит, — известно испокон;
- 19 Но ни один не ведал современник
Про то, как смерть моя была страшна.
Внемли и знай, что сделал мой изменник.
- 22 В отверстие клетки — с той поры она
Голодной Башней называться стала,
И многим в ней неволя суждена —
- 25 Я новых лун перевидал немало^б,
Когда зловещий сон меня потряс,
Грядущего разверзши покрывало.
- 28 Он с ловчими — так снилось мне в тот час —
Гнал волка и волчат от их стоянки
К холму, что Лукку заслонил от нас;
- 31 Усердных псиц задорил дух приманки,
А головными впереди неслись
Гваланди, и Сисмонди, и Ланфранки^в.

^а *Брашно* (древнерусск.) — еда.

^б Уголино с детьми и внуками пробыл в заточении в башне Гваланди около семи месяцев.

^в Три знатных гибеллинских рода в Пизе.

«Ад», песнь XXXIV (три лика Сатаны). Фрагмент рисунка Сандро Боттичелли.

- 34 Отцу и детям было не спастись:
Охотникам досталась их потреба,
И в ребра зубы острые впились.
- 37 Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услышал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.
- 40 Когда без слез ты слушаешь о том,
Что этим стоном сердцу возвещалось, —
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?
- 43 Они проснулись; время приближалось,
Когда тюремщик пищу подает,
И сердце в каждом от предвестья сжалось.
- 46 И вот, я слышу, забивают вход
Ужасной башни; я глядел, застылый,
На сыновей; я чувствовал, что вот —
- 49 Я каменею, и стонать нет силы;
Стонали дети; Ансельмуччо мой
Спросил: «Отец, что ты так смотришь, милый?»

- 52 Но я не плакал; молча, как немой,
Провел весь день и ночь, пока денница
Не вышла с новым солнцем в мир земной.
- 55 Когда луча ничтожная частица
Проникла в скорбный склеп и я открыл,
Каков я сам, взглянув на эти лица, —
- 58 Себе я пальцы в муке укусил.
Им думалось, что это голод нудит
Меня кусать; и каждый, встав, просил:
- 61 «Отец, ешь нас, нам это легче будет;
Ты дал нам эти жалкие тела, —
Возьми их сам; так справедливость судит».
- 64 Но я утих, чтоб им не делать зла.
В безмолвье день, за ним другой промчался.
Зачем, земля, ты нас не пожрала!
- 67 Настал четвертый. Гаддо зашатался
И бросился к моим ногам, стения:
«Отец, да помоги же!» — и скончался.
- 70 И я, как ты здесь смотришь на меня,
Смотрел, как трое пали друг за другом,
От пятого и до шестого дня.
- 73 Уже слепой, я щупал их с испугом,
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом».
- 76 Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая,
Как у собаки, крепкие клыки.
- 79 О Пиза, стыд пленительного края,
Где раздается *si!*³⁵ Коль медлит суд
Твоих соседей, — пусть, тебя карая,
- 82 Капрара и Горгона^а с мест сойдут
И устье Арно заградят заставой,
Чтоб утомул весь твой бесчестный люд!

(Пройдя круг изменников, Данте видит самого Князя Тьмы.)

^а Капрара — остров при впадении Арно в море; Горгона — остров в Тиренском море.

Песнь тридцать четвертая.

- 28 Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,
- 31 Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.
- 34 О, если веки он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!
- 37 И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно — над грудью; цвет его был красен;
- 40 А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
И все они смыкались под хохлом.
- 43 Лицо направо — бело-желтым было,
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила³⁶.
- 46 Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.
- 49 Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,
- 52 Струи Коцита леденя до дна.
Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.
- 55 Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.
- 58 Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, все одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.

61 «Тот, наверху, страдающий всех хуже, —
Промолвил вождь, — Иуда Искарьот,
Внутрь головой и пятками наруже.

64 А эти — видишь — головой вперед:
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится — и губ неразомкнет!

67 Напротив — Кассий, телом коренастей.
Но наступает ночь; пора и в путь;
Ты видел все, что было в нашей власти».

.

ЧИСТИЛИЩЕ.

(Пройдя Ад, Данте с Вергилием попадают в Чистилище; оно помещается на противоположном земном полушарии, покрытом Великим океаном, и представляет собой остров, на котором возвышается высочайшая гора; гора разделена на семь уступов, или кругов, в каждом из которых происходит очищение от одного из семи смертных грехов: гордости, зависти, гнева, уныния, корыстолюбия, чревоугодия и блуда. Перед вступлением в первый круг путники проходят еще преддверие, пройдя же седьмой круг, они попадают в Земной рай, где Вергилий покидает Данте и где Данте вновь встречается с Беатриче.)

Песнь тридцатая.

.

22 Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,

25 И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око,—

28 Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетавших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,

31 В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.

34 И дух мой,— хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,

- 37 А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведаль обаянье.
- 40 Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие,
- 43 Я глянул влево — с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе, —
- 46 Сказать Вергилию: «Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня бывшего узнаю!»
- 49 Но мой Вергилий в этот миг неожиданный
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.
- 52 Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся, как черный дождь.
- 55 «Дант, оттого, что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».
-
- 70 Но, с царственно вознесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:
- 73 «Взгляни смелей! Да, да, я — Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»
- 76 Глаза к ручью склонил я ^а, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.
- 79 Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневном том:
Горька любовь, когда она сурова.

^а Данте встречает Беатриче на берегу Леты — реки забвения.

- 82 Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes meos» завершив псалом^а.
- 85 Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,
- 88 И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется — то воск огнем спален,—
- 91 Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековых сеней;
- 94 Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!» —
- 97 Лед, сердце мне сжимавший, как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.
- 100 Она, все той же стороны держась
На колеснице, вняв моления эти,
Так, речь начав, на них отзывалась:
- 103 «Вы бодрствуете в вековечном свете;
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;
- 106 И мой ответ скорей тому, кто там
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.
- 109 Не только силой горних крутов, властно
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположение звезд причастно,
- 112 Но милостью божественных щедрот,
Чья дождевая туча так подъята,
Что до нее наш взор не досягнет,

^а Ангелы поют псалом: «На тебя, господи, уповаю», но только первые его девять стихов.

- 115 Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.
- 118 Но тем дичей земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.
- 121 Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.
- 124 Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела,—
Меня покинув, он ушел к другим.
- 127 Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
- 130 Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой.
- 133 Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.
- 136 Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.
- 139 И я ворота мертвых посетила,
Проя, в тоске, чтобы ему помог
Тот^а, чья рука его сюда взводила.
- 142 То было бы нарушить божий рок —
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снедь, не заплатив оброк
- 145 Раскаянья, обильного слезами».

^а Тот — Вергилий, пришедший к Данте как посланец Беатриче.

Песнь тридцать первая.

- 1 «Ты, ставший у священного потока,—
Так, речь ко мне направив острием,
Хоть было уж и лезвие жестоко,
- 4 Она тотчас же начала потом,—
Скажи, скажи, права ли я? Признаний
Мои улики требуют во всем».
- 7 Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.
- 10 Пождав: «Ты что же? — молвила она.—
Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена».
- 13 Страх и смущенье, горше, чем вначале,
Исторгли из меня такое «да»,
Что лишь глаза его бы rozpoзнали.
- 16 Как самострел ломается, когда
Натянут слишком, и полет пологий
Его стрелы не причинит вреда,
- 19 Так я не вынес бремени тревоги,
И ослабевший голос мой затих,
В слезах и вздохах, посреди дороги.
.
- 85 Крапива скорби так меня сжигала,
Что, чем сильнее я что-либо любил,
Тем ненавистней это мне предстало.
- 88 Такой укор мне сердце укусил,
Что я упал; что делалось со мною,
То знает та, кем я повержен был.
- 91 Обретши силы в сердце, над собою
Я увидал сплетавшую венок
И услышал: «Держись, держись рукою!»
- 94 Меня, по горло погрузя в поток,
Она влекла и легкими стопами
Поверх воды скользила, как челнок.

- 97 Когда блаженный берег был над нами,
«Asperges me»^a — так нежно раздалось,
Что мне не вспомнить, не сказать словами.
- 100 Меж тем она, взметнув ладони врозь,
Склонилась надо мной и погрузила
Мне голову, так что глотнуть припилось^б.
- 103 Потом, омытым влагой, поместила
Меж четверых красавиц в хоровод,
И каждая меня рукой укрыла.
- 106 «Мы нимфы — здесь, мы — звезды в тьме высот;
Лик Беатриче не был миру явлен,
Когда служить ей мы пришли вперед.
- 109 Ты будешь нами перед ней поставлен;
Но вникнешь в свет ее отрадных глаз
Среди тех трех, чей взор острей направлен».
.
- 127 Пока, ликующий и изумленный,
Мой дух не мог насытиться едой^в,
Которой алчет голод утоленный,—
- 130 Отмеченные высшей красотой,
Три остальные, распевая хором,
Ко мне свой пляс приблизили святой.
- 133 «Взгляни, о Беатриче, дивным взором
На верного,— звучала песня та,—
Пришедшего по кручам и просторам!
- 136 Даруй нам милость и твои уста
Разоблачи, чтобы твоя вторая
Ему была открыта красота!»
- 139 О света вечного краса живая,
Кто так исчах и побледнел без сна
В тени Парнаса, струй его вкушая,

^a Окропи меня иссоном и буду чист (псалом).

^б *Испить воды Леты* — испить воды забвения.

^в Т. е. лицезрением Беатриче.

- 142 Чтоб мысль его и речь была властна
Изобразить, какою ты явилась,
Гармонией небес осенена,
145 Когда в свободном воздухе открылась?

РАЙ.

(Примираясь с Данте, Беатриче ведет его через девять небесных сфер в эмпирей — «розу света» высших небес — местопребывание божества. Эта часть видения особенно много места уделяет богословской схоластике.)

Песнь первая.

- 1 Лучи того, кто движет мирозданье,
Все проникают славой и струят
Где большее, где — меньшее сиянье ³⁷.
4 Я в тверди был, где свет их восприят
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад;
7 Затем что, близясь к чаемому страстно,
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна.
10 Однако то, что о святой стране
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне.
13 О Аполлон ³⁸, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.
16 Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил ^a.
19 Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела ^b.
22 О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатленной мог,

^a Парнас, как указывает Овидий, имеет две вершины.

^b *Марсий* — фригийский фавн; вызвал Аполлона на состязание в музыкальной игре. Победив его, разгневанный бог содрал с него живого кожу

- 25 Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный.
- 28 Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец,
- 31 Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям^а взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето.
- 34 За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры^б был ответ.
- 37 Встает для смертных разными вратами
Лампада мира^в; но из тех, где слит
Бег четырех кругов с тремя крестами^г.
- 40 По лучшему пути она спешит
И с лучшею звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит.
- 43 Почти из этих врат там утро всплыло,
Здесь вечер пал, и в полушарье том
Все стало белым, здесь все черным было,
- 46 Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нем.
- 49 Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь,—
Скиталец в думах о возврате скором,—
- 52 Так из ее движений родились,
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись.

^а Лавр назван *пенейским* потому, что превращенная богами в лавр нимфа Дафна была дочерью речного бога Пеней.

^б *Кирра* — город у подошвы Парнаса, метонимическое обозначение Аполлона.

^в В разные времена года солнце восходит в разных точках горизонта.

^г Горизонт пересекается с Зодиаком, экватором и равноденственным кругом весной, когда солнце вступает в знак Овна.

- 55 Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу.
- 58 Я выдержал недолго, но и тут
Успел заметить, что оно искрилось,
Как взятый из огня железный прут.
- 61 И вдруг сиянье дня усугубилось,
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось.
- 64 А Беатриче к вечным высотам
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам.
- 67 Я стал таким, в ее теряясь взоре,
Как Главк^а, когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.
- 70 Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт — милость божества.
- 73 Был ли я только тем, что в теле этом
Всего новей, Любовь, господь высот³⁹,
То знаешь ты, чьим я вознесся светом.
- 76 Когда круги — которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, — мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет,
- 79 Я видел — солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали.
- 82 Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.
- 85 Та, что во мне, как я в себе, читала, —
Чтоб мне в моем смятении помочь, —
Скорей, чем я спросил, уста разъяла

^а Главк — сын Полиба, эвбейский рыбак; вкусив чудесной травы, оживлявшей рыб, обратился в морское божество. Об этом рассказывают «Метаморфозы» Овидия.

- 88 И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь.
- 91 Не на земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно»^a.
- 94 Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел,
- 97 И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою».
- 100 Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду взирает мать;
- 103 И начала: «Все в мире неизменный
Связует строй; своим обличьем он
Подобье бога придает вселенной.
- 106 Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон.
- 109 И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Близки или вдали от их причины.
- 112 Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.
- 115 Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.
- 118 Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум и любовь.
- 121 Свет устроительного провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращения.

^a По мнению средневековых ученых, молния исходит из сферы огня.

- 124 Туда, в завещанную высоту,
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мечту.
- 127 И все ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло,—
- 130 Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремление отвести
- 133 (Пример мы видим, пламень наблюдая,
Из туч упавший), если первый взлет
Отклонит книзу суета земная.
- 136 Дивись не больше, это взяв в расчет,
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет.
- 139 То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».
- 142 И вновь лицо подъяла к небесам.

Песнь тридцатая.

- 1 Примерно за шесть тысяч миль пылает
От нас далекий час шестой, и тень
Почти что к плоскости земля склоняет,
- 4 Когда небес, для нас глубинных, сень
Становится такой, что луч напрасный
Часть горних звезд на эту льет ступень;
- 7 По мере приближения прекрасной
Служанки солнца, меркнет глубина
От славы к славе, вплоть до самой ясной,
- 10 Так празднество^а, чьи выются пламена,
Объемля Точку, что меня сразила,
Вмещаемым как будто вмещена,
- 13 За мигом миг свой яркий свет гасило;
Тогда любовь, как только он погас,
Вновь к Беатриче взор мой обратила.

^а Празднество — девять ликующих хоров ангельских.

- 16 Когда б весь прежний мой о ней рассказ
Одна хвала, включив, запечатлела,
Ее бы мало было в этот раз.
- 19 Я красоту увидел, вне предела
Не только смертных; лишь ее творец,
Я думаю, постиг ее всецело.
- 22 Здесь признаю, что я сражен вконец,
Как не бывал сражен своей задачей,
Трагед иль комик, ни один певец;
- 25 Как слабый глаз от солнца, не иначе,
Мысль, вспоминая, что за свет сиял
В улыбке той, становится незрячей.
- 28 С тех пор, как я впервые увидал
Ее лицо здесь на земле, всечасно
За ней я в песнях следом поспевал;
- 31 Но ныне я старался бы напрасно
Вослед ее красе напев вознестъ,
Как тот, чье мастерство уже не властно.
- 34 Такая, как ее объявит весть
Звучней моей трубы, к мете чудесной
Свой тяжкий труд стремящейся привесть:
- 37 «Из наибольшей области телесной,—
Как бодрый вождь, она сказала вновь,—
Мы вознеслись в чистейший свет небесный,
- 40 Умопостижный свет, где все — любовь,
Любовь к добру, дарящая отраду,
Отраду слаще всех, пьянящих кровь.
- 43 Здесь райских войск увидишь ты громаду,
И ту, и эту рать; из них одна
Такой, как в день суда, предстанет взгляду».
- 46 Как вспышкой молнии поражена
Способность зренья, так что и к предметам,
Чей блеск сильнее, бесчувственна она,—
- 49 Так я был осиян ярчайшим светом.
И он столь плотно обволок меня,
Что все исчезло в озаренье этом.

- 52 «Любовь, от века эту твердь храня,
Вот так приветствует, в себя приемля,
И так свечу готовит для огня».
- 55 Еще словам коротким этим внемля,
Я понял, что прилив каких-то сил
Меня возносит, надо мной подъямля;
- 58 Он новым зреньем взор мой озарил,
Таким, что выдержать могло бы око,
Какой бы яркий пламень ни светил.
- 61 И свет предстал мне в образе потока.
Сплошь блестящий и дивною весной
Вдоль берегов расцветченный широко.
- 64 Живые искры, взвившись над рекой,
Садилась на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой;
- 67 И, словно хмель в их запахе впивая,
Вновь погружались в глубь чудесных вод;
И чуть одна нырнет, взлетит другая.
- 70 «Порыв, который мысль твою влечет
Постигнуть то, что пред тобой предстало,
Мне тем милей, чем больше он растет.
- 73 Но надо этих струй испить сначала,
Чтоб столь великой жажды зной утих».
Так солнце глаз моих, начав, сказало;
- 76 И вновь: «Река, топазов огневых
Взлет и паденье, смех травы блаженный —
Лишь смутные предвестья правды их.
- 79 Они не по себе несовершенны,
А это твой же собственный порок,
Затем что слабосилен взор твой бренный».
- 82 Так к молоку не рвется сосунок
Лицом, когда ему порой случится
Проспать намного свой обычный срок,
- 85 Как устремился я, спеша склониться,
Чтоб глаз моих улучшить зеркала,
К воде, дающей в лучшем утвердиться.

- 88 Как только влаги этой испила
Каемка век, река, мне показалось,
Из протяженной сделалась кругла;
- 91 И как лицо, которое скрывалось
Личиною, — чуть ложный вид исчез, —
Становится иным, чем представлялось,
- 94 Так превратились в больший пир чудес
Цветы и огоньки, и я увидел
Воочью оба воинства небес.
- 97 О божий блеск, в чьей славе я увидел
Всеистинной державы торжество,
Дай мне сказать, как я его увидел!
- 100 Есть горний свет, в котором божество
Является очам того творенья,
Чей мир единый — созерцать его;
- 103 Он образует круг, чьи измерения
Настоль огромны, что его обвод
Обвода солнца шире без сравненья.
- 106 Его обличье луч ему дает,
Верх озаряя тверди первобожной,
Чья жизнь и мощь начало в нем берет.
- 109 И как глядится в воду холм прибрежный,
Как будто чтоб увидеть свой наряд,
Цветами убран и травой нежной,
- 112 Так, окружая свет, над рядом ряд, —
А их сверх тысячи, — в нем отразилось
Все, к высотам обретшее возврат.
- 115 Раз в нижний круг такое бы вместилось
Светило, какова же ширина
Всей этой розы, как она раскрылась?
- 118 Взор не смущали глубь и вышина,
И он вбирал весь этот праздник ясный
В количестве и в качестве сполна.
- 121 Там близь и даль давать и брать не властны:
К тому, где бог сам и один царит,
Природные законы непричастны.

«Рай», песнь XXX (живые цветы и рой искр над огненной рекой).
Рисунок Сандро Ботичелли.

- 124 В желть вечной розы, чей цветок раскрыт
И вширь, и ввысь и негой благовонной
Песнь Солнцу вечно вешнему творит,
- 127 Я был введен, — как тот, кто смолк, смущенный, —
Моей владычицей, сказавшей: «Вот
Сонм, в белые одежды облеченный!
- 130 Вгляни, как град наш мощно вокруг идет!
Взгляни, как переполнены ступени
И сколь немногих он отныне ждет!
- 133 А где, в отличие от других сидений,
Лежит венец, твой привлекая глаз,
Там, раньше, чем ты вступишь в эти сени,
- 136 Воссядет дух державного средь вас
Арриго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час^а.
- 139 Так одуряет вас корысть слепая,
Что вы — как новорожденный в беде,
Который чахнет, мамку прочь толкая.

^а Император Генрих VII (Люксембургский), избранный в 1308 г.

- 142 В те дни воссядет в божием суде
Такой, кто въявь и втайне будет занят
Тем, чтобы путь их розно шел везде^а.
- 145 Но бог его терпеть недолго станет
В священном сани вслед за тем, и он
Туда, где Симон волхв казнится, канет;
- 148 И будет вглубь Аланец оттеснен⁴⁰.

Песнь тридцать третья.

-
- 55 И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий.
- 58 Как человек, который видит сон
И после сна хранит его волнение,
А остального самый след сметен,
- 61 Таков и я; во мне мое виденье
Чуть теплится, но нега все жива
И сердцу источает наслаждение;
- 64 Так топит снег лучами синева;
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова^б.
- 67 О вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною
- 70 И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!
- 73 В моем уме ожив, как отсвет бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный.

^а Климент V, бывший папой с 1305 по 1314 г.

^б Сибилла — прорицательница Кумская; по описанию «Энеиды» Вергилия, она наносила имена и знаки на листья, которые часто приводил в беспорядок ветер.

- 76 Свет был так резок, зренья не мрача,
Что, думаю, меня бы ослепило,
Когда я взор отвел бы от луча.
- 79 Меня, я помню, это окрылило,
И я глядел, доколе в вышине
Не вскрылась Нескончаемая Сила.
- 82 О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!
- 85 Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:
- 88 Суть и случайность, связь их и дела,
Все — слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя, как сумерки, тускла.
- 91 Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,
Так говоря, огромность ликованья.
- 94 Единый миг мне большей бездной стал,
Чем двадцать пять веков — затее смелой,
Когда Нептун тень Арго увидал ⁴¹.
- 97 Так разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален, и недвижим,
И созерцанием опламенелый.
- 100 В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;
- 103 Затем что все, что сердцу вожделенно,
Все благо — в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем всесовершенно.
- 106 Отныне будет речь моя скудней,—
Хоть и немного помню я,— чем слово
Младенца, льнущего к сосцам грудей.
- 109 Не то, что б свыше одного простого
Обличия тот Свет живой вмещал:
Он все такой, как в каждый миг былого;

- 112 Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял.
- 115 Я увидел, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом ⁴².
- 118 Один другим, казалось, отражен,
Как бы Ирида от Ириды^a встала;
А третий — пламень, и от них рожден.
- 121 О, если б слово мысль мою вмещало,—
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «мало!»
- 124 О Вечный Свет, который лишь собой
Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!
- 127 Круговорот, который возникая,
В тебе сиял, как отраженный свет,—
Когда его я обозрел вдоль края,
- 130 Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к нему воздет.
- 133 Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомое не может основанья,
- 136 Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем;
- 139 Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.
- 142 Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
- 145 Любовь, что движет солнце и светила.

^a Ирида — радуга.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС.

БЕОВУЛЬФ.

Поэма о Беовульфе (3183 стиха), дошедшая до нас в рукописи начала X в., сложилась, видимо, в VIII или IX столетии. Это единственный известный нам образец англосаксонского героического эпоса на традиционный народный былинный сюжет. В основе «Беовульфа» лежат старинные германские предания, возникшие, вероятно, в языческие времена задолго до VIII—IX вв.

Героем поэмы является геатский (геаты — гауты, скандинавское племя, населявшее южные области Швеции) витязь Беовульф, храбрый, великодушный, всегда готовый прийти на помощь людям. Он бесстрашно вступает в единоборство с кровожадным чудовищем Гренделем, который в течение долгого времени пожирал приближенных датского короля Хротгара. Победив Гренделя, Беовульф побеждает также его свирепую мать, явившуюся во дворец отомстить за гибель сына. Ради этого Беовульфу пришлось опуститься на дно страшного болота, где обитало лютое чудовище. Благодаря самоотверженной доблести Беовульфа Дания была избавлена от смертельной опасности. Во второй части поэмы (начиная с 2223 стиха) рассказывается о новом, на этот раз последнем, подвиге Беовульфа. Став королем геатов, престарелый Беовульф убивает свирепого дракона, который огнем опустошал страну. Однако дракон своим ядовитым зубом успел нанести Беовульфу смертельную рану. Беовульф умирает, оплакиваемый храбрыми дружинниками.

Поэма возникла в период начавшегося разложения родового строя. На это указывают картины дружинного быта, взаимоотношений короля и витязей. Находим мы также в поэме отзвуки языческих сказаний. В то же время на «Беовульфе» лежит явственный отпечаток христианских воззрений (автор называет Гренделя потомком Каина и т. п.), что дало основание многим историкам литературы видеть в авторе этого произведения англосаксонского клирика. Однако христианский элемент отнюдь не играет в поэме ведущей роли, он растворяется в старинных народных былях, в могучих эпических образах, овеянных героическим духом. Поэма написана характерным для древнегерманской поэзии ударным аллитерирующим стихом.

В начале поэмы повествуется о том, как один из потомков легендарного датского короля Скильда Скефинга король Хротгар, сын Хеальфдена, с успехом правил Данией. Он воздвиг обширную, богато украшенную палату для пиров, назвав ее Хеорот, т. е. Оленьей палатой. Однако недолго пришлось дружинникам короля вёсело пировать в этой палате, ибо вскоре кровожадный Грендель начал совершать свои опустошительные набеги на Хеорот. Никто из датских витязей не мог одолеть могучего людоеда. Тогда из страны геатов в Данию явился храбрейший витязь геатского короля Хигелака — Беовульф, прослышавший о горе, постигшем датчан. Вместе с Беовульфом приплыли в Данию и другие храбрые геатские воины. С великим почетом принял их король Хротгар. Когда закончился пир, устроенный в честь прибывших, в Оленьей палате остались только Беовульф и его соратники-геаты.

[ГРЕНДЕЛЬ.]

.

Так вождь щитоносцев простился с дружиной
Покинул палату и пир повелитель,
И к милой супруге направился Хротгар¹,
Народов правитель.

И люди узнали,
Кому достается на долю деянье,—
Кому повелел властелинов властитель
От Гренделя датчан в палате стеречь.
Тот витязь геатский великою верой
Исполнен в создателем данную силу:
Желает железную снять он кольчугу
И шлем свой широкий, и меч исполинский —
Дары драгоценные. Дал он доспехи
Немедленно слугам своим на хранение.
Но, прежде чем лечь на широкое ложе,
Соратникам слово сказал Беовульф:
«Я силой себя не слабее считаю,
Чем Грендель, во всех боевых состязаньях.
Мечом в смертный сон погрузить его было б
Мне вовсе не трудно. Но я не желаю
Лишить его жизни оружием: хитер он
И, щит ко щиту, избегает сражаться.
Так будем и мы безоружны, когда он
На нас безоружный в ночи нападет.
Создатель премудрый пускай предоставит
Победу и славу из нас одному,
Которого он, всеблагой, избирает».
На ложе улегшись, лицо прислонил он
Удобно к подушке бок о бок с друзьями.

Участники многих сражений на море
Уснули. Но верилось только немногим,
Что снова увидят народ свой и город:
Не раз уже раньше — то знали герои —
В палате для пиршеств страдать приходилось
Достойным датчанам... Но бог изменяет
И пряжу судьбы всех вступающих в битву:
Он шлет утешенье, защиту и помощь —
В отваге героя — всем воинам славным.
Вовеки правдива старинная сага:
Могучий создатель вовек не забудет
Наш род человеческий!

Темною ночью

Шагами чуть слышными шествовал призрак.
А стража палаты спала беззаботно.
Не спал лишь один. Вдруг увидели люди,
Что гнусному гаду без воли господней
Их к теням отправить теперь не удастся,
Что бодрствуя ждет его смелый противник
И верх над врагом он возьмет вероломным.
С туманных высот и с болот опускался
К палате сам Грендель, отверженный богом,
Чтоб многих мужей венценосного дома
Из датского рода опять уничтожить.
И к дому датчан золотому пришел он,
В их тронный роскошно украшенный зал.
Хоть Хротгара залы разбойным набегам
Не первую ночь подвергал ненавистный,
Однако ни разу ни прежде, ни после
Столь стойкий соперник ему не встречался.
И враг вероломный, добра не сулящий,
В палату прокрался. Он вырвал ворота,
Едва их коснулся. И дверь с крепких петель
Сорвал с грозным шумом. Злодей исполинский
По пестрому полу помчался, пылая
Неистовым гневом. И свет заструился
Из глаз его, словно вскипающий пламень.
В палате застал он уснувших спокойно
Героев, в расцвете и счастья, и силы.
И, прежде чем утро проснется, решил он
Дыхание жизни у юношей этих
Навеки исторгнуть:

манил великана

Снеди избыток. Но жребий суровый
Ему запрещает впредь насыщаться

Плотью героев: боец Хигелака^а
Храбрый увидел спящих убийцу,
Что умерщвлять их смертью ужасной
Вздумал без жалости и промедленья.
Спящего воина Грендель хватает.
Мышцы порвал, раздробил ему кости,
Высосал кровь... По кускам пожирая,
Он наслаждался, пока торопливо
Руки и ноги не съел. Вслед за этим
Дальше он двинулся. Дерзким движеньем
Ложе героя нащупал. Внезапно
Руку к нему протянул победитель.
Быстро схватил он того, кто замыслил
Злое убийство. Чудовище разом
Мощную руку узнало. Вовеки
Хватки железной такой не знал он
Ни у кого из мужей всей подлунной!
Сразу же в слезы и страх превратилось
Мужество зверя. Но нет отступленья!
Ни ускользнуть, ни упрятаться в угол,
Ни в преисподнюю сгинуть! Был встречен
Он, как ни разу его не встречали:
Верно, сражался с молитвой вечерней
Победоносный боец Хигелака,
Так обхватил великана, что даже
Пальцы его затрещали. И тщетно
Бросился в бегство безбожный: бесстрашно
Ринулся витязь за ним. Тот напрасно
Думал далекой дорогой добраться
Быстро к болоту — он выбрал недобрый
Час для похода в Оленью палату!
Зал загудел. И прóрито было
На пол то пиво, что датчане пили
Вместе с гостями: столь грозными были
Оба противника. Дрогнули стены.
Диво, что, выдержав яростный натиск,
Все ж уцелели, не пали в обломках:
Прочно закован зал лучезарный
Весь был в железе, внутри и снаружи.
И устояло строенье. Но только
Скамьи бесценные — так мне сказали —
В битве мужей со ступенек слетели.
Не сомневались датчане, что силой,
Хитростью бранной никто не разрушит

^а Боец Хигелака — Беовульф.

Англосаксонские воины. Рисунки из рукописи начала XI в.

Дом, драгоценным украшенный рогом:
И не ошиблись, — но пылкое пламя
Пожрало палату^а.

Тут снова пронесся
Крик жалобный боли. Многих из датчан,
Стоявших на стенах, боязнь охватила,
Когда услышали выть и стенанье
И дикие вопли противника бога,
Исчадия ада: чудовище это
Страшно схватила и сжала сурово —
Рука победителя, первого в мире,

^а Хеорот был сожжен, когда Хротульф, племянник Хротгара, убил своего двоюродного брата Хретрика, сына Хротгара.

Какому когда-либо солнце светило!
Едва ли желал бы защитник достойных
Живым отпустить погубителя жизни:
Он знал бесполезность для рода людского
Его бытия. И взмахнули мечами,
Наследием предков, мужа Беовульфа,
Надеясь, что станут надежной защитой
Могучему мужу, мужей властелину.
Но в дружном дерзанье друзья и герои,
Что ринуться разом решились на зверя,
Желая отнять у жестокого жизнь,
Не ведали даже, что недруг, к несчастью,
Навеки заклатьем от всех защищенный,
Не мог быть повержен острейшим оружием,
Мечом драгоценным, копьем, лучшим в мире.
Все ж выродку адскому гибель грозила
В назначенный час!

А пока, побежденный,
Противником он принужден к отступленью.
И чудище злое, что прежде так часто
Убийствами жажду злодейств утоляло,
Впервые узнало слабость и немощь,
Едва его стиснул боец Хигелака.
Пока он дышал, Грендель все же казался
Опасным герою. Но грозное горе
Изведал и зверь-людоед: перебиты
У гнусного кости и порваны жилы,
Разодрано было плечо, и победа
Досталась достойному. С дикою дрожью
Отверженный демон в утесы убрался
И в бездне болота безрадостно сгинул,
Почувствовав ясно, что прочь улетела
Годов вереница!..

А после сраженья
Для датчан воскресло блаженное счастье.
Разумный и храбрый, припелец-спаситель
Хротгара дворец королевский очистил
И победоносно покончил со страхом.
Свой подвиг свершил он и славное слово
Свое не нарушил, отмстивши злодею
За беды, что долго датчане терпели
От злобного духа, свирепого в гневе.
А в знак наказания злодейства он в зале
Кисть вместе с плечом и предплечьем гиганта,
Высоко подняв, бросил на пол палаты:
В бою Беовульф их у Гренделя вырвал.

[ПИР.]

Оленью палату могучие руки
Очистили вскоре. И залу для пиршеств
Великое множество жен и мужей
Вновь придали блеск: золотистые ткани
Спускались по стенам, чудесно сверкая
И взоры лаская входящих в палату.
Хоть сильно был дом поврежден и палата,
Железные скрепы внутри сохранились.
Хоть сорваны петли дверные, но крыша
Осталась над домом: в разгаре разбоя,
Спасаясь от смерти, отчаявшись, демон
Бежал, но нелегкой казалась задача:
Кто вырваться может, тиски разрывая!
Уже уготовано отдыха место
Всем жаждущим сна человекорожденным
Земли обитателям, — место, где вскоре
Возлягут они на последнее ложе
Для вечного сна. —

Вот Скильда потомку^а
Пора отправляться на пиршество — прямо
В палату правителя датских героев.
Ни разу не видано было такого
Веселья великого вокруг властелина!
Среди многочисленной свиты сидели
Правителя оба, исполненных счастья.
Склонясь над столом, с ликованьем вкушали
Усладу мужей, крепкий мед, два героя —
Сам Хротгар и Хротульф^б в палате Оленьей.
Любовь улыбалась на пире, и души
Героев не ложью, а дружбой питались.
Хеальфдена сын^в предложил Беовульфу
В награду за подвиг свой стяг златотканый,
Знак войска богатый, и шлем, и кольчугу.
И меч-победитель, сокровище мира,
Предложен был также спасителю датчан,
Что в зале златом не срамил своей кружки.
Дары дорогие достойны героя:
Ни разу не слышал я, чтоб подносились
На пире столь ценных четыре подарка

^а *Скильд* — легендарный родоначальник датских королей; потомок Скильда — Хротгар.

^б *Хротульф* — племянник Хротгара.

^в *Сын Хеальфдена* — Хротгар.

Герою с таким дружелюбием отменным!
С высокого гребня на шлеме спускался
Султан, перевитый железною сетью,
Чтоб недруг продажный с враждебным искусством
Мечом вредоносным вовек не сумел бы
Вредить щитоносцу в сраженье геройском.
Король благородных в ограду палаты
Велел привести скакунов две четверки
В роскошном убранстве. На первом лежало
Седло драгоценное, чудо искусства:
То грозного было монарха сиденье.
И нравилось праздновать праздник оружия
Хеальфдена отпрыску: знал он, что даже,
Когда отступали герои, то с ними
Он не отступал никогда. Предлагает
Он, первый из Ингвинов^а, в дар Беовульфу
Коней и оружие с благим пожеланьем
Их в битве проверить. Столь великодушно
Он, клада хранитель, дарует в награду
Коней и оружие герою. А кто же
Отвергнет дары, что даются с любовью?
И князь благородный обрадовал также
Сподвижников смелых героя геатов
Дарами — из предков наследства большого.
Он золота много тому выделяет,
Кто был бы растерзан — возможны ль сомненья? —
Когда б не вмешались судьба, и создатель,
И смелость героя. Ведь смертными всеми
Создатель наш правит, как встарь, и поныне.
Поэтому пользу прямую приносит
Раздумье над каждым поступком: ведь много
Страданий и радостей нас ожидает,
Пока мы живем в этом мире юдоли.
Вот с музыкой вместе послышалось пенье
Пред князем могучим, водителем войска.
И дрогнули струны, и песнь зазвучала,
И Хротгара-князя певец преисполнил
Блаженством мужей, что сидели за медом.

(Певец поет о сражении, в котором пали брат и сыновья королевы Хильдебург, жены фризского короля Финна, и о том, как Хильдебург после гибели своего супруга попала в плен к датчанам.)

... Так сага гласила,

Что спета певцом. И блаженная радость
По залу прошла. Вот из полных кувшинов

^а Ингвины — датчане.

Вином наполняются чары. Подходит
К племяннику с дядей Веальхтеов^а. Обруч
На ней золотой. (Да, сердцами все вместе
Держались родные единого рода.)
У ног короля восседал рыцарь Хунферт,
Что дух поднимал, но, от чревоугодья,
Был сам ненадежен в бою.

Королева

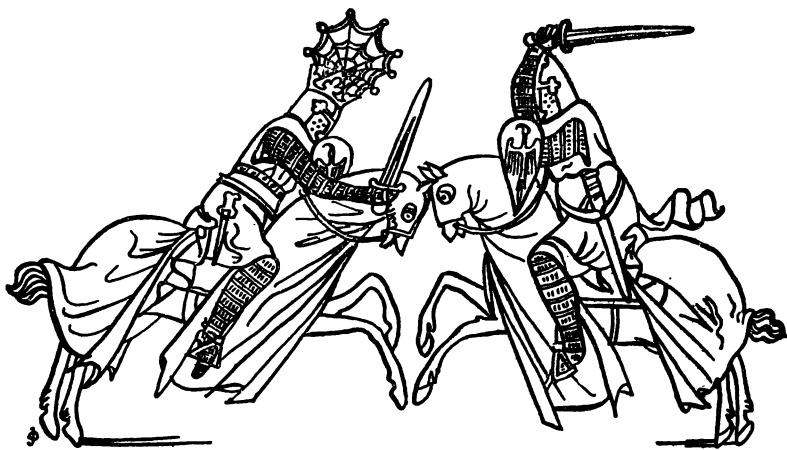
Сказала: «Прими этот кубок, властитель.
С дарующим радость пусть радость пребудет!
О друг дорогой, верный долгу мужскому,
Нести о геатах ты должен заботу.
Ты добрых одаривать должен дарами:
Вблизи и вдали уже мир воцарился.
Я слышала также — ты хочешь, как сына,
Героя приблизить, что замок очистил.
Сокровища можешь раздать, повелитель,
В палате для пиршеств, пока не иссякли,
Но царство оставь для своих, чтоб в почете,
Когда будешь призван всевышним, наш Хротульф
Наследье твое получил, — если с жизнью
Ты раньше простишься, о вождь щитоносцев!
Я знаю — воздаст он лишь благодеяньем
Сынам нашим, вспомнив, что с детства его мы,
Как милого сына, любя, принимали.
Затем подошла королева к скамейке,
Где Хротмунд и Хретрик, сыны королевы,
Среди своих сверстников смелых сидели.
Геат Беовульф восседал возле братьев.
Его попросила принять она кубок
И перстня из золота два драгоценных^б —
Прекрасные два для руки украшенья, —
И пояс, и платье, и обруч богатый,
Какого не видано в целой вселенной.
Сокровищ ценнее, прославленных больше
Не знали в подлунной, с тех пор как похитил
Клад Брисингов Хама и в замок упрятал,
Эрманрика гнев заслужив похищеньем
И благословенье народа навеки...

... В палате

Геату меж тем говорит королева:
«Возьми этот обруч, о Беовульф милый,
Ты, храбрый, в наряд оденься драгоценный.

^а Веальхтеов — королева, супруга Хротгара.

^б Золотые перстни носили только воины знатного рода.

Сражающиеся рыцари. Миниатюра из рукописи начала XIV в.

Будь счастлив, обрадован княжеским даром!
 Храни себя верно, и детям науку
 Свою преподай ты с любовью — награду
 Получишь за это. Ведь ты своей силой
 Стяжал себе славу, герой благородный,
 Повсюду, где волны, гонимые ветром,
 У берега бьются... Тебе я вручаю,
 Тебе, благородному, благо сокровищ.
 Будь счастлив ты в жизни и мальчиков помни,
 В великом веселье учи их, достойный!
 Здесь каждый друг другу не враг, а товарищ,
 К правителю все расположены сердцем,
 Бойцы благодущны, и слуги учтивы.
 Так пейте же, верные, просьбе внимая!»

И к трону вернулась она. Пир блаженный!
 Питье благородных! Но кто угадал бы
 Угрозу судьбы, ее поступь в потемках,
 Несущую смерть одному из героев,
 В то время как доблестный Хротгар вернулся
 На отдых.

Палату сейчас, как обычно,
 Бойцы без числа берегли после пива.
 Полы подмета, положили подстилки,
 Поставили ложа и, пьяны от пива,
 Сонливые, слабые, все задремали.
 Щиты, серебрясь, в изголовьях висели,
 Из дерева сделаны светлого. Рядом,

Над ложами, высились племы, кольчуги,
 Могучие копыя — таков был обычай:
 И в поле, и в доме, во всем облачение,
 Во всякое время, когда б ни призвал их
 Правитель любимый к нежданному бою,
 Нуждаясь в друзьях, — был народ наготове!

[Стихи 663—837, 992—1069, 1160—1251]

БОЙ ПОД БРУНАНБУРГОМ.

Отрывок из англосаксонского исторического эпоса, сложенного древним аллитерирующим стихом, вписанный в «Англосаксонскую хронику» (так называемая Винчестерская рукопись) под 937 г.

- ¹ Тут Эдельстан-кюнинг^а, князь над ратными,
 Ближним кольца дарищий, и брат его кровный,
 Эадмунд властный вечную славу
 Добыли в сече сталью мечей,
- ⁵ Возле Брунанбурга вал щитов^б разбили;
 Секли липы боя сыном молота^в
 Отпрыски Эадвеарда. Это их наследье
 От предков и прадедов — чтоб в поле без устали
 С вражеским войском — за вотчину биться,
- ¹⁰ За дом и добро. Дробно валились
 Вороги-скотты и викинги с моря,
 Падали в поле, почву поили
 Кровью павших с тех пор, как под утро
 Солнце встало, светило славное,
- ¹⁵ И скользнуло над сушей светлой свечкой божьей,
 Чудом господ вечного, до часа, как вновь
 На стол свой воссело^г. Тут сотни легли,
 Поколоты копьями, кмети с севера
 И трупы скоттов, на тарчи^д наваленных,

^а *Эдельстан* — внук Альфреда Великого; был королем (кюнигом) Уэссекса, Мерсии и Нортумбрии (924—940 гг.). Описывается битва его с королем скоттов — Олафом (Анлаф в англосаксонском произношении), объединившим в своем войске скоттов (шотландцев) и викингов (норманнов), владевших в то время северной частью Ирландии.

^б Язык эпической поэзии англосаксов так же богат метафорами, как и язык поэзии скандинавской. Так, «вал щитов» — сомкнутый строй воинов.

^в *Липы боя* — щиты. *Сын молота* — меч.

^г *На стол свой воссело* — зашло.

^д *Тарч* (древнерусск.) — круглый щит.

- 20 Изнемогших в сече. И следом вест-саксы
 Весь долгий день двигались за ратью,
 Гнали грозно гридней супротивных,
 Буйно бегущих били с тыла.
 Мелют мечи. Мужи мерсийские
- 25 Потчевали долго пиром дланей^а
 Воинов, что с Анлафом по водам приплыли
 На лоне ладейном, лакомы на землю,
 Чтоб в поле погибнуть. Пятеро лежали
 На боище кинутых кюнингов юных,
- 30 Сталью иссеченных, и семеро с ними
 Графов Анлафа, и груды гридней,
 Скоттов и викингов. Вон был выгнан
 Вождь варяжский, не по вольной воле
 Челн свой отчалил с честью невеликой.
- 35 В море лодки прынули. Поплыл кюнинг
 По желтой пучине, жизнь сберег он.
 Так из боя мудрый бегством спасся
 В дом свой на север древле Константинус^б,
 Сивый ратоборец; не смел похвалиться
- 40 Вечем мечей^в; не выручил отпрыска,
 Родичей бросил на бранном соборе^г,
 В сече сраженных, сына оставил,
 От ран погибшего, в ратном поле,
 Юное чадо. Чваниться не смел
- 45 Стуком стали^д старец седовласый,
 Древний и злобный. Не должен и Анлаф
 С разбитою ратью рьяно кичиться,
 Будто они в битве буйными были,
 При трепете стягов средь строя бойцов,
- 50 Под скрежет сулиц на сретенье смелых^е
 Под грохот оружия, когда грозные вышли,
 Чтоб с семенем Эадвеарда силой меряться.
 Сели викинги в струг^ж, сбитый гвоздями,
 Недоедки дротов^з. По Динговым водам,
- 55 По бездонному морю мчатся в Дублин,

^а *Пир дланей* — бой.

^б Ссылкой на Константина-императора поэт стремится показать свою книжную ученость.

^в *Вече мечей* — битва.

^г *Бранный собор* — битва.

^д *Стук стали* — битва.

^е *Сретенье смелых* — бой.

^ж *Струг* (русск. народн.) — ладья с острыми концами.

^з *Недоедки дротов* — оставшиеся в живых воины.

Снова в землю пров^а со срамом великим.
Так воины-братья вместе воротились,
Кюнинг и эделинг^б, в край родной
Весело с битвы, в веси вест-саксов.

- 60 На трупах оставили темносермяжных
Воронов мрачных мясо делить
Крепкими клювами, и в корзнях смурых
Орлов на поле, падких на падаль,
И соколов хищных, и серого зверя,
- 65 Волка в чаще. Век не валилось
На острове этом под острою сталью
Больше бойцов в буйной битве
(Как молвили нам мудрые мужи,
Что помнят древность), с тех пор как приплыли
- 70 Англы и саксы смело с востока
По вольным волнам в волости бриттов
И, войн ковачи^в, веалов^г осилили,
Достославные ратники родину добыли.

ЛЕНГЛЕНД.

Вильям Ленгленд (около 1332 г. — около 1377 г.), автор аллегорической поэмы «Видение о Петре-Пахаре» («Vision of Piers the Plowman», первая редакция — около 1362 г., вторая — около 1377 г.), был выходцем из крестьянской семьи. Получив образование в монастырской школе, он, однако, не стал клириком, но, перебравшись в Лондон, разделил тяжёлую долю столичных бедняков. Он никогда не заискивал перед богатыми и знатными. По его словам, он был «слишком длинен, чтобы низко нагибаться».

В то время Англия вступала в полосу социальных потрясений. Быстрое развитие товарно-денежных отношений порождало усиленную эксплуатацию крестьянства и городского плебейства. В стране царил всеобщее брожение. Все более грозный характер принимало народное антифеодальное движение, приведшее к восстанию 1381 г.

Ленгленд явился одним из выразителей этого народного протеста против несправедливых социальных порядков. Его «Видение о Петре-Пахаре» представляет собой широкую картину общественной жизни Англии второй половины XIV в. Поэт глубоко сочувствует угнетённым массам и негодует на высокомерие и пороки сильных мира сего. Перекликаясь с лоллардами

^а Земля пров — Ирландия.

^б Эделинг — высокородный, муж знатного рода.

^в Войн ковачи — витязи.

^г Веалы — Weales, Wales — общее название кельтских, а иногда и вообще иноземных племен.

(последователями английского реформатора Джона Виклифа), он горячо протестует против алчности, тунеядства и эгоизма католического клира во главе с самим римским папой. В лице Петра-Пахаря, знающего путь в царство Правды, он прославляет трудовой люд, который, по мнению Ленгленда, составляет естественную здоровую основу всякого общества. И хотя Ленгленд не призывал к коренной ломке существующих социальных отношений, перенося вопрос о социальной справедливости в плоскость нравственных идеалов, его поэма в немалой мере содействовала революционизированию народного сознания. Недаром идеологи и вожди народного восстания широко использовали «Видение о Петре-Пахаре» в своей пропаганде.

Как поэт, Ленгленд еще довольно тесно связан с традициями средневековой литературы. Типично средневековой является, например, форма видения, сна, в которую облечена поэма. Однако образы видения взяты не из загробного мира, как это обычно было в памятниках культовой литературы (ср. «Видение Тнугдала», раздел «Латинская литература»), и не из галантного мира куртуазного любовного романа (ср. «Роман о Розе», раздел «Французская литература»). В кн.: Зарубежная литература средних веков. Сост. Б. И. Пуришев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974), но из повседневной английской жизни XIV в., и это придает аллегорической поэме Ленгленда реалистический характер, тем более что многие аллегорические образы воплощены в такую типично житейскую форму, что читатель подчас забывает об их иносказательной природе. В этом отношении особенно примечательна колоритная галерея пороков, например изображение Чревоугодия, выведенного в образе пьяницы-ремесленника, который шел в церковь, а попал в кабак (см. приводимый отрывок).

Поэма Ленгленда имела большой успех у демократического читателя. Она вызвала ряд подражаний. Имя Петра-Пахаря стало нарицательным. Накануне английской буржуазной революции XVII в. о Ленгленде как о мастере антифеодальной сатиры с большим сочувствием отзывался Мильтон.

ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ-ПАХАРЕ.

ПРОЛОГ.

Однажды летней солнечной порою
Облекся я в одежду пилигрима —
Хоть по делам я вовсе не святой —
И странствовать пошел по белу свету,
Узнать, какие в мире чудеса,
И майским утром на холмах Мальвернских
Прилег, дорогой длинной утомленный,
Я отдохнуть на берегу ручья.
Склонившись вниз, я стал глядеть на воду.
Приятный плеск поверг меня в дремоту,

И я, заснув, увидел странный сон.
Мне снилось, будто я в неведомой пустыне,
Где никогда дотоле не бывал.
К востоку от меня стояла башня;
В долине перед ней была тюрьма,
И страшны были рвы темницы мрачной.
Меж башней и тюрьмой в красивом поле
Увидел я огромную толпу.
Был всякий люд там: знатный и простой.
Кто странствовать пускался, кто трудился,
Как издавна на свете повелось.
Одни тянули плуг, копали землю,
В труде тяжелом взращивая хлеб;
Другие ж их богатства истребляли.
И были, кто, объятые гордыней,
В наряды дорогие облеклись.
Иные ж предавались покаянью,
Молитвой жили и постом в надежде
Сподобиться небесного блаженства.
Они закрылись в одиноких кельях
И в мир не шли за ублаженьем плоти.
И были, кто избрал себе торговлю:
Известно, — процветают торгаши.
Другие ж в менестрели подрядились
И добывали хлеб веселой песней,
За это их никто не обвинит.
Шуты, жонглеры — сыновья Иуды —
Болтали вздор, ломали дурака,
Однако ж, как и всем, в поту трудиться
У них вполне достало бы ума.
Про них сказал еще апостол Павел,
Что сквернослов — угодник Сатаны.
Кругом все попрошайками кишело;
У них набиты брюхо и мешки;
По сердцу им, как нищим, побираться
И пьянствовать, и драться в кабаках.
Нажравшись, пьяные они ложатся
И с дикой бранью поутру встают;
Проводят жизнь свою во сне и лени.
Там меж собой решили пилигримы
Идти к святому Якову^а и в Рим.
Когда ж из странствий возвратятся,

^а Рака св. Якова в Компостела в Галисии (Испания) была знаменитым местом паломничества. *Рака* — гробница, в которой находятся мощи (останки) святого.

Каких понарасскажут небылиц!
Я слышал тех, что у святынь бывали:
Что ни рассказ, то лжи нагромождение,
И с ложью, видно, свyksя их язык!
Шли в Уолсингем на поклоненье Деве
Паломники, а с ними — девки их.
Работать лень болванам долговязым;
Куда вольготней, в рясы нарядившись,
Бездельников блаженных жизнью жить!
Всех орденов бродячие монахи
Народу там Писанье толковали:
И вкривь и вкось евангельскую правду
Они вертели, только бы щедрей
Им заплатил доверчивый мирянин.
Есть щеголи среди господ монахов.
Ведь их товар и деньги — неразрывны;
И стало мелким торгашом Прощенье:
Отпустит знатым лордам грех любой,
Лишь только бы они ему платили.
Когда не станут церковь и монахи строже,
Великих бедствий ждать нам на земле!
Торговец индульгенций ходит с буллою^а,
На булле той епископа печать.
Хоть нету у плута святого сана,
Но отпустить грехи он всем сулит.
И люд мирской, колени преклоняя,
Целует с верой буллу продавца.
Ему кто брошкой платит, кто кольцом.
Так золотом мирян обжоры сыты
И, как святой, у них в почете плут.
Носи епископ митру по заслугам,
Печатью не скреплял бы он обман.
Епископ сам с обманщиком в ладу.
Приходский поп с торговцем индульгенций
Разделят полюбовно серебро.
Не будь бы их, на эти деньги можно
Всю бедноту прихода накормить.
Попы из сел епископа молили
Позволить в Лондон перебраться им,—
С тех пор как по стране прошла зараза,
Приходы их погрязли в нищете.
Всем в Лондон им хотелось бы забраться,
За мессы там побольше получать.
Епископы, магистры, бакалавры,

^а Булла — папская грамота. Здесь: грамота, дающая отпущение грехов.

Священники, носящие тонзуру^а,
Все те, кому Христос препоручил
Радеть о душах грешных прихожан,
Их исповедовать, за них молиться, —
Они живут все в Лондоне отлично.
Кто состоит на службе короля,
Казну его считает в казначействе,
Ему долги взывает с горожан,
Берет имущество и скот в уплату
С кварталов королевских должников.
Другие ж знатым лордам служат,
Как стюарды, хозяйство их ведут.
Не до заутрен им, не до обеден,
Делами светскими поглощены.
В день Страшного Суда их всех, наверно,
Христос, прокляв, низринет прямо в ад.

Еще я видел там в нарядных шапках
Судейских стряпчих целую толпу.
Они закон отстаивать готовы
За фунт иль пенсы, а не ради правды.
Измеришь ты мальвернские туманы
Скорей, чем их заставишь рот раскрыть,
Не посулив вперед хорошей платы.
И видел я баронов, горожан
(О них я вам поведаю позднее),
Варильщиц пива, женщин-пекарей,
И шерстобитчиц видел, и ткачих,
Портных, и пошлин сборщиков на рынках,
И медников, и множество других.
Из всех работников на белом свете
Трудятся всех ленивей землекопы:
«Пусть Эмму бог хранит!» — поют.
Там повара и слуги их кричали:
«Горячих пирожков кому угодно!
Гусей отменных, уток, поросят!»
Им вторили хозяева таверн:
«У нас есть вина Рейна и Рошели,
Эльзаса белое и красное Гаскони;
Жаркое славно будет им запить!»
Так снилось мне и больше семейкрат.

(Сон автора прерывается, но затем он засыпает опять, и ему снится, что Разум призывает грешников покаяться. Следует описание исповеди семи грешников — семи смертных грехов. Один из них — чревоугодие.)

^а *Тонаура* — выбритый кружок на голове, отличительный признак католических священников, символ их отречения от мирских интересов.

Из главы V.

[ЧРЕВОУГОДИЕ.]

Собрался раз Обжора в божий храм,
Грехи свои излить в исповедальне.
Шинкарка «Добрый день» ему сказала,
Спросив, куда он держит путь.
«Иду на исповедь,— сказал Обжора,—
Чтоб отпущенье получить грехам».
«Зайди ко мне, — шинкарка предложила, —
Каким тебя я эдем угощу!»
«А к элю есть ли острые приправы?» —
«Пиона семя, перец и чеснок,
И есть укроп, коль вздумаешь поститься».
Вошел Обжора к ней, забыв обеты.
Кого-кого он там ни увидал!
Сидела Сис-башмачница на лавке,
И сторож Уотт там был с своей женою,
И был там медник Тимм, и подмастерья,
Извозчик Хикк, разносчик Хью, Кларисса,
Церковный клерк и Доу-землекоп,
Сэр Питер Прайд, фламандка Перонелла,
Бродяга-музыкант, канатный мастер,
И крысолов, и мусорщик с Чипсайда,
И чей-то конюх, и торговка Роза,
Гриффин из Уэльса, Годфри с Гарликхайса,
Старьевщики и множество иных.
И все они приветствуют Обжору,
И рады добрым эдем угостить.
Сапожник Клемент сбрасывает плащ,
Готов продать его на Новом рынке;
Извозчик Хикк свою снимает шляпу
И, отойдя с сапожником в сторонку,
Вступает с ним в предлинный торг.
Они никак не могут столковаться,
Пока канатный мастер Робин
Себя судьей им не предложил.
И Робин вынес мудрое решение:
Извозчик Хикк получит плащ Клемента,
Он за него отдаст Клементу шляпу,
А тот Обжоре кубок поднесет.
Но если кто о торге пожалеет,
Тот должен встать, Обжоре поклониться
И эля поднести ему галон.
Ах, сколько смеха было там и крика!

И пели хором «Чашу круговую»;
Так до вечерни время провели.
Там не один галон Обжора выпил,
Покуда брюхо у него раздулось
И, как свинья, вдруг принялось ворчать.
За время, нужное для «Отче наш»,
Он напрудить успел мочи две кварталы
И на рожке своем играть принялся,
Который был внизу его спины.
Все за носы свои скорей схватились,
Едва слышали его рожок,
И все Обжору попросили
Рожок хотя бы чем-нибудь заткнуть.
Обжора на ногах едва держался,
Но, палку взяв, отправился домой.
Он брел, как пес бродяги-музыканта,
То шаг вперед, то вдруг подастся вбок;
А то, как птицелов, присядет,
Чтоб на земле силки установить.
У дома же глаза ему застлало;
Споткнувшись о порог, свалился он.
Сапожник Клемент взял его за пояс
(Обжора очень тучный был детина),
Хотел поднять, поставить на колени.
Клементу фартук тут он облевал.
И не нашлось бы в целом Герфордшире
Таких голодных псов, чтоб согласились
Всю эту мерзость с голоду сожрать!
Жена с любовницей, стеная горько,
Кладут тогда Обжору на кровать.
Он, пиршеством измученный безмерным,
Проспал два дня и только на закате
Второго дня стал протирать глаза.
Очнувшись, он тотчас спросил про миску.
Жена тут принялась его корить.
Раскаянье явилось и ему сказало:
«Грешил всю жизнь ты словом и делами,
Так устыдись и каяться спеши!»
«Во многом грешен я, — сказал Обжора, —
Я имя бога всуе поминал.
Без толку клялся богом и святыми
Раз девятьсот, когда не больше.
В обед ли, в ужин так я нажирался,
Что здесь же яства извергал назад.
И в пост я вкусно ел и сладко пил,
А за столом подчас от пресыщенья

Впадал я в сон и сонный все жевал.
Любил в тавернах слушать всякий вздор
И пировал под вздорные рассказы». —
Раскаянье Обжору похвалило:
«Твое чистосердечье грех уменьшит». —
Тут стал Обжора горько сокрушаться
И соблюдать посты пообещал:
«Готов снести и голод я, и жажду,
А в постный день к себе в утробу
И рыбу даже я не допущу,
Пока от Воздержанья — тети строгой —
Не получу на это позволения.
Ах, как я Воздержанье не любил!»

Из глав V и VI.

[ПЕТР-ПАХАРЬ.]

.
И там толпились тысячи людей,
К Христу и к богородице взывая,
Прояснить им Правду отыскать.
Никто из них не знал туда дороги.
По берегам ручьев, среди холмов
Они блуждали долго и бесплодно,
Пока не повстречали наконец
В восточном одеянье пилигрима.
Дорожный посох был его обвязан
Широкой лентой вьющейся, как плющ;
Мешок и кружка на боку висели,
А шляпу, точно гроздь, отягчали
Святой водой наполненные склянки;
И галисийских раковин немало,
Кресты и ладанки, ключи из Рима,
И образ на груди, чтоб знали все,
Каким святыням странник поклонился.
«Откуда ты?» — они его спросили.
«Я на Синае был, — он им в ответ, —
Я также посетил и гроб господен,
И Вифлеем, и дальний Вавилон,
Я был в Армении, в Александрии,
О чем вам знаки эти говорят.
И в дождь, и в зной я шел к святыням дальним,
Ища своей душе небесных благ». —
«Не знаешь ли ты одного святого,
Чье имя Правда? Где его жилище?
И не укажешь ли к нему дорогу?»

И им тогда ответил пилигрим:
«Свидетель бог, я не встречал доньше
Ни разу странника, чтоб вопрошал
Меня о Правде. Нынче — в первый раз».
Но здесь заговорил смиренный Пахарь:
«Клянусь святым Петром, я Правду знаю,
Как знает книгу мудрый грамотей!
Благоразумие и Совесть часто
Меня к жилищу Правды провожали,
А я себя связал обетом твердым,
Что буду Правде с верностью служить.
Так пятьдесят уже минуло зим,
Как я слугой у Правды-господина.
Пашу и сею, жну и молочу,
Иль на лугах стада его пасу.
Так Правде будучи слугою верным,
Я выполняю труд его любой:
Я медник иль портной, коль Правда скажет,
Прядильщик, ткач — когда он мне велит.
Но господину ревностно служа,
Я сам никак не остаюсь в убытке:
На свете нет плательщика исправней,
Своих он щедро награждает слуг.
Как агнец, кроток, речь его приветна.
И если впрямь к нему идти хотите,
Я укажу вам к Правде верный путь».
«Да, милый Петр!» — вскричали пилигримы
И обещали славно заплатить,
Лишь бы привел он их к жилищу Правды.
«Клянусь души моей спасеньем — нет! —
Ответил Петр. — Я платы не возьму,
Хотя бы вы Фомы святого раку
Пообещали мне за это дать!
И Правда меньше бы меня любила.
Когда ж вы в дальний путь идти готовы,
Я расскажу, как Правду вам найти».

(Петр-Пахарь перечисляет пилигримам добродетели, через которые ведет путь к Правде: кротость, скромность, воздержание и т. д.)

«Твой путь хорош, — сказали люди, — только нужен
На нем всегда надежный проводник».
«Клянусь святым Петром! — воскликнул Пахарь, —
Вспахать земли пол-акра должен я.
Когда я их вспашу, потом засею,
Тогда смогу указывать вам путь».

«Но нам пришлось бы долго дожидаться! —
Тут леди под вуалью возразила, —
Нам, женщинам, как время скоротать?»
«Пускай мешки зашьют, — ответил Петр, —
Чтоб не просыпалась из них пшеница.
Да, ваши пальцы, леди дорогая,
Привыкли шить по шелку и сендалу
И ризы капелланам мастерить.
Прядите лен и шерсть вы, жены, вдовы,
И шейте одеянья холстяные;
Тому ж учите ваших дочерей.
Нагих и сырых здесь лежит немало,
И Правда их одеть повелевает.
Моя же, Пахаря, забота — пища.
Богатый, бедный ли — все будут сыты,
Пока я жив по милости господней.
А вы, кто хочет есть и пить, придите
Помочь тому, кто взращивает хлеб!»

.
«Пока я жив, служить я буду Правде!
Как пилигрим, на пользу беднякам
Отправлюсь в странствие за плугом;
Мне плуг да служит посохом дорожным
И землю предо мною бороздит!»
Тут отошел Петруша-Пахарь к плугу,
А пилигримы верные — за ним:
Ему помочь вспахать его пол-акра.
И начали они, Петру в угоду,
Копать межи, выпалывать сорняк;
Трудился каждый там, как только мог.
Петру по сердцу странников усердье.
Кто всех прилежнее меж них трудился,
Богаче всех тот будет награжден,
Когда пора наступит урожая.
Но там нашлись меж странников лентяи:
Тянули эль и пели «Тролли-лолли»,
И в этой песенке вся помощь их была.
«Клянусь душой! — воскликнул гневно Петр, —
Коль вы тотчас не приметесь работать,
Вам ни одно зерно не станет впрок,
И если скосит вас жестокий голод,
Тому сам дьявол будет только рад!»
От слов таких объял испуг лентяев.
Одни тогда прикинулись слепыми,
Другие же хромыми притворились,
И стали плакать горько и стенать.

Они к Петру с мольбою обратились:
«Помилуй боже нас, но мы — калеки,
Работать нам совсем не вмоготу.
Мы за тебя молиться станем, Петр,
Чтоб бог тебе умножил урожай
И наградил тебя за милосердье;
Куда ж трудиться нам самим, несчастным!»
«Увидим, так ли это в самом деле,—
Ответил Пахарь им.— Я только знаю,
Что вы добро привыкли расточать.
Я Правде верно издавна служу
И расскажу ему, кто здесь трудился,
А кто здесь жил плодом трудов чужих.
И Правда вас тогда труду научит,
Не то — ячменным хлебом вам питаться
Да воду ключевую только пить!
Слепой, хромой, закованный в колодки,
Пускай со мной пшеничный хлеб вкусят,
Пока господь не дал им исцеленья.
А вы, притворщики, работать в силах:
Пасти ли скот иль охранять посевы,
Копать ли рвы иль молотить на гумнах,
Месить известку и возить навоз.
Но вы погрязли в лени и обмане
И лишь по милости вас терпит бог!..»

ЧОСЕР.

Джеффри Чосер (около 1340—1400 гг.) — крупнейший английский писатель XIV в., называемый «отцом английской поэзии». Родился в Лондоне в семье виноторговца. Деловые связи отца открыли будущему поэту доступ ко двору. Чосер был пажом, королевским камердинером, а затем королевским курьером (дипломатические поездки во Фландрию, Францию и Италию между 1370—1378 гг.). В 1374 г. он получил место таможенного контролера при лондонском порте. В 1386 г. был избран депутатом в парламент. Когда же придворная партия во главе с герцогом Глостером захватила власть, Чосер оказался не у дел. Вскоре, однако, материальное положение его вновь начало поправляться. В 1389 г. он получил надзор за рядом казенных построек. Новый король Генрих IV назначил ему пенсию.

Творчество Чосера очень ярко отразило сдвиги, наметившиеся в английской культуре второй половины XIV в. Уже начали шататься устои феодальной системы. Народное восстание 1381 г. с огромной остротой поставило вопрос об упразднении крепостнических порядков. Поднимались города.

Джеффри Чосер. С рисунка его ученика Томаса Окклива. Из английской рукописи XV в.

Заметно потускнел ореол католической церкви. Англия стояла на пороге большого исторического перелома. Поэзия Чосера проторяет путь литературе английского Возрождения. Правда, Чосер еще довольно тесно связан с традициями средних веков. Он переводит на английский язык французский аллегорический «Роман о Розе». Его продолжает привлекать столь излюбленная в средние века форма «видения» («Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент»). Характерно, однако, что сквозь аллегории и символы у Чосера уже начинают проступать образы вполне реальной жизни. Его влечет все земное, осязаемое, человеческое. С большим интересом следит он за успехами передовой итальянской гуманистической литературы XIV в., с которой он тесно соприкоснулся в бытность свою в Италии. Особенно близок ему Боккаччо. Поэма Чосера «Тройя и Крессида» (1382) пред-

ставляет собой вольную обработку поэмы Боккаччо «Филострато». Поэма Боккаччо «Тезеида» и новелла о Гризельде из «Декамерона» (X, 10) того же автора появляются в «Кентерберийских рассказах» (рассказы рыцаря и студента).

Но Чосер отнюдь не был раблепным подражателем иноземных авторов. У него был широкий литературный кругозор. Он вовсе не скрывал своей склонности к ряду древних и новых европейских поэтов. Однако всегда оставался он самобытным английским писателем. Его главным источником всегда оставалась жизнь современной Англии. Из года в год внимательно наблюдал он ее течение. И в лучшем своем создании, в «Кентерберийских рассказах» («Canterbury Tales», 1386—1389), он создал удивительно яркую, красочную панораму этой жизни. По силе реалистического письма, острой иронии и свободному взгляду на вещи это произведение не имеет себе равных во всей английской литературе до XVI в. Не случайно М. Горький назвал Чосера «основоположником реализма». Правда, будучи представителем переходной эпохи, Чосер и в данной книге еще не свободен от ряда средневековых предрассудков. Однако вовсе не эти предрассудки составляют ведущую тенденцию рассказов. Его творение уже пронизано жизнерадостным вольномыслием, столь характерным для эпохи Возрождения. Чосер смело ломает вековые традиции. Он отрекается

от средневекового схематизма, противопоставляя ему новый эстетический принцип, воплощенный в требовании жизненной правды. Он верит в право человека на земное счастье. Он хочет, чтобы человек не был рабом судьбы.

Он всегда готов прославить его энергию, ловкость, ум, находчивость и жизнелюбие. Вслед за лоллардами^а он ядовито осмеивает клеветников папского Рима, высасывающих из английского народа последние соки. При этом Чосера, как впоследствии Шекспира, вовсе не страшит плебейская простонародная стихия. Он отдает дань скромной шутке, площадным анекдотам, грубоватому комизму, хотя, когда это необходимо, умеет быть изысканным и даже галантным. Он любит разнообразие. Для каждого рассказа находит он особый тон.

Стремление к разнообразию, к богатству характеристик проявляется уже в новеллистическом обрамлении книги. Его рассказчики, встречающиеся на большой дороге, это люди из различных уголков Англии, представители различных профессий и социальных групп, с различными интересами, вкусами и пристрастиями. Объединяет их чисто внешний бытовой мотив: все они идут в городок Кентербери на поклонение гробу средневекового английского святого Фомы Бекета, убитого при Генрихе II. На пути в Кентербери они сближаются и, чтобы скоротать путь, сговариваются рассказывать каждый по две новеллы.

Чосер по неизвестным причинам не закончил своего лучшего произведения. Всего им написано двадцать четыре новеллы. Книга открывается «Общим прологом», в котором дана характеристика всех рассказчиков, вместе с тем каждой новелле предпослан особый пролог, включающий в себя беседы и споры богомольцев или же откровенные признания рассказчика о его обычаях и привычках. Избранная Чосером метрическая форма, резко отличаясь от аллитерирующего стиха англосаксонской поэзии, закладывала основы тонико-силлабического английского стиха. Велика роль Чосера в создании единого английского литературного языка, в основу которого поэт положил лондонский диалект.

КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ.

ОБЩИЙ ПРОЛОГ.

Когда Апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля

^а Лолларды — «Бедные братья», религиозная секта, ведшая пропаганду социального равенства. Лолларды участвовали в пропаганде Уота Тайлера (1381 г.).

Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти^а,
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стаи,
Так сердце им встревожил зов весны,—
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремилась истома; но многих влек
Фома Бекет^б, святой, что им помог
В беде иль исцелил недуг старинный,
Сам смерть прияв, как мученик безвинный.

Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард», в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентерберии по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту
Компанию. Их двадцать девять было.
Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они — пример всем нам —
Шли поклониться праведным мощам.

Конюшен, комнат в «Табарде» немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился.

И вот, покуда скромный мой рассказ
Еще не утомил ушей и глаз,
Мне кажется, что было бы уместно
Вам рассказать все то, что мне известно
О спутниках моих: каков их вид,
И звание, и чем кто знаменит,
Иль почему в забвенье пребывает;
Мой перечень пусть рыцарь открывает.

Тот рыцарь был достойный человек,
С тех пор как в первый свой ушел набег,
Не посрамил он рыцарского рода;

^а Из созвездия Овна солнце выходило, по вычислениям самого Чосера, во второй половине апреля.

^б *Фома Бекет* (1118—1170) — архиепископ Кентерберийский, канцлер Генриха II; боролся с королем за независимое положение церкви и был убит слугами короля; позднее канонизирован католической церковью.

Любил он честь, учтивость и свободу:
Усердный был и ревностный вассал,
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещенные и даже басурмане
Признали доблести его во брани.
Он с королем Александрию брал^а;
На орденских пирах он восседал
Вверху стола; был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву^б, ходил на русских,
А мало кто — тому свидетель бог —
Из рыцарей тем похвалиться мог.
Им в Андалузии взят Алжезир
И от неверных огражден Алжир...
...Не раз терпел невзгоды он и горе
При трудных высадках в Великом море^в.
Он был в пятнадцати больших боях;
В сердца язычников вселяя страх,
Он в Тремиссене^г трижды выходил
С неверным биться, — трижды победил.
Он помогал сирийским христианам
Давать отпор насильникам-османам,
И заслужил повсюду почести он.
Хотя был знатен, все ж он был умен,
А в обхожденье мягок, как девица;
И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
Он бранью уст своих не осквернял, —
Как истый рыцарь, скромность соблюдал.
А что сказать мне о его наряде?
Был конь хорош, но сам он не параден;
Потерт кольчугой был его камзол,
Пробит, залатан, в пятнах весь подол.
Он, воротясь из дальних путешествий,
К мощам отправился со всеми вместе.

С собой повсюду сына брал отец.
Сквайр был веселый, влюбчивый юнец
Лет двадцати, кудрявый и румяный.
Хоть молод был, но видел смерть и раны:

^а Взята королем Кипра Петром Лузиньяном в 1365 г.

^б Вероятно, имеется в виду поход против литовцев, предпринятый Генрихом Болингброком (позднее, королем Генрихом IV) в союзе с Тевтонским орденом в 1390 г.

^в Так в средние века, по библейской традиции, именовалось Средиземное море.

^г Тремиссен — ныне Тлэмсен, город в Алжире.

Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел;
Во Фландрии, Артуа и Пикардии^а
Он, несмотря на годы молодые,
Оруженосцем был и там сражался,
Чем милостей любимой добивался.

Стараньями искусных дамских рук
Наряд его расшит был, словно луг,
И весь искрился дивными цветами,
Эмблемами, заморскими зверями.
Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний.
Был в талию камзол, и по колени
Висели рукава. Скакал он смело
И гарцевал, красуясь, то и дело.
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.
Он был приятным, вежливым соседом:
Отцу жаркое резал за обедом.

Не взял с собою рыцарь лишних слуг,
Как и в походах, ехал он сам-друг,
С ним йомен^б был — в кафтане с капюшоном.
За кушаком, как и наряд, зеленым
Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья йомен сохранять умел,
И слушалась стрела проворных рук.
С ним был его большой, могучий лук,
Отполированный, как будто новый.

Был йомен кряжистый, бритоголовый;
Студеным ветром, солнцем опален,
Лесной охоты ведал он закон.
Наручень шитый стягивал запястье,
А на дорогу из военной снасти
Был меч, и щит, и на боку кинжал.
На шее еле серебром мерцал,
Зеленой перевязью скрыт от взора,
Истертый лик святого Христофора;

^а Основные поля сражений Столетней войны.

^б Йомен — лично свободный хлебопашец, обязанный службой своему сюзерену, которого он сопровождал на войну.

А на боку охотничий был рог —
Был лесником, должно быть, тот стрелок.

Была меж ними также аббатиса —
Страж знатных послушниц и директриса.
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: «Клянусь святым Элуа».
И вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню;
И по-французски говорила плавно¹,
Как учат в Стрэтфорде, а не забавным
Парижским торопливым говорком.

Она держалась чинно за столом:
Не поперхнется крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку,
Не оботрет их о рукав иль ворот,
Ни пятнышка вокруг ее прибора.

Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством черед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала.
Сидеть с ней рядом было всем приятно —
Так вежлива была и так опрятна.

Усвоив нрав придворных и манеры,
Она и в этом не теряла меры
И возбуждать стремилась уваженье,
Оказывая грешным снисхожденье.
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — игуменья заплачет:
Тот песик окошел, того прибили —
Не все собак игуменьи любили.

Искусно сплоенное покрывало
Высокий, чистый лоб ей облегало.
Точеный нос, приветливые губки
И в рамке алой крохотные зубки,
Глаза прозрачны, серы, как стекло, —
Все взор в ней радовало и влекло.

Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки
Расцвечивал зеленый малахит.

На фермуаре золотой был щит
С короной над большою буквой «А»,
С девизом: *Amor vincit omnia*^a.

Была черница с нею для услуги
И трое капелланов; на досуге
Они вели с монахом важным спор.

Монах был монастырский ревизор,
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких монахов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками бренчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.

Он не дал бы и ломаной полушки
За жизнь без дам, без псарни, без пирушки.
Веселый нравом, он терпеть не мог
Монашеский томительный острог,
Уставы Мавра или Бенедикта²,
И всякие проскрипты и эдикты.

А в самом деле, ведь монах-то прав,
И устарел суровый сей устав:
Охоту запрещает он к чему-то
И поучает нас не в меру круто:
Монах без кельи — рыба без воды.
А я большой не вижу в том беды.
В конце концов монах — не рак-отшельник,
Что на спине несет свою молельню.
Он устрицы не дал бы за тот вздор,
Что важно проповедует приор.
Зачем корпеть среди книг иль в огороде?
Зачем тощать наперекор природе?
Труды, посты, лишения, молитвы —
На что они, коль есть любовь и битвы?
Пусть Августин печется о спасенье,
А братии оставит прегрешенья.

Был наш монах лихой боец, охотник.
Держал борзых на псарне он две сотни:
Без травли псовой нету в жизни смысла.

Он лебедя любил с подливкой кислой.
Был лучшей белкой плащ его подбит,
Богато вышит и отлично спит.

^a Любовь все покоряет (лат.).

Застежку он, как подобает франтам,
Украсил золотым «любовным бантом»^а.
Зеркальным шаром лоснилась тонзура,
Свисали щеки, и его фигура
Вся оплыла; проворные глаза
Запухли, и текла из них слеза.
Вокруг его раскормленного тела
Испарина, что облако, висела.
Ему завидовал и сам аббат —
Так представителем был наш прелат:
И сам лицом упитанный, румяный,
И сапоги из лучшего сафьяна,
И конь гнедой, артачливый на вид.

С ним рядом ехал прыткий кармелит³.
Брат-сборщик был он — важная особа.
Такою лестью вкрадчивою кто бы
Из братьи столько в кружку мог добыть?
Он многим девушкам успел пробить
В замужество путь, приданным одаря;
Крепчайшим был столпом монастыря.
Дружил с франклинами он по округе,
Втирался то в нахлебники, то в други
Ко многим из градских почтенных жен;
Был правом отпущенья наделен
Не меньшим, говорил он, чем священник, —
Ведь папой скреплено то отпущенье.
С приятностью монах исповедал,
Охотно прегрешенья отпускал.
Епитимья его была легка,
Коль не скупилась грешника рука.
Ведь щедрые на церковь приношенья —
Знак, что замолены все прегрешенья,
И, покаянные дары прияв,
Поклялся б он, что грешник чист и прав.
«Иные, мол, не выдают слезы
И не заставят каяться язык,
Хотя бы сердцем тайно изнывали
И прегрешений скверну сознавали.
Так, чтоб избежать плача и поста,
Давай щедрее — и душа чиста».
Он в капюшоне, для своих подружек,
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.

^а *Любовный бант* — сложный бант в виде розетки (упоминается и у Шекспира).

Был влюбчив, говорлив и беззаботен.
Умел он петь и побренчать на роте^а:
Никто не пел тех песен веселей.
Был телом пухл он, лилии белей,
А впрочем, был силач, драчун изрядный,
Любил пиров церемониал парадный,
Трактирщиков веселых и служанок
И разбитных, дебелых содержанок.
Возиться с разной вышивой беднотою?
Того они ни капельки не стоят:
Заботы много, а доходов мало,
И норову монаха не пристало
Водиться с нищими и бедняками,
А не с торговцами да с богачами.

Коль человек мог быть ему полезен,
Он был услужлив, ласков и любезен.
На откуп отпущения он брал,
К стадам своим других не подпускал.
Хоть за патент платил в казну немало,
Но сборами расходы покрывал он.
Так сладко назидание свое
Вещал вдовице, что рука ее
Последнюю полушку отдавала,
Хотя б она с семьею голодала.
Он, как щенок, вокруг нее резвился:
Такой, да своего бы не добился!
В судах любви^б охотно он судил,
И приговоры брат сей выносил
Так, словно был он некий кардинал.

Он рясою своею щеголял —
Не вытертой монашеской реднины,
А лучшего сукна, и пелерина
Вокруг тверда, как колокол, торчала.
Чуть шепелявил он, чтобы звучала
Речь английская слаще для ушей.
Он пел под арфу, словно соловей,
Прищурившись умильно, и лучи
Из глаз его искрились, что в ночи
Морозной звезды. Звался он Губертом.

Купец с ним ехал, подбоченьясь фертом,
Напялив много пестрого добра.

^а *Рота* — инструмент вроде скрипки.

^б *Суды любви*, или *дни любви* — дни, установленные для полюбовного разрешения всяких споров без обращения в суд и без применения насилия. Судьями были обычно духовные лица.

Носил он шапку фландского бобра,
И сапоги с наборным ремешком,
Да бороду. Он толковал о том,
Как получать, как сберегать доходы.
Он требовал, чтоб охранялись воды
В пути из Миддльбурга в Оруэлл^а.
Он курс экю высчитывать умел
И знатно на размене наживался,
И богател, а то и разорялся,
Но ото всех долги свои скрывал.
Охотно деньги в рост купец давал,
Но так искусно вел свои расчеты,
Что пользовался ото всех почетом.
Не знаю, право, как его зовут.

Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.
Он ни прихода не сумел добыть,
Ни службы канцелярской. Выносить
Нужду и голод приучился стойко.
Полено клал он в изголовье койки.

Ему милее двадцать книг иметь,
Чем платье дорогое, лютню, снедь.
Он негу презирал сокровищ тленных,
Но Аристотель — кладезь мыслей ценных —
Не мог прибавить денег ни гроша,
И клерк их клянчил, грешная душа,
У всех друзей и тратил на ученье.
И ревностно молился о спасенье
Тех, щедрости которых был обязан.
К науке был он горячо привязан,
Но философия не помогала
И золота ни унца не давала.

Он слова лишнего не говорил
И слог высокой мудрости любил —
Короткий, быстрый, искренний, правдивый;

^а *Путь из Миддльбурга в Оруэлл* — одна из главных дорог морской торговли того времени из голландского порта Миддльбург (на острове Вальхерен), где находилась шерстяная биржа с 1384 по 1388 г., в Оруэлл (на месте теперешнего Гарвича на восточном побережье Англии).

Он сыт был жатвой с этой тучной нивы,
И, бедняком предпочитая жить,
Хотел учиться и других учить.

Был с ними важный, чопорный юрист.
Он как искусный, тонкий казуист
Коллегами был очень уважаем
И часто на объезды назначаем^а.
Имел патент он на свои права.
И ширилась о нем в судах молва.
Наследство от казны он ограждал,
В руках семьи именье сохранял.
Клиенты с «мантией»^б к нему стекались;
Его богатства быстро умножались,
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый —
Он оправдать умел любую плату.
Работник ревностный пред светом целым —
Не столько был им, сколько слыть умел им.
Он знал законы со времен Вильяма^в
И обходил — уловкой или прямо —
Любой из них, но были неоспорны
Его решения. Он носил узорный
Камзол домашний с шитым пояском.
Пожалуй, хватит говорить о нем.

С ним разговаривал, шутя, франклин^г.
Не знал он отроду, что значит сплин.
Не мог бы он на жизнь коситься хмуро —
Был в том достойным сыном Эпикура,
Сказавшего, что счастлив только тот,
Кто, наслаждаясь, весело живет.
Белее маргаритки борода
Была холеная. И не вода —

^а Периодически от короны назначались особые судьи на объезды провинциальных городов рассматривать накопившиеся и кончать нерешенные дела.

^б Клиенты с «мантией». — «Мантия» — дорогостоящая судейская тога. Здесь как обозначение повышенного гонорара, который давали клиенты юристу, чтобы обеспечить себя от подкупа его противной стороной.

^в То есть все законодательство со времен Вильгельма Завоевателя. Еще в XIX в. в ходу был юридический термин: «A temp. Reg. Will».

^г Франклин — представитель зажиточных земельных собственников, главным образом из старых деревенских англосаксонских родов. Наследственные поместья франклинов были свободны от налогов и феодальных повинностей, которыми король облагал поместья, дарованные им своим норманнским вассалам.

Вино с утра седины обмывало,
Когда на завтрак в чашу хлеб макал он.
Франклин хозяином был хлебосольным.
Святым Юльяном слыл он сердобольным:
Всегда его столы для всех накрыты,
А повара и вина знамениты.
Как зной сменяют дождь и непогода —
И стол менял он с временами года.
Был у него в пруду садок отличный,
И много каплунов и кур на птичье.
И горе повару, коль соус пресен,
А кастеляну, если стол чуть тесен.
На сессиях^а франклин держался лордом,
В парламенте отстаивал он гордо
Свои права, обиды не спускал,
Не раз в палате графство представлял.
Он выделялся дорогим нарядом:
На белом поясе висели рядом
Богатый нож и шитый кошелек,
А в нем заморский шелковый платок.
Он был шериф^б и пени собирал;
Ну, словом, образцовый был вассал.

Красильщик, плотник, шапочник и ткач,
Обойщик с ними — не пускались вскачь,
Но с важностью, с сознанием богатства,
В одежде пышной цехового братства
Могучего, молясь все время богу,
Особняком держались всю дорогу.
Сукно добротное, ножи в оправе —
Не медной, а серебряной. Кто равен
Богатством, мудростью таким мужам
Совета и почтенным старшинам,
Привыкнувшим к труду, довольству, холе?
Они не тщетно заседать в Гилдхолле^в
Надеялись — порукой был доход,
Заслуги, честность, возраст и почет.
И жены помогали в том мужьям,
Чтоб величали их самих «мадам»,
Давали в церкви место повидней
И разрешали шлейф носить длинней.

^а Сессии — в данном случае судебные.

^б Шериф — представитель королевской власти в графстве.

^в Заседать в Гилдхолле, т. е. быть олдермэном, членом лондонского самоуправления. Гилдхолл — гильдейский дом, ратуша.

Они с собою повара везли,
Чтоб он цыплят варил им, беф буйи,
И запекал им в соусе румяном
С корицей пудинги иль с майораном.
Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал.
Но в нем болезнь лихая угнездилась —
Большая язва на ноге гноилась.
Жаль! вкусные изготавлял он яства.

Был шкипер там из западного графства.
На кляче тощей, как умел, верхом
Он восседал; и до колен на нем
Висел, запачканный дорожной глиной,
Кафтан просторный грубой парусины;
Он на шнурке под мышкою кинжал
На всякий случай при себе держал.

Был он поистине прекрасный малый
И грузов ценных захватил немало.
Лишь попадись ему купец в пути,
Так из Бордо вина не довезти.
Он с совестью своею был сговорчив,
И, праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмиг по доске спроваживал домой^а.
Уже весной он был покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром,
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения, любой маяк
Мог различить, и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его; он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.
Корабль он вел без карт и без промера
От Готланда до мыса Финистера^б,
Все камни знал Бретонских берегов,
Все входы бухт испанских и портов;
Немало бурь в пути его встречало
И выцветшую бороду трепало;

^а Распространенный в XIV в. и позже способ расправляться с пленными, которых заставляли с завязанными глазами проходить по доске, выставленной за борт.

^б Готланд — Финистер, т. е. рейс: ганзейские города в Балтийском море — северо-запад Испании.

От Гулля и до самой Картахены^а
Все знали капитана «Маделэны».

Был с нами также доктор медицины.
С ним в ремесле врачебном ни единый
Врач лондонский соперничать не мог;
К тому ж он был искусный астролог;
Он лишь когда звезда была в зените
Лечил больного; и связав все нити
Его судеб, что гороскоп дает,
Недуга он предсказывал исход, —
Выздоровления иль смерти сроки.
Прекрасно знал болезней он истоки:
Горяч иль холоден, мокр или сух
Больного нрав, а значит, и недуг.
Как только он болезнь определял,
Он тотчас же лекарство назначал,
А друг-аптекарь эту рецептуру
Вмиг обращал в пилюли и микстуру.
Они давно тем делом занимались
И с помощью взаимной наживались.
Ученостью и знаньем был богат он.
Он Эскулапа знал и Гиппократы,
Диоскорида, Цельса, Гильбертина;
Знал Руфа, Аверройса, Константина,
Дамаскина, Гали и Галиена;
Знал Авиценну, также Гатисдена^б.

Был осторожен он, во всем умерен,
Раз навсегда своей диете верен:
Питательный, но легкий рацион.
В Писании не очень был силен.
Носил малиновый и синий цвет,
И шелковый был плащ на нем надет.
А впрочем, тратился он неохотно,
Со дней чумы — сберег мешочек плотный;
И золото — медикамент целебный^в —
Хранил, должно быть, как припас лечебный.

А с ним болтала батская ткачиха,
На иноходце восседая лихо;

^а Гулля — Картахена, т. е. рейс: Восточная Англия — средиземноморское побережье Испании.

^б Список знаменитых врачей древности, христианского и мусульманского средневековья начинается с самого бога врачевания Эскулапа, что вскрывает иронический характер перечня.

^в Средневековая медицина применяла золото в качестве одного из лекарственных снадобий.

Но и развязностью не скрыть греха —
Она была порядочно глуха.
В тканье была большая мастерица —
Ткачихам гентским впору подивиться.
Благотворить ей правилось, но в храм
Пред ней протиснись кто-нибудь из дам, —
Вмиг забывала, в яростной гордыне,
О благодущии и благостыне.

Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь, фунтов десять,
И все из шелка иль из полотна.
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна.
Лицом бойка, пригожа и румяна,
Жена завидная она была
И пятерых мужей пережила,
Гурьбы дружков девичьих не считая
(Вокруг нее их увивалась стая).

В Булонь, и в Бари, в Кельн, в Сант-Яго, в Рим
И трижды в град святой — Иерусалим
Ходила на поклон святым мощам,
Чтобы утешиться от горя там.

Она носила чистую косынку;
Большая шляпа, с виду что корзинка,
Была парадна, как и весь наряд.
Дорожный плащ обтягивал ей зад.
На башмачках она носила шпоры,
Любила шутки, смех и разговоры
И знала все приманки и коварства
И от любви надежные лекарства.

Священник ехал с ними приходской^а,
Он добр был, бледен, изнурен нуждой.
Его богатство — мысли и дела,
Направленные против лжи и зла.
Он человек был умный и ученый,
Борьбой житейской, знаньем закаленный.
Он прихожан евангелию учил
И праведной, простою жизнью жил.
Был добродушен, кроток и прилежен

^а По контрасту с развращенным монашеством и епископатом Чосер идеализирует фигуру бедного приходского священника, «младшего брата» пахаря (см. ниже). Образ жизни и воззрения священника совпадают со взглядами современника Чосера, знаменитого реформатора английской церкви Виклифа, и его последователей — «бедных проповедников».

И чистою душою безмятежен.
Он нехотя проклятью предавал
Того, кто десятину^а забывал
Внести на храм и на дела прихода.
Зато он сам из скудного дохода
Готов был неимущих наделять,
Хотя б пришлось при этом голодать.
Воздержан в пище был, неприхотлив,
В несчастье тверд и долготерпелив.
Пусть буря, град, любая непогода
Свищет, он в дальний край прихода
Пешком на ферму бедную идет,
Когда больной иль страждущий зовет.

Примером пастве жизнь его была:
В ней перед проповедью шли дела.
К чему вещать слова евангелиста,
Коль пастырь вшив, а овцы стада чисты?
Ведь если золота коснулась ржа,
Как тут железо чистым удержать?
Он не имел прихода на оброке,
Не мог овец, косящих в пороке,
Попу-стяжателю на откуп сдать,
А самому в храм лондонский бежать:
Там панихиды петь, служить молебны^б,
Приход добыть себе гильдейский, хлебный.

Он оставался с паствою своей,
Чтоб не ворвался волк в овчарню к ней.
Был пастырь добрый, а не поп наемный;
Благочестивый, ласковый и скромный,
Он грешных прихожан не презирал
И наставленье им преподавал
Не жесткое, надменное, пустое,
А кроткое, понятное, простое.
Благим примером направлял их в небо
И не давал им камня вместо хлеба.
Но коль лукавил грешник закоснелый,
Он обличал его в глаза и смело
Епитимью на лордов налагал.

Я лучшего священника не знал.
Не ждал он почестей с наградой купно
И совестью не хвастал неподкупной;

^а Десятина — налог, взимающийся в пользу церкви, размером в $\frac{1}{10}$ дохода.

^б Для таких священников, промышлявших отхожим промыслом, в лондонском соборе св. Павла было отведено 35 приделов, и число кормившихся там священников доходило до 50—55 человек одновременно.

Он слову божью и святым делам
Учил, но прежде следовал им сам.

С ним ехал пахарь — был ему он брат.
Терпеньем, трудолюбием богат,
За век свой вывез в поле он навоза
Телег немало; зноя иль мороза
Он не боялся, скромн был и тих
И заповедей слушался святых,
Будь от того хоть прибыль, хоть убыток.
Он рад был всякого кормить досыта,
Вдовице брался землю запахать:
Он ближнему старался помогать
И десятину нес трудом иль платой,
Хотя имел достаток небогатый.
Его штаны кругом в заплатках были,
На заморенной ехал он кобыле.

И мельник ехал с ними — рыжий малый,
Костистый, узловатый и бывалый.
В кулачных схватках всех он побеждал
И приз всегда — барана — получал.
Был крепок он и коренаст, плечом
Мог ставню высадить, вломиться в дом.
Лопатой борода его росла
И рыжая, что лисий мех, была.
А на носу, из самой середины,
На бородавке вырос пук щетины
Такого цвета, как в ушах свиньи;
Чернели ноздри, будто полыньи;
Дыханьем грудь натужно раздувалась,
И пасть, как устье печки, разевалась.
Он бабник, балагур был и вояка,
Кошун, охальник, яростный гуляка.
Он слыл отчаянным луном и вором:
В мешок муки умел подсыпать сора
И за помол тройную плату взять.
Но мельник честный — где его сыскать?

Взял в путь он меч и щит для обороны;
В плаще был белом с синим капюшоном.
Он на волынке громко заиграл,
Когда поутру город покидал.

Был рядом с ним, удачливый во всем,
Судейского подворья эконоом.
На всех базарах был он знаменит:

Паломники в Кентерберии. Из английской рукописи XV в.

Наличными берет он иль в кредит —
 Всегда так ловко бирки^а он сочтет,
 Что сливки снимет и свое возьмет.
 Не знак ли это благости господней,
 Что сей невежда богу был угодней
 Ученых тех, которых опекал
 И за чей счет карман свой набивал?
 В его подворье тридцать клерков жили,
 И хоть меж них законоведы были,

^а Эконом забирал товар в кредит «by taille», т. е. на бирки. При этом палочки с определенными нарезками, обозначающими количество купленного товара, раскалывались по длине на две части и при расчете представлялись продавцом и покупателем, которые часто бывали неграмотны. Совпадение нарезок при наложении бирок свидетельствовало о правильности расчетов.

И даже было среди них с десяток
Голов, достойных ограждать достаток
Знатнейшего во всей стране вельможи,
Который без долгов свой век бы прожил
Под их опекой вкрадчивой, бесшумной
(Будь только он не вовсе полоумный), —
Мог экономя любого околпачить,
Хоть научились люд они дурачить.

Понуро ехал желчный мажордом^а.
Он щеки брил, а волосы кругом
Лежали скобкою, был лоб подстрижен,
Как у священника, лишь чуть пониже.
Он желт и сух, и сморщен был, как мощи,
А ноги длинные, что палки, тощи.

Так овцам счет умел вести он, акрам
И так подчистить свой амбар или закром,
Что сборщики все оставались с носом,
Он мог решать сложнейшие вопросы:
Какой погоды ждать? И в дождь и в зной
С земли возможен урожай какой?
Хозяйский скот, коровни и овчарни,
Конюшни, птичник, огород, свинарни
У мажордома под началом были.
Вилланов^б сотни у него служили.
Он никогда не попадал впросак.
Пастух ли, староста, слуга ль, батрак —
Всех видел он насквозь, любые плутни
Мог разгадать: лентяи все и трутни
Его страшились пуще злой чумы:
За недоимки не избыть тюрьмы,
В уплату ж все имущество возьмет,
В своем отчете дыры тем заткнет.

Он сад развел, свой двор обнес он тыном:
В усадьбе пышной жил он господином.
Милорда своего он был богаче.
Да и могло ли быть оно иначе?
Умел украсть, умел и поживиться,
К хозяину умильно подольститься.
И лорда деньги лорду он ссужал,
За что подарки сам же получал.
А впрочем, ревностный он был работник
И в молодости превосходный плотник.

^а Управитель богатого поместья.

^б Поселянин, обязанный барщинными повинностями помещику.

Коня он взял за стать и резвый ход,
Конь серый в яблоках, а кличка «Скотт».
Жил в Норфолке почтенный мажордом,
Под Болдсуэллом, коль слышали о нем.
Был меч на поясе, хотя и ржавый.
Он синий плащ, изношенный на славу,
Как рясу, подобрал, в седле согнулся
И всю дорогу позади тянулся.

Церковного суда был пристав с нами.
Как старый Вакх, обилен телесами,
Он угреват был, глазки — словно щёлки,
И валик жиру на багровой холке.
Распутен и драчлив, как воробей,
Пугал он красной рожею детей.
И весь в парше был, весь был шелудивый;
А с бороды его, с косматой гривы
Ни ртуть, ни щелок, ни бура, ни сера
Не выжгли бы налета грязи серой,
Не скрыли бы чесночную отрыжку
И не свели бы из-под носа шишку.
Чеснок и лук он заливал вином
И пьяным басом грохотал, как гром.
Напившись, он ревел в своей гордыне,
Что изъясняется-де по-латыни.

А фраз латинских разве три иль две
В его тупой застряли голове
Из формул тех, что много лет подряд
В суде при нем твердили и твердят
(Так имя Вальтер повторяет бойко
Хозяином обученная сойка).
А вот спроси его и, кроме дури,
Одно услышишь: «*Questio quid juris*»^a.
Прожженный был игрок он и гуляка,
Лихой добытчик, дерзкий забияка.
За кварту эля он бы разрешил
Блудить пройдохе, да и сам грешил
Напропалую. С простака ж он шкуру
Сдирал, чтоб рот не разевал тот сдуру.
Найдя себе приятеля по праву,
Его учил церковному он праву:
Как отлучением пренебрегать,
Коль в кошельке не думаешь скрывать

^a А что говорит закон? (лат.)

Свои деньжонки. «Каждому понятно,
 Что рай никто не обретет бесплатно.
 И ты себя напрасно, друг, не мучь.
 От райских врат найдешь всегда ты ключ
 В своей мошне». Он в этом ошибался:
 Насколько б человек ни заблуждался,
 Но хоть кого на верный путь направит
 Викарьев ⁴ посох иль «Significavit» ^a.

Знал молодежь во всем он диоцезе ^б
 И грешникам бывал не раз полезен:
 Им в затруднениях давал совет.
 Был на челе его венок надет
 Огромный, словно с вывески пивной
 В руках не щит был — каравай ржаной.

С ним продавец был индульгенций папских,
 Он приставу давно был предан рабски.
 Чтобы его получше принимали,
 Он взял патент от братства Ронсевалья ⁵.
 Теперь, с товаром воротясь из Рима,
 Он, нежной страстью к приставу томимый,
 Все распевал: «Как сладко нам вдвоем!»
 Своим козлиным, жидким тенорком.
 И друг его могучим вторил басом,
 Что был сравним по силе с трубным гласом.

Льняных волос безжизненные пряди
 Ложились плоско на плечи, а сзади
 Косичками казались; капюшон
 Из щегольства давно припрятал он
 И ехал то совсем простоволосый,
 То шапкой плешь прикрыв, развеяв косы.

С изображением Христова лика
 В его тулье виднелась вероника.
 Он индульгенций короб с пылу, с жару
 Из Рима вез по шиллингу за пару.
 Глаза его, как заячьи, блестели.
 Растительности не было на теле,
 А щеки гладкие — желты, как мыло,
 Казалось, мерин он или кобыла,
 И, хоть как будто хвастать тут и нечем,
 Об этом сам он блеял по-овечьи.

^a «Указал нам досточтимый отец» — первые слова формулы, произносимой при заточении отлучаемого от церкви грешника.

^б *Диоцез* — епископский округ.

Но что касается святого дела —
Соперников не знал, скажу я смело.
Такой искусник был, такой был хват!
В своем мешке хранил чудесный плат
Пречистой девы и клочок холстины
От савана преславных кончины.
Еще был крест в цветных камнях-стекляшках,
Была в мешке и поросычья ляжка.
С их помощью, обманщик и нахал,
В три дня он денег больше собирал,
Чем пастырь деревенский за полгода
Мог наскрести с голодного прихода;
И, если должное ему воздать,
Умел с амвона петь он, поучать,
Умел и речь держать пред бедным людом,
Когда по церкви с кружкой шел иль с блюдом.
Он знал, что проповедью, поученьем
Народ склонить нетрудно к приношеньям,
И на амвоне, не жалея сил,
Он во всю мочь акафист голосил.

Теперь, когда я рассказал вам кратко,
Не соблюдая должного порядка,
Про их наряд, и званье, и причину
Того, что мы смешались не по чину,
Расположась просторно и привольно
В таверне, возле старой колокольни, —
Пора сказать, как время провели
Мы в этот вечер, как мы в путь пошли
И чем досуг в дороге заполняли.

Чтоб в озорстве меня не упрекали,
Вас попрошу я не винить меня
За то, что в точности припомню я
Все речи вольные и прибаутки.
Я это делаю не ради шуток:
Ведь знаю я, что, взявшись рассказать
Чужой рассказ, не надо выпускать
Ни слова из того, что ты запомнил,
Будь те слова пространны иль нескромны,
Иначе все неправдой извратишь,
Быль в небылицу тотчас обратишь...

Хочу, чтоб слово было делу братом...
Но коль не смог в сем сборище богатом,
Где знать, и чернь, и господа, и слуги,
Всем должное воздать я по заслуге, —

Что ж, видно было это не под силу,
Ума, уменья, значит, не хватило.

Хозяин наш, приветливо их встретив,
За ужин усадил и, чтоб согреть их,
Сготовил снедь и доброе вино
На стол поставил, и текло оно
Весь вечер за веселым разговором,
Шутливой песней, дружелюбным спором.

Вы не нашли б, харчевнику в замену,
И в Чипсайте^а достойней олдермэна.

Хозяин наш — осанкой молодецкой
С ним не сравнялся б ни один дворецкий —
Был обходительный, видать, бывалый,
Смекалистый мужик и добрый малый.
Начитан был он, и во всяком деле
Сноровист, весел и речист. Блестели
Его глаза, и речь была смела.
И только что мы все из-за стола
Успели встать и заплатить за ужин,
Как он сказал, смеясь, что хоть не нужен
Нам тост ответный, но он даст совет,
Который помогал от многих бед,
Первей всего от скуки: «Вас всегда,
Друзья почтенные и господа, —
Так молвил он, — я видеть рад сердечно:
Такой веселой и такой беспечной
Беседы я давно уж не слышал,

И целый год мой дом не принимал
Таких веселых и простых гостей.
У радости я не хочу в хвосте
Плестись и ваши милости делить —
Я мысль одну хочу вам подарить.

Идете в Кентербери вы к мощам,
И благодать божия воздастся вам.
Но вижу, что — на отдыхе ль, в дороге ль —
Не будете вы чопорны и строги:
Свой дух рассказом будете бодрить.
Кому веселость может повредить?
Коль с рожей постной едет путник бедный,
Вот это плохо, это даже вредно.
Но вы, друзья, послушавшись меня,
По вечерам, слезаячи с коня,

^а Чипсайд — главная торговая улица старого лондонского Сити.

Свежи, и веселы, и не усталы
Спать ляжете — и дня как не бывало!
Так соглашайтесь! Если ж не удастся
Мой замысел, пусть гром с небес раздастся
И прах отца из гроба пусть встает,
Меня ж земля пусть тотчас же пожрет».

Недолго все и в этот раз чинились,
И выслушать мы Гарри согласились.

.

ПРОЛОГ ПРОДАВЦА ИНДУЛЬГЕНЦИЙ.

Когда я отпущенья продаю,
Как можно громче в церкви говорю,
Я проповедь вызваниваю гордо,
Ее на память всю я знаю твердо,
И неизменен текст мой всякий раз:
«Radix malorum est cupiditas»^а.
Сказав сперва, откуда я взялся,
Патенты все выкладываю я,
Сначала от владетелей мирских —
Защитою печать мне служит их,
Чтобы не смел никто мне помешать
Святые отпущенья продавать.
Затем раскладываю булл немало,
Что дали папы мне, да кардиналы,
Да патриархи всех земных концов;
Прибавлю несколько латинских слов
И проповедь я ими подслащу,
К усердью слушателей обращаю.
Затем их взор прельщаю я ларцами,
Набитыми костями да лоскутами, —
Что всем мощами кажутся на вид.
А в особливом ларчике лежит
От Авраамовой овцы плечо.
«Внемлите, — восклицаю горячо, —
Коль эту кость опустите в родник,
То, захвораю у вас овца иль бык,
Укушены собакой иль змеей, —
Язык обмойте ключевой водой,
И здравы будут. — Дале молвлю я: —
От оспы, парша, гною, лишая
Излечится водою этой скот.
Внимай словам моим, честной народ.

^а Алчность — корень всех зол (лат.).

Пускай владелец тех овец, быков
Встает, что день, с зарей, до петухов,
И каждый раз из родника напьется,
И с Авраамовых времен ведется,
Что приумножится добро и скот.
От той воды и ревность пропадет:
Коль муженек ревнив, несносен, груб,
Из родника воды прибавьте в суп —
И ревности его как не бывало,
Хотя б жена при нем же изменяла,
Хотя бы путалась с тремя попами.
А вот еще перчатка перед вами:
Сию перчатку кто наденет, тот
Неслыханную жатву соберет
Ржи, ячменя, овса или пшеницы,
Лишь только бы не вздумал он скупиться.

Но слушайте, что я скажу сейчас:
Коль в церкви этой ныне среди нас
Есть человек, что отягчен грехом
И все ж покаяться не хочет в том,
Иль если есть тут грешная жена
И мужа обогатила она, —
Ни благости, ни права да не имут
Вносить свой вклад, зане их дар не примут;
Но кто свободен от греха такого,
Пускай дарит он по господню слову,
И будет отпущение дано,
Как буллой этой мне разрешено».

Так каждый год на хитрой этой ловле
Я марок^а сто собираю сей торговлей.
На кафедре стою я поп попом,
Простой народ рассядется кругом —
И вот я с ним преважно говорю
И неподобнейшую чушь порю.
Вытягиваю шею, что есть силы,
По сторонам раскланиваюсь мило,
Как голубок, сидящий на сарае;
Руками я и языком болтаю
Так быстро, что и поглядеть-то любо.
Им скупость, черствость я браню сугубо,
Лишь только б их мошну растормошить
И мне их денежки заполучить.
Мне дела нет, пускай, когда схоронят,
Душа иль плоть в мученьях адских стонет.

^а *Марка* — монета стоимостью 13 шиллингов 4 пенса.

Стремлюсь к тому, чтоб прибыль получать,
А не к тому, чтоб грешным помогать.

Что говорить, иные поученья
Исходят от дурного побужденья:
Чтоб к грешнику вернее подольститься,
Успеха лицемерием добиться, —
Иль из тщеславия, иль из вражды.
Но если враг мой шатнет труды,
Его я проповедью уязвлю
Так, что назвать не сможет речь мою
Он клеветой — достойная расплата,
Коль оскорбил меня ль, другого ль брата.
Я имени его не называю,
Но всяк поймет, кого я обличаю,
По описанью, — я уж постараюсь,
С любым врагом мгновенно расквитаюсь.
Я для народа праведен на вид:
Мой яд под видом святости сокрыт.
Я мысль свою вам вкратце изложу:
Стяжанья ради проповедь твержу,
И неизменен текст мой всякий раз:
«Radix malorum est cupiditas».

Да, алчность — мой испытанный конек
И, кстати, мой единственный порок.
Но если в алчности повинен я,
Ее врачует проповедь моя,
И слушатели горько слезы льют.
Вы спросите, зачем морочу люд?
Ответствую: затем, чтобы стяжать.
Достаточно об этом рассуждать.

Так вот, я им рассказываю ряд
Историй, бывших много лет назад;
Такие рассказы простой народ
И слушает, и сам передает.

Я даром проповеди наделен,
К стяжанию привержен и смышлен —
Мне что ж, по-вашему, жить бедняком?
Им никогда не стану нипочем,
И, проповедуя по всем краям,
Рукам своим работать я не дам.
Корзины плести и тем существовать?
Нет! Я умею деньги собирать.
К чему мне пост, евангелия заветы,
Покуда есть вино, еда, монеты?
Пусть прибыль мне от бедняка идет,
Пусть мне вдова последний грош несет,

Хоть дети впроголодь сидят давно, —
Я буду пить заморское вино,
Любовниц в каждом заведу селенье.

Вот что скажу, о други, в заключение:
Хотели слышать вы рассказ правдивый,
Так вот, когда напьюсь я вдосталь пива,
Вам расскажу историю на славу,
Которая придется всем по нраву.
Пусть я и развратен, и порочен,
Но проповедовать люблю я очень,
Ведь этим я и деньги собираю,
Прошу вниманья. Повесть начинаю.

ТОМАС МЭЛОРИ

Томас Мэлори (Malory, ок. 1417—1471), дворянин, был членом парламента, принимал участие в феодальных междоусобицах, известных под названием «Войны алой и белой розы» (1455—1485). В тюрьме написал обширный роман «Смерть Артура» (*La mort d'Arthur*, 1469), изданный английским первопечатником Вильямом Кэкстоном в 1485 году и являющийся наиболее значительным памятником английской художественной прозы XV века. В романе Мэлори широко использованы старинные сказки о рыцарях круглого стола. Перед читателем проходят король Артур и его супруга королева Гвинивера, прославленные рыцари Ланселот, Ивейн и другие воители бретонского цикла. Они служат сюзерену и прекрасным дамам, сражаются, участвуют в турнирах, разыскивают св. Грааль. Но, пожалуй, наибольшую силу обретает Мэлори, когда он описывает феодальные распри, кровавую борьбу феодальных кланов. Ведь он сам был активным участником подобной борьбы и окончил свои дни в темнице.

ИЗ РОМАНА «СМЕРТЬ АРТУРА»

Книга 21

КАК СЭР МОРДРЕД НАГЛО ЗАДУМАЛ СТАТЬ КОРОЛЕМ АНГЛИИ И ПОЖЕЛАЛ ЖЕНИТЬСЯ НА КОРОЛЕВЕ, СУПРУГЕ ОТЦА СВОЕГО

Оставшись правителем всей Англии, сэр Мордред повелел составить письма, которые пришли словно бы из-за моря, а в письмах тех значилось, что король Артур убит в бою с сэром Ланселотом^а. И тогда сэр Мордред назначил парламент и созвал баронов и принудил их провозгласить его королем. И был он коронован королем в Кентерберии и устроил там пир на пятнадцать дней.

^а Король Артур в угоду племяннику своему Гавейну отправился в поход против сэра Ланселота.

А после прибыл он в Винчестер, захватил королеву Гвиниверу и открыто объявил, что намерен на ней жениться (а она была женой его дяди и его отца).

Стали готовиться к празднеству, и назначен уже был день, когда должны были они повенчаться; и тяжело было на душе у королевы Гвиниверы. Но печаль свою она открыть не осмелилась, говорила речи^а любезные и согласилась поступить по желанию сэра Мордред.

И для того испросила она у сэра Мордред позволения отправиться в Лондон и закупить там всякой всячины, потребной к свадьбе. Сэр же Мордред из-за речей ее любезных ей поверил и отпустил. А она, лишь только прибыв в Лондон, удалилась в Лондонский Тауэр^а и, со всей поспешностью запасшись всевозможным провиантом, засела там с надежным гарнизоном.

Когда узнал об этом сэр Мордред, жестока и безмерна была его ярость. И говоря коротко, он обложил Тауэр могучей ратью, то и дело пускаясь на штурмы, наставляя стенобитные машины и палая из тяжелых пушек. Но все было напрасно, ибо королеву Гвиниверу ни добром, ни угрозами не удавалось склонить довериться сэру Мордреду и вновь отдаться ему в руки. И прибыл к сэру Мордреду епископ Кентерберийский, муж ученый и святой, и сказал ему так:

— Сэр, что задумали вы? Или вы хотите оскорбить господа бога, а затем еще опозорить себя и все рыцарство? Ибо разве король Артур вам не дядя родной, и не далее как брат вашей матери? И разве не от него же она и родила вас, его родная сестра? И потому как можно вам взять себе жену вашего собственного отца? Потому, сэр,—сказал епископ,—оставьте этот замысел, а иначе я прокляну вас книгой, колоколом и свечой^б.

— Делай, что хочешь,—отвечал ему сэр Мордред.—Я же знать тебя не желаю!

— Сэр,—сказал епископ,—да будет вам ведомо, что я не побоюсь исполнить мой долг. К тому же, вы пустили слух, будто господин мой Артур убит, а это ложь, и потому черное дело затеяли вы на этой земле!

— Молчать, лживый поп! — вскричал сэр Мордред.—Если ты еще будешь меня попрекать, я отсеку тебе голову!

Епископ удалился и предал его самому грозному проклятью, какое только можно произнести. Тогда сэр Мордред решил разыскать епископа Кентерберийского и предать его смерти. Пришлось епископу бежать, захватив с собою часть своего добра, и скрылся

^а Старинная крепость на берегу Темзы.

^б Старинная формула церковного отлучения по католическому ритуалу, согласно которому читается текст библии («Книга»), звонят колокола и гасятся свечи.

он в окрестностях Гластонбери. Там жил он отшельником в часовне, пребывая в бедности и в святых молитвах, ибо он хорошо понимал, что близится усобная война.

А сэр Мордред меж тем пытался письмами и посольствами, добром или хитростью выманить королеву из Лондонского Тауэра; но все его усилия были тщетны, ибо королева отвечала ему кратко и на открытые его послания и на тайные, что она охотнее убьет себя, чем станет его женой.

Но вот прибыло к сэру Мордреду известие, что король Артур снял осаду с сэра Ланселота и возвращается домой с большим войском, дабы отомстить сэру Мордреду. И тогда сэр Мордред разослал письма ко всему баронству нашей страны. Собралось к нему множество народу, ибо среди баронов общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войны и усобицы, а при сэре Мордрде — веселие и благодать. Так был ими король Артур подвергнут хуле и поруганию, а между ними были многие, кого король Артур возвысил из ничтожества и наделил землями, но ни у кого не нашлось для него доброго слова.

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь ты был величайший из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остались довольны англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не отстали от этого обычая. Увы! это у нас, англичан, большой порок, что долго нам ничто не мило.

Так было с людьми и в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не благородный король Артур, и много народу стеклось к сэру Мордреду, и они объявили ему, что будут стоять за него и в беде и в удаче. И вот с большим войском сэр Мордред подошел к Дувру, ибо там, он слышал, должен был высадиться король Артур, и потому он задумал силой не допустить родного отца на родную землю. И почти вся Англия была на стороне сэра Мордред, ибо люди так падки до перемен.

**КАК, УЗНАВ ОБ ЭТОМ, КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕРНУЛ ВОЙСКО
И ПРИБЫЛ В ДУВР, ГДЕ СЭР МОРДРЕД ПОДЖИДАЛ ЕГО, ДАБЫ
ПОМЕШАТЬ ВЫСАДКЕ, И О СМЕРТИ СЭРА ГАВЕЙНА**

И вот, когда сэр Мордред со всем войском был уже в Дувре, прибыл туда король Артур с большим флотом кораблей, галеонов и карак, но сэр Мордред уже наготове поджидал его на берегу, дабы воспрепятствовать родному отцу высадиться на землю, над которой тот был королем.

Стали спускать на воду суда большие и малые, полные славных воинов; и немало благородных рыцарей тут было побито, и немало

высокомерных баронов повержено в ничтожество с обеих сторон. Но король Артур был так храбр, что никто из рыцарей не смог помешать ему высадиться на берег, и его рыцари бесстрашно пробились вслед за ним. Так высадились они вопреки сэру Мордреду со всем его могуществом и обратили в бегство его и его войско.

А когда окончился бой, король Артур повелел разыскать всех своих рыцарей, кто был ранен или убит. И был найден сэр Гавейн лежащим замертво на дне большой лодки. Когда услышал король Артур про такую беду, он пошел к нему и нашел его при смерти. Горько заплакал король, убивался жестоко, он заключил сэра Гавейна в свои объятия и трижды лишился чувств. А когда пришел в себя, то сказал так:

— Увы! сэр Гавейн, сын сестры моей, вот лежишь ты, кого я всех более на свете любил! Не видать мне больше радости! Ибо теперь племянник мой сэр Гавейн, я открою тебе, что в тебе и в сэре Ланселоте была вся моя радость, на вас — все мое доверие. И теперь я лишился вас обоих, и потому не видать мне уж больше радости на этом свете!

— Ах, мой дядя, — сказал сэр Гавейн, — знайте же, что наступил мой смертный срок. И все это через собственную мою нетерпимость и ненависть, ибо моею ненавистью я навлек на себя же погибель; ведь нынче я принял удар по старой моей ране, которую нанес мне сэр Ланселот, и чувствую я, что к полудню должен буду умереть. Это из-за меня, из-за моей гордыни терпите вы такой позор и урон, ведь будь благородный рыцарь сэр Ланселот сейчас с вами, как бывал он прежде и был бы и в этот раз, эта злосчастная война никогда бы не началась; ибо он рыцарским своим благородством вместе с рыцарями его благородной крови всех ваших злобных врагов держал в страхе и повиновении. И вот теперь, — молвил сэр Гавейн, — вы пожалеете, что нет с вами сэра Ланселота. Увы! зачем я не примирился с ним! И потому прошу, любезный дядя, пусть мне дадут бумагу, перо и чернила, дабы я мог написать письмо сэру Ланселоту, начертанное моею собственной рукой...

...Тут он заплакал, и король Артур тоже, и они оба лишились чувств. А когда они пришли в себя, то король распорядился, чтобы дали сэру Гавейну последнее причастие, а потом сэр Гавейн стал просить короля послать за сэром Ланселотом и принять его с лаской и почетом как ни одного из рыцарей.

А в час полудня сэр Гавейн испустил дух. И повелел король похоронить его в часовне в стенах Дуврского замка. Там и сейчас все люди могут видеть его череп, и видна та рана, что нанес ему в поединке сэр Ланселот.

Вскоре король узнал о том, что сэр Мордред опять расположил войска свои для боя на взгорье Бархем-даун. Ранним утром король Артур поскакал туда со своей ратью, и там был у них великий бой,

и много людей было побито и с той, и с другой стороны. Но под конец войско короля Артура одержало верх, и сэр Мордред со своими людьми бежал в Кентерберии...

**КАК ИЗ-ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ С ГАДЮКОЙ
СРАЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ, В КАКОВОМ СРАЖЕНИИ СЭР МОРДРЕД БЫЛ
УБИТ, А КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН**

И на том они сговорились, что король Артур и сэр Мордред встретятся на глазах у обеих армий, каждый в сопровождении четырнадцати человек. С тем и возвратились они к королю Артуру. И сказал он:

— Я доволен, что дело удалось.

И отправился на поле.

Но уходя, король Артур наказал своему войску, что, если где-нибудь блеснёт обнаженный меч, пусть нападают, не мешкая, и убьют этого предателя сэра Мордреда.

— Ибо я вовсе ему не доверяю.

Точно так же и сэр Мордред наказал своему войску:

— Если только заметите вы блеск меча обнаженного, нападите, не мешкая, и рубите всех, кто будет перед вами, ибо я во все не доверяю этому перемирию.

Ибо я, — сказал сэр Мордред, — знаю наверное, что мой отец захочет мне отомстить.

И вот встретились они, как было условлено, и обо всем сговорились и согласились. Принесли вино, и они выпили друг с другом. Но в это самое время из кустика вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ногу. Почувяв боль, взглянул рыцарь вниз, увидел гадюку и, не чая зла, выхватил меч свой, чтобы ее убить. Но в тот же миг оба войска, заметив блеск обнаженного меча, затрубили в рога, трубы и горны и с грозными возгласами ринулись навстречу друг другу. Тогда вскочил король Артур на коня, молвил: «Увы, несчастный этот день!» — и поскакал к своим; и так же поступил и сэр Мордред.

С тех пор не видел свет ни в одной христианской земле битвы ужаснее, — разили пешие, кололи конные, носились войны по полю, и немало страшных слов было произнесено между врагами; и немало обрушено смертоносных ударов. Но король Артур скакал сквозь ряды Мордредова войска, свершал славные подвиги, какие подобает столь благородному королю, и не дрогнул ни разу. Так же и сэр Мордред поступал в тот день по долгу чести, идя навстречу жестоким опасностям.

Так бились благородные рыцари целый день без передышки, покуда не ложились костями на сырую землю. И продолжалась битва до самой ночи, а к тому времени уже сто тысяч человек по-

легло мертвыми на холмах. И жестоко разгневался король Артур, видя, сколько народу его перебито.

Вот огляделся он вокруг себя и от всего его славного войска и ото всех его добрых рыцарей лишь двух рыцарей увидел в живых: один был сэр Лукан-Дворецкий, а второй — брат его сэр Бедивер. Но и они оба были тяжко изранены.

— Иисусе милостивый! — молвил король, — куда же делись все мои благородные рыцари? Увы! зачем дожил я и увидел этот горестный день! Ибо теперь, — сказал король Артур, — наступил мой конец. Но клянусь, хотелось бы мне знать, — сказал он, — где сейчас этот предатель сэр Мордред, по чьей вине случилась вся эта беда?

Тут король Артур оглянулся еще раз и увидел сэра Мордреда — он стоял, опираясь на меч свой, а вокруг него была большая груда мертвых тел.

— Дайте мне мое копьё, — сказал король Артур сэру Лукану, — ибо вон там я вижу предателя, который навлек на нас все это горе.

— Сэр, оставьте его, — сказал сэр Лукан, — ибо он несчастен. И если только вы переживете этот злосчастный день, вы еще будете отомщены. Ибо вспомните, мой господин, сон, что приснился вам минувшей ночью, вспомните, о чем предупреждал вас дух сэра Гавейпа, и все же господь в милости своей сохранил вас от смерти. Потому, господа бога ради, оставьте это, ибо, благословенье богу, победа ныне осталась за вами, ведь нас с вами в живых здесь трое, тогда как у сэра Мордреда в живых нет больше никого. И потому если теперь вы прекратите бой, этот недобрый День Рока с тем и минет.

— Нет, смерть ли, жизнь ли будет мне дальше уделом, — отвечал король, — но я вижу его там одного, и он не уйдет из моих рук! Ибо больше он мне, быть может, уже никогда не попадется.

— Помоги вам бог! — сказал сэр Бедивер.

Вот взял король копьё обеими руками и побежал на сэра Мордреда, крича так:

— А, предатель! Пришел твой смертный час!

Но сэр Мордред, увидя бегущего на него короля, устремился ему навстречу с обнаженным мечом в руке. Король Артур достал сэра Мордреда из-под щита и пронзил его насквозь острием своего копья. Но почувя смертельную рану, из последних сил рванулся сэр Мордред вперед, так что по самое кольцо рукоятки вошло в его тело копьё короля Артура, и при этом, держа меч обеими руками, ударил он отца своего, короля Артура, сбоку по голове, и рассек меч преграду шлема и черепную кость. И тогда рухнул сэр Мордред наземь мертвый.

Но и благородный король Артур повалился без чувств на землю. И много раз он падал без чувств, а сэр Лукан с сэром Бедиве-

ром его поднимали, и так, потихоньку, из последних сил, довели они его до маленькой часовни у самого моря, и когда король очутился там, ему словно бы сразу полегчало. Вдруг слышат они крики на поле.

— Пойди, сэр Лукан, — сказал король, — и узнай мне, что означает этот крик на поле.

Сэр Лукан с ними простился, ибо был он тяжело изранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений.

Разглядев все это, поспешил сэр Лукан, как мог, к королю и поведал ему обо всем, что видел и слышал.

— И потому мой совет, — сказал сэр Лукан, — чтобы мы доставили вас в ближайший город^а.

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ XIV—XV ВВ.

Джон Барбор.

Джон Барбор (1316—1396) — выдающийся шотландский поэт. Родился в Эбердине, обучался в Оксфордском университете, был клириком, дипломатом и королевским чиновником. Его самое значительное произведение — обширная (около 14 000 стихов) поэма «Брюс» (1376 г.), прославлявшая освободительную борьбу шотландцев под предводительством Роберта Брюса с английскими завоевателями (начало XIV в.). Поэма эта, встретившая живой отклик в широких кругах, стала национальным эпосом Шотландии.

БРЮС

Начинается патриотическое творение Барбора с прославления свободы, с призыва восстать против полчищ английского короля Эдварда I.

Свобода, ты одна даешь
Нам смысл и радость в жизни, кто ж
Тебя захочет потерять,
Рабом и трусом подлым стать?
...Уж лучше смерть в бою принять,
Чем в рабстве черном увядать...

^а В последующих главах повествуется о том, как король Артур покинул здешний мир.

Далее говорится о самоотверженной борьбе патриотов, руководимых национальным героем шотландцев — Робертом Брюсом — против безжалостных захватчиков — английских феодалов и их короля — Эдварда I (а затем и его сына Эдварда II).

Разбитый при Метвине, травимый собаками и преданный шотландскими феодалами, потеряв в борьбе жену и 14-летнюю дочь, Брюс бежит в Ирландию, дабы переждать «эпидемию измен». Когда король шотландцев ступил на почву Ирландии, к нему подошла простая крестьянка:

...Герой

На землю Эрина ступил,
Но вид его не веселил
Ни зеленеющих лужаек,
Ни лебедей прекрасных стаяк,
Ни горных пастбищ пестрота...
Была на сердце маята —
Утрат, сомнений горьких плод...
А как поймет вождя народ?
Печальны думы короля...
К нему крестьянка подошла,
И, поклонившись, изрекла:
— Пожалуй, государь, сюда,
У нас изменников здесь нет,
Любовь Вас ждут лишь и совет;
Унынью воли не давайте,
Утраты тоже не считайте,
Теперь не время горевать,
Свой дом нам нужно защищать:
Горит, пылает край родной,
Грозят нам смертью и бедой
Эдвард и армии его,
Не пожалеем ничего,
Чтоб рать захватчиков отбить,
И скот и дом я заложить
Велю, чтоб воинов снабдить.
Тебе же ныне отдаю
Я кровь, и плоть, и честь мою:
Я двух взрастила сыновей,
Возьми же их, они смелей,
Чем гордый сокол, и сильнее,
Чем лев нумейский, — их стрелять,
Мечом владеть, верхом скакать
Мой муж покойный научил,
Свою он голову сложил
В бою с жестоким супостатом,
С английским латником проклятым...

(Кв. III)

Брюс возвращается снова на родину и после тяжелой борьбы изгоняет английских захватчиков за пределы Шотландии. Ему остается взять только замок Стирлинг, где находился сильный английский гарнизон. Из-за Стирлинга разгорелась решающая битва при Баннокберне, вошедшая в историю как пример шотландской доблести и славы.

Целых пять книг своего эпоса посвящает Джон Барбор описанию этой битвы (кн. IX—XIII).

Брюс и его свита заранее подготовили оборонительную полосу в долине шириной 8—10 миль, имеющей всего одну твердую узкую дорогу, в то время как вправо и влево от нее располагались болота, почти непроходимые. Воины Брюса искусно замаскировали ловушку для вражеской конницы: железные колючки, старые морские якоря, неглубокие канавки, прикрытые дерном, волчьи ямы...

23 июня 1314 г. Брюс выслал навстречу приближающемуся войску англичан конную разведку под командой маршала Кейта и генерала Дугласа:

...Кавалеристы залегли...
И вот увидели они,
Как, извиваясь змеей,
Ползет вдали за строем строй;
Сверкают племы золотые,
Щиты, топорики литые,
И копий целый лес встает,
Знамен потерял даже счет...
Вот едут рыцари стальные,
Блестят доспехи дорогие,
Пехоте, видно, нет числа,
Там — артиллерия вползла...
Как вражья сила велика,
О, чьи б не дрогнули сердца!

Английский король Эдвард II въезжает на холм, чтобы оглядеть перед битвой вражеские полки.

...Король и маршалы его
На холм поднялись высоко,
Оттуда Стирлинг виден был,
Но фронт шотландцев заслонил
Полнеба, — храбрые сыны
Гористой, маленькой страны —
Они, казалось, смирились,
Все на колени опустились,
Знамена, копья и щиты
Склонили до сырой земли...
Король английский ликовал:
«Они сдаются, сенешал,
Они раскаялись, и мы

Охотно их простим...» — «Но Вы
Неверно оценили их,
О, мой король, на тех двоих
Босых монахов посмотрите,
Свое вы мнение измените.
Аббат Морис с своим слугой
Молебен служит там простой,
Он патриотов вдохновляет,
На подвиг их благословляет,
Они клянутся победить
Иль умереть, но честь добыть...»
Король с досады покраснел
И битву начинать велел...

По знаку маршала Джильберта
Вперед все лучники ушли,
Присев, позицию нашли,
Учли и ветра вольный лет,
И десять тысяч стрел в полет
Послала тетива тугая,
А йомен, отдыха не зная,
Звенел упрямой тетивой
И поражал за строем строй...

...Английских лучников отряд
Стрелял без промаха, назад
Уж пятиться шотландцы стали,
А стрелы длинные хлестали
И сыпались, как град иль дождь,
И стало уж бойцам невмочь,
Как перед молнией небесной
Был незащищен латник честный,
И храбрый горец падал ниц,
И крики ужаса неслись
Со всех сторон — им отвечали
Протяжным ржаньем кони — звали
Они отважных седоков —
Росли все горы мертвецов...
Но Брюс предвидел это зло:
Знаком он был уже давно
С ужасным йоменов искусством.
...Растет в болоте вереск густо,
Гнилая топь пугает взор,
Но через эту топь дозор
Отважный маршал Кейт послал...

Он сам с отрядом вслед шагал...
Близка так твердая земля,
Надеждою манит она,
Болото многих погубило,
Но главная прорвалась сила:
«Вперед! За Брюса, за народ!»
Отряд насел — за взводом взвод —
На арбалетчиков врага,
Колол, рубил их без конца,
Их луки грозные сломал,
Их стальные стрелы притоптал...
Погибли меткие стрелки,
У речки Баннок все легли,
Им не гулять с рожком и луком
В лесу Шервудском, где под буком
Они беспечно пировали,
Оленьи туши свежевали...
Невесты выйдут за других,
И только в песнях вспомнят их.

Впервые в истории шотландские войска наголову разгромили огромную английскую армию, состоявшую из отборных арбалетчиков, рыцарской конницы, многочисленной пехоты.

Английский король Эдвард II едва не попал в плен. Его лучшие рыцари и гвардия — все погибли. При жизни Брюса англичане не дерзали больше нападать на Шотландию.

Генрисон.

Роберт Генрисон (1425—1506) — шотландский поэт предренессансной поры. Был школьным учителем, позднее стал магистром, преподавателем университета в Глазго. Его перу принадлежат дидактические стихи и поэмы, пастораль в октавах «Робин и Макейн», поэмы на сюжеты античных сказаний: «Орфей и Евридика» и «Завещание Крессиды». Последняя из названных поэм представляет собой продолжение поэмы Чосера «Троил и Крессиды». Значительный интерес представляют «Нравоучительные басни» Генрисона, принадлежащие к лучшим образцам этого жанра в европейской литературе позднего средневековья. Написанные живо и остроумно, они содержат жанровые зарисовки, изобилующие выразительными бытовыми деталями. В этом отношении примечательна басня «О городской и сельской мышах», приобретшая значительную известность. Басня осуждает богатую праздную жизнь, превращающую человека (в басне — городская мышь) в черствого себялюбца, способного покинуть ближнего в трудную минуту. Написана басня семистрочной «королевской» строфой (*ав ав есс*), впервые введенной в литературный обиход шотландским королем поэтом Яковом I (начало XV в.).

БАСНЯ О ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЫШАХ.

1

Две серых мышки, две сестры
В разлуке много лет прожили...
Сбылись у старшенькой мечты:
Ее в столицу пригласили...
А младшую, случилось, били
За воровство с чужих полей:
Землицы не было своей...

2

Ей приходилось голодать,
От лютой стужи погибать,
Нередко жизнью рисковать...
Сестра ж ее забот не знала:
Налогов, пошлин не платила,
Богатство нагло наживала,
Куда ей вздумалось — катила...

3

Но, нахватав добра чужого,
Внезапно мышка захандрила:
Уж сколько лет лица родного
Она вокруг не находила —
И вот, внезапно заспешила,
К себе в деревню собралась,
С клюкой, босая поплелась

4

По тайным путаным тропинкам,
Через болота, через лес,
Кололи лапки ей былинки,
И мех весь на боках облез,
Когда зверек сквозь вереск лез.
Но вот знакомая нора:
— О, милый друг, проснись, пора!

5

Сестра навстречу ей спешит,
Ее в объятия заключает,
Смеется, плачет, тормошит,

То захохочет, то вздыхает;
Дары ей старшая вручает,
Затем, обнявшись, входят в дом,
Вернее, в норку под полом.

6

Родительский был домик мал —
Из вереска и торфа сделан, —
Сухой и чистенький подвал,
В жару прохладный. Был он вделан
В огромный камень — в дождь там смело
Укрыться можно было, но
Мороз кусал их все равно:

7

Ни дров, ни печки не имели,
Всю зиму, бедные, дрожали...
За шаткий столик сестры сели,
Меньшая бойко угощала,
Бобы, орехи предлагала;
Но старшая скривила рожу:
И это — хлеб насущный? Боже!

8

— Смеешься над сестрой ты милой?
— Жалею просто. Пища — яд.
— Мадам, — тут младшая вспылила, —
Мне мама часто говорила,
Что девять месяцев подряд
Она обеих нас носила
Под сердцем, — вот, дружок, в чем сила!

9

Тогда богачка улыбнулась:
— Прости, сестрица, не ругай,
Но, понимаешь, я втянулась,
Живу как Лорд (о чем узнай,
Но, чур, соседям не болтай!)
Орехом — зубы поломаю,
А от бобов — умру, я знаю!
.

14

Да пятница моя страстная
Роскошней вапей скудной пасхи!
И ждет тебя беда большая:
Ты и теперь совсем больная
От голодовок; без опаски
Идем со мной: в моих домах
Ты вечный свой забудешь страх...

15

По-королевски станешь жить,
Так при дворе не угощают:
Как Леди будешь есть и пить;
Нас мышеловки не терзают,
Ленивый кот не замечает,
Кухарки мясом закармили,
Его свирепость укротили...

16

Они лишь ночью в путь пускались,
А днем спокойно отдыхали
В глухом леске: они старались
Поменьше спать — все избегали
Опасных встреч. Они страдали
От грязи, голода... но вот
Громада города встает...

17

Вот городская мышь ведет
Сестру на главную квартиру,
Их изобилие тут ждет:
Бочонки с маслом, формы с сыром,
Колбасы, кейки и пломбирсы,
Севрюга, тёша и икра —
Кладовка доверху полна

18

Была. Вот стол они накрыли,
И стали вольно пировать...
Сестра хозяйку все хвалила:
— Подобных кушаний подать

Сам Лорд не смог бы... благодать
Тебя здесь божья осенила,
Спаси тебя Христос, друг милый...

19

И мышки вдруг развеселились:
То потанцуют, то споют;
Смеялись, прыгали, резвились,
Не чуя, что уже их ждут
Несчастья, слезы, что идут
На смену счастью: дверь открылась,
Фигура грозная явилась...

20

То был дворецкий — он спешил
И пир мышиный не заметил;
Гремя ключами, ворошил
В углу мешки и что-то метил;
Тут старшая, что было сил,
К норе секретной побежала,
Сестра же — в обморок упала.

21

Дворецкий вскоре вышел вон,
Оставив двери нараспашку,
И старшая, услышав стон
Сестры, приподняла бедняжку.
Рыдая, та стонала тяжко,
И, вздрогнув, друга отстранила,
И дико вдруг заголосила.

22

«Не надо, милая, молчи, —
Сестра ей ласково сказала, —
И слезы все свои утри» —
И блюда новые достала.
Но пить и есть сестра не стала:
— Твоих даров я не приму,
В деревню лучше побреду...

23

Но все ж сестра ее склонила
К столу роскошному присесть,

На милость гнев она сменила
И собралась уже отъесть
Кусок от окорока — честь
Сметанке также оказать,
Затем, урча, медок слизать;

24

Как вдруг игрун наш, Гил-мурлыка,
Мяукнув, грозный, к ним вбежал;
В одну секунду, пискнув дико,
Хозяйка юркнула в подвал,
(О щели той никто не знал)
Сестру покинув вновь в беде,
И та, в предсмертной маяте,

25

Кота напрасно умоляла,
И гордый род его хвалила;
Усатый рыцарь для начала
Ее подбросил вверх в полсилы;
Как бы готова ей могилу,
Он лапой после придавил,
И вдруг (возможно ль) отпустил!

26

Тут мышка бросилась бежать, —
Кот — прыг — опять ее поймал,
Он мог бы вмиг ее сожрать,
Но от кухарки получал
Он столько мяса, ребухи,
Яичек, сыра, щей, ухи,
Что есть он вовсе не желал,

27

Но думал только об игре...
Фортуна мышке улыбнулась,
Ее забросив в щель в стене;
Коту ж проказнику взгрустнулось,
Зевнув, он прочь пошел; на дне
Убежища лизала раны
Страдалица. Хозяйке ж странной

28

Вдруг показалась тишина.
Покинув свой тайник надежный,
Зовет вновь гостьюшку она:
— Жива ль? Откликнись! Осторожно
На свет вновь показаться можно,
Гроза прошла, давай играть
И вновь беспечно пировать!

29

Со стоном младшая явилась,
Вся исцарапана, избита,
С насмешкой старшей поклонилась:
— Ну, угодила мне сестра ты!
— Здесь жизнь — как райские мечты!
— Но за такое изобилье
Беднягу до смерти прибили.

30

Чем так с опаской пировать,
Уж лучше нищенствовать дома,
Лишь богачам тут благодать,
А беднякам — не сдобровать;
Спокойней будет на соломе
В убогой хижине им спать
И жизнью зря не рисковать...

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА XIV ВЕКА.

Нижеследующие три стихотворения по всем признакам принадлежат поэтам XIV в. (Рукопись стихотворения «Деревья оделись листвою...» хранится в Вене, рукописи двух других стихотворений — в Праге.) Попытки некоторых современных литературоведов (В. Черный) установить зависимость этих стихотворений от западноевропейских образцов (провансальских и итальянских) не могут быть признаны убедительными: и свободная форма, и содержание этих стихотворений в достаточной степени самобытны, чтобы воспринимать их как самостоятельные образцы чешской национальной поэзии. В стихотворении «Деревья оделись листвою...» очень характерен свойственный чешскому жизнерадостному мироощущению неожиданный переход от любовной грусти к совершенно шутливой концовке.

ДЕРЕВЬЯ ОДЕЛИСЬ ЛИСТВОЮ...

Деревья оделись листвою,
И в рощах поют соловьи...
О ласковый май! Пред тобою
Открою печали мои!

Я сам отошел от любимой
И сердце на муки обрек,
Но даже далекой, незримой
Неверным я стать бы не мог.

Дивлюсь, что так сердце
 упрямо,
Забвенья ему не дано.
Одною, все тою же самой,
По-прежнему полно оно.

Зачем называть ее имя?
Любовь я, как тайну, храню.
Она поделилась с другими
И выдала тайну свою.

Любовник нескромный,
 болтливый
Недолго любовь сохранит,
Какой бы он ни был счастливый,
Любовь все равно улетит.
И женщин на свете нет краше,
Чем та, что любила меня.
Не выдадим тайну мы нашу
Мы оба: ни сердце, ни я.
С раскрытием тайны на свете

Приходит и счастьем конец.
Так пусть же не ведает третий
Про счастье двух верных сердец!
Совет мой вам, пани и панны,

Он сможет вам очень помочь:
Коль станет болтлив ваш
желанный,
Гоните немедленно прочь!

СКОРБИ ТАЙНОЙ И ГЛУБОКОЙ...

Скорби тайной и глубокой
У меня на сердце след:
Разлучен я с сероокой,
И конца разлуки нет.

Но сказала как-то слово,
И его мне не забыть,
Вечно свежо, вечно ново
В сердце бедном будет жить.

Мне бы с нею повидаться,
На нее взглянуть разок,
Перестал бы я терзаться,
Успокоиться бы смог.

Обещала неизменно
Оставаться мне верна,
И залогом драгоценным
Вся душа моя полна.

Мне б узнать, что не забыла,
Что никто еще другой
Не владеет сердцем милой,
Что она всегда со мной.

Сероглазой соколицей
Я навеки заповнен.
Неужели только снится
Мне любви чудесный сон?

СТРАЖА ЗОРКАЯ ЛУКАВА...

Стража зоркая лукава...
На коне через дубраву
Я до милой доскачу,
Эту ночь с ней быть хочу!

Стража сонная дремала...
Эту ночь меня ласкала,
Верность сердца сохраня,
Панна нежная моя.

На деревьях зазвенели
Птичьи песни, свисты, трели.

Панна встала ото сна,
И промолвила она:

— Мой любимый! Утро скоро,
И проснется злая свора
Беспощадных сторожей.
Уезжай же прочь скорей!

Им на радость наша мука —
Наша горькая разлука.
— Нет! Разлука не страшна,
Если будешь мне верна!

ЛЕКАРЬ.

«Лекарь» («Mastičkai», точнее—«Продавец мазей») является наряду с мистерией о «Гробе господнем» самым старым из дошедших до нас образцов чешской драматической поэзии. Автором пьесы был, вероятно, кто-либо из «жаков», т. е. студентов, или вообще человек ученый; это явствует хотя бы из того обстоятельства, что все ремарки к тексту написаны по-латыни и, кроме того, частично написаны по-латыни и роли трех жен-мироносиц. Поэтому можно допустить, что пьеса была создана студентами и разыгрывалась ими в большие церковные праздники. Однако особенности языка и орфографии указывают на ее принадлежность к периоду более раннему, чем 1348 г. (год основания в Праге постоянного университета), а именно — к последним десятилетиям XIII столетия. Известно, что в 90-х годах названного столетия король Вацлав II уже пытался создать в Праге университет, по-видимому, «Лекарь» и разыгрывался студентами этого «предварительного» университета.

Комедия дошла до нас в форме большого, но незаконченного отрывка. Наличие среди ее действующих лиц библейских и евангельских персонажей, затрагиваемые ею темы умащения христового тела и воскресения Исаака дают основание предположить, что «Лекарь» был чем-то вроде веселой интермедии, разыгрываемой между эпизодами главной пьесы религиозного содержания.

Ценность пьесы для современного читателя заключается главным образом в том, что в ней с вольной и безудержной веселостью получил выражение чешский народный юмор. В пьесе вышучивается очень много элементов современного ей быта: наука, представленная медициной и фармакологией, религия (жены-мироносицы и Авраам), кичливость своей родовитостью (хвастовство Пустерпалка и Рубина), супружеские отношения (ссора лекаря с женой), легкоеверие людей, лечащихся у шарлатанов, и т. п. Многие шутки не лишены сатирической заостренности, делающей пьесу интересной и в качестве своеобразного социального документа о быте эпохи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Северин Гиппократ, лекарь.

Его жена.

Рубин из Бенатка (Венеции), шут.

Пустерпалк, слуга лекаря.

Три Марии,

Авраам.

Исаак.

Рубин.

Северин.

Разбежавшись сгоряча
Я приветствую врача,
Северина Гиппократа!
Заживем мы с ним богато.

Мой привет, веселый шут!
Как, скажи, тебя зовут?

Рубин.

Звать Рубином из Бенатка.
Целиком и без остатка
Пред тобой я для услуг.

Северин.

Что возьмешь с меня, мой друг?

Рубин.

Киселю мне дай немножко,
А к нему — три новых ложки.
Расплатись такой ценой,
Буду верным я слугой.

Северин.

По цене такой вольготной
Я найму тебя охотно, —
Ты ее назначил сам.
А теперь найди бы нам
Место, где расположиться
И на снадобьях разжиться.

Рубин.

Далеко ходить — зачем?
Ведь лекарства нужны всем.
Здесь разбей свою палатку,
И пойдет наш торг прегладко.
Вот тебе и стул складной,
Отдохни на нем с женой.

Рубин и Пустерпалк
(поют).

Вы узнайте, стар и млад,
К вам приехал Гиппократ,
Врач de gratia divina^a,
Mag in arte medicina^b,
У кого здесь что болит,
Он вас вмиг оздоровит.

Рубин (к публике).

Люди добрые, по чести
Приношу такие вести,
Что послушать их не грех, —
Радость будет здесь для всех.
Бросьте, бабы, там шептаться,
Клеветою заниматься.
Помолчать вам в самый раз
И послушать мой рассказ.
К вам приехал мудрый,

славный

Врач великий, что исправно
Исцелит любой недуг:
Равных нет ему вокруг.
Не стяжали столько славы
Никогда врачи — моравы,
Чехи, венгры, австрияки,
Ни баварцы, ни поляки,
Не лечил так ни один
Врач коринтец иль русин.
От захода до востока
Так никто не чтим глубоко,
Как великий Северин —
Мой искусный господин.
Из далекого он царства
Захватил с собой лекарства —
Дивных снадобий набор.
Не встречалось до сих пор
Раны, язвы или шрама,
Чтоб от действия бальзама
Не стянулись бы тотчас.
Если кто-нибудь из вас
Палкой бит, иль розгой сечен,
Иль клеймом каким отмечен, —
Все пожалуйте сюда!
Не останется следа
От клейма или дубины,
Стоит только господину
Раз взмахнуть своим мазком.
Если кто лежал пластом,
Тот от мази чудотворной
Вскочит вмиг, как пес

проворный,

^a Божьей милостью.

^b В медицинском искусстве.

И завертится юлой.
Вы же, пани, кто красой
Дорожит лица и тела,
Покупайте мази смело:
Очень кстати наш товар
Для продленья ваших чар!

*(Закончив монолог, Рубин убегает
в публику.)*

Северин.

Эй, Рубин! Рубин!

(Рубин не откликается.)

Эй, Рубин! Рубин!

Рубин *(из публики)*.

Что прикажешь, господин?

Северин.

Ну, Рубин, скажи, докуда
Звать тебя напрасно буду?

Рубин *(из публики)*.

Я спешил к тебе с товаром
Да попался бабам старым.
Мази я тебе волок,
Разорвали мне мешок.
Глупым бабам в том потеха,
Мне же, право, не до смеха.
Приведу к тебе с собой
Покупателей толпой.

Северин.

Эй, Рубин! Рубин!

(Рубин не откликается.)

Эй, Рубин! Рубин!

Рубин *(из публики)*.

Что прикажешь, господин?

Северин.

Ну, Рубин, скажи, докуда
Звать тебя напрасно буду?

Рубин.

Ах, хозяин, ты напрасно
Так разгневался ужасно.
От учености большой
Ослабел ты головой.

Северин.

Говорят о том преданья
И священное писанье:
Коли свяжешься с глупцом,
Мало проку будет в том.

Рубин.

Вот что помнить хорошо бы:
Нету пользы нам от злобы.
Только ласка и привет
Ласку вызовут в ответ.

Северин.

Так смирим наш гнев
ненужный,
Впредь с тобою будем дружны.
Торг лекарствами начнем
И богато заживем.

Рубин.

Так-то лучше, милый врач!
Гнев подальше ты запрячь.
Будет все у нас, как надо,
Назло дьяволу и аду.

Северин.

Эй, Рубин! Рубин!

Рубин.

Что прикажешь, господин?

Северин.

Ты для нашего базара
Добывай скорей товара.
Не пора ль нам начинать
И народ сюда сзывать?

Рубин.

Убедится каждый вскоре:
Нет болезни или хвори,
Пусть внедрившейся глубоко,
Чтоб не смог в мгновение ока
Северин их излечить,
Стоит мази применить.
Исчезают без остатка
Кашель, насморк, лихорадка,
И тотчас же пропадут
Сыпь, чесотка или зуд.
Кроме разных болей тела,
Лечит также он умело
Червоточину души, —
Вот как мази хороши!

Северин.

Где же мази? Где составы?
Чудодейственные травы?

Рубин.

Вот лекарств тебе мешок
Я с собою приволок.

Северин.

Я горю от нетерпенья
Начинать скорей лечение.

Рубин.

Гиппократ наш знаменитый,
Сам о них теперь суди ты!
Распишу тебе их вслух,
Помогай святой мне дух!
Много разной здесь посуды,
В каждой склянке — просто
чудо!

В банке первой, например,
Мазь такая, что размер
Изменить способна зоба:
Раз мазнуть довольно, чтобы
Зоб разросся вглубь и вширь.
Но возьми второй пузырь,
И от бешеного роста
Он излечит очень просто.
Для душевного веселья
В банке третьей скрыто зелье:
Кто применит этот сорт,
Станет резвым, словно черт.
В этой склянке порошок
Будет тоже очень впрок:
И составлен он неглупо, —
Воскрешать им сможешь трупы.
А состав из банки пятой
Сделан ведьмою проклятой,
Хоть та ведьма и стара,
Но из жира комара
Умудрилась мазь сварить,
Чтобы недуги лечить.
А от этого раствора
Хромоногий очень скоро,
Распростившись с костылем,
Вскачь припустится козлом.
Вот еще здесь два флакона,
Эликсир из Вавилона
Заключен за их стеклом.
Кто страдает животом,
Не найти ему, бедняге,
В самой Вене или в Праге
Средства лучше и верней.
И еще один елей:
Эту мазь красotka-пани
Замесила на сметане,
Пересыпавши слегка

Нежной пыльцей мотылька.
 Возбудит любви томленье.
 Этой мази примененье.
 Средством дивным дорожи
 И в сохранности держи.
 Вот лекарство — сущий страх!
 Смастерил его монах.
 В одинокой мрачной келье
 Составлял он это зелье,
 И в него он заключил
 Нерастраченный свой пыл.
 Истаскавшийся повеса
 Станет вдруг живее беса, —
 Как бы ни был раньше слаб,
 Разохотится на баб.
 Клад лекарств здесь

непочатый, —

Так торгуй и будь богатый!
 Но, пожалуй, в самый раз
 Увеличить их запас:
 Покупателей немало, —
 Надо, чтобы всем достало.
 Так вели-ка Пустерпалку,
 Взявши пестик или палку,
 Натолочь уже заранее
 Порошков из всякой дряни,
 И, набрав погуще грязь,
 Запасную сделать мазь.

*(Выложив лекарства, Рубин убе-
 гает в публику.)*

Северин.

Эй, Рубин! Рубин!

(Рубин не откликается.)

От Рубина — ни следа.
 Занесло бы к нам сюда
 Хоть ворону или галку!
 Мне товара, право, жалко,
 Что без пользы он лежит.
 Эй, Рубин! Опять молчит.
 Непокорное ты чадо!
 Сколько звать тебя мне надо?

Рубин.

Слишком ты, хозяин, строг.
 погоди же, дай мне срок.
 Я, в бегах или на месте,
 О твоей пекусь лишь чести.

Северин.

Нет, Рубин, слуга мой верный!
 Убираться нам, наверно,
 В самый раз из этих мест —
 Поискать другой намест.
 Знать, разгневался создатель —
 Не идет к нам покупатель.

Рубин.

Не мели, хозяин, вздора.
 Покупатель очень скоро
 За лекарством будет к нам:
 Лысый старец Авраам.
 Сам не болен он, однако,
 А с собою Исаака,
 Сына хворого, везет.
 Коль заплатит старец тот
 С той же самой широтою,
 На башке его с какою
 Ярko лысина блестит, —
 Он тебя озолотит.

Северин.

А еще, Рубин ты мой,
 Я прослышал стороной,
 Будто бродят по округе
 Три красивые подруги,
 Ищут мазей и помад —
 Так здесь люди говорят.
 Не нашел их почему ты?
 Не теряя ни минуты,
 Тех паненок раздобудь,
 Укажи ко мне им путь.

Р у б и н
(*женам-мироносицам*).

Добрый день, красотки-пани!
Что вы робки, словно лани,
И в унынии глубоком?
Я проведal ненароком,
Что как будто нужны вам
Благовонья и бальзам?
Вы пришли сюда недаром:
Здесь хозяин мой с товаром.

1-я М а р и я (*поет*).

Omnipotens pater altissime!
angelorum rector mitissime!
quid faciemus nos miserrimae,
heu quantus est noster dolor!

Сонмов ангельских водитель!
Наш заступник и спаситель!
Ты покинул нас в юдоли,
И не зрим тебя мы боле!

2-я М а р и я (*поет*).

Amisimus omne solatium,
Jesum Christum, Marie filium;
ipse erat nostra redemptio:
heu quantus est noster dolor!

Пастырь ласковый и кроткий!
Ах, зачем такой короткий
На земле ты пробыл срок
И от нас теперь далек!
Прегрешения все наши
Искупил ты горькой чашей —
Смертной мукою креста,
Мы утратили Христа!

3-я М а р и я (*поет*).

Sed eamus unguentum emere
cum quo bene possumus ungere
corpus domini sacratum.

Наша радость и отрада!
Как овечек бедных стадо,
Позабитых пастухом,
Мы покинуты Христом!
Наших скорбей утешенье,
Всех болящих исцеленье,
Отряхнувши смертный прах,
Ты теперь на небесах!

Три М а р и я (*поют*).

Dic nobis mercator juvenis,
unguentum si tu vendideris?
dic pretium, quod tibi dabimus.

С е в е р и н.

Подходите посмелее,
Угодить я вам сумею.

(Р у б и н у)

Ты, Рубин, скорей беги,
Старику там помоги:
К нам волочит кое-как
Тело мертвое бедняк.
Смазан мазью чудотворной,
Оживет мертвец бесспорно.
А паненки поглядят,
Мази что мои творят.

(А в р а а м и Р у б и н вносят
И с а а к а.)

А в р а а м.

Я спрошу у Северина,
Не излечит ли мне сына.
За целебный эликсир
Я бы дал грибов и сыр.

(С е в е р и н у).

Здравствуй, лекарь
знаменитый!
Злою скорбию убитый,

Я являюсь пред тобой.
Здесь со мною сын больной.
Он — как мертвый, без
движенья.
Сделай чудо воскресенья!
Хоть лежит он распростертый,
Но капризный хуже черта:
Хлеб не ест совсем простой,
Лишь пшеничный, дорогой,
И воды не пьет строгиво,
А лакает только пиво.

Северин.

Так узнай же, Авраам,
Что имею я бальзам:
Он излечивает дивно.
За лечение три грины
Золотых я взять хочу.

Авраам.

Врач великий, заплачу,—
Сын мне золота дороже.

Северин.

Помоги мне, правый боже,
Совершить благое чудо!
Исаак, скажи, куда
Будешь ты отца терзать
И вот так пластом лежать?
Это средство чудотворно:
Так вскочи скорей проворно
И молился небесам,
Чтоб подействовал бальзам!

(Северин натирает Исааку ма-
зью задницу. Исаак тотчас же вска-
кивает.)

И с а а к.

Ах и ох и ох и ах!
Спал я долго — просто страх!
Так, наверно, спят в гробах.

12 Зарубежная литература

И еще раз: ох и ах!
Мудрый врач, тебе спасибо!
Ну, видал когда кто-либо
Чудодейственной бальзам?
Обращался я к врачам,
Надо мной они мудрили,
Только голову лечили,
И все было невпопад.
Ты ж, мудрец, натер мне зад!

Северин
(женам-мироносицам).

Мой привет, красотки-пани!
Нужно вам — я знал заранее —
Разных мазей и помад.
Вам служить сердечно рад.
Прошлой пятницей страстно
Я сюда привез с собою
Из заморских дальних стран
Мазей, кремов и румян.
Угодить таким товаром
Я бы мог и бабам старым,
Применив его к лицу,
Им под стать идти к венцу:
Все морщины и все складки
Исчезают без остатка.
Мазь полезна и для лиц
Юных пани и девиц:
Смазав щечки или шею,
Заблестят они своею
Только ярче красотой.
Выбирайте крем любой!

Три Мари.

Милый лекарь, до того ли
Нам, чтоб лица в холе
Наши скорбные держать?
Мы пришли тебе сказать
Про великую утрату:
Умер наш Христос распятый,
Погребен без умащенья.
Оберечь хотим от тленья
Мы его священный прах.
Так за совесть, не за страх,

Пастух. Миниатюра XV в.

Отпусти ты нам составы,
 Чтобы в них входили травы,
 Ладан, мирро, тимьян.
 И, омывши кровь из ран,
 Умастим мы труп священный,
 Сохраним его нетленным.

Северин.

Вам скажу без лишних слов:
 Тот состав уже готов.
 Так, я в день святого Яна
 Смастерил из тимьяна,
 Примешав к нему шалфей,
 Чудодейственный елей.
 В нем — особые коренья:
 От распада и от тленья

Сохраниют мертвецов.
 Вам продать его готов.

Три Марии.

А за средство против тлена
 С нас возьмешь какую цену?

Северин.

Знайте, пани! Продаю я
 Мазь чудесную такую
 За три гривны золотых,
 Для печальниц молодых,
 Не боясь себе убытка,
 Я пойду теперь на скидку,
 И отменный мой бальзам
 За две гривны вам продам.

Жена лекаря.

Милый муж мой, это что же?
И на что оно похоже?
Молодых зазвав паненок,
Продаешь им за бесценок
Ты, ничтоже усомнясь,
Драгоценнейшую мазь!
Позаботься о жене ты!
Не накормлены, раздеты,
Мы скитаемся с тобой.
Пригодился б золотой...
Пренебречь ли нам достатком?
На дешевку, видно, падким,
Этим пани краткий сказ:
Ваши цены не по нас!
Я и муж не так богаты,
Чтобы за две гривны злата
Уступить могли бы вам
Этот редкостный бальзам.

Северин.

Позабыв закон приличий,
Есть у пьяных баб обычай:
Распускать вовсю язык.
Подняла с чего ты крик?
Это, верно, с перепою
Помыкать взялася мною.
Ты уймись, вот мой совет!
Марш на место; если ж нет,—
Я разделаюсь с тобою,
Злой, сварливую женою!

Жена лекаря.

Не умея накормить,
Он еще грозитя бить!
Вместо ласки и ухода
Ждать побоев от урода,
Нет! Довольно издеваться,
Мы должны с тобой расстаться.
Я потребую развод,
Пусть с тобою черт живет!

12*

Пустерпалк
(женам-мироносицам).

Пани дивные! Ваш вид
И плеяет, и томит!

Рубин (Пустерпалку).

Не молол бы здесь ты
вздора,—
Не годишься в ухажеры.

Пустерпалк.

Если б род ты мой узнал,
Ты меня бы почитал.

Рубин.

Что ж! Послушать мне не
жалко
Про семейство Пустерпалка!

Пустерпалк.

Средь родни моей, Рубин,
Славен дядя не один.
Дядя Соба, дядя Куба
Торговали долго оба
И торговлею своей
Честь стяжали у людей.
Хрен и лук, грибы и груши,
Хворостины, да посуше,
Для метения полов —
Вот, Рубин, их торг каков.

Рубин.

Чем он хвалится, бедняга!
Непутевый ты бродяга!
Хороша твоя родня!
Есть две тети у меня.
И, замечу мимоходом,
Не чета твоим уродам,
Собе, Кубе дуракам,
Продававшим разный хлам.

Тетя старшая Вавржена
 Продавать не стала б хрена,
 Разной дряни и грибов.
 Но она, без лишних слов,
 Пренебрегши божьим страхом,
 Спать легла с одним монахом
 Под стеной монастыря.
 И горжуся я не зря
 Тетей младшею Годавой,
 Киселем стяжавшей славу.
 Был кисель — один восторг!
 Им вела Годави торг.
 А варен кисель чудесный

Из простой коры древесной.
 Так молчи, хвостун ты жалкий!

А не то вот этой палкой
 Я тебя измолочу,
 Быть скромнее научу!

Северин
 (женам-мироносицам).

Добродетельные пани!
 Не внимайте этой брани...

Смиль Фляшка.

Пан Смиль Фляшка из Пардубиц (Pan Smil Flaška z Pardubic), замечательный чешский деятель своего времени, родился в середине XIV столетия (год рождения точно неизвестен), погиб в 1403 г. в разгар междоусобных распри между королями Вацлавом IV (он же — германский император Венцель) и Зигмундом (Сигизмундом), представлявшим интересы чешских патриотов, сторонником которых и являлся Смиль Фляшка. В периоды, когда у власти находилась партия Зигмунда, Смиль Фляшка назначался этим последним «паном городов» (т. е. градоправителем) Старого и Рихенберга. В 1396 г. он был назначен на должность «высшего писца» чешского королевства (нечто вроде государственного летописца). Кроме того, был бакалавром Пражского университета.

Политическая, административная и историографическая деятельность не помешала Смилю Фляшке заниматься и поэтическим творчеством. Его литературное наследие значительно и по объему, и по содержанию. Ему принадлежит заслуга составления первого собрания старейших чешских поговорок («Sbírka nejstarších přísloví českých») — сокровищницы народной мудрости и юмора.

В своих оригинальных произведениях Фляшка, преследуя дидактические цели, зачастую осуществляет их средствами веселой шутки; немало бытовых сатирических зарисовок в его сатирической поэме «Конюший и школяр» («Podkopí ažák»), где эти два лица стараются доказать друг другу превосходство своей профессии и своего общественного положения, высмеивая дурные стороны профессии и положения оппонента. Таково же и самое значительное по объему его произведение — «Новый совет» («Nová Rada») (имеется в виду совет зверей), где за масками выступающих с речами зверей ясно обозначаются черты разных сословий и классов. Элемент сатиры отсутствует лишь в поэме «Советы отца сыну» («Rada Otce Synovi»), представляющей собой пространный, в несколько сот стихов,

монолог, в котором «мудрый добродетельный отец» поучает сына всем мирским и духовным добродетелям.

Характерна по своеобразному сочетанию морализации с юмором и шуточная поэма Фляшки «Спор воды с вином» («Swag Wody s Winem»), приводимая ниже с незначительными сокращениями. Спор как будто бы кончается вничью, но внимательный читатель сразу заметит, что симпатии автора все же больше склоняются на сторону веселого вина, чем добродетельной и полезной воды. Симпатиям этим автор, как средневековый христианский моралист, не может дать полного простора, но заключительные слова поэмы не оставляют на этот счет никаких сомнений: лишь тот человек не станет пить вина, «у кого пуста мошна».

Литературное наследие Смиля Фляшки ценно и еще в одном отношении: строя свои поэмы в форме живых диалогов или даже монологов («Советы отца сыну»), автор старался воспроизводить, насколько это позволяла стихотворная форма, современную ему разговорную бытовую речь; в результате его поэмы являются незаменимым подспорьем для изучения живого чешского языка той эпохи.

СПОР ВОДЫ С ВИНOM.

.....
Муж ученый жил когда-то,
Жил привольно и богато;
И хотя немного скуп,
Но покушать был не глуп.
За обедом неизменно
Ел он вкусно и отменно,
Яства разные притом
Запивал всегда вином.

И однажды так напился,
Что сознанием помутился,
Погрузился в странный сон
И проспал так долго он,
Что друзья и домочадцы
Допустили: может статься,
Богу душу он отдал?
Нет, он только крепко спал.
В этой длительной дремоте
Увидал себя в полете:
Ангел светлый без усилия
Подхватил его на крылья
И тотчас же с ним взлетел
В неба третьего предел.
Впечатленьями своими,

Пробудившись, он с родными
Поделился тот же час,
Все поведал без прикрас.
Пред собой я видел бога.
Опишу ль мою тревогу?
Задрожал какой я дрожью,
Увидав фигуру божью!
Грозен был великий бог.
Заклечь я сразу мог,
Что попал на суд небесный:
Ведь давно нам всем

известно,—

Рано ль, поздно ль призовут
Наши души в страшный суд.
Оказалось, к счастью, скоро,
Что иное для разбора
Было дело на суде:
Предстояло там воде
В этот час с вином судиться,
Спор их должен был решиться,
У кого побольше есть
Прав на славу и на честь.
Решено самим судьей,
Чтоб был начат спор водой.
Получивши первой слово,

Говорит вода: «Основы
Света божьего какие —
Первозданные стихии?
Пламень, воздух и земля,
А четвертая — то я.
С мира самого начала
Я уже существовала,
Богом мудрым создана.
Благородней я вина».

«Как бы там оно ни было, —
Здесь вино вдруг перебило, —
У людей я в большей чести.
Собираясь люди вместе
Для торжественного дня,
Пьют не воду, а меня.
В знак успеха, в знак ли роста
Над мной звучат их тосты.
А что ты сотворена
Раньше пенного вина,
В том большой заслуги нету, —
Ведь всему известно свету,
Что все ценное творец
Припасает под конец.
Так, начав с воды творенье,
Он всю радость завершения
Воплотил затем во мне:
В благороднейшем вине».

Вновь вода вино прервала,
И ему она сказала:
«Было так: в земную плоть
Претворил себя господь;
Наравне со смертным родом
Он подвергся тем невзгодам,
Что составили удел
Человеческих всех тел.
И случилось так однажды,
Что Христос страдал от жажды.
Он сказал одной девице:
«Из ручья мне дай напиться».
Не побрезговал водой
Царь небесный и земной.
Не из райского ли корня
Я взялась из выси горней?»

«Чтоб взялася ты из рая, —
Речь воды перебивая,
Говорит тогда вино, —
Мне сомнительно оно.
На земле, земным в услужу,
В сладком соке винограда
Я была заключена —
Сила чудная вина.
Из того возникнув сока,
Чтимо я людьми глубоко.
И скажу без всякой спеси,
Человек не любит смеси,
Где водой разжижено
Было б крепкое вино.
Лишь плуту или уроду
В ум придет добавить воду
К благородному вину.
И теперь, и в старину
За такую б он затею
Получил себе по шее...»

.....
«А в тебе была ли сила, —
Здесь вода вино спросила, —
Муки тела утолять
И болящих исцелять?
Как гласит одно преданье —
Ты прочтешь о нем в Писанье —
Над прудом в полночный час
Реял ангел как-то раз.
Над уснувшею водою
Он прошел своей стопою,
Освятил ее крылом.
С той поры на пруде том
Совершались исцеленья,
Всех страданий утоленья».

Ей вино тогда в ответ:
«Что так было, спору нет.
Ангел мог спуститься к пруду;
Повторится ль это чудо
Хоть бы раз еще в веках?
Но другую на прудах
Видим вечно мы картину:
Свиньи жирные щетину
Моют в илистом пруду,
И с тобой они в ладу.

А теперь ответь ты мне:
Кто купается в вине?
Я — напиток драгоценный
И моею влагой пенной
Веселю сердца людей,
Не купаю в ней свиней.
Век останешься собою —
Глупой, пошлою водою.
Кто тебя усердно пьет,
Раздувает лишь живот». —
«Нету лучшего ответа,
Как сказать тебе вот это, —
Без смущенья и стыда
Отозвалась вода, —
После злого перепою
Люди лечатся водою.
От тебя жестоко страждаю,
В утоление лютой жажды
И самих себя браня,
Пьют всегда они меня». —
У вина в одно мгновенье
Вновь готово возраженье:
«Вспомни лишь, в какой

посуде

Нас с тобою держат люди.
Ведро, бочки и ушат —
Вот где воду все хранят.
А с вином иное дело:
Золотилось и алело
Я в стекле уж с давних пор,
И подчас златой узор
Украшал края бокала,
Где кипела и играла,
В тот бокал заключена,
Влага пьяная вина.
А бывало ль так с тобою?
Кто приходит к водопою?
Бессловесный всякий скот
Сколько хочет воду пьет.
И воды любые дозы
Кони, телки или козы
Добывают без труда.
Я ж, вино, служу всегда
Человеческому роду:
Человеку я невзгоду,
Как начнет меня он пить,

Помогу всегда забыть.
Тешу сердце не одно
Я — веселое вино».

«Что ты этим доказало? —
Тут вино вода сказала. —
Будешь спорить ли о том,
Что нигде не сыщешь дом,
Где могли бы обходиться
Без меня, простой водицы?
Как готовили бы пищу,
Как бы вымыли почище
Люди горенки свои
Без моей живой струи?
А в лесу под пышной сенью
Наслаждались ли бы тенью,
Если б влагою своей
Не питала я корней?
И цветок нарядный сада —
Эта глаз людских отрада —
Без меня бы цвести не мог,
А засохнул и поблёл».

Говорит вино сердито:
«Человеческого быта
Ты коснулась удачно.
Как уныло и как мрачно
Прозябает всякий дом,
Если беден он вином.
Коль вина к обеду нет,
Так не мил и божий свет, —
Веселее на погосте.
Зазывать друг друга в гости,
Не снискав себе стыда,
Люди могут лишь тогда,
Если есть вино к обеду,
Что всегда живит беседу,
Услаждает всем сердца.
Где, скажи, найдешь глупца,
Кто бы вздумал вдруг простою
Угощать гостей водою?..»
.....
Тут вода в ответ вину:
«А теперь упомяну
Про совсем другую сферу:
Про религию и веру.

Сбор урожая. Миниатюра из Библии Вацлава IV, ок. 1390—1400 гг.

Не в воде ли Иордана
От Предтечи-Иоанна
Дар крещения получил
Сам Господь превышних сил?
Был во мне, воде смиренной,
Совершен обряд священный.
А когда на муке крестной
Умирал наш царь небесный,
Не вода ль текла из бока,
Что проткнул копьем глубоко
Злой языческий солдат?
Согласись, что во сто крат
Больше жалкого вина
Я от бога почтена».

Не смутилось вино,
И сказала так оно:
«Я оспаривать не стану:
Это ты текла из раны

В теле Господа Христа,
И прозрачна, и чиста.
Но ответь ты мне на это:
Кровью нового завета
Сам Христос кого назвал?
Не вино ли он призвал,
Силой божеского чуда,
Заменить земному люду
Кровь небесную его?
Бога выбор самого
Указал, чего мы стоим:
Было выбрано вино им».

Возразила так тогда
Раздраженная вода:
«Ты сказало многократно,
Будто пить тебя приятно,
Будто ты сердца людей
Влагой радуешь своей.

Ах, хвастливое ты зелье!
 Иль забыло, что похмелье
 Всякий раз к тому придет,
 Кто тебя, злодейка, пьет?
 Никаким, вино, заразам
 Не удастся людям разум
 Так плачевно помутить,
 Как тебе, коль станут пить
 Чарки пьяного дурмана.
 Будь то поздно, будь то рано,
 Но отравит винный яд:
 Пеленой подернет взгляд,
 А язык, вину покорный,
 Речью дикою и вздорной,
 Что страшней, чем всякий бред,
 Доведет до многих бед».

Эта речь вино задела,
 В нем обида закипела;
 Чтобы гнев свой утолить,
 Воду принялось язвить:
 «Не в тебе ли, мутной луже,
 Мерзким тварям — нет их
 хуже —

И раздолье, и приют?
 Жабы там всегда живут,
 И в тебе, воде болотной,
 Гаду всякому вольготно.
 Про себя ж скажу тебе я,
 Что на свадьбе в Галилее
 Средь гостей веселых пира
 Сам Христос, спаситель мира,
 Находился как-то раз.
 Вдруг иссяк вина запас.
 Он, на радость новобрачным
 Из тебя, воды прозрачной,
 Сделал крепкое вино.
 Так, самим Христом дано
 Спору нашему решение.
 Ну, останется ль сомненье,
 Кто из нас двоих ценней:
 Я ли — божеский елей,
 Или ты — вода простая?
 И была б беда лихая,
 Сила будь кому дана,
 Делать воду из вина.

Сотрапезники за чудо
 Чудотворца, как Иуду,
 Чтоб унять свою тоску,
 Удавили б на суку».

Не смутясь, вину тогда
 Отвечала так вода:
 «Вспомни только, как когда-то
 На вершине Арарата
 Прародитель древний Ной,
 Всласть упившийся тобой,
 Пьяной дремой одоленный,
 Спать улегся обнаженный,
 Не прикрыв хотя бы срам;
 И как сын, что звался Хам,
 Силой движимый бесовской,
 Осмеяв позор отцовский,
 Кликнул Сима, Иафета
 Посмотреть картину эту.
 Только Иафет и Сим
 Над родителем своим
 Не глумились, вроде Хама.
 Оберечь его от срама
 Братья добрые спешат,
 И прикрыли Ною зад.
 И, наверно, неохота
 Вспоминать тебе про Лота,
 Как когда-то Лот-отец,
 Перепивши под конец
 Естеству на поруганье,
 Вдруг почувствовал желанье
 В жены взять родную дочь.
 И могла бы я, поверь,
 Рассказать еще немало,
 Что с людьми ты вытворяло,
 Принесло какой им вред,
 В сколько горьких свергло
 бед».

.....
 Длелись долго эти пренья.
 Муж ученый в изумленье
 Молчаливо им внимал.
 Первый страх его пропал,
 Он владел теперь собою,
 И, боясь, как бы бедою
 Не был кончен этот спор,

Длань к противницам простер.
Сделать им решил внушение,
Пусть хотя бы в нарушение
Норм небесного суда.
Он боялся, чтоб вода,
Перейдя от слова к делу,
Там залить бы не успела,
Распрей злой разъярена,
Влагу ценную вина.
Это знают даже дети,
Что вина всегда на свете
Было меньше, чем воды,
И когда б его следы
Вдруг исчезли из вселенной,
Что бы делал муж почтенный?
За обедом в свой бокал
Что тогда б он наливал?
И, страшась исхода злого,
Он спешит тогда взять слово:

«Пани милые! В молчанье
Не под силу пререканья
Ваши долше мне сносить!
Как могли вы позабыть —
Это вспомнить вам не лишне, —
Что обеим вам Всевышний
Дал на жизнь святое право;
Для своей вас создал славы
И для блага всех людей?
Без живой струи твоей
Не прожить, вода, ведь людям.
Но давай же не забудем,
Им нужна не ты одна, —
Жить им скучно без вина.
Повелось с начала мира,
Что для праздника иль пира

Лучше всякого подарка
Кружка, кубок или чарка,
До краев полна вином.
Вспомните и о том,
Что в церковном ритуале
Обе вы всегда играли
Благороднейшую роль.
И не только сыплют соль
На младенца при крещенье,
Но свершают погружение —
Так велось оно досель —
В освященную купель.
Но и таинство причастья
Не бывает без участия
Освященного вина.
И выходит, что равна
Сила ваша в очень многом
Пред людьми и перед богом.
Тут спрошу вас: почему бы
Спор не кончить этот грубый,
Вновь его не затевать,
В мире жить да поживать?
Ты, вино, не будь надменно
Пред сестрой своей смиренной
И насмешкой не нави,
В дружбе с ней всегда живи.
Не считай, вода, обидой,
И вину ты не завидуй,
Коль заметишь там и тут,
Что его побольше чтут,
Чем тебя — простую воду.
Кто бы стал, тебе в угоду,
Вдруг тобою упиваться, —
Я за то могу ручаться, —
Потому не пьет вина,
Что пуста его мощна!

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РАЗГОВОР МАГИСТРА СО СМЕРТЬЮ.

«Разговор магистра со смертью» — самый значительный памятник польской средневековой поэзии. Он дошел до нас в рукописи, хранящейся в библиотеке Плоцка. Рукопись относится к началу XV в., но, как было установлено, является списком более древнего памятника, и дату создания поэмы следует отнести по меньшей мере на столетие раньше.

Разрабатывая сюжет, широко распространенный в средневековой Европе (пляски смерти: *Danses macabres* во французской средневековой поэзии; *Totentänze* — в немецкой), неизвестный польский автор проявляет значительную самобытность и оригинальность. Он порывает с общеевропейской традицией, подающей эту тему как трагическую аллегория, и создает произведение, которое, несмотря на мрачность своей основной мысли — о всемогуществе смерти, — оказывается юмористическим, обнаруживая даже в некоторых местах тенденцию к бытовым комическим зарисовкам. Характерно, что смерть все время пронизывает, подшучивает над своим уstraшенным собеседником — мудрецом, «ставшим похожим на глупца». Подчас юмор поэмы перерастает в социальную сатиру. Автор проходит по всем ступеням современного ему общества: в «школе смерти» мы видим короля, воевод, шляхту, мастеров (т. е. городских ремесленников), «крестьян, простой народ». Так же полно представлена и иерархия церковная: папа, епископы, кардиналы, прелаты, «смирненные пономари», монахи — добрый и злой. При этом особенно громко звучат сатирические мотивы, когда речь в поэме заходит о пороках католического клира. По словам смерти, многим прелатам уготовано место в аду; со злой издевкой говорит она о чванливой пышности кардиналов и епископов, о бесцутной жизни недостойных монахов.

Основная мысль поэмы, отразившей оппозиционные искания демократических кругов тогдашнего польского общества, это мысль о природном равенстве людей, облеченная в характерные для средних веков фантастические религиозные формы. Смерть выступает в поэме в роли великого уравнилителя. Для нее не существует никаких сословных отличий. Феодалы не имеют для нее преимуществ перед смердами. Смерть представлена в поэме как одно из проявлений мудрой природы, делающей ее неразлучной

Приведу я вам сейчас
Так послушайте мой сказ.

Поликарпус жил мудрец —
Всей учености венец.
Изучив науки быстро,
Возведенный в сан магистра,
Об одном он тосковал:
Что он смерти не видал.
Раз молился он в костеле
И просил у божьей воли
Увидать на миг единый,
До своей еще кончины,
Смерть хоть раз лицом к лицу
(Что не страшно мудрецу).
Так молился он в костеле,
Оставаясь там дотоле,
Что костел весь опустел.
Встать с колен он не успел,
Как увидел пред собою
Существо невесть какое:
Чуть прикрыто пеленой,
С длинной, острою косой.
Тоще, бледно, желтолице,
Кровь из глаз росой струится,
Сгнил его почти весь нос,
И без кожи, без волос
Череп в сумраке блестит.
Страшный образ, жуткий вид!
И казалось, тело это,
Тонким саваном одето,
Кое-как набравшись силы,
Встало прямо из могилы.
И взглянув на то виденье,
Наш мудрец пришел в смятенье.
Рассмотревши саван, косу,
Увидав, что смерть без носа,
Устрашась ее зениц,
Застонал и пал он ниц.
Страх объял так мудреца,
Что, похожий на глупца,
На полу он распростертым
Там застыл с дыханьем спертым.
Подождав над ним немного,
Смерть промолвила не строго:

С м е р т ь.

Ах, магистр, но что с тобой?
Ты здоровый, не больной.
Отчего же помертвелый
Ты лежишь от страха белый?
Сам ведь к богу ты взывал,
Чтоб меня он показал.
Так напрасно не волнуйся,
На меня теперь любуйся.
Здесь за тем я, чтоб ты мог,
От макушки и до ног,
Рассмотреть мое обличье,
Про мое узнать величье.
Эту страшную личину
Видит каждый в час кончины,
Но вошла, магистр, теперь
Не за тем я в эту дверь.
Задавай ты мне вопросы,
Раз нам встретиться пришлось
До того, как вышел срок
Взять тебя за хохолок.
Но беседа бы иная
Здесь была, когда тебя я
За собой пришла бы звать.
Вот тогда бы задрожать
Впору было бы всем телом,
Простереться онемелым.
Сжал бы сердце лютый страх,
Хлад в крови и мрак в глазах.
Смерть взяла бы мимоходом
Чашу жизни с сладким медом,
Заменяв ее другою —
С ядовитою росой:
Осушить ее до дна
Заставляет всех она.
Отняла б неумолимо
Все, что было здесь любимо,
И косы б зловеший звон
Заглушил последний стон.
В этот раз ты будешь цел.
Отчего ж ты онемел?
Ни к чему твоя тревога.
Посмотри-ка, я немного
Ведь похожа на крестьянку,
Что до ночи спозаранку

Над душистою травой
В поле трудится косой.
Встань, магистр, и будь смелее.
Не хочу вреда тебе я.
Или польский ты язык
Позабыл от страха вмиг?
Так возьми в пример Сократа.
Тот мудрец меня когда-то,
Не колеблясь ни минуты,
Принял в образе цыкуты.
Не дрожи, ученый трус, —
За тебя я не возьмусь:
Не пришли твои ведь сроки
В школе смерти брать уроки.

Тут, подняв лицо от плит,
Так магистр ей говорит:

Магистр.

Сам не знаю, что со мной.
Затянуло очи мглой.
Все в душе оледенело,
Хладный пот покрыл мне тело.
Умоляю, ради бога,
Отодвинься хоть немного.
Вид твой страшный не снесу...
Ну, отбрось хотя б косу.

Смерть.

Вся мольба твоя напрасна, —
Поступить так не согласна.
Для чего б, магистр ты мой,
Расставаться мне с косой?
Без нее — собой не буду.
Чем грозить я стану люду?
Я косой кошу в избытке
Мудрецов таких вот прытких.
Да не бойся, ты мне верь:
Не скошу тебя теперь.
Говори со мной, коль скоро
Я пришла для разговора.

И магистр тогда, как мог,
Поднялся, не чуя ног,
И промолвил осторожно:

Магистр.

Смерть-голубка, если можно,
О себе поведай кратко:
Кто отец твой и кто матка
И живешь ли долгий век?

Смерть.

Сотворен был человек
Для бессмертья и для
счастья;

Бог его могучей властью
Наделил над всем живым:
Птицей, рыбой и лесным
Зверем он повелевал.
И когда Адам раз спал,
Из ребра его мгновенно,
В красоте еще нетленной,
Еву создал добрый бог.
Без забот и без тревог
Мог вкушать бытия отраду
Человек под сенью сада.
Рая дивные плоды,
Не страшась божьей мзды,
Есть могли Адам и Ева.
И одно лишь только древо
Бог им трогать заказал
И при этом так сказал:
«Тот, кто вкусит этот плод,
Смерть познает и умрет».
И случилось, в светозарный
Рай проник, как змей

коварный,

Искуситель — темный дух.
И склонивши Евы слух,
Пробудил он в ней желанье
Плод вкусить от древа

знанья.

Но едва лишь Евы рот
Откусил запретный плод,
Как урочный пробил час,
И на свет я родилась.
И плодом все тем же самым
Ева делится с Адамом.
Божьим гневом тут проклятью

Польские изразцы позднего средневековья.

Обречен был без изъятья
Весь злосчастный род людской:
Стал бессилен предо мной.

Магистр.

Смерть-голубка, мне неясно,
Пред тобою чем несчастный
Провинился род людей?
Непокорностью своей
Прогневилы люди бога, —
Для чего же ты столь строго
Все орудуешь косою,
Истребляя род людской?
Может, видишь мало чести?
А когда б на лучшем тесте
Для тебя калач испечь,
И просить тебя не сечь
Вкривь и вкось своей косою, —
Ты не стала бы другою?

Смерть.

Ну, магистр, ты свой калач,
Цел пока, подальше спрячь.
Не нуждаюсь я в почете.
Я верна моей заботе:
Все живое истреблять.

И могу тебе сказать,
Что такой Создатель властью —
Вам на горе и несчастье —
С той поры меня облек,
Что кошу любой я срок
И усталости не знаю.
Я от края и до края
Исходила этот свет,
И нигде преград мне нет.
Через реки, через воды
Я хожу, не зная брода.
Край закатный иль восток —
Всюду будет смерти прок.
И везде, где есть живое,
Я явлюсь с моей косою.
Это праздник, а не бремя —
Истреблять людское племя.
Я не делаю различий,
И таков уж мой обычай:
Будь здоров кто иль больной,
Очень умный иль шальной,
Молодой иль очень старый, —
Не жалею я удары,
И кошу их всех подряд,
Будь он беден иль богат,
Шляхту, графов, воевод
И крестьян, простой народ.
С короля собою корону,

Совлеку его я с трона,
Подниму за волоса —
Тут как тут моя коса.
К императора чертогу
Я найду всегда дорогу.
Мудрецы и звездочеты
И еще народ без счета —
Пекарь, мастер иль купец —
Всех один их ждет конец.
Завелось еще так встарь:
Воду в пиво льет корчмарь.
И у бочки я нередко
Бью плутов косою метко;
Отправляю прямо в ад,
Где им глотку просмолят.
От велика и до мала
Все живое, чтоб дрожало
Предо мной, — я так хочу.
Всех косою проучу.
Я сразила Голиафа,
Тоже Анну Каиафу;
И предателя Иуду
Я повесила, паскуду;
И распяты были мной
Добрый вор, а также злой.
Лишь один-единный раз
Я косою осеклась:
На Голгофе мной когда-то
Был сражен Христос распятый;
Власть моя была лишь тень:
Он воскрес на третий день.
Бью я доброго и злого,
Но охотнее — второго.
И тому, кто полон злости,
Я легко ломаю кости.
Коль тебя не убедила
И в мою не веришь силу,
То тебе я прямо к носу
Поднести готова косу.
Ты попробуй, как остра.
Мать, супруга и сестра
Будут плакать над тобою
Лишь коснусь тебя косою.
От меня спасенья нет, —
Ты покинешь божий свет.
Мной когда-то поражен

Царь премудрый Соломон;
И могучего Самсона,
И красавца Абсолонна,
И еще премного мужей,
Что по славе их не хуже,
Теодориха-остгота,
Рима вечного оплоты —
Полководцев и царей, —
Без числа косою своею
До сих пор я покосила,
Но совсем не утолила
Ни охоту и ни прыть —
Все косить бы да косить.

Магистр.

Смерть-голубка, а когда ты
Злополучный и проклятый
Истребишь весь род людской,
Что же станет с тобой?
Ведь застыв, сложивши руки,
Изведешься ты от скуки.
Перестань, пока не поздно,
Ты свирепствовать так грозно.
Хоть немного отдохни, —
Для себя людей храни.

Смерть.

Ах, магистр мой, глупой речью
Не нажил бы ты увечья!
Терпеливо до сих пор
Я сносила весь твой вздор.
Не испытывай терпенья,
Не вводи во искушенье.
А не то я в час неровный
На холодный пол церковный
Уложу тебя опять,
И не сможешь больше встать.
Вижу я, что ты не быстр
Разуменьем, мой магистр.
В мире грех царит покуда,
Без работы я не буду.
И милей отрад мне всех
Этот древний плотский грех.
Так во власти вожделенья

Без конца творит рожденья
В нем погрязший человек.
Пусть течет за веком век,
Без конца проходит время,
Но живет людское племя,
И всегда большой улов
Для косы моей готов.

Магистр.

Смерть-голубка, попрошу я,
Объясни мне вещь такую:
Ведь, наверно, не напрасно
И умелых и прекрасных
В свете много докторов?
У тебя отнять улов
Не под силу ль врачеванью —
Медицинскому их знанью?
Не грозят ли смерти царству
Их отменные лекарства?
Будет, верно, по плечу
Знаменитому врачу
Показать свое проворство:
Жизнь спасти от смерти
черствой?

Смерть.

Повидала их немало, —
Пустозвонные бахвалы.
Врач колдует так и сяк,
И надеется чудак,
Распростерт на смертном ложе,
Что ему еще поможет
Из толченых разных трав
Благотельный состав,
Что врачи в железных ступах
Для доверчивых и глупых
Умиравших толкут.
А глядишь — я тут как тут!
Наступили, значит, сроки,
И без всякой проволоки
В черный ад иль в небеса
Здесь пошлет моя коса
Легковерного больного.
Нет спасенья никакого!

Пусть хоть целый огород
В ступке врач своей столчет, —
Не взросло еще донныне
Ни ромашки, ни полыни,
Что могли бы излечить
Иль кончину отдалить.
Все врачебные проказы
Пресеку косою я сразу.
Пусть запасы всех аптек
Принимает человек,
Все их льет себе в утробу —
Не уйти ему от гроба.
Час пробьет, я и врача
Как хвачу косою с плеча,
Так что докторскую шею
Не спасти тогда шалфею.
Нерушимо смерти царство, —
Что поделают лекарства?

Магистр.

Смерть-голубка, молвлю слово,
Если выслушать готова.
Признаю: твоя коса
Может делать чудеса.
В край блаженных иль до ада
Отправляет без пощады
Мужика иль дворянина, —
Для тебя оно едино.
Неужели, в самом деле,
От тебя бы не сумели
Скрыться люди как-нибудь —
Отыскать к спасенью путь?
Смастерить какое зелье,
Закопаться в подземелье,
Запереться в бастион,
Чтоб его со всех сторон
Стража вечно сторожила
И тебя не подпустила?

Смерть.

С непонятием упрямым
Все твердишь о том же самом!
Пробу сделать я готова:
Запирайся на засовы,

Крестьяне платят чинш. Миниатюра из рукописи XIV в.

Хоронись в глухих стенах, —
Распадутся тотчас в прах,
Лишь явлюся за тобою
С необорною косою.
И по правде, хорошо бы
Не откладывать нам пробы.
Вот сейчас, мудрец ты мой,
Я взмахну моей косою...

Магистр.

Смерть-голубка, нет, не надо!
Эта речь — страшнее ада.
Все во мне вновь задрожало,
Пеленой глаза застлало...

Смерть.

Так о чем же разговор
И зачем ты мелешь вздор?
Все живое мне подвластно;
Проникаю я прекрасно
В глубину звериных нор.

Не спасались до сих пор
От меня еще лисицы,
Волки, зайцы и куницы,
Горностаи в нарядном мехе,
Было белкам на орехи,
Уток, цапель, журавлей
Я кошу косою своей.
От нее же не укрыться
Зверю, рыбе или птице.
В поднебесье иль в пучине
Не скрывался ведь донине
От меня еще живой,
И всегда его косою,
Где б он ни был, я поддену.
Так помогут ли тут стены.
Подземелья, бастион,
Вечной стражи легион?

Не одних мирян лишь грешных
Я косою кошу успешно.
Весь синклит отцов

церковных —

Ваших пастырей духовных —
Пред косою моею дрожит,
От нее не убежит.
И молитвою своею
Не спасутся иереи,
Пусть хоть прячутся в алтарь.
Как смиренный пономарь,
Так и сам святейший папа,
Попадутся к смерти в лапы.
Зачастую прямо в ад
Угодит иной прелат.
Распроститесь кардиналы
С мантией пышною и алой,
А епископ — с очень хитро
Изгибающейся митрой.
Ждет одежда вас одна:
Гробовая пелена.
И проникну, если надо,
В монастырскую ограду.
Инок спрятан, как в ущелье,
За стеною узкой кельи.
Доберуся все равно,
Постучу косою в окно.
Инок добрый не страшится,

Если смерть к нему стучится.
Отрепившись от соблазна,
Просидел он невылазно
В темной келье много лет, —
Так не жаль покинуть свет.
И к предвечному престолу
Он отправится веселый:
Лучше почестей и злата
Получить от бога плату.
За земные совершенства
Рая ждет его блаженство.
Потому-то не смущен,
Он косы внимает звон.
Злой монах — иное дело.
Он подчас осатанело
За обители порог
В полуночный выйдет срок,
И как будто бы для пляса,
Подоткнув бесстыдно рясу,
Сразу прынет на коня
И, сквозь ночь его гоня,
Как стрела, грешить помчится,
И блудить, и веселиться.
Под nocturno мрачной мглой
Я гонюсь за ним с косою.
Но быстрее, чем огонь,
Ошалелый мчится конь.
По дороге я лукаво
Забегаю слева, справа
И отстать могу нередко,
Но в конце концов все ж метко
Поражу его косою.
И отправлен иннок мой,

Где давно ему быть надо:
К черным бесам, в царство ада.

Магистр.

Смерть-голубка, а те пани,
Что сносили истязаний
И мучений череду, —
Не бывать ведь им в аду,
Хоть суди ты их и строго,
Души их — в чести у бога.

Смерть.

Разве в «Житии святых»
Не читал ты сам про них?
Как с жестокости избытком
Этих дев всем лютым пыткам
Подвергали палачи?
Истрепав о них бичи,
Волокли их обнаженных
И железом обожженных
В черный мрак глухих темниц,
И морили там девиц
Жаждой, голодом и холодом.
Но страдалиц этим адом
Не могли они склонить
Божьей вере изменить.
Эта стойкость, эта сила
Самое меня пленила.
Право, дивно: без стенанья
Претерпеть все истязанья.

.

[На этом обрывается польский оригинал. Конец поэмы известен нам из русского перевода XVI в.: магистр спрашивает смерть о страшном суде и втором пришествии, и она рисует ему картину в апокалиптическом стиле и в заключение наставляет его, как ему следует жить, чтобы сподобиться вечного блаженства.]

ПЕСНИ САНДОМИРЯНИНА.

Три песни сандомирянина дошли до нас в рукописи, относящейся к началу XV в. В двух первых песнях автор, «смиранный капеллан из Сандомира», как он сам себя называет, говорит о божьем всемогуществе, о человеческом грехе и о загробной каре. В третьей песне автор рассказывает

о событиях из истории Польши: в 1259 г. татарские полчища напали на Сандомир, сожгли его, перебили множество жителей, остальных увели в плен. В этой песне автор, наверно и сам того не желая, разоблачает тех, кто должен был нести ответственность за судьбу города. Так, король Болеслав, назначив воеводой Петра Кремпу, сам при приближении врага поспешил уехать в Серадз. Малодушный наместник без боя раскрыл перед врагом ворота Сandomира. Декан и каноник отправляются в Рим к «папе милому» Бонифацию VIII, но получают от него вместо помощи отпущение грехов пострадавшему городу «на столько лет вперед, сколько дней в году», как гласила папская булла.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ.

Боже правый, что же стало
С Сандомиром знаменитым!
Рать татарская напала,
От велика и до мала
Сколько люда перебито!

Вражьей злобе нет предела,
Непостижно это мысли, —
И от крови заалела,
И от трупов обмелела,
Стало тесно нашей Висле!

Был поставлен воеводой
Петр из Кремпы в Сандомире:
Быть оплотом для народа,
Защищать его свободу
И заботиться о мире.

Но ошибкой роковою
Был тот выбор Болеслава:
Дрогнул Кремпа пред грозой,
Сандомир отдал без боя
Он татарам на расправу.

Наш декан тогда любимый
Взял каноника с собою,
И они, как пилигримы,
В путь отправились до Рима
Рассказать про горе злое.

Бонифаций, папа милый,
Внял плачевному рассказу;

И страданий наших сила
Папу доброго склонила
Отпустить грехи нам сразу.

«Сандомиру это кара, —
Рассудил наместник бога, —
Эти страшные татары —
Грома божьего удары;
Вы грешили, видно, много.

Так покаемтесь, христьяне,
О господней вспомним муке;
И приняв из божьей длани
Чашу горькую страданий,
Меч возьмем теперь мы в руки.

Из родного дай нам края
Выгнать, боже, супостата;
Дай нам жить, беды не зная,
И татар орда чтоб злая
Не нашла бы к нам возврата».

Этот сказ о страшной яви,
Эту песню лихолетья,
С чистым сердцем, не лукавя,
И к твоей, Исусе, славе
Постарался здесь пропеть я.

Дар мой скромный не отринь,
Слава господу, аминь.

ОТРЫВКИ ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

До нас, к сожалению, дошли только скудные остатки польской народной поэзии средних веков. Это объясняется прежде всего тем, что католическая церковь, усиленно насаждая в Польше латинскую письменность, с пренебрежением и неприязнью относилась к народному творчеству, тем более что в народных творениях подчас громко звучала насмешка над католическим клиром и светскими феодалами, как это явствует из приводимых ниже отрывков. Запись народной сатиры на ксендзов, сделанная в 1414 г., находится в краковской библиотеке. Любопытно отметить, что этот отрывок был обнаружен приложенным к трактату по теологии. Сатира на Стшелецкого дошла до нас в записи 1483 г. (там же). Сатира на сватовство представляет собой фрагмент, реконструированный по нескольким вариантам (один из них в прозе) Александром Брюкнером.

ИЗ НАРОДНОЙ САТИРЫ НА КСЕНДЗОВ.

Когда вы сами, капелланы,
Хотите в рай быть званы,
То не просите столь ретиво,
Чтоб наливал шинкарь вам пиво.

Забойтесь о душе своей,—
Ведь пиво — дьявольский елей.
Пусть не твердит про вас холоп:
«Опять наш нализался поп!»

ИЗ САТИРЫ НА ВОЕВОДУ СТШЕЛЕЦКОГО.

(Перифраз церковного
пасхального песнопения.)

Встал из мертвых наш создатель,
Смертью смерть поправ,
Но Стшелецкий — вор, предатель,
Чтоб он умер и не встал!
Аллилуия! Аллилуия!

ИЗ НАРОДНОЙ САТИРЫ НА СВАТОВСТВО.

Юный хлопец, ты невесту
Не ищи себе на глаз.
Уши, думаю, здесь к месту,
И помогут в самый раз.
Пусть бела и пусть румяна
Панна статная лицом,
Но беда, коль эта панна
С очень длинным языком.

**СЕРБСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЮЖНЫХ СЛАВЯН.

В статье «Песни разных народов» Н. Г. Чернышевский писал: «Не у всех младенствующих народов есть прекрасная и богатая народная поэзия. Чем же обуславливается ее расцвет? Энергиею народной жизни. Только там является богатая народная поэзия, где масса народа (нет надобности прибавлять, что слово народ мы здесь принимаем в смысле нации, племени, говорящего одним языком) волновалась самыми сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события. Такими периодами жизни были у испанцев войны с маврами, у сербов и греков — войны с турками» (Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 295). Слова Н. Г. Чернышевского в полной мере могут быть отнесены также к болгарам, которые на протяжении веков вели героическую борьбу против турецких завоевателей. Эта борьба оставила неизгладимый след в поэтическом творчестве южнославянских народов. Она нашла свое яркое отражение в юнацких (т. е. богатырских) песнях, посвященных злополучной для болгар и сербов битве на Косовом поле (1389 г.), результатом которой явилось падение болгарского царства (1394 г.) и присоединение большей части Сербии к Турции. Из века в век пели народные певцы о героизме, бесстрашии и любви к родине славянских богатырей (царь Лазарь, Милош Обилич и др.), отдавших свою жизнь за свободу отчизны. Их стойкость в борьбе, их пламенный патриотизм не могли не вдохновлять на борьбу с иноземными порабощателями лучших людей Болгарии и Сербии. Из века в век осуждали также народные певцы предателей-феодалов, изменивших на Косовом поле славянскому делу (Вук Бранкович). Н. Г. Чернышевский высоко оценил песни Косовского цикла (две из них, отмеченные великим русским критиком, мы приводим ниже).

С песнями Косовского цикла связан другой обширный южнославянский эпический цикл, героем которого является могучий юнак Кралевич Марко. У Марко (как и у большинства героев Косовского цикла) есть свой исторический прототип. Это «князь, царь или деспот Болгарии», бывший сыном македонского владетеля краля Волкашина (по-сербски — Вукашина). Когда турки направились на Македонию, Марко признал их власть и в Косовской битве принимал участие (как турецкий вассал) на стороне

турок. В 1394 г. он погиб во время похода в Валахию. Трудно сказать, чем мог привлечь исторический Марко народных поэтов. Как бы то ни было, Кралевичу Марко суждено было стать наиболее популярным героем южнославянского эпоса. В народных песнях образ Марко приобрел ряд новых черт. К нему было приурочено множество самых разнообразных легенд, зачастую языческого происхождения. Он оказывается то сыном реки Вардара, то сыном какого-либо фантастического существа (вилы, самовилы, змея). Согласно одной из поэтических версий, Марко — крестьянский сын, чудесным образом приобретший богатырскую силу. Ему верно служит шестикрылый конь Шарко, Шарец или Шаркулия. Служба Марко турецкому султану оказывается роковым следствием отцовского проклятия. При этом Марко отнюдь не изображается как покорный вассал повелителя правоверных. Ему ничего не стоит в порыве гнева убить султанова визиря или нагнать страху на самого султана. Дерзкий юношеский задор — отличительная черта характера Марко. Он всегда готов вступить за обиженного и угнетенного, честного бедняка предпочесть высокомерному феодалу, прийти на помощь людям, изнывающим от произвола иноплеменных насильников. Во всем этом проявляется глубокая народность образа Кралевица Марко, который и в сербских, и в болгарских песнях выступает в качестве борца за справедливость, непримиримого врага турецкого деспотизма и тирании власть имущих.

Наряду с многочисленными юнацкими песнями (т. е. богатырским героическим эпосом) у южных славян есть еще песни сказочного содержания, сохранившие отзвуки древнейших языческих верований, песни лирические (так называемые женские песни), обрядовые, овчарские (пастушеские), потешные и др. Особой разновидностью юнацких песен являются гайдуцкие (хайдутские) песни, воспевающие героическую борьбу народных мстителей гайдуков против невыносимого гнета турок и их приспешников. Эта борьба приняла особенно широкий размах с XVI в., когда в период упадка турецкого государства на Балканском полуострове воцарился полный произвол, когда правительственные чиновники и солдаты (янычары) превратились в банду вымогателей и разбойников, посягавших на честь, имущество и самую жизнь местного населения. В связи с этим начиная с XVI в. гайдучество становится главным содержанием южнославянского, преимущественно болгарского, эпоса. Безыменные поэты воспевают подвиги народных мстителей и мстительниц, их ненависть к поработителям и эксплуататорам, их любовь к угнетенной отчизне.

Нет сомнения в том, что южнославянский эпос зародился во времена глубокой древности. Однако на протяжении веков он существовал только в устной форме. Лишь в начале XIX в. Вук Караджич издал сборник сербских народных песен (1814—1815), положивший начало более систематическому собиранию и изучению сербской народной поэзии. К середине XIX в. относятся первые более или менее обширные сборники болгарских народных песен. В отличие от эпоса западноевропейских народов, который угас еще в средние века, южнославянский эпос, подобно русским былинам, продолжал оставаться замечательным памятником живого народного твор-

чества. При этом одной из его характерных особенностей является то, что он не подвергся сколько-нибудь заметным воздействиям со стороны церковной идеологии (в отличие, например, от средневекового французского эпоса, испытавшего довольно сильное влияние христианских воззрений). По словам М. Горького, «религиозных мотивов в русском — и вообще в славянском — эпосе вы найдете очень мало. Можно думать, что славянский эпос меньше засорен влиянием церкви, больше сохранил отзвуков языческой древности» (М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних).

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ.

ВУК КЛЕВЕЩЕТ НА МИЛОША.

Славу славит сербский князь — царь Лазарь,
Во Крушевце, во городе крепком^а.
За столом сидит уж вся господа,
Вся сидит господа с сыновьями:
Старый Юг^б от Лазаря направо,
Рядом с Югом — Юговичей девять;
Слева рядом Вук сидит Бранкович^в.
По порядку гости разместились,
На конце же воевода Милош^г,
Рядом с ним два сербских воеводы:
С ним Иван Косанчич воевода
И Милан Топлица воевода.
Золотой царь кубок поднимает:
Говорит своей господе сербской:
«За кого мне чашу эту выпить?
Если пить за старшинство, то надо
Выпить чашу за Богдана-Юга;
Если пить за знатность рода, надо
Выпить чашу мне за зятя Вука;
Если ж выпить за родство, то надо
Выпить чашу за шурьев мне милых

^а Крушевец — главный город Сербии во времена князя Лазаря.

^б Князь Юг-Богдан — отец княгини Милицы, жены Лазаря.

^в Вук Бранкович — правитель старой Сербии. В народных песнях изображается предателем, изменившим своему народу на Косовом поле. Вук старается оклеветать лучшего сербского богатыря Милоша. Князь Лазарь верит наветам Вука.

^г Милош Обилич — приближенный князя Лазаря, выходец из народа (в противоположность знатному аристократу Вуку). Погиб на Косовом поле, убив турецкого султана Мурада.

Милош Обилич. Стенопись
монастыря Хиландара.

Девять братьев Юговичей
 храбрых;
 Если ж пить за красоту, то надо
 Выпить за Косачича Ивана;
 Если ж пить за рост,
 то прежде надо
 Выпить чашу за Милан Топлицу;
 А когда за храбрость
 и за удаль, —
 Надо выпить чашу за Милоша.
 Не хочу я выпить за другого,
 За Милоша Обилича я выпью.
 Будь здоров, и верный,
 и неверный!
 Прежде верный, а теперь
 неверный!
 Завтра ты на Косове изменишь,
 Перейдешь к турецкому
 султану...
 Будь здоров и выпей
 на здоровье.
 Пей вино, возьми себе и кубок!»
 Тут вскочил на легки ноги
 Милош,
 До земли он черной поклонился:
 «Честь-хвала тебе,
 наш славный Лазарь!
 Честь-хвала тебе и за подарок,
 За одно лишь не скажу
 спасибо...
 Видит бог, клянусь своею верой:
 Никогда изменником я не был,
 Не был им и никогда не буду!
 Завтра в битве на Косовом поле
 За христову веру я погибну.
 А изменник здесь с тобою
 рядом,
 Пьет вино холодное с тобою:
 А проклятый это
 Вук Бранкович!
 Завтра утром Видов день
 настанет^а,

^а Видов день — день св. Вида — 15 июля; в этот день в 1389 г. произошла битва на Косовом поле.

Завтра мы на Косовом увидим,
Кто изменник, кто из нас и верный.
И клянусь я богом всемогущим:
Будет битва на Косовом завтра,
В ней зарежу я царя Мурада,
Наступлю ногой ему на горло.
Если ж бог и счастье мне даруют
Вновь в Крушевец здоровым возвратиться,
Ухвачу изменника я Вука,
Привяжу его к копыту стальному,
Как кудель привязывают к прялке,
И сведу на Косово злодея».

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА.

(Битва на Косовом поле^а.)

Лазарь-царь садится за вечерю,
Рядом с ним жена его Милица.
Говорит Милица: «Царь наш Лазарь,
Золотая сербская корона!
Ты уходишь на Косово завтра,
Забираешь воевод и войско;
Никого со мной не оставляешь.
Лазарь-царь, как я одна останусь,
С кем письмо пошлю я на Косово,
От тебя кто принесет мне вестку?
Ты с собой моих уводишь братьев,
Девять братьев — Юговичей девять,
Заклинаю я тебя: оставь мне
Одного хоть брата на утеху».
И царице отвечает Лазарь:
«Так скажи же мне, моя Милица,
Ты кого из братьев пожелаешь
Здесь на белом на дворе оставить?»
«Ты оставь мне Юговича Бошку».
Отвечает ей на это Лазарь:

^а В битве на Косовом поле сербскую армию возглавлял князь Лазарь. Во главе турецкой рати (в три раза превосходившей силы сербов) стоял султан Мурад. В разгар битвы сербский боярин Милош Обилич проник в лагерь Мурада и убил его. В турецких рядах началось смятение. Однако сыну Мурада Баязиду удалось окружить отряд князя Лазаря. Последний был захвачен в плен и вместе со многими сербскими боярами обезглавлен над трупом Мурада. Стремительный натиск турок и гибель князя Лазаря заставили дрогнуть сербские войска. Битва закончилась победой турок.

«Госпожа моя Милица! Завтра
Над землей лишь белый день настанет,
Только в небе солнце засияет,
И как только ворота откроют, —
Выходи ты к городским воротам.
Проходить тут будет наше войско —
На конях с оружием юнаки^а.
Впереди их милый брат твой Бошко,
И в руках его святое знамя.
Ты скажи ему, что я позволил
Передать кому захочет знамя
И с тобою дома оставаться».
А как утром утро засияло
И открыли только что ворота,
Отправлялась к воротам Милица,
Становилась в городских воротах.
Вот и войско выступает строем,
На конях, с оружием юнаки,
Перед ними брат царицы Бошко.
Весь его наряд осыпан златом,
Оселяет Юговича знамя —
До седла концы его спадают;
Яблоко на знамени златое,
Крест златой над яблоком сияет,
От креста висят золотые кисти,
По плечам раскинулись Бошка.
Бросилась царица, удержала
За узду коня и обхватила
Шею брата белыми руками,
Говорит ему такие речи:
«Дорогой мой брат, Югович Бошко!
Позволяет царь тебе остаться,
Не идти тебе на бой с дружиной.
Не иди ты на Косово поле,
Передай, кому захочешь, знамя
И со мной в Крушевце оставайся.
Не оставь меня одну, молю я».
Но Милице Бошко отвечает:
«Воротись, сестра, в свой белый терем,
Я домой с тобой не ворочусь,
Знамя я не передам другому,
Если б царь мне дал за то Крушевец,
Чтоб о мне дружина не сказала:
«Посмотрите, вон стоит трус Бошко,

^а Юнак — богатырь, герой.

На Косово он идти боится,
Кровь пролить за крест святой до капли,
Положить живот за веру в битве».
И в ворота он коня направил.
Следом едет Юг-Богдан могучий,
А за ним семь Юговичей храбрых.
Едут братья, выстроились рядом,
Ни один не глянет на Милицу.
Ожидает бедная царица.
Вот и Воин, брат ее последний,
За собой ведет цареву лошадь,
Золотой покрытую попоной.
Ухватила за узду Милица,
Шею брата белыми руками
Обнимала, тихо говорила:
«Братец милый, Югович мой Воин:
Посылает царь тебе поклоны,
И тебе царь Лазарь разрешает,
Чтоб коня ты передал другому
И со мною в Крушевце остался.
Не оставь меня одну, молю я».
Так Милице Воин отвечает:
«Воротись, сестра, в свой белый терем!
Никогда юнак не возвращался,
Царский конь в других руках не будет,
Если б даже знал я, что погибну,
А пойду я на Косово поле».
И поехал от сестры в ворота.
Как Милица это увидала,
Она пала на холодный камень,
Пала наземь замертво Милица.
Вот к воротам Лазарь подъезжает.
Как увидел он свою царицу,
Залился горячими слезами,
Посмотрел направо и налево.
Подозвал слугу он Голубана:
«Голубан, слуга любимый, верный!
С лебедя-коня сойди на землю,
Ты возьми царицу в белы руки,
На руках снеси в высокий терем;
Бог тебе простит, что вместе с нами
Ты не будешь на Косовом биться».
Во дворе ты белом оставайся».
Как слуга слышал эти речи,
Залился горячими слезами.
С лебедя-коня сошел на землю,

Взял царицу он на белы руки,
На руках отнес ее в светлицу.
Но он сердце удержать не может,
Что не будет на Косовом поле:
Повернул коня он и поехал
В войско сербов на Косово поле.
А как утром утро засияло,
Ворона два черных прилетали,
Прилетали от Косова поля
И на царском тереме уселись,
А на белу башню они пали —
Черный ворон говорил другому:
«Это ль терем Лазаря владыки?
Что же в нем души живой не видно?»
В терему никто это не слышал,
Только лишь царица услышала,
Из своей светлицы выходила,
Воронам двум черным говорила:
«Ради бога, птицы, расскажите,
Вы откуда утром прилетели?
Не летите ль от Косова поля?
Не видали ль там два сильных войска?
Между ними не было ли битвы?
Чье же войско в битве победило?»
Отвечают вороны Милице:
«Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля.
Там сошлись сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились.
У обоих их цари погибли.
Кое-что осталось от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненные, мертвые остались».
Не успели речь окончить птицы,
Подъезжает тут слуга Милутин:
В левой держит правую он руку,
А на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:
«Что ты, болен, мой слуга Милутин?
Уж не выдал ли царя ты в битве?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги мне слезть с коня, царица,
Освежи меня водой студеной
И умой вином больные раны.
Я от тяжких ран изнемогаю».

Помогла Милутину царица,
И водой она его умыла,
И вином ему отерла раны.
Как вернулись к Милутину силы,
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой?
Где погибли Юговичей девять?
Где погиб наш воевода Милош?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович?
Где погиб и Банович Страхиня?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове остались.
Где погиб наш славный князь — царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких, — только сербских больше.
Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя — князя.
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —
Восемь братьев — все убиты вместе.
Брат не выдал брата дорогого.
Храбрый Бошко был убит последним:
Он носился с знаменем по полю,
Разгонял один он силу турок,
Будто сокол голубей гоняет.
Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиня;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где немало перебил он турок:
Погубил султана он Мурада
И еще двенадцать тысяч турок.
Бог простит грехи его, а вместе
И его родителей: оставил
О себе он память, долго будут
В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле.
Что ж сказать о Вуке? Будь он проклят
И с отцом и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
Изменил на Косове он сербам.
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица».

КТО ЛУЧШИЙ ЮНАК?^а

В Крушевце было в корчме высокой,
Воеводы пили там, гуляли,
А когда вина они напились,
Заводили спор между собою,
Кто юнак меж ними будет лучший?
И решили спяну воеводы:
Лучший будет воевода Янко,
Самый худший — Королевич Марко.
На решение Марко не озвался,
Пьет вино в корчме и пьет спокойно;
Выходил потом во двор корчмы он,
Чтоб и Шарца^б напоить червленим.
А как глянул пред собою Марко
В ровно поле около Крушевца,
А там едет великан какой-то,
На юнацком на коне кауром,
И в руках сосну он с корнем держит,
Тень себе он из ветвей устроил.
Как увидел Королевич Марко,
Возвратился в пьяную корчму он
И сказал так воеводам Марко:
«Юнак едет на Крушевском поле,
Мы такого не видали сроду,
Сюда едет прямо он в Крушевец,
Как придет — скорее все вставайте,
Чтоб уважить силу и юнацтво!»
Воеводы отвечали Марку:
«Не подумаем пред ним вставать мы
Или чашу поднести из чести».
В это время подъезжал Арапин,
На корчму свою опер он елку,
А под ней корчма к земле пригнулась.
Привязал он к воротам гнедого,
И закрыл он за собою двери,
И входил в высокую корчму он.
Все схватились сразу воеводы
И дают Арапу чашу в почесть,
С ними тоже Королевич Марко.
Не вставал лишь Банович Секула,
Не поднес Арапину он чаши.

^а Эта и следующая песнь примыкают к эпическому циклу Кралевица Марко.

^б Шарц — шестикрылый конь Кралевица Марко.

Удивился этому Арапин
И сказал тогда Секуле с сердцем:
«Курвин сын ты, Банович Секула!
Встать не хочешь ты передо мною
И вином меня честить не хочешь?
Так пойдем померяемся в поле».
Так сказал он, из корчмы он вышел,
А за ним идет Секула молча,
Он идет, надеется на дядю:
При нужде ему поможет Янко.
Даже глянуть на Арапа страшно!
Как схватил Арап Секулу в руки,
Стиснул он его за бело горло
И ударил о холодный камень.
Крикнул-пискнул Банович Секула,
Раз он крикнул: «Мать моя, беда мне!»
А другой он: «Помогай мне, Янко!»
Рад Иван помочь ему — да страшно.
Говорил ему Кралевиц Марко:
«Не помогут тебе мать и дядя,
Разве бог да слабосильный Марко!»
Длинную он саблю вынимает,
Снял он ею голову Арапу,
А назад как оглянулся Марко,
А все двадцать воевод бежали,
По Крушеву полю рассыпались,
И вернул их еле-еле Марко.
А когда в корчму они вернулись,
Они сели, пить вино нача́ли;
А как снова спор пошел меж ними, —
Кто юнак меж ними будет лучший?
Все сказали: «Королевиц Марко!»

МАРКО ПАШЕТ.

Пьет вино с старухой Евросимой —
Матерью своей — Кралевиц Марко.
А как оба подкрепили силы,
Стала Марку говорить старуха:
«Сын мой милый, Королевиц Марко!
Ты оставь поездки и походы,
Ведь от зла добра немного будет,
Да и я, старуха, утомилась
Мыть твои кровавые рубашки.
Ты возьми-ка плуг с волами, Марко,

Да паши и горы и долины,
Засевай их белою пшеницей,
Тем и будем мы с тобой кормиться». —
И послушал Евросиму Марко:
Взял он плуг с надежными волами;
Но не пашет горы и долины,
Пашет Марко царскую дорогу.
По дороге едут янычары^а
И везут с собой три воза денег.
Говорят они с укором Марку:
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!» —
«Эй вы, турки, не топчите пашню!» —
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!» —
«Эй вы, турки, не топчите пашню!»
Досадили Марку янычары:
Он схватил волов и плуг, и ими
Он побил турецких янычаров.
Взял себе три воза денег Марко
И отнес их к матери-старухе:
«Вот тебе что выпахал сегодня».

^а *Янычары* — отборное, особо преданное султану войско.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОЛГАРСКИЕ ПЕСНИ.

ЗОЛОТАЯ ЯБЛОНЯ^а.

Отец Георгия умер.
Три ночи плакал Георгий.
Три ночи мать горевала,
Горюя, глаз не смыкала
И думала тайную думу
О сыне Георгии смелом:
Чему бы ей выучить сына,
Чтоб стал он самым счастливым,
Прославленным и богатым.
Когда же заря заалелась
И ясное утро настало,
Пошла к кузнецу-златобою,
Свела к нему малого сына.
Стал день клониться к закату,
Вернулся домой Георгий
И старой матери молвил:
«Не буду ковать запястья,
Купи мне звонкую флейту;
Гегату — кованый посох...
Хочу бродить по нагорьям,
Зеленым лугам и долинам,
Пасти курчавых баранов
И буйволиц круторогих».
Подумала мать, поглядела,
Достала последние деньги,
Купила звонкую флейту,
И, встав на рассвете, Георгий
Погнал деревенское стадо
В густые дубравы, в ущелья,

На мшистые горные кручи,
Туда, где на самой вершине,
Гранитный утес окружая,
Горело смрадное пламя.
На том утесе гранитном,
На камне, от копоты черном,
Змея, извиваясь, шипела
И стала просить юнака:
«Георгий, Георгий смелый,
Скорей протяни мне флейту,
Спаси от огненной смерти».
Георгий змее ответил:
«Нет, флейту не протяну я,
Она коротка и от смерти
Тебе спастись не поможет».
Змея опять зашипела:
«Георгий, Георгий смелый,
Скорей протяни мне гегату —
Железный кованый посох».
И в три кольца обвилася
Змея вкрут железной гегаты,
И спас молодой Георгий
Змею от огненной смерти.
Сказала змея юнаку:
«Ступай, Георгий, за мною,
Уж так и быть, покажу я
Тебе змеиное древо».
И вслед за змеею спасенной
Погнал свое стадо Георгий

^а Песня из цикла сказочных (мифологических) песен.

Болгарский золотой сосуд IX в.

Туда, где змеиное древо,
Где яблоня золотая
Росла на зеленой поляне.
Змея сказала юнаку:
«Чудесное древо это
Три раза в году расцветает,
Три раза плоды приносит.
На ветках не листья —
 червонцы,
Горят, как солнце, дукаты,
А на верхушке литое
Яблоко золотое».
Змее поклонился Георгий,
Взял яблоню золотую,
И подле отцовского дома
Он посадил на рассвете
Змеиное дивное древо.
И трижды в году расцветало,
И трижды плоды приносило
Ему змеиное древо —
Яблоня золотая.
Желтели на ветках червонцы,
Как жар, горели дукаты,
Венчало вершину литое
Яблоко золотое.

И к белому устью Дуная
От бурного Черного моря
Пернатой стрелой полетела
Молва о древе дивном.
И царь прослышал о чуде,
И царь повелел челядинцам
Позвать во дворец его царский
Георгия молодого.
И царь повелел челядинцам
Сказать пастуху-сиротинке,
Чтоб он во дворец явился
Потешить царское сердце
Игрой на пастушеской флейте.
Пришел во дворец Георгий
И, став у резного порога,
Царю поклонился в пояс.
А царь Георгию молвил:
«Георгий, Георгий смелый,
Пастух, сирота безродный,
В деревне своей посадил ты
Змеиное дивное древо,
Ту яблоню золотую,
Что трижды в году расцветает
И трижды плоды приносит.
На ветках не листья —
 червонцы,
Горят, как солнце, дукаты,
А на верхушке литое
Яблоко золотое.
Негоже тебе, селянину,
Владеть невиданным дивом;
Пусть яблоня золотая
Растет средь зеленого сада,
Зеленого царского сада».
Поник головою Георгий,
Заплакал пастух-сиротинка,
В родное село воротился,
Взял яблоню золотую
И посадил среди сада,
Зеленого царского сада.
Прошло, промчалось три года,
А древо сохнет и вянет.
И царь повелел челядинцам
Сыскать пастуха-сиротинку,
Привести перед царские очи
Георгия молодого.

Пришел во дворец Георгий.
И царь, нахмураясь,
 промолвил:
«Георгий, Георгий смелый,
Возьми из царского сада
Яблоню золотую.
Зачахло змеиное древо,
Увяло оно, иссохло,
Владей им, пастух-сиротинка,
Такая судьба тебе выпала».
И смелый юнак Георгий
Ту яблоню золотую
Унес из царского сада

И подле отцовского дома
Опять посадил на рассвете
Змеиное дивное древо.
И сразу расправило ветки,
И сразу покрылось цветами
Змеиное дивное древо,
Яблоня золотая.
И трижды в году расцветало,
И трижды плоды приносило.
На ветках червонцы желтели,
Как жар, дукаты горели,
Вверху сверкало литое
Яблоко золотое.

* * *

Что ты кличешь, черный ворон, и бьешь крылами?¹
Что тебе, черный ворон, не сидится,
Не сидится, черный ворон, на белом камне?
Или голод тебя, черный ворон, терзает,
Или жжет тебя, черный ворон, злая жажда?
Если голод тебя, черный ворон, терзает,
Ты лети, черный ворон, на Косово поле —
Там наешься ты, черный ворон, белого мяса,
Мяса белого, черный ворон, с костей юнацких.
Если жжет тебя, черный ворон, злая жажда,
Ты лети, черный ворон, на Косово поле —
Там напьешься ты, черный ворон, воды студеной,
Там ты выпьешь, черный ворон, юнацкие очи,
Очи черные, черный ворон, мертвые очи.

СМЕРТЬ МАРКО-ЮНАКА⁶.

Загорелась румяная зорька
Над прекрасной Валашской землею.
То не зорька на небо всходила,
Сына Марко родная мать искала.
Трое суток ходит, ищет сына,
Видит вдруг: идет ей навстречу,
Поднимается золотое солнце.
«Будь здорово, золотое солнце!» —
«Мать юнацкая, будь и ты здорова!

¹ Песня из Косовского цикла.

⁶ Песня из цикла Кралевица Марко.

Ты зачем гулять так рано вышла?»
Отвечает мать ему негромко:
«Ой, скажи мне, солнце золотое!
Высоко ты в небе синем ходишь,
Далеко моря и земли видишь,
Не видало ль где ты сына Марка?»
Отвечает ей солнце золотое:
«Мать юнацкая, не ищи ты сына!
Храбрый Марко твой теперь далече.
За горами, за темными лесами
С басурманами лютыми он бился,
Откликались гулким эхом горы,
Содрогались в небе синем звезды,
В этой битве сорок ран кровавых
Нанесли юнаку басурманы.
И лежит он, пострелян и порубан,
Под своим узорчатым чилимом.
А летают над ним орлы степные,
Чуют кровь-руду человечесью.
Славный Марко молвит хищным птицам:
«Здесь, орлы, не найти вам добычи,
Не летайте напрасно надо мною,
Моей крови-руды вы не напьетесь».
А орлы в ответ ему клекочут:
«Марко, Марко! Храбрый витязь Марко!
Не хотим твоей руды мы, крови,
За тебя мы небо молим, Марко,
За твою ли жизнь и здоровье!»
Отвечает Марко вольным птицам:
«Ой, летите, орлы, улетайте
Дальше, дальше, на край белого света.
Напитайтесь вы мясом басурманов,
Черной крови супостатов напейтесь!»

ТУРОК ШЕЛ ЛЕСОМ^а.

Турок шел лесом дремучим,
Гнал пред собой невольниц,
Много рабынь-полонянок,
А среди них шла Тодорка,
И на руках у Тодорки
Сын ее милый — Дамянчик.
Крикнул невольнице турок:

«Слушай, рабыня Тодорка,
Брось своего ты сынишку,
Брось ты Дамянчика-сына,
Маленького воеводу.
Вижу, тебе не по силам
С ношей брести по дороге,
Ну-ка, вперед отправляйся

^а Из юнацких младших песен.

СОВАЛЬ НВЪЗВРАТИСАІ ВАБЫ ПО
 РАЗНЕД ОМЛАБЪДЪБРАЛОНЕТЪ
 ВІ ТЫСЖИШЬ

ЕЩЕ РИЖЛНЫ КСНН РАЗРОУ
 ШНАНЫ КСН. РАЗГНЕКАА

Болгарские воины. Миниатюра. Псалтырь Томича XIV в.

И протопчи мне дорогу
 В мокрой траве, чтобы конь
 мой
 Не замочил в ней копыта
 И от росы не продрог бы». —
 И поспешила Тодорка,
 Мимо деревьев проходит,
 Смотрит она на деревья,
 Ищет, которые лучше,
 Выше других и ветвистей.
 Дуб увидала Тодорка,
 Дуб молодой и ветвистый.
 Пояс сняла свой Тодорка,
 Сделала люльку для сына
 И, положив туда сына,
 Люльку к ветвям привязала,
 Стала качать ее тихо:
 «Баюшки, спи, мой Дамянчик!

Только меня ты и видел,
 Мать-горемыку Тодорку.
 Дождик пройдет над землею —
 Дождит тебя искупает;
 Ветер над лесом повеет —
 Ветер тебя укачает;
 Серна пройдет по тропинке —
 Серна тебя и накормит». —
 С шеи сняла ожерелье,
 В люльку его положила
 И на прощанье сказала:
 «Сын мой, Дамян-воевода!
 Вырастешь, на ноги встанешь,
 Станешь могучим и храбрым,
 Ты обойди все селенья,
 Мать разыщи полонянку,
 Вырви ее из полона
 У басурманов проклятых».

СИРОТКА ГЕНЧО^а.

Полгода минуло Генчо,
И он сиротой остался,
Без батюшки и без матушки.
Как травка в лесу без солнца,
Растет горемыка Генчо.
Никто не согреет лаской,
Никто не накормит кашей,
Никто сироту не учит,
Как поле возделат плугом,
Как дедовский сад лелеять.

Сел Генчо на камень белый,
На камень, поросший мохом,
Среди клисур самодивских^б,
Где дивы живут в пещерах,
Где горные духи бродят.
Сел Генчо на камень белый,
Стал думу тяжкую думать.
Какую избрать дорогу
Ему, сироте-бедняге?
Пахать ли поле чужое?
Водить ли чужих баранов?
Идти ль на поклон к богатым,
Идти ль к чорбаджиям^в алчным?
Два дня он сидел на камне,
На камне белом, горячем,
Поросшем столетним мохом.
Два дня горевал бедняга,
На третий надумал думу.
Такое дело замыслил:
Пойдет он, Генчо, в хайдуки,
Пойдет воевать за правду.
Пойдет он бить басурманов.
Стал Генчо скликать дружину —
Юнаков храбрых и верных,
Что страха в боях не чуют,
Что боли от ран не чуют,
Что смерти злой не боятся.

^а Из хайдутских песен.

^б *Клисура* — ущелье; *самодивы* — сказочные девы (ср. русалок в русском, украинском и белорусском фольклоре).

^в *Чорбаджия* — богач, барин.

И вышел Генчо с дружиной,
С дружиной своей юнацкой,
Гулять на Витош-планину^а,
Ловить чорбаджиев алчных,
Низамов^б ловить свирепых
И бить янычар проклятых.

Лет девять, а может, больше
Гулял по Витош-планине
С лихой дружиною Генчо.
Никто не ведал о Генчо —
Ни злобный паша, ни кадий^в,
Ни царь Салиман в Стамбуле,
Да только прознал про Генчо,
Про Генчо с его дружиной
Проклятый поп из Софии.
Пошел он к паше с наветом.
«Известно ль паше да банам
Про чёту Генчо-войводы?
Известно ль паше, что Генчо
Юнаков собрал в дружину
И барские жжет хоромы?
Известно ль кадиям мудрым,
Что Генчо ловит заптиев^г,
И бьет янычар султанских,
И прячет червонцев груды
В чащобах Витош-планины?
Известно ль паше и банам,
Что Генчо богатства копит?
Не счесть у Генчо сокровищ!
Одних лишь червонцев светлых
С полсотни мешков наберется.
Коль ты войводу поймаешь,
Меня не забудь, владыка.
На бедность мою, на верность
Пожертвуй, паша, червонцев,
Не много возьму, не мало —
Две сотни червонцев звонких».

Услышав навет коварный,
Паша разгорелся гневом.

^а *Планина* — гора, горная цепь.

^б *Низам* — солдат турецкого регулярного войска.

^в *Кадия* — турецкий судья.

^г *Заптие* — турецкий полицейский.

Велел он позвать низамов,
Низамов, заптиев лютых
И янычар кровожадных.
Велел он им собираться
Идти на Витош-планину,
Велел им поймать юнака
И смертью казнить беднягу,
Беднягу-сиротку Генчо.
И грохнули громом пищали,
Блеснули острые сабли.
Немало людей побили
На старой Витош-планине,
В ущельях средь скал замшелых.
Немало побил заптиев,
Заптиев, лютых низамов
Тот Генчо, сиротка бедный.
Два дня он с вратами бился,
На третий был ранен Генчо.

Спустился Генчо с планины,
Пришел он в село Габрово,
Жила там девица Йонка —
Посестра добрая Генчо.
Пришел он, залитый кровью,
Пришел он к Йонке, молвил:
«Ох, Йонка, добрая Йонка!
Мне матерью будь родимой!
Омой мои раны, Йонка,
Лечи мои раны, Йонка,
И если раны залечишь,
Тебя награжу я щедро:
Тебе подарю монисто,
Венец из турецких рупий
Да меру желтых червонцев».
Ответила Йонка тихо:
«Тебе я посестра, Генчо,
Ой, Генчо, хайдук-бедняга!
Твои я вылечу раны,
Лишь ты отрекись навеки
От жизни своей хайдуцкой.
Купи волов себе, Генчо,
И сей, побратим, пшеницу».
И Генчо поклялся Йонке,
Что купит буйволов черных
И землю пахать он будет;
И Генчо поклялся Йонке,

Что саблю навек забудет
И пахарем станет мирным.
Лечила посестра Генчо
Лечила жгучие раны.
Ходила за Генчо Йонка,
Как мать за младенцем ходит.
Кормила его, поила,
Поила, травой лечила.

Однажды под Неготином
В горах загремели ружья;
То сербы снова восстали,
Прогнали папшей и банов,
Прогнали папшей и кадий,
Заптив лютых прогнали
И янычар кровожадных.
Не смог удержаться Генчо:
Схватил со стены кремневку,
Насыпал пороха в сумку,
Привесил к поясу саблю
И крикнул, прощаясь, Йонке:
«Посестра милая Йонка!
Юнаку не жить без боя,
Не дело ходить за плугом
Тому, кто рожден юнаком,
Не дело сеять пшеницу
Тому, кто бился за волку!»

И к Велко-хайдуку Генчо
Направил свою дорогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о Нибелунгах.

- ¹ В «Песни о Нибелунгах» ничего не говорится о первой встрече Зигфрида с Брюнхильдой (ср. «Сагу о Волсунгах»). Слова Хагена являются одним из немногих указаний на то, что эта часть сюжета была известна автору «Песни».
- ² Строфы 906—915, описывающие приглашение Зигфрида на охоту, опущены.
- ³ Строфы 927—941 и 945—962, описывающие отдельные эпизоды охоты и охотничьи подвиги Зигфрида, в том числе забавный эпизод с медведем, опущены.
- ⁴ Начиная с авантюры XXV нибелунгами в поэме то и дело называют бургундов.
- ⁵ Строфы 1574—1580 рассказывают о том, как Хаген выбросил за борт капеллана, которому морские жены обещали спасенье; бедный попутно благополучно доплывает до берега, и Хаген убеждается в справедливости пророчества.
- ⁶ Дитрих принужден сам доставать доспехи, так как вся его дружина (кроме Хильдебранда) погибла в бою с бургундами.
- ⁷ Хильдебранд попрекает Хагена в том, что он не принял участия в битве франков с Вальтером Аквитанским, с которым был связан побратимством (ср. латинскую поэму X в. «Вальтарий могучая рука»).

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о моем Сиде.

- ¹ Исторические данные «Песни о моем Сиде» несравненно точнее, чем данные «Песни о Роланде», а тем более «Песни о Нибелунгах». Так, из родичей и вассалов Сиды, перечень которых дан в стихах 2015—2025, историческую реальность имеют следующие имена: Альвар Аньес — родственник Сиды, знатный кастильский феодал, неоднократно упоминаемый в грамотах и хрониках, участвовавший во многих походах и погибший в 1114 г. в битве под Сеговией; Пер Бермудос несколько раз упоминается в грамотах времен Сиды; Мартин Муньос — современник Сиды, алгуасил португальского города Монте-Майор, позднее граф Коимбры, сильно враждовавший с зятем короля графом Ремондом; епископ дон Жероме — Иероним, клюнийский монах из Перигора, приехал из Франции в 1098 г. в свите архиепископа толедского, в 1098 г. был избран в епископы; пребывание его в Валенсии — исторический факт; Алвар Сальвадорес — современник Сиды, младший брат графа Гонсальво Сольватореса, живший при королевском дворе; его имя стоит среди имен свидетелей в брачном контракте Сиды; Альвар Альварес упоминается в брачном контракте Сиды в качестве его племянника; Муньо Густиос — свояк Сиды, имя его встречается в семейных документах Сиды. Ср. также ниже, примечание 9.

- ² Подчеркивая нищету Сиды, «Песнь» показывает лживость возведенного на него обвинения (стихи 110—112).
- ³ В монастыре Сан-Педро де Карденья были похоронены Сид и Химена и хранился ряд реликвий Сиды.
- ⁴ Стихи 853—882 пропущены; в них повествуется о продаже Сидом захваченного Алькосера и дальнейшем его походе.
- ⁵ Стихи 1694—1720 — описание первой стычки — опущены.
- ⁶ Знатный род графов Каррионских, обладавших обширными землями, не вымышлен; не вымышлены даже имена «инфантов Каррионских» — во времена Сиды эти имена носили два младших представителя рода.
- ⁷ В ответе послов опущено сообщение о сватовстве инфантов де Каррион.
- ⁸ Гарсиа Ордоньес и Альвар Диас — исторические личности, современники Сиды. Первый — знатный вельможа, породнившийся с королем наваррским и леонским, воспитатель королевского сына и начальник королевских войск; его подпись имеется на брачном контракте Сиды, но предание о вражде этих двух вельмож все же может иметь под собой историческую почву. Второй, имя которого встречается в грамотах, свояк Гарсиа Ордоньеса.
- ⁹ Дочерей с такими именами у Сиды вообще не было; его дочери назывались Христиной и Марией, и через них Сид породнился с королевскими домами Наварры и Арагона. Но предание, как мы видим, изменяет социальное положение Сиды, и история трагического брака дочерей его служит основой для развертывания социального конфликта.
- ¹⁰ Граф Энрике и граф Рамон — исторические личности, современники Сиды, знатные вельможи. Граф Энрике — Генрих Бургундский, родственник французского и испанского (леонского) королей, граф Португалии и Коимбры. Граф Рамон — Раймонд Бургунский, зять короля Альфонса VI.
- ¹¹ Раймунд Беренгер — граф Барселонский, Раймунд Беренгер Старший; здесь «Песнь» ошибочно называет отца вместо сына — Беренгера Братоубийцы, дважды сражавшегося с Сидом и дважды им разбитого. Хроники сохранили ругательную переписку Сиды с этим вельможей.
- ¹² Об этом оскорблении графа Гарсиа при взятии его в плен Сидом древнейшие хроники ничего не знают.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новеллино, или Сто древних повестей.

- ¹ Новелла XVII — сюжет восточного происхождения, получивший в западноевропейской литературе особую популярность как эпизод романа о «Варлааме и Иосафате».
- ² Новелла LIV — сюжет разрабатывается и во французском фавлье.
- ³ Новелла LXXII — сюжет разработан впоследствии в «Декамероне» Боккаччо (новелла вторая первого дня) и использована Лессингом в «Натане Мудром».

Новая жизнь.

- ¹ Сравнение памяти с книгой принадлежит к числу довольно распространенных метафор не только в поэзии самого Данте, но и в средневековой поэзии вообще.
- ² Символика чисел, в частности чисел, кратных девяти, характерна для Данте и в «Vita nova», и в «Божественной комедии».

- 3 Данте, как и другие средневековые ученые, строит свои представления о солнечной системе согласно Птолемею: в центре мира для него находится неподвижная Земля, вокруг которой вращаются девять небесных сфер — сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, звезд и приводящая остальные сферы в движение сфера хрустального неба. Над последней находится неподвижный эмпирей — место пребывания божества.
- 4 Звездное небо перемещается с запада на восток на один градус каждые сто лет; $\frac{1}{12}$ градуса — 8 лет 4 месяца.
- 5 Здесь и далее Данте следует учению Фомы Аквинского, восходящему в основном к Аристотелю: человеческая душа образуется взаимодействием трех сил — духа жизни, природного духа и духа душевного. Первый обретается в сердце, второй — в мозгу, третий — в желудке.
- 6 Стих из «Илиады» Гомера («Он казался сыном не смертного человека, но бога» — о Гекторе) мог быть известен Данте только по латинским переводам, так как Данте не знал греческого языка; этот стих цитируется в «Этике» Аристотеля, латинский перевод которой был хорошо известен средневековью.
- 7 Образ любви — *Amore* — у поэтов *dolce stil nuovo* не имеет ничего общего с образом Амура позднейших эпох; он изображается не шаловливым дитятей с крылышками, а созревшим юношей, полным силы и величия. Цвет огня — цвет Амора.
- 8 В опущенных нами главах V—XVIII Данте рассказывает о других видениях. В первом *Amore* дает ему совет скрыть мнимой любовью к другим доннам свою истинную любовь. Последовав слишком усердно этому совету (ср. сонет, приведенный выше), поэт навлек на себя немилость Беатриче, которая отказала ему в поклоне. Тогда в третьем видении *Amore* приказывает поэту поведать в стихах о своей любви к Беатриче. Следующие главы изображают дальнейшие перипетии любви Данте к Беатриче; ее насмешливое равнодушие вызывает ряд поэтических жалоб Данте, но не препятствует ему прославлять ее.
- 9 В этих строках исследователи видят первое указание Данте на замысел «Божественной комедии».
- 10 Подлый — в системе воззрений *dolce stil nuovo* — отнюдь не связан с социальными отношениями, но со способностью или неспособностью человека возвыситься до истинного понимания любви и служения ей.
- 11 Опущена глава XXII, где повествуется о смерти отца Беатриче и приводятся посвященные этому событию сонеты.
- 12 В отношении скорби природы при смерти Беатриче широко использованы образы евангелия и «Апокалипсиса».
- 13 Опущены главы XXVIII—XXX, посвященные сложной символике чисел, наличествующих в дате смерти Беатриче.
- 14 В дальнейшем мы приводим ряд стихотворений на смерть Беатриче без прозаического комментария.
- 15 Заключительный сонет XXV и следующая за ним прозаическая глава образуют как бы переход к «Божественной комедии».

СТИХОТВОРЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА И ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ.

- 1 Стихотворения, связанные с поэзией «Нового сладостного стиля», но не вошедшие в «Новую жизнь».
- 2 *Чино да Пистойа* (род. ок. 1270—1275 — умер в 1336 или 1337 г.) — друг Данте, поэт, юрист и политический деятель. Сонет написан, видимо, в 1304 или 1306 г.

- ³ Написанный в 1311 или в 1312 г., сонет направлен против папы Климента V, неприязненно относившегося к императору Генриху VII, и покровителя папы французского короля Филиппа IV Красивого, названного поэтом «великим тираном».
- ⁴ Секстина примыкает к циклу «стихов о каменной даме», посвященных жестокосердной красавице Мадонне Пьетре (Пьетра — камень). Стихотворение состоит из 6 станц, связанных 6 словами-рифмами, среди которых 6 раз повторяется слово «камень».

Пир.

- ¹ Тракта́т «Пир», оставшийся незаконченным (1303—1306 гг.), представляет собой обстоятельный комментарий к трем канцонам, принадлежащим перу Данте. Место прекрасной дамы занимает в них Мадонна (госпожа) философия. Под «широм» автор подразумевает пиршество мудрости.
- ² Речь идет о провансальском языке, в котором русскому «да» соответствует «ос» (по-итальянски *si*).
- ³ Если средневековый богослов Фома Аквинский (1225—1274) утверждал, что «ни одному сочинению, написанному людьми, нельзя приписать иного значения, кроме буквального», то Данте, нарушая схоластическую традицию, обращает многомысленное толкование не только к священному писанию, но и к своим собственным поэтическим произведениям.
- ⁴ «Метаморфозы», XI, 1.
- ⁵ *Дама* — Мадонна философия.
- ⁶ Данте полемизирует с Фридрихом II (Швабским).

Письмо.

- ¹ В мае 1315 г. правительство Флорентийской республики, состоявшее из черных гвельфов, объявило амнистию. Однако возвращение на родину было сопряжено с рядом унижительных условий. Изгнанники должны были уплатить штраф, в холщовых рубахах, в бумажных копаках, с зажженными свечами в руках пройти через весь город и принести в храме публичное покаяние. Письмо адресовано Монетто Донати, брату жены Данте.
- ² *Чоло дельи Абати* — известный в то время грабитель и убийца.

Божественная комедия.

- ¹ Средина жизненной дороги — 35 лет; Данте родился в 1265 г., следовательно, он датирует свое видение 1300 годом (время его избрания в приоры — городские старейшины Флоренции). В действительности поэма была написана значительно позже, уже после того, как поэт вместе с другими представителями партии Белых был изгнан правительством Черных из Флоренции (27 января 1302 г.). Таким образом, поэт получает возможность изображать в виде пророчеств все события последующих лет.
- ² «Темный лес» обычно толкуется как аллегорическое изображение жизни, полной заблуждений и терзаемой страстями; однако один стих Чистилища (XIV, 64) дает основание предположить, что «темным лесом» Данте именует политическое состояние Флоренции начала XIV в. С этим согласуется и то, что временем вступления в «темный лес» Данте называет время своего избрания в приоры Флоренции.
- ³ Планета — солнце, в системе Птолемея тоже причисляемое к планетам. См. выше, примечание 3 к «Новой жизни».

- ⁴ Аллегорические образы *Рыси* — Зависти, *Льва* — Властолюбия и *Волчицы* — Корыстолюбия и Распутства становятся у Данте поэтическими символами борющихся сил: Флоренции с ее политическими партиями Белых и Черных (Рысь), Франции и короля ее Карла Валуа (Лев) и Римской курии (Волчица).
- ⁵ Появление Вергилия; его тихий (в подлиннике — охрипший) голос указывает на недостаточное, по мнению поэта, изучение его творений современниками Данте.
- ⁶ *Пес* (в подлиннике *Veltro* — «борзой»). Под Псом, уничтожающим волчицу, Данте, вероятно, разумел монарха (императора), которому, как он верил, удастся умиротворить, объединить и осчастливить Италию.
- ⁷ *Меж войлоком...* — непонятное место.
- ⁸ Стихи 115—129 дают краткий обзор содержания всей поэмы.
- ⁹ По представлению Данте, основным средоточием божественной субстанции является эмпирей — высшее неподвижное небо, которым объаты девять вращающихся небес.
- ¹⁰ Песнь вторая, в которой Вергилий рассеивает сомнения Данте сообщением, что он послан Беатриче, нами опущена.
- ¹¹ Чтобы понять дальнейшее, надо представить себе строение Ада по Данте. Под сводом земли расположена воронкообразная пропасть, состоящая из все более узких кругов и упирающаяся в колодезь, на дне которого терзается Люцифер. Чем ниже круг, тем ужаснее преступления грешников и тем ужаснее их муки.
- ¹² Речь идет об ангелах, уклонившихся от участия в битве во время восстания Люцифера против бога.
- ¹³ Среди отверженных и трусов, заполняющих этот величайший круг ада, Данте находит и своих товарищей по партии, уклонившихся от поддержки ее в трудное время, как Торреджано деи Черки, бывшего сторонника Белых.
- ¹⁴ Вероятно, это папа Целестин V, избранный в 1294 г. и через несколько месяцев сложивший с себя папство, не имея сил противостоять пропискам будущего папы Бонифация VIII.
- ¹⁵ Стихи 1—66, изображающие темную часть Лимба, где пребывают язычники добродетельные, но неизвестные, нами опущены.
- ¹⁶ Начало песни, изображающее судилище Миноса, опущено.
- ¹⁷ Герои Троянской войны трактуются Данте в духе средневековых обработок этого сюжета, восходящих к позднелатинским и византийским их обработкам: об этом особенно свидетельствует трактовка образа Ахилла. В средневековых обработках сюжета о Троянской войне значительное место занимает история любви Ахилла, лучшего бойца ахейян, к дочери Приама и сестре Гектора и Париса — троянской царевне Поликсене. Плененный ею Ахилл готов заключить мир с троянцами, но прочие вожди ахейцев настаивают на продолжении войны; в последовавших битвах Ахилл убивает брата Поликсены, Гектора, и гибнет сам от руки Париса, воспользовавшегося любовью Ахилла к Поликсене, чтобы заманить его в засаду.
- ¹⁸ Эта чета — Паоло и Франческа да Римини, трагическая гибель которых (в 1289 г.) была еще свежа в памяти современников. Боккаччо в своем комментарии к Дантовой поэме так рассказывает трагическую историю Франчески да Римини. «...Она была дочерью мессера Гвидо де Полента, властителя Равенны и Червии, и после того как тянулась долгая и убыточная война между ним и властителем Римини — мессером Малатеста, случилось, что при посредничестве некоторых лиц между ними был улажен и установлен мир. Для того же, чтобы мир имел больше крепости, показалось удобным обоим сторонам породниться и тем закрепить его. Породниться же можно было так: мессер

Гвидо должен был отдать свою юную и прекрасную дочь, по имени мадонна Франческа, в супруги Джанчотто, сыну мессера Малатеста. Когда же об этом стало известно некоторым из друзей мессера Гвидо, сказал один из них мессеру Гвидо: «Остерегитесь, ибо, ежели вы не примете каких-либо мер, как бы от этого родства не пришла к вам дурная слава. Вы должны знать вашу дочь, и постоянного ли она права, а ежели она увидит Джанчотто до того, как завершен будет брачный обряд, то ни вы и никто другой не заставите ее захотеть его в мужья; а потому, ежели будет вам угодно, по мне надлежит держаться вот какого способа: пусть не приезжает Джанчотто венчаться с нею, но пусть прибудет один из братьев его, который, как прокуратор, от имени Джанчотто совершит свадебный обряд». А был Джанчотто человеком весьма проникательным и должен был по смерти отца остаться сеньором, и по той причине, хотя он был гнусен обличием и хром, желал его мессер Гвидо в зятя больше, чем кого-либо из его братьев. И размыслив, что может случиться то, о чем рассуждал друг его, мессер Гвидо приказал поступить так, как друг ему советовал. Посему в подобающее время прибыл в Равенну Паоло, брат Джанчотто, с полномочием повенчаться с мадонной Франческой. Был же Паоло прекрасен собой и любезный человек, и весьма воспитанный; и когда он проходил с другими знатыми юношами по двору жилища мессера Гвидо, случилось, что одна из дам, знавшая его, указала его из окна мадонне Франческе, говоря: «Вот тот, кто должен стать вашим мужем». И так и думала эта добрая женщина, а мадонна Франческа тотчас же обратила к нему помышления свои и любовь свою. И была пышно сыграна свадьба, и отправилась дама в Римини, не подозревая обмана, который открылся лишь на утро после брачной ночи, когда она увидела рядом с собой Джанчотто. Принужденная думать, что он заманил ее обманом, она возненавидела его и посему не изгнала из помыслов своих любви, уже обращенной к Паоло. С ним она и соединилась...

...Так Паоло и мадонна Франческа пребывали в близости, а Джанчотто отъехал в соседние земли подестой; и они без всяких подозрений проводили вместе время. И заметил это один из слуг Джанчотто, отправился к нему и рассказал все, что он знал об этом деле, обещая, ежели ему будет угодно, показать их ему и захватить на месте. Взбешенный Джанчотто тайно вернулся в Римини, и слуга его, увидев, что Паоло вошел в горницу мадонны Франчески, провел его к двери горницы, в которую он не смог взойти; ибо заперта она была изнутри. Он в гневе стал звать даму и бить ногой в дверь; по голосу мадонна Франческа и Паоло узнали его, и Паоло попытался быстро скрыться через потайную дверь, говоря даме, чтобы она пошла открыть мужу. Но не вышло так, как он рассчитывал; ибо, когда он бросился прочь, складка платья его зацепилась за железо, торчащее в дереве потайной двери; а дама уже открыла дверь Джанчотто, полагая, что он теперь не найдет Паоло. Джанчотто вошел внутрь — и тотчас же он увидел Паоло, удерживаемого складкой платья, и бросился со шпагой в руке убить его; а дама, заметив это, кинулась еще быстрее и бросилась между Паоло и Джанчотто, уже занесшим на того руку со шпагой, и так подставила себя под удар; и случилось то, чего тот не хотел, — что шпага, которую направлял он в Паоло, сперва вошла в грудь дамы. Приведенный в смятение Джанчотто — ибо больше самого себя любил он даму — вытащил шпагу, снова нанес удар Паоло и убил его; и, оставив их обоих мертвыми, внезапно удалился и вернулся к своим делам. Оба же любовника были с великим плачем погребены на следующее утро в общей могиле».

¹⁹ Опущены песни шестая—девятая, в которых описываются круг третий (обжор и чревоугодников), круг четвертый (скупцов и расточите-

- лей), круг пятый (гневных и завистников), круг шестой (ересиархов и еретиков). В круге шестом и застаем мы поэта в песне десятой.
- 20 В политических расприх Флоренции XII в. род Данте был сторонником гвельфов.
- 21 Во Флоренции гибеллины громили гвельфов дважды — в 1248 и в 1260 гг. В 1265 г. гибеллины, принужденные пойти на некоторые уступки, вернули гвельфов во Флоренцию. Пользуясь поддержкой короля Карла Анжуйского, гвельфы в 1267 г. изгнали гибеллинов.
- 22 Род Уберти всегда исключался из списков изгнанников, которым разрешалось вернуться во Флоренцию.
- 23 Пятьдесят лунных месяцев, т. е. 4 года 2 месяца. Срок, названный Фаринатой, доставляет затруднение комментаторам: видение «Божественной комедии» отнесено поэтом к 1300 г., изгнан же Данте из Флоренции был в 1302 г. Между тем срок, указанный Фаринатой, приходится на 1304 г.; возможно, что этот год отмечен Данте как год окончательного разрыва его с партией Белых и тем самым утраты всякой возможности вернуться во Флоренцию.
- 24 После разгрома гвельфов у Арбии гибеллины, по предложению графа Джордано, представлявшего в Тоскане короля Манфреда, организовали совещание в Эмполи; на нем все гибеллины требовали уничтожения Флоренции и срытия ее башен; «но мессер Фарината воспротивился сему с таким мужеством и силой, что защитил ее ото всех, и граф согласился с ним» (Боккаччо).
- 25 По мнению комментаторов, Данте следует здесь учению Фомы Аквинского о том, что грешникам доступно лишь общее и отвлеченное, но не конкретно существующее, индивидуальное.
- 26 Опущена песнь одиннадцатая, где изображено наказание папы Анастасия II (конец V в.), заподозренного в ереси. Пройдя шестой круг еретиков, Данте спускается в седьмой круг, где терзаются тираны и убийцы в потоках пролитой ими крови.
- 27 Опущены песни тринадцатая—восемнадцатая, изображающие прохождение Данте через остальные кольца седьмого круга — круга насильников — и через первые ямы восьмого круга, где терзаются сводники и лстецы. Песнь девятнадцатая рисует третью яму восьмого круга — казнь симонистов. Имя Симона-волхва, пытавшегося за плату получить от апостолов их чудесную силу (Деяния апостольские, VIII, 18—20), становится символическим обозначением продажи духовных должностей и других форм взяточничества духовенства.
- 28 По объяснению комментаторов, Данте, в бытность свою приором Флоренции, собственноручно разбил топором одну из этих крестильных ям, в которую упал во время игры ребенок; за это враги Данте обвиняли его в нечестии.
- 29 Во времена Данте убийц зарывали головой вниз живьем в землю; эта ужасная казнь называлась *procapitate*.
- 30 Опущены песни двадцатая—двадцать пятая, изображающие те из ям восьмого круга, в которых терпят наказание волхвы и чародеи, менялы, лицемеры, казнокрады. В приводимых далее (в отрывках) песнях двадцать шестой и двадцать восьмой рисуются ямы восьмая восьмого круга, где терпят казнь злые советчики, и девятая, где караются подстрекатели гражданских войн.
- 31 Здесь Данте перечисляет пять величайших войн, опустошавших Италию со времен римлян до начала XIV в. Это: 1) кровопролитные войны в Апулии до начала пунических войн, особенно избиение двух тысяч апулийцев консулом Публием Децием Мусом в 455 г. до н. э.; 2) вторая пуническая война, продолжавшаяся 17 лет; здесь намечается особенно на битву при Каннах, в Апулии, где было убито 50 тыс. римлян, так что Ганнибал отправил в Карфаген три меры колец, снятых с

- убитых римских всадников; 3) войны Робера Гискара; 4) война Карла Анжуйского с Манфредом. Поражение Манфреда произошло при Чеперано, на границе Кампании, благодаря измене апулийцев. Эта измена апулийцев повлекла за собой гибельную битву при Беневенто, где Манфред был побежден и убит; 5) война того же Карла с Конрадином. Победе Карла над юным Конрадином помог только что возвратившийся из Палестины старый французский рыцарь Алар де Валери, давший совет Карлу напасть на неприятеля в ту минуту, когда войны, разбив часть его войск, займутся грабежом.
- ³² Опущены песни двадцать девятая — тридцать первая, в которых заканчивается описание восьмого круга — ям, в которых терзаются поддельватели. В тридцать второй песне Данте вступает в низший — девятый — круг, в котором терзаются изменники.
- ³³ Эпизод из «Фиваиды» Стация, вошедший и в ее средневековые разработки. Тидей, один из семи царей, осаждавших Фивы, был смертельно ранен Меналипом и в свою очередь смертельно ранил его; чувствуя приближение смерти, он приказал отрубить голову трупу и стал с яростью грызть ее. Тогда покровительствовавшая Тидею Афина Паллада в ужасе удалась от него.
- ³⁴ Уголино делла Герардеска, граф Донаратико, связанный родственными узами с фамилией Висконти, был вождем гвельфов Пизы; однако, несмотря на это, несколько раз жертвовал интересами партии и города ради своих личных выгод; в 1288 г. пизанские гвельфы были разгромлены гибеллинами, во главе которых стоял архиепископ Пизы Руджиери делли Убальдини.
- ³⁵ То есть Италии. В трактате «De vulgari eloquio» Данте отмечает наличие «трех наречий в романском языке: ибо одни народы, утверждая, говорят «нос», другие «oil», третьи «si», это испанцы, французы и итальянцы».
- ³⁶ Различие цвета трех лиц Люцифера подвергалось символическим толкованиям; так, в красном лике видели образ гнева, в желтом — зависти, в черном — праздности. Самое представление о тричности дьявольского лика, безусловно, навеяно учением церкви о тричности божества.
- ³⁷ Данте мыслит божественное начало как источник мирового движения (первый двигатель) и как проникающую весь мир субстанцию. Эта концепция в общем согласуется с учением схоластики. Различна степень восприимчивости вещей к божественному началу. «Простейшая субстанция, каковая есть бог, — пишет Данте в «De vulgari eloquio», — в человеке более отзывается, чем в животном; в животном, чем в растении; в растении, чем в минерале; в минерале, чем в огне; в огне, чем в земле».
- ³⁸ Характерное включение образа античной мифологии.
- ³⁹ Здесь Данте отождествляет божественное начало, движущее мир, с любовью.
- ⁴⁰ Аланец, т. е. папа Бонифаций VIII, уроженец Аланьи (Ананьи). Так острым политическим выпадом завершает Данте свое странствование по высам богословской схоластики: проклятье Клименту V — последнее слово, вложенное им в уста Беатриче.
- ⁴¹ Данте ссылается на миф о походе аргонавтов. Двадцать пять веков от похода аргонавтов до видения «Божественной комедии» исчисляются следующим образом: от похода аргонавтов до разрушения Трои — 42 года; от разрушения Трои до построения Рима — 431 год; от построения Рима до рождения Христова — 750 лет; от рождения Христова до видения Данте — 1300 лет. Всего 2523 года.
- ⁴² Три круга — первоисточники света — символизируют христианское учение о тричности божества.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Беовульф.

- ¹ Имена действующих лиц эпоса частью засвидетельствованы в исторических хрониках, скандинавских и континентальных, и в северных сагах. Так, имена датских королей (Хеальфдена, его сына Хротгара и ряд других) встречаются в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика; в «Истории франков» Григория Турского и в других франкских хрониках рассказывается о неудачном набеге Хигелака на франкские земли по нижнему Рейну около 520 г. Есть ряд попыток найти исторический прообраз Беовульфа, но общего признания эти попытки не получили.

Кентерберийские рассказы.

- ¹ *И по-французски говорила плавно* — очевидно, на том грубоватом англо-норманском языке, который долго сохранялся в Англии как язык двора, суда и монастырей. Язык этот сильно отличался от живого французского (парижского) говора.
- ² *Устав Мавра и Бенедикта* — постановления св. Мавра и св. Бенедикта Нурсийского, основателя ордена бенедиктинцев (V—VI вв.), были старейшими монастырскими уставами католической церкви. Здесь мы имеем косвенное указание на то, что перед нами сановный монах-бенедиктинец в отличие от кармелита, монаха нищенствующего ордена. Почти каждая деталь в описании образа жизни и одежды бенедиктинца (охота, пирушки, дорогой мех, золотая застежка, сапоги, уздечка с колокольчиками и пр.) является вопиющим нарушением не только монастырского устава, но и многочисленных светских постановлений того времени, направленных против роскоши.
- ³ *Кармелит* — представитель одного из четырех орденов нищенствующих монахов (кармелиты, августинцы, францисканцы и доминиканцы). Основанные в середине XII в. и в начале XIII в. в целях религиозной пропаганды среди неимущих слоев, ордена эти в первое время требовали от своих монахов выхода из затвора, подвижнической жизни, отречения от всяких земных благ, помощи прокаженным, нищим и больным. Однако очень скоро, и во всяком случае ко времени Чосера (XIV в.), нищенствующие братья выродились в обычных монахов-тунеядцев, прихлебателей и лентяев, не заглядывавших в городские трущобы и больницы, но ставших завсегдатаями богатых купеческих и дворянских домов.
- ⁴ *Викарий* — здесь: помощник епископа, в частности по дисциплинарным и брачным делам, по вопросам наследования, по вопросам семейного права и всем преступлениям против религии и морали. В Англии эту должность часто занимали так называемые архидиаконы, которых так ненавидели за их вымогательства, что Фома Бекет называл современного ему архидиакона Джеффри Риделя *archidiabolus noster* (наш архидьявол): «Ибо если дьявол крадет душу человека, то архидьявол (архидьякон) крадет его деньги».
- ⁵ *Братство Ронсевала* — странноприемный дом для паломников в Ронсевале (Наварра) — имело в Лондоне отделение (госпиталь Ронсевальской божьей матери), которое, как и все заведения этого рода, торговало всякими реликвиями и индульгенциями.

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ**

Средневековый роман и повесть. Вступ. ст. В. Д. Михайлова. Сер. «Библиотека всемирной литературы». Сер. 1, т. 22. М., 1974.

Поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров, поэзия вагантов. Вступ. ст. Б. И. Пуришева. «Библиотека всемирной литературы», Сер. 1, т. 23. М., 1974.

«Песнь о Нибелунгах». Пер. М. И. Кудряшова. СПб., 1889; а также в серии «Русская классная библиотека». Под ред. А. Н. Чудинова, сер. 2, вып. 2, СПб., 1896.

«Песнь о Нибелунгах». Пер. Ю. Б. Корнеева. Изд. подготовили В. Г. Адмони, В. М. Жирмунский, Ю. Б. Корнеев, Н. А. Сигал. Л., 1972.

«Гудруна». Пер. Д. Кирпичникова. Харьков, 1874; пер. второй части поэмы («Гильда») Л. Шепелевича. Харьков, 1895.

Садовник Вернер. Крестьянин Гельмбрехт. Изд. подготовила Р. В. Френкель. М., 1971.

«Немецкая старина. Классическая и народная поэзия Германии XI—XVIII веков». Пер. Льва Гинзбурга (Гартман фон Ауэ. «Бедный Генрих», немецкая народная и школярская поэзия). М., 1972.

«Поэма и избранные романсы о Сиде». «Русская классная библиотека». Под ред. А. Н. Чудинова, сер. 2, вып. 5. СПб., 1897.

«Песнь о Сиде», староиспанский героический эпос. Пер. текстов Б. И. Ярхо и Ю. Б. Корнеева. Изд. подготовил А. А. Смирнов. М.—Л., 1959.

«Романсеро». Сост., ред. переводов и посл. Н. Томашевского. М., 1970.

Мануэль Хуан. Граф Луканор. Пер. Д. К. Петрова, ред. перевода Г. В. Степанова, посл. З. И. Плавскина. М.—Л., 1961.

Мэлори Томас. Смерть Артура. М., 1974.

Данте. Новая жизнь. Пер. А. Федорова («Обновленная жизнь»). СПб., 1895; пер. М. Ливеровской. Самара, 1918; пер. А. Эфроса, «Academia», 1934; М., 1965.

Данте. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского: «Ад». Л., 1939; «Чистилище». М., 1944; «Рай». М., 1945 и др. изд. (лучший перевод).

Данте Алигьери. Малые произведения. Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968 (в том числе «Новая жизнь» в пер. И. Н. Голенищева-Кутузова).

Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского, изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968.

Ленгленд У. Видение о Петре-Пахаре. Пер. Д. М. Петрушевского. М.—Л., 1941.

Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Пер. И. А. Кашкина и О. Б. Румера. М., 1946; Сер. «Библиотека всемирной литературы». Сер. 1, т. 30, М., 1973.

«Поэзия славян». Сб. лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. Под ред. Н. В. Гербея. СПб., 1871.

«Сербские народные песни из сборника Караджича». М., 1885.

«Избранные юнацкие песни сербского народа». «Русская классная библиотека». Под ред. А. Н. Чудинова, сер. 2, вып. 27. СПб., 1904.

«Сербский эпос». Пер. Н. М. Гальковского, изд. Сабашниковых. М., 1916.

«Сербский эпос». Пер. Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова. М.—Л., 1933.

«Сербский эпос». Сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Кравцова, пер. под ред. М. А. Зенкевича, тт. 1—2. М., 1960.

«Болгарские народные песни, собранные А. Каравеловым». М., 1905.

«Болгарские хайдутские песни». Пер. И. М. Шептунова («Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян»). М., 1951, стр. 251—290.

«Болгарская народная поэзия». Избр. произв. Сост. Шептунов. М., 1953.

«Югославские народные песни». Пер. П. Эрастова, под ред. М. Зенкевича. М., 1956.

«Эпос славянских народов». Хрестоматия под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАКЛИНАНИЯ

Первое Мерзебургское заклинание (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	9
Второе Мерзебургское заклинание (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	—
Песнь о Хильдебранде (пер. и вступ. ст. <i>Т. Сулиной</i>)	10
Песнь о Людвиге (пер. и вступ. ст. <i>Т. Сулиной</i>)	14
Вессобрунская молитва (пер. и вступ. ст. <i>Т. Сулиной</i>)	16

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Песнь о Нибелунгах (пер. <i>Ю. Корнеева</i>)	17

КУРТУАЗНЫЙ ЭПОС

Гартман фон дер Ауэ. Бедный Генрих (пер. <i>Л. Гинзбурга</i>)	64
Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль (пер. <i>О. Румера</i>)	76
Готфрид Страсбургский. Тристан и Изольда (пер. <i>О. Румера</i>)	80

МИННЕЗАНГ

Kume, kum, geselle min... (пер. <i>Р. Шор</i>)	87
Du bist min, ich bin din (пер. <i>Р. Шор</i>)	—
Кюренбергер. I—II (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	88
Дитмар фон Айст. «Спишь ли, мой друг...» (пер. <i>М. Шор</i>)	—
«Бедняжка среди луга...» (пер. <i>О. Румера</i>)	89
Генрих фон Фельдеке. «Уже не первый год...» (пер. <i>Р. Шор</i>)	—
«Королеве верен был...» (пер. <i>О. Румера</i>)	90
Фридрих фон Хаузен. «Ах, плоть и сердце спорят...» (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	91
Генрих фон Морунген. «Увы, еще когда-нибудь...» (пер. <i>О. Румера</i>)	—
Рейнмар Старый. «Когда ее узрел...» (пер. <i>О. Румера</i>)	92
Гартман фон дер Ауэ. «Друзья мне часто говорят...» (пер. <i>О. Румера</i>)	—
Вальтер фон дер Фогельвейде. I—IV (пер. <i>О. Румера</i>), V (пер. <i>И. Иванова</i>), VI—VII (пер. <i>О. Румера</i>)	94
Вольфрам фон Эшенбах. «Прорвав когтями густое покрывало тучи» (пер. <i>О. Румера</i>)	98
Нейдгарг фон Рейенталь. «Май, окруженный славой...» (пер. <i>О. Румера</i>)	99
Готфрид фон Нейфен. «Все-то лето напролет...» (пер. <i>О. Румера</i>)	100

ЛИТЕРАТУРА ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ

Штрикер. Поп Амис (пер. <i>М. Замаховской</i>)	100
Фрейданк. Из книги «Разумение» (пер. <i>М. Замаховской</i>)	106
Вернер Садовник. Крестянин Гельмбрехт (пер. <i>Р. Френкель</i>)	111

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Песнь о моем Сиде (пер. <i>Б. Ярхо</i> , переработанный <i>Ю. Корнеевым</i> и <i>А. Смирновым</i>)	121
Родриго (пер. <i>Б. Ярхо</i>)	152

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА XIV В.

Хуан Руис. Книга о хорошей любви (пер. А. Сиповича)	156
Хуан Мануэль. Граф Луканор, или мудрость Патронио (пер. А. Сиповича)	164

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗАИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА XIII В.

Новеллино, или Сто древних повестей (пер. Р. Шор)	175

ЛИРИКА «НОВОГО СЛАДОСТНОГО СТИЛЯ»

Гвидо Кавальканти. Сонеты (пер. О. Румера)	178

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Новая жизнь (пер. И. Голенищева-Кутузова)	181

СТИХОТВОРЕНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА

Сонеты

Данте — к Гвидо Кавальканти (пер. И. Голенищева-Кутузова)	196
«Я ухажу. Виновнику разлуки...» (пер. Е. Солоновича)	197
Баллата (пер. Е. Солоновича)	—
Станца (пер. Е. Солоновича)	198

СТИХИ ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ

Сонеты

Данте — к Чино да Пистойя (пер. Е. Солоновича)	198
«Недолго мне слезами разразиться...» (пер. Е. Солоновича)	199
Секстина (пер. И. Голенищева-Кутузова)	—
Из трактата «Пир» (пер. прозы А. Габричевского, канцоны — И. Голенищева-Кутузова)	200
Третья канцона	203
Письмо (флорентийскому другу) (пер. И. Голенищева-Кутузова и Е. Солоновича)	205
Божественная комедия (пер. М. Лозинского)	206

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНГЛО-САКСОНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Беовульф (пер. М. Замаховской)	261
Вой под Бруннбургом (пер. Б. Ярхо)	271

ЛЕНГЛЕНД

Видение о Петре-Пахаре (пер. А. Сиповича)	274

ЧОСЕР

Кентерберийские рассказы (пер. И. Кашкина)	285

ТОМАС МЭЛОРИ

Из романа «Смерть Артура» (пер. <i>И. Бернштейн</i>)	310

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ

Барбор. Брюс (пер. <i>Б. Колесникова</i>)	316
Генрисон. Басня о городской и сельской мышах (пер. <i>Б. Колесникова</i>)	321

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА XIV В.

«Деревья оделись листвою...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	329
«Скорби тайной и глубокой...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	330
«Стража зоркая лукава...» (пер. <i>А. Сиповича</i>)	—
Лекарь (пер. <i>А. Сиповича</i>)	331
Смилъ Фляшка. Спор воды с вином (пер. <i>А. Сиповича</i>)	341

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Разговор магистра со смертью (пер. <i>А. Сиповича</i>)	349
Песни сандомирянина (пер. <i>А. Сиповича</i>)	357
Отрывки из сатирической поэзии (пер. <i>А. Сиповича</i>)	359

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Сербские песни

Вук клеветает на Милоша (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	365
Царь Лазарь и царица Милица (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	367
Кто лучший юнак? (пер. <i>Н. Кравцова</i>)	372
Марко пашет (пер. <i>Н. Гальковского</i>)	373

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОЛГАРСКИЕ ПЕСНИ

Золотая яблоня (пер. <i>В. Левики</i>)	377
«Что ты кличешь, черный ворон...» (пер. <i>Э. Ананиашвили</i>)	379
Смерть Марко-юнака (пер. <i>В. Левики</i>)	—
Турок шел лесом (пер. <i>М. Голодного</i>)	380
Сиротка Генчо (пер. под. ред. <i>Е. Книпович</i>)	382
Примечания	386
Средневековая литература в русских переводах	395

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Составитель

Борис Иванович

Пуришев

Редактор *Т. П. Казымова*

Художник *В. П. Богданов*

Технический редактор

И. В. Квасницкая

Корректоры *А. А. Барина*,
В. А. Глебова

Сдано в набор 27/XI 1974 г. Подпи-
сано к печати 30/V 1975 г. 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Печ. л. 25. Уч.-изд.
л. 20,12. Тираж 250 тыс. экз. А 11579.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Просвещение» Госу-
дарственного комитета Совета Мини-
стров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3-й проезд Марьиной
рощи, 41.

Отпечатано с матриц Саратовского
ордена Трудового Красного Знамени
полиграфического комбината Рос-
главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Саратов, ул. Чер-
нышевского, 59 в типографии изд-ва
«Уральский рабочий». Свердловск,
проспект Ленина, 49. Заказ 267.
Цена без переплета 56 к., пере-
плет 24 к.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ